5632

Изданіе Ф. Павленкова.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ И РЕГРЕССЪ

Г. Греефа,

Профессора Общей Соціологіи и Философіи въ новомъ Свободномъ Брюссельскомъ Университетѣ.

Перевелъ съ французскаго

Г. Паперна.

Цѣна 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.
1896.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб. Лештуковъ пер., № 2).

Литература, исторія и законовѣдѣніе.

СОВРЕМЕННАЯ ЖЕНЩИНА. — Ея положеніе въ Ёвропѣ и Америкѣ. Б. Ф. Брандта. Ц. 60 к.

СОЧИНЕНІЯ В. Г. БѢЛИНСКАГО. Полное собр. въ 4 том. Съ портр., факсимиле и снимкомъ съ карт. Наумова. Ц. кажд. тома 1 р. 25 к.

ДУХОВНЫЯ ЗАВѢЩАНІЯ. Какъ ихъ составлять, измѣнять, отмѣнять и т. п. Сост. Я. В. Абрамовъ. Ц. 25 к. (№ 1 Попул.-Юрид. библіотеки).

ЛИТЕРАТУРА XIX ВѢКА ВЪ ЕЯ ГЛАВНЫХЪ ТЕЧЕНІЯХЪ. Г. Брандеса. Съ 13 портретами и вступ. статьей Е. Соловьева. Ц. 2 р.

ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ ВЪ АНГЛІИ. Бокля. Перев. А. Н. Буйницкаго. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Е. А. Соловьева. Ц. 2 р. и 1 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ Д. И. ПИСАРЕВА. Полное собраніе въ 6 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 рубль.

СОЧИНЕНІЯ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА. Полное собраніе въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.—До 1 сентября 1895 г. вышли девять томовъ: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ и Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія ожиданія, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пикквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никльби и три „Святочныхъ" разсказа. 8) Мартинъ Чеззльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. 9) Барнеби Реджъ. Тайна Эдвина Друда и Колокола. 10-й томъ печатается.

СОЧИНЕНІЯ ВИКТОРА ГЮГО. Съ портрет. автора Перев. С. А. Брагинской. Два тома. Ц. 2 р. 50 к.

ГЕРОИ И ГЕРОИЧЕСКОЕ ВЪ ИСТОРІИ. Публичныя бесѣды Томаса Карлейля. Ц. 1 р. 50 к.

ГРЯДУЩАЯ РАСА. Фантастическій романъ. Эд. Бульвера. Перев съ англ. Ц. 50 к.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. И. Карно. Переводъ съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

ЕВРОПЕЙСКІЕ МОНАРХИ И ИХЪ ДВОРЫ. Politicos'a. Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

ЧЕРЕЗЪ СТО ЛѢТЪ. Соціологическій романъ. Э. Беллами. 3-е изд. Ц. 1 р.

ВЪ ТРУЩОБАХЪ АНГЛІИ. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). Бутса. Цѣна 1 руб.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть А. Пушкина. Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перепл. 1 р.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт. 1 р. 50 к Съ 44 картин.—2 р. 50 к. 50 к. За переплеты для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (5 переплетовъ) 1 р. и 2 р.

АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина": 44 иллюстр. съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.

СОЧИНЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунк. Полное собраніе въ одномъ и въ четырехъ томахъ. Ц. 1 р., Въ переплетѣ 1 томное изданіе—1 р. 40 к., и 2 р. 4-хъ томное въ двухъ переплетахъ—1 р. 50 к. и 2 р.

120 РИСУНКОВЪ КЪ ЛЕРМОНТОВУ. Художественный альбомъ М. Е. Малышева. Ц. въ папкѣ 50 к.

ЗАБОТА. Романъ Г. Зудермана. Перев. съ 14 нѣм. изд. Ц. 60 к.

ДО ПОТОПА. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. Рони. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

ГОЛОДЪ. Романъ Гамсуна. Ц. 60 к.

СЧАСТЬЕ и ТРУДЪ. Мантегацца. 2 изд. Ц. 50 к.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ. Хрестоматія для старшихъ клас. гимназій и книга для домаш. чтенія. А. Цвѣткова. Съ 72 портретами и біографич. словаремъ. Ц. 3 р., въ пер. 3 р. 75 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ И. Н. ПОТАПЕНКО. Десять томовъ. Цѣна каждаго—1 р. Переплеты для 2 томовъ вмѣстѣ по 75 к.

ВЫРОЖДЕНІЕ. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. Макса Нордау. 585 стр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

ПОДЪ МАСКОЙ БЛАГОЧЕСТІЯ. (Преступленія и оргіи папъ). Истор. романъ. Постери. Ц. 1 р.

КОНЕЦЪ МІРА. Астроном. романъ. К. Фламмаріона. Съ 80 рисунками. Ц. 60 к.

ВЪ НЕБЕСАХЪ. (Uranie). Астрономическій романъ. К. Фламмаріона. Съ 89 рис. 2-е изд. 75 к.

ИСТОРІЯ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (1848—1892) А. М. Скабичевскаго. 2 изд. Ц. 2 р.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ. А. М. Скабичевскаго. Ц. 2 р.

СОЧИНЕНІЯ ГЛѢБА УСПЕНСКАГО. 3 изд. Цѣна за два тома — 3 р.

ЕГО-ЖЕ. Томъ 3-й. Цѣна 1 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ Ѳ. М. РѢШЕТНИКОВА. Въ 2 больш. томахъ. Ц. 2 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО. Критическіе очерки, публицистическіе этюды, литературныя характеристики. 2 изд. Съ портр. автора 2 тома. Цѣна 3 р.

ТУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Письма о разныхъ разностяхъ Н. К. Михайловскаго. Ц. 1 р.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЙ. Макса Нордау. Пер. съ 4 нѣм. изд. Эл. Зауэръ. 3-е изд. Ц. 1 р.

БОЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ. Гигіеническій романъ. П. Мантегацца. 2-е изд. Ц. 50 к.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ въ государствен. жизни. Проф. Гольцендорфа. Ц. 75 к.

ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ (земскаго, городского, сельскаго). С. Приклонскаго. Ц. 2 р.

БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ. Бытовые очерки И. Тимощенкова. Ц. 1 р.

БРЮХО ПЕТЕРБУРГА. Общественно-физіологическіе очерки А. Бахтіарова. Цѣна 1 р. 50 к.

ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ общепонятно изложенные и объясненные. Составилъ Фармаковскій. 4-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

ИСТОРІЯ КНИГИ НА РУСИ. А. Бахтіарова. Со многими рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

РУССКІЕ ФЛАНЕРЫ ВЪ ПАРИЖѢ. Н. А. Попова. 2-е изд. Ц. 1 р.

ПО ГРАДАМЪ И ВЕСЯМЪ. Романъ Вологдина. (П. Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

2632

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ПРОГРЕССЪ и РЕГРЕССЪ

Г. Греефа,

Профессора Общей Соціологіи и Философіи въ новомъ Свободномъ Брюссельскомъ Университетѣ.

Перевелъ съ французскаго

Г. Паперна.

Изданіе Ф. Павленкова.

Цѣна 1 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9
1896.

Библиотека ИКФ СОСН

39

73158

СПИСОКЪ КНИГЪ ПО СОЦІОЛОГІИ,

НЕ ЦИТИРОВАННЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ, КОТОРЫМИ ПОЛЬЗОВАЛСЯ АВТОРЪ.

I. Общая соціологія.

Fédérici.—Les lois du progrès. Paris, 1888—91.
*Г. Лебонъ.—Психологія народовъ и массъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896.
J. B. Crozier.—Civilisation and Progress. 1892.
T. Erskine May.—Democracy in Europe. 1877.
Nourrisson.—Tableau des progrès de la pensée. 1859.
F. H. Giddings.—The theory of Sociology. 1894.
Th. Wittaker.—A critical Essay in the philosophy of history. 1894.
*Бокль.—Исторія цивилизаціи въ Англіи, пер. Буйницкаго. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896.
Morgan.—Ancient Society. 1877.
H. Denis.—Deux conférences sur la Sociologie. 1891.
Fiamingo.—Saggio de Presociologia. 1894.
S. Frangapane.—Contrattualismo e Sociologia. 1893.
Herschell.—Discours sur l'étude de la philosophie naturelle. 1830.
*Кэри.—Руководство къ соціальной наукѣ. Пер. съ англ. Спб. 1867.
E. Perrier.—Le transformisme. 1888.
Icilio Vanni.—Programma di Sociologia. 1890.
E. Faivre.—De la variabilité des espèces.
*Тардъ.—Законы подражанія. Изд. Ф. Павленкова.
Vianna de Lima.—L'homme selon Ie transformisme.
Ad. Fouillée.—La psychologie des Idées-forses.
— L'Evolutionnisme des Idées-forces.
*Т. Рибо.—Душевная наслѣдственность. Спб.
*М. Нордау.—Вырожденіе, изд. Ф. Павленкова.
Romanes.—L'evolution mentale de l'homme.
G. Lerda.—La lota per la vita. 1894.
G. Simmel.—La differenciation Sociale.189 4.
*К. Дрейфусъ.—Міровая и соціальная эволюція. М. 1895.
J. Novicow.—Les gaspillages des Sociétés modernes.

Herbart.—Bruchstücke zu einer Statik u. Mechanik des Staates.
— Ueber einige Beziehungen zwischen Psychologie u. Staatswissenschaft.
Th. Waitz.—Anthropologie der Naturvölker. 6 том. 1859—1872.
Lazarus.—Das Leben der Seele. 1876—82.
— Ideale Fragen. 1878.
*Пешель.—Народовѣдѣніе, пер. подъ ред. проф. Петри.

II. Область экономическихъ отношеній.

Th. Rogers.—L'interprétation économique de l'histoire.
E. Reclus.—Tableaux Statistiques de tous les Etats comparés. 1894.
Gramegna.—Progresso e Bisogni. 1894.
G. de Molinari.—L'évolution économique du XIX siècle.
Mulhall.—Progress of the world.
*Ингрэмъ.—Исторія политич. экономіи. Пер. подъ ред. проф. И. Янжула.
Cossa.—Guido allo Studio dell' Economia politica. 1876—1878.
H. Eisenhart.—Geschichte der National-Oekonomik. 1881.
A. Espinas.—Histoire des doctrines économiques. 1892.
*Г. Джорджъ.—Прогрессъ и бѣдность. Спб. 1896. Изд. Л. Пантелѣева.
Juglar.—Les crises commerciales.

III. Семейныя отношенія.

*М. М. Ковалевскій.—Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. Пер. Іолшина, 2 изд. Ф. Павленкова. Спб. 1896.
P. Nitti.—La populazione. 1894.
Van der Smissen.—La population. 1893.
Morgan.—Systems of consanguinity and affinity in the human family.
A. Rivier.—La famille en Droit romain. 1893.

IV. Область искусствъ.

P. J. Proudhon.—Le principe de l'Art.
*Тэнъ.—Чтенія объ искусствѣ, пер. А. Чудинова.
*Гюйо.—Искусство съ соціологич. точки зрѣнія, пер. А. Н. Пыпина.
E. Véron.—L'esthétique.
Fechner.—Vorschule der Aesthetik. 1876.
E. Brücke.—Principes scientifiques des beaux-arts.
Helmholtz.—L'optique et les arts.
Lazarus.—Ueber die Reize der Spiele. 1883.

V. Идейныя теченія.

A. Coquerel, fils.—Transformations historiques du Christianisme.
*Селли.—Пессимизмъ, пер. В. Яковенко, изд. Ф. Павленкова.
Conta.—Théorie du fatalisme.
Goblet d'Alviella.—L'évolution réligieuse.
— L'idée de Dieu.
P. Nitti —Il socialismo cattolico.

VI. Нравственность.

E. Véron.—La morale.
*Г. Спенсеръ.—Основанія науки о нравственности. Изд. Билибина.
Guyau.—La morale anglaise contemporaine.
A. Fouillée.—Critique des systémes de morale contemporains.
Guyau.—Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction.
J. Denis.—Histoire des théories et des idées morales de l'antiquité. 1856.

VII. Юридическія отношенія.

Letourneau.—L'évolution juridique.
Wheaton.—Histoire des progrès du droit des gens en Europe et en Amérique.
Brocher de la Fléchère.—Les Révolutions du Droit. 2 vols.
*Г. Мэнъ.—Древній законъ и обычай.
Thonissen.—Etudes sur l'histoire du Droit criminel.
Brunner.—Deutsche Rechtsgeschichte. Leipz. 1887—1892.
Cavagnari.—Nuovi Orizonti del Diritto civile. 1891.
Colajanni.—Sociologia criminale. 1889.
Ch. Féré.—Dégénérescence et criminalité.
G. Tarde.—Les transformation du droit.
Calvo.—Le droit international. 1888.

VIII. Политическій строй.

Donnat.—La politique expérimentale. 1891.
Letourneau.—L'évolution politique. 1892.
*П. Жанэ.—Исторія государств. науки. Спб. 1876.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
281	— 7 сн.	считаемый имъ лучшимъ	считаемый лучшимъ
287	— 10 св.	состоянію, равновѣсію;	состоянію равновѣсія;
293	— 12 св.	самостоятельной	самостоятельную
	— 4 сн.	неизмѣненъ.	несомнѣненъ.
296	— 19 св.	указѣ	указѣ Кнута
302	— 20 св.	вырожденія	возрожденія
	— 4 сн.	вырожденіе	возрожденіе
303	— 5 св.	извѣстнымъ историческимъ періодамъ	опредѣленному историческому періоду

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Эволюція вѣрованій и ученій.

I. Общія замѣчанія 1
II. Первобытныя вѣрованія 5
III. Греко-римскій міръ 15
IV. Гибель философіи и христіанство 48
V. Средніе вѣка 63
VI. Возрожденіе и реформація 83
VII. Новые вѣка и господство метафизики 86
VIII. Девятнадцатый вѣкъ и возникновеніе соціологіи . . 121

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Прогрессъ и регрессъ обществъ.

I. Соціальная динамика 206
II. Общественныя превращенія 223
III. Регрессъ въ біологіи и соціологіи 243
IV. Мѣрило цивилизаціи 262
V. Прогрессъ въ соціологіи 275
VI. Регресивныя явленія въ соціологіи 287
VII. Нѣкоторыя частныя явленія изъ области общественныхъ превращеній 299
VIII. Кажущійся возвратъ къ первобытнымъ формамъ . . 310
Заключеніе 334

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ЭВОЛЮЦІЯ ВѢРОВАНІЙ И УЧЕНІЙ.

ГЛАВА I.

Общія замѣчанія.

Изслѣдованія по вопросу о прогрессѣ и регрессѣ обществъ относятся къ области динамической соціологіи,—науки, изучающей жизненныя явленія общественныхъ аггрегатовъ. Вопросъ этотъ можетъ и долженъ разсматриваться съ двухъ различныхъ, хотя и дополняющихъ одна другую точекъ зрѣнія, во-первыхъ, съ точки зрѣнія коллективной психологіи (эта точка зрѣнія преимущественно субъективная) и, во-вторыхъ, съ объективной точки зрѣнія, причемъ изучаются условія и факторы осуществленія соотвѣтствующихъ явленій въ исторіи. Изучая съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія исторію отдѣльныхъ цивилизацій, мы открываемъ за временными, преходящими формами ихъ строенія и дѣятельности всеобщіе, постоянные и необходимые законы, знакомство съ которыми даетъ философію прогресса и упадка человѣческаго рода—обобщеніе частныхъ моментовъ, обусловливающихъ прогрессивное или регрессивное его развитіе. Такимъ образомъ, исторія въ собственномъ смыслѣ этого слова вѣнчается соціологіей, одинъ изъ отдѣловъ которой посвященъ отвлеченнымъ, т. е. общимъ для всѣхъ общественныхъ разновидностей, независимо отъ различій мѣста и времени,—законамъ прогресса и регресса.

Итакъ, прежде всего мы займемся изученіемъ интересующаго насъ вопроса съ коллективно-психологической точки зрѣнія, а затѣмъ, разсмотрѣвъ явленія прогресса и регресса въ отдѣльныхъ общественныхъ группахъ, выведемъ наиболѣе общіе законы,—какіе при современномъ состояніи нашихъ знаній могутъ быть получены изъ имѣющихся у насъ данныхъ.

Въ чемъ состояли и какъ развивались представленія и теоріи прошлыхъ вѣковъ относительно прогресса? Врождена ли идея прогресса человѣческому роду или же она развилась медленно и сравнительно поздно? Простое это или сложное представленіе, сохранялось ли оно непрерывно, или же временами — подобно самому прогрессу—затемнялось и замирало? Мы предполагаемъ, что мысль—все равно индивидуальная или коллективная—стоитъ въ извѣстномъ постоянномъ отношеніи къ строенію и жизненнымъ проявленіямъ всѣхъ органическихъ существъ. Если это такъ, то въ той области знаній, которую нѣмцы называютъ Völkerpsychologie (психологія народовъ) и которая представляетъ естественное связующее звено между физіологіей и психологіей съ одной стороны и соціологіей съ другой, мы можемъ надѣяться найти первыя указанія на сущность прогресса и регресса. Не составляютъ ли вѣрованія и ученія необходимой составной части соціальной жизни? Не проявляются ли они внѣшнимъ образомъ въ учрежденіяхъ—органахъ общественнаго тѣла? Не приспособлены ли послѣднія къ строенію цѣлаго, а это строеніе въ свою очередь не стоитъ ли въ связи съ коллективной жизнью? Знакомство съ мышленіемъ—сознательнымъ или безсознательнымъ—обществъ и законами этого мышленія вводитъ насъ такимъ образомъ въ концѣ концовъ въ организацію этихъ обществъ и законы ихъ развитія—прогрессивнаго или регрессивнаго. Развитіе—прогрессивное или регрессивное—идеи отражаетъ въ себѣ развитіе соціальнаго міра и является существеннымъ элементомъ въ попыткахъ разрѣшить соціологическій вопросъ, представляющій такой жгучій интересъ для конца XIX в. Вопросъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: обезпечено ли съ настоящаго времени и необходимымъ образомъ непрерывное прогрессивное развитіе европейской цивилизаціи? Этотъ вопросъ мы постараемся въ дальнѣйшемъ не разрѣшить—такъ далеко не идутъ наши притязанія,—а выяснить, указывая въ то же время на многочисленныя трудности—частью въ настоящее время непреодолимыя, — препятствующія дать на него опредѣленный, полный и окончательный отвѣтъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе недостатка знаній научное рѣшеніе не будетъ представляться для настоящаго момента возможнымъ, мы будемъ обращать особенное вниманіе на методы, могущіе привести къ рѣшеніямъ строго-научнымъ, а не сантиментальнымъ и метафизическимъ вродѣ тѣхъ, какія даются самодовольнымъ и счастливымъ оптимизмомъ съ одной стороны, унылымъ и аристократическимъ пессимизмомъ—съ другой. Если положительная соціологія не въ состояніи въ настоящую минуту дать полное рѣшеніе всѣхъ соціальныхъ вопросовъ, зато она

даетъ намъ научный методъ, приближающій насъ къ этому рѣшенію постепенно. Вѣра въ науку представляетъ собой тоже нѣчто вродѣ религіи. Ученый умѣетъ ждать и надѣяться; если есть вещи, которыхъ онъ не знаетъ, — а число ихъ, конечно, неизмѣримо больше числа извѣстныхъ истинъ, — то это обстоятельство только стимулируетъ работу его мысли; ему нѣтъ необходимости прибѣгать къ метафизическимъ формуламъ и догматамъ для того, чтобы пріобрѣсти душевный миръ и сохранить любовь къ труду.

Цѣннымъ условіемъ, облегчающимъ открытіе научныхъ истинъ, является уже ясное и здравое сознаніе, что на нѣкоторые вопросы не только нѣтъ еще отвѣта, но что они недостаточно еще созрѣли для того, чтобы было возможно ихъ рѣшеніе. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы совершенно ясно замѣчаемъ заключающіяся въ вопросѣ трудности, мы находимся на той стадіи умственнаго развитія, которая дѣлаетъ возможнымъ ихъ разрѣшеніе. Самая эта стадія представляетъ продуктъ длинной предшествующей психической эволюціи. Исторія послѣдней постоянно самымъ яснымъ образомъ доказываетъ тотъ всеобщій законъ, что всякое открытіе является закономѣрнымъ и органическимъ конечнымъ звеномъ предшествующаго непрерывнаго ряда подготовительныхъ открытій и исходной точкой, зародышемъ ряда послѣдующихъ открытій и изысканій.

Ассоціація идей совершается не только по принципу сосуществованія, но и по принципу послѣдованія. То же относится къ сцѣпленію коллективныхъ идей. Человѣческій родъ, въ его цѣломъ, во всякомъ моментѣ своего существованія, непрерывно во всѣхъ своихъ поколѣніяхъ, начиная съ отдаленнѣйшей древности, *мыслилъ прогрессъ* со всѣми его колебаніями и остановками. Кромѣ того, свои вѣрованія по этому вопросу, инстинктивныя или разумно-обоснованныя, и свои чувствованія онъ воплотилъ въ своей дѣятельности и учрежденіяхъ.

Именно эту коллективную идею общественнаго прогресса и регресса, начиная съ тѣхъ стадій, гдѣ она является смутнымъ безсознательнымъ предчувствіемъ, и кончая стадіями болѣе или менѣе отчетливаго сознанія, мы и постараемся прежде всего выяснить. То, что̀ все человѣчество думало по этому вопросу при посредствѣ спеціальныхъ или другихъ органовъ, конечно, несравненно поучительнѣе, чѣмъ то, что̀ можетъ намъ сообщить отдѣльный теоретикъ. Не является ли и послѣдній, впрочемъ, органомъ, болѣе или менѣе совершенно передающимъ эту самую коллективную мысль или по меньшей мѣрѣ одно изъ тѣхъ ея противорѣчій, которыя постоянно стремятся уравновѣсить другъ друга и

перейти въ болѣе устойчивое состояніе сознанія—индивидуальнаго и всеобщаго?

Въ то же время въ обществахъ, какъ и у всѣхъ другихъ органическихъ существъ, вѣрованія, т. е. коллективная мысль, имѣютъ исходной точкой рефлексы, которые, становясь болѣе и болѣе сложными, централизованными и координированными, возвышаются до уровня научныхъ теорій и доктринъ. Коллективная психологія прогресса сливается такимъ образомъ въ извѣстный моментъ съ самими условіями и факторами прогресса, общественная мысль съ общественной дѣятельностью и структурой. Не стоитъ ли научное, сознательное представленіе о развитіи въ связи съ самимъ развитіемъ? Если это такъ, то не общи ли и тождественны законы ихъ развитія или по меньшей мѣрѣ не стоятъ ли они въ постоянномъ соотношеніи? Такъ напримѣръ, тамъ, гдѣ мы не встрѣчаемъ идеи непрерывнаго прогресса, не служитъ ли это указаніемъ на то, что прогрессъ не существовалъ и въ дѣйствительности, не проявлялся ни въ структурѣ общества, ни въ соціальной жизни? Тамъ, гдѣ преобладаютъ ученія пессимистическія или оптимистическія, не перевѣшиваетъ ли и въ реальной жизни зло надъ добромъ и обратно? Не являются ли органы, формулирующіе эти соціальныя мысли, только истолкователями общества или различныхъ общественныхъ слоевъ?

Вопросъ о томъ, совершается ли общественное развитіе въ сторону прогресса или регресса, имѣетъ не теоретическое только значеніе. Онъ соприкасается непосредственно съ областью индивидуальнаго и общественнаго счастья. Быть можетъ, сведя къ нормальнымъ, среднимъ и относительнымъ условіямъ тѣ крайнія колебанія — реальныя и идеальныя, — которыя даны намъ въ обманчивыхъ мечтахъ оптимистовъ и въ безнадежныхъ теоріяхъ пессимистовъ, мы придемъ къ болѣе спокойному и точному взгляду на соціальную дѣйствительность. Научный детерминизмъ въ соціологіи такъ же далекъ отъ фатализма, какъ и отъ ученія о свободѣ воли. Отдавая себѣ отчетъ въ природныхъ свойствахъ большого соціальнаго организма, въ его пластичности, въ роли, которую играетъ въ его дѣятельности сознаніе, — научный детерминизмъ ведетъ къ признанію все увеличивающейся правильности и методичности воздѣйствія просвѣщенной коллективной воли на соціальныя явленія. Метафизическій споръ, до настоящаго времени раздѣляющій индивидуалистовъ и соціалистовъ, разрѣшенъ былъ фактически всѣми цивилизаціями съ самаго момента ихъ возникновенія. Всюду и всегда соціальный организмъ реагировалъ на характеръ и на направленіе дѣятельности каждой изъ своихъ частей; всюду и

всегда структура и дѣятельность каждой изъ этихъ частей опредѣлялась и ограничивалась структурой и дѣятельностью всѣхъ прочихъ. Вопросъ сводится такимъ образомъ только къ тому, не желательно ли, чтобы это воздѣйствіе коллективнаго организма на его части и обратно совершалось правильно, методически и сознательно? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ. Въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ органы, регулирующіе коллективную дѣятельность, прогрессивно совершенствуются, создавая все болѣе и болѣе могущественную координацію всѣхъ дѣятельныхъ общественныхъ элементовъ. То же имѣетъ мѣсто въ іерархической лѣстницѣ всѣхъ органическихъ видовъ, высоту которыхъ въ органическомъ ряду мы вѣдь и измѣряемъ степенью ихъ организаціи. Точно также, степень организаціи является общей мѣрой, мѣриломъ общественнаго прогресса. Другого критерія относительной высоты той или другой цивилизаціи мы не находимъ въ исторіи.

ГЛАВА II.

Первобытныя вѣрованія.

Историческое изученіе развитія идеи прогресса находитъ себѣ оправданіе между прочимъ въ словахъ Ог. Конта, примѣнимыхъ ко всѣмъ соціальнымъ проблемамъ: «всякая идея можетъ быть понята только изъ ея исторіи»... Кромѣ того эволюція идеи прогресса представляетъ одну изъ формъ прогресса вообще. По словамъ Бенжамена Джоуэтта, повторяющаго поверхностное наблюденіе почти всѣхъ, писавшихъ объ этомъ вопросѣ, идея прогресса, равно какъ философія исторіи, считаютъ свое существованіе ста или—максимумъ—двумя стами годами. Съ этимъ взглядомъ можно было бы согласиться, если ограничить идею прогресса тѣмъ сложнымъ и спеціальнымъ кругомъ представленій, который связанъ съ нею въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ. Не подлежитъ однако же сомнѣнію, что и до этого времени имѣли мѣсто соціальныя перемѣны въ хорошую и дурную сторону, что и до XVII вѣка человѣческія общества были чувствительны къ наслажденію и страданію, имѣли понятіе о добрѣ и злѣ и стремились избѣгать дурного и приблизить къ себѣ хорошее. Уже въ виду этого одного мы должны отказаться отъ вышеприведенной узкой точки зрѣнія. Напротивъ того, именно въ первобытныхъ обществахъ мы должны искать зародыша и первыхъ объясненій сложной идеи

прогресса. Въ настоящее время она представляетъ рядъ наслоеній, послѣдовательно отлагавшихся въ глубинахъ нашей безсознательной жизни, и изъ которыхъ только новѣйшія отложенія, болѣе подвижныя и поверхностныя, но не успѣвшія еще ассимилироваться органически, преимущественно привлекаютъ наше вниманіе.

Само собой разумѣется, и идея прогресса и самый прогрессъ— въ томъ сложномъ и опредѣленномъ смыслѣ, который мы придаемъ этому слову — могутъ возникнуть только въ обществахъ, достаточно протяженныхъ въ пространствѣ и имѣющихъ нѣкоторое длительное существованіе — во времени, для того, чтобы среди нихъ могли возникнуть перемѣны и чтобы послѣднія могли быть зарегистрованы коллективной памятью — преданіемъ. Эти условія мѣста и времени съ одной стороны, и умственныя ассоціаціи—съ другой одинаково необходимы, какъ для возникновенія самихъ явленій прогрессивныхъ и регрессивныхъ, такъ и для субъективной ихъ формулировки. Протяженность необходима для того, чтобы одновременно съ перемѣнами въ извѣстныхъ частяхъ соціальнаго тѣла наблюдалось отсутствіе измѣненій въ другихъ его частяхъ; длительностью существованія объясняется послѣдовательность явленій. Возрастающая въ связи съ измѣненіями въ пространствѣ и времени сложность явленій принуждаетъ человѣка наконецъ обратиться къ точной классификаціи и точнымъ методамъ изслѣдованія. Такимъ образомъ, мало по малу проникаетъ въ умы сознаніе извѣстнаго порядка, извѣстныхъ правильностей сосуществованія и послѣдовательности, непрерывнаго развитія, совершающагося одновременно во времени и въ пространствѣ.

Эти состоянія коллективнаго сознанія, параллельныя реальнымъ состояніямъ общественной жизни, съ которыми они тѣсно связаны, даютъ начало новымъ образованіямъ — одновременно идеальнаго и объективнаго характера,—т. е. обществамъ, въ которыхъ вѣра въ прогрессъ или въ регрессъ сама становится спеціальной функціей прогрессивной или регрессивной жизни этихъ обществъ, и содѣйствуетъ ихъ прогрессивной эволюціи или упадку; такимъ образомъ, стремленіе къ прогрессу или регрессу влечетъ за собой дальнѣйшій прогрессъ или регрессъ.

Представленіе о правильно совершающихся одновременныхъ перемѣнахъ (въ пространствѣ), объ явленіяхъ, правильно слѣдующихъ одно за другимъ во времени, и въ частности объ явленіяхъ прогрессивнаго или регрессивнаго порядка могутъ возникнуть только въ обществахъ, протяженныхъ, имѣющихъ длительное существованіе, и притомъ въ такихъ обществахъ,

въ которыхъ соціологическая дифференціація и координація (соподчиненность) частей выражены въ достаточной степени. Для того, чтобы можно было отмѣчать перемѣны, въ особенности прогрессивныя, въ области біологической и соціальной, необходимо, чтобы жизнь была достаточно широка, долга и глубока, для того чтобы измѣненія и усовершенствованія могли не только произойти, но и быть замѣчены.

Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что общество—какъ бы оно ни было просто и однородно — представляетъ всегда нѣчто болѣе обширное, болѣе дифференцированное, болѣе сложное и долговѣчное, чѣмъ любая изъ единицъ, входящихъ въ его составъ. Если въ области біологическихъ явленій перемѣны представляютъ большей частью рядъ одновременный, а въ области психологическихъ явленій — рядъ послѣдовательный, то соціальныя явленія, заключая въ себѣ одновременно черты физическаго, біологическаго и психологическаго характера, располагаются въ одинаковой мѣрѣ въ ряды одновременный и послѣдовательный. Они, такъ сказать, принадлежатъ въ одно и то же время къ области физической, біологической и психологической съ той особенностью, что всѣ ихъ составные элементы входятъ въ коллективную организацію. Ассоціаціи чувствъ, эмоцій, идей и соотвѣтствующія состоянія сознанія сочетаются другъ съ другомъ преимущественно по закону послѣдовательности; всякое состояніе сознанія, взятое въ цѣломъ, стремится вытѣснить всѣ прочія состоянія сознанія; они представляютъ цѣпь, звенья которой, связанныя между собой, правильно слѣдуютъ одно за другимъ. Напротивъ того, въ обществахъ одновременно имѣющій мѣсто рядъ перемѣнъ имѣетъ по меньшей мѣрѣ такое же значеніе, какъ рядъ послѣдовательный.

Такимъ образомъ, всякое общество, какъ бы зачаточна ни была его организація, будучи соткано одновременно изъ элементовъ неорганическихъ, органическихъ и психическихъ, представляетъ одновременно явленія статическаго и динамическаго порядка. Всякое общество есть живая, а слѣдовательно измѣнчивая организація, отличающаяся неустойчивымъ равновѣсіемъ, выливающаяся въ каждый данный моментъ своей жизни въ опредѣленныя и въ то же время подвижныя формы.

Поэтому не слѣдуетъ удивляться, если внимательно изучая общества, стоящія на зачаточныхъ ступеняхъ развитія, мы найдемъ и у нихъ — если не современное понятіе о прогрессѣ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ простѣйшихъ и наиболѣе общихъ элементовъ, послужившихъ основнымъ ядромъ для того аггрегата представленій и вѣрованій, который развился съ теченіемъ вре-

мени и которому мы въ настоящее время даемъ названіе идеи прогресса. Даже простѣйшія изъ извѣстныхъ намъ обществъ дѣйствуютъ на внѣшній міръ и реагируютъ на получаемыя изъ внѣшняго міра впечатлѣнія; кромѣ того, внутри самаго общества совершается рядъ воздѣйствій и реакцій однѣхъ его частей на другія; эти воздѣйствія и реакціи совершаются необходимымъ образомъ, рефлекторно или сознательно, уже въ силу одного факта существованія общества, хотя бы въ самомъ грубомъ его видѣ. Ежедневный опытъ и повтореніе этихъ актовъ естественно приведутъ къ признанію однихъ изъ нихъ полезными, другихъ — вредными, причемъ послѣдніе вызовутъ отвращеніе, а первые — подражаніе. Преданіе утвердитъ и укрѣпитъ уроки, данные накопляющимся опытомъ, а позднѣе создадутся спеціальные органы, предназначенные для систематической, правильной передачи накопившихся опытовъ относительно полезнаго и вреднаго, добра и зла. Если эти элементарныя условія всякой общественной жизни привести въ связь съ всеобщими первобытными вѣрованіями и особенно съ той путаницей представленій, которая существовала и существуетъ до сихъ поръ у невѣжественныхъ народовъ по вопросу объ одушевленной и неодушевленной природѣ, жизни и смерти, то станетъ ясно, какимъ образомъ эти спутанныя представленія, эти господствующія суевѣрія могли стать колыбелью современныхъ сложныхъ и научныхъ представленій. Въ первобытныхъ полусознательныхъ представленіяхъ хранится въ качествѣ предчувствія глубочайшая сознательная философія. Вотъ одинъ примѣръ изъ тысячи подобныхъ, наблюдаемыхъ при тѣхъ же условіяхъ:

«Санталы вѣрятъ, что изъ темной и молчаливой глубины сосѣдней могилы прежнія поколѣнія смотрятъ на своихъ дѣтей и внуковъ и играютъ роль въ ихъ существованіи, далеко не всегда враждебную. Тѣмъ не менѣе, духи, обитающіе въ могилѣ,—суровые судьи, и если ихъ не умилостивить, они награждаютъ свое потомство въ изобиліи изуродованными членами, судорогами и проказой». (Гунтеръ).

Это первобытное вѣрованіе предполагаетъ уже нѣкоторый соціальный опытъ, грубое различеніе желательнаго отъ нежелательнаго, нѣкоторую соціальную координацію съ господствомъ надъ обществомъ духовъ предковъ, т. е. традиціоннаго вліянія; кромѣ того, есть уже убѣжденіе, что вліяніе это въ общемъ скорѣе благодѣтельно, чѣмъ вредно для общества и его членовъ; предполагается также гипотетическій судъ со стороны мертвыхъ, и судъ этотъ можно считать реальнымъ, такъ какъ суровые результаты, приписываемые ему, приводятъ живыхъ къ подчиненію традиціонному опыту.

Но что же представляетъ собой обращеніе къ авторитету

мертвыхъ предковъ, если не смутное еще сознаніе непрерывности той связи, которая соединяетъ прошедшее .съ настоящимъ, — сознаніе, безъ котораго идея прогресса не могла бы возникнуть?

Такимъ образомъ, этотъ примитивный и ошибочный взглядъ на нравственныя и общественныя отношенія въ дѣйствительности несравненно менѣе нелѣпъ и суевѣренъ, чѣмъ можетъ казаться на первый взглядъ съ точки зрѣнія отрицательной критики. Съ соціологической точки зрѣнія онъ, напротивъ того, сравнительно вѣренъ. Мы находимъ въ немъ несомнѣнный и до нѣкоторой степени вѣрно воспроизводящій существующія отношенія, хотя и крайне смутный еще зародышъ представленія о наслѣдственности, принявшаго въ настоящее время, конечно, болѣе точную и научную форму; въ немъ содержится также зародышъ нашего современнаго представленія о непрерывности соціальнаго тѣла и о становящемся все болѣе значительнымъ и постояннымъ вліяніи традиціи—т. е. систематически сохраняемаго прошлаго опыта — на настоящее и будущее. Только поверхностная философская критика можетъ не замѣчать органической связи, соединяющей эти первобытныя вѣрованія съ наиболѣе развитыми изъ современныхъ научныхъ ученій. Суевѣрное представленіе бѣднаго и невѣжественнаго сантала есть почтенный, заслуживающій глубокаго уваженія зародышъ той мысли, которой придастъ болѣе совершенную форму Ог. Контъ, говоря, что Верховное Человѣческое Существо состоитъ изъ мертвыхъ, послѣдовательно входящихъ въ его составъ, и что оно непрерывно растетъ такимъ образомъ, «что живые, чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе подпадаютъ подъ господство мертвыхъ». То же представленіе мы найдемъ и въ аналогичной формулѣ Герб. Спенсера, по которой «раньше чѣмъ развился опредѣленный органъ для проявленія общественнаго авторитета, существуетъ уже авторитетъ, исходящій отчасти изъ общественнаго мнѣнія живыхъ и въ несравненно большей еще степени — изъ общественнаго мнѣнія мертвыхъ». Эти глубокіе конечные результаты современной философіи выражаютъ развитіе первобытнаго вѣрованія невѣжественныхъ народовъ, у которыхъ въ смутной формѣ было уже предчувствіе нашихъ соціологическихъ представленій; безсознательно и естественно закладывали они фундаментъ для всѣхъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній развивающейся научной мысли.

Такимъ образомъ, вѣрованія санталовъ и аналогичныя представленія другихъ первобытныхъ народовъ стоятъ въ тѣсной связи съ эволюціей коллективной идеи прогресса и въ то же время съ исторіей соотвѣтствующихъ соціальныхъ состояній; они

объясняютъ прогрессъ, все равно будемъ ли мы его разсматривать какъ идею или какъ фактъ, какъ нуменъ или феноменъ. Замѣтимъ при этомъ, что вѣрованія санталовъ отражаютъ уже довольно сложное умственное и соціальное состояніе; духи усопшихъ разсматриваются здѣсь какъ доброжелательные, ихъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ признается благодѣтельнымъ. Даже злые духи могутъ быть умилостивлены молитвами и жертвоприношеніями; въ традиціонной и консервативной средѣ обожествленныхъ предковъ происходитъ борьба между добрыми и дурными элементами; живые правители подвергаются суду съ ихъ стороны, и контроль этого загробнаго общественнаго мнѣнія оказываетъ сдерживающее вліяніе на тираннію правителей, подчиняя въ то же время подданныхъ другой тиранніи — обычаевъ, обрядовъ и нѣкоторой юриспруденціи въ формѣ приказовъ и рѣшеній.

Это общественное состояніе, въ которомъ за добромъ признается перевѣсъ въ борьбѣ со зломъ, — въ противоположность совершенно иному представленію у другихъ первобытныхъ народовъ — не можетъ быть объяснено общественными успѣхами, достигнутыми сравнительно съ предшествовавшимъ менѣе счастливымъ соціальнымъ состояніемъ. Объясняется оно другимъ фактомъ, имѣвшимъ громадное значеніе въ исторіи человѣческихъ обществъ. Дѣло въ томъ, что одни изъ послѣднихъ съ отдаленнѣйшихъ временъ своего существованія, благодаря ли ихъ естественнымъ физіологическимъ и психическимъ особенностямъ, или же въ силу ихъ изолированности, или же наконецъ вслѣдствіе своего нахожденія въ благопріятныхъ условіяхъ, получили мирную организацію и развились почти исключительно мирнымъ образомъ. Другія, — и такихъ было большинство, — находясь въ неблагопріятной физической и соціальной обстановкѣ, а можетъ быть также благодаря преобладанію у нихъ кровожадныхъ инстинктовъ, съ самаго своего возникновенія организовались на военный ладъ и по принципу неравенства. Въ этихъ обществахъ вредное вліяніе духовъ предковъ, въ особенности усопшихъ начальниковъ, оказывалось равнымъ или даже перевѣшивало дѣйствительныя услуги, оказанныя послѣдними при жизни и которыя они продолжали оказывать и послѣ смерти той соціальной группѣ, которою они руководили при жизни и не переставали руководить и теперь. Въ подобныхъ большихъ или маленькихъ военныхъ обществахъ зло преобладаетъ надъ добромъ, злые побѣждаютъ добрыхъ.

Такимъ образомъ изучая первобытныя соціальныя формы, мы встрѣчаемъ рядомъ съ ограниченнымъ числомъ мирныхъ народовъ, организовавшихся на началахъ равенства и общиннаго

владѣнія и характеризующихся въ области вѣрованій убѣжденіемъ въ несомнѣнномъ торжествѣ добра надъ зломъ,—рядомъ съ этими народцами, вродѣ санталовъ, мы встрѣчаемъ несравненно болѣе крупные соціальные типы, характеризующіеся пессимистической окраской вѣрованій, находящей себѣ основаніе въ соціальныхъ условіяхъ, прямо противоположныхъ мирнымъ и основаннымъ на началахъ равенства условіямъ общественной жизни санталовъ. У большинства низшихъ расъ—негровъ, австралійцевъ, малайцевъ—всѣ заботы сосредоточены на умилостивленіи духа зла. Въ общемъ, вѣра въ преобладаніе добрыхъ духовъ надъ злыми стоитъ въ прямой и тѣсной связи съ наличностью въ большемъ или меньшемъ количествѣ дѣйствительнаго счастія въ жизни первобытныхъ обществъ. Но такъ какъ люди чувствительнѣе къ страданію и бѣдствіямъ, чѣмъ къ счастью и удовольствіямъ, такъ какъ страданіе имѣетъ преимущественно положительный характеръ, а счастье—включая сюда и физическое здоровье—имѣетъ характеръ преимущественно отрицательный, то силы зла естественно являются объектомъ болѣе сильнаго религіознаго чувства страха.

Кромѣ того не слѣдуетъ забывать при оцѣнкѣ вѣрованій и ученій, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о прогрессѣ, что оффиціальныя теоріи и ученія, которыя однѣ только часто и бываютъ замѣтны на поверхности, не всегда отражаютъ дѣйствительное настроеніе коллективной мысли и въ особенности дѣйствительное состояніе общества. Человѣкъ привыкаетъ быть жертвой и часто даже находитъ въ этомъ нѣкоторое удовлетвореніе; а теоріи, созданныя господствующими кастами, обыкновенно оптимистичны до тѣхъ поръ, пока съ началомъ упадка ихъ вліянія имъ не начинаетъ угрожать потеря ихъ привиллегій, заставляющихъ ихъ говорить и даже вѣрить, что все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ. Намъ часто придется дѣлать эту оговорку и считаться съ этой стороной дѣла при изложеніи исторіи интересующихъ насъ вѣрованій и доктринъ.

Знакомясь съ поэтической, имѣющей въ то же время и религіозный характеръ, литературой Индіи, Египта, Персіи и Іудеи, мы присутствуемъ при медленномъ процессѣ возникновенія среди обширныхъ и все болѣе усложняющихся обществъ пантеоновъ добрыхъ и злыхъ божествъ, или божествъ, соединяющихъ въ себѣ, какъ это бываетъ и среди людей и среди человѣческихъ обществъ, тотъ и другой признакъ. То обстоятельство, что въ

вѣрованіяхъ этихъ великихъ древнихъ цивилизацій золотой вѣкъ относится обыкновенно къ началу исторіи, указываетъ, что здѣсь сумма зла перевѣшивала сумму добра или по крайней мѣрѣ, что чувствительность къ злу была здѣсь значительнѣе, чѣмъ къ добру.

Въ общемъ религіозное объединеніе, совершающееси въ этихъ великихъ цивилизаціяхъ, ограничиваетъ количественно и сообщаетъ болѣе правильный характеръ вліяніямъ добрыхъ и злыхъ духовъ, до крайности несвязнымъ и неупорядоченнымъ въ обществахъ менѣе развитыхъ съ ихъ безчисленнымъ множествомъ божествъ. Объединеніе религіозное совершается здѣсь параллельно съ объединеніемъ политическимъ и съ лежащимъ въ основѣ послѣдняго расширеніемъ области соціально-экономической. Древнѣйшіе египетскіе цари были колдуны, но возникновеніе царской власти внесло элементъ централизаціи въ прежнюю необычайно обширную область колдовства, и такимъ образомъ объединивъ ее, сообщило ей нѣкоторую правильность, умѣрило и отчасти уменьшило ее. Координація даже отрицательныхъ сторонъ общественной жизни представляетъ въ соціальномъ отношеніи благо, такъ какъ возникаетъ связующее звено, возвышающееся надъ мѣстными и частными связями. Изъ древнихъ источниковъ видно, что послѣ того какъ Тутмесъ III былъ обоготворенъ, онъ считался добрымъ богомъ страны, охранявшимъ ее отъ вреднаго вліянія злыхъ духовъ и колдуновъ. Преобразованіе было закончено въ ѳиванскій періодъ, когда страна объединилась политически и Аммонъ сдѣлался верховнымъ національнымъ богомъ. Старыя божества—добрыя и злыя—превращаются во враждебныхъ (антисоціальныхъ) демоновъ и въ качествѣ таковыхъ отвергаются обществомъ наравнѣ съ прежними мѣстными и областными колдунами. Подобно прежнимъ мелкимъ общественнымъ группамъ и божества эти переходятъ въ подчиненное положеніе, становятся болѣе слабыми или даже совершенно низвергаются съ своего пьедестала. Такъ впослѣдствіи католицизмъ будетъ дѣйствовать по отношенію къ язычеству, а западныя государства новѣйшаго времени по отношенію къ католицизму.

Индія, пройдя черезъ рядъ примитивныхъ вѣрованій, приходитъ къ слѣдующей философіи природы и общественной жизни. Въ исторіи смѣняются періоды, изъ которыхъ каждый длится милліоны вѣковъ, причемъ каждому періоду соотвѣтствуетъ особый Будда. Въ Буддѣ воплощается вновь наступающій періодъ раз-

витія, и онъ руководитъ послѣднимъ. Это представленіе объ общественномъ развитіи и объ его непрерывности нельзя не назвать грандіознымъ. Какъ далеки мы уже отъ низшихъ стадій цивилизаціи, на которыхъ умѣніе считать не распространяется далѣе пяти, идеи мимолетны и хрупки, подобно соціальнымъ состояніямъ, исчезаютъ почти въ моментъ своего возникновенія и не зарегистровываются спеціальнымъ органомъ коллективной памяти!

Точно также Персія, переживши великую религіозную эволюцію, приходитъ къ сознанію, что историческій процессъ непрерывенъ и прогрессивенъ. Онъ представляется ей въ видѣ ряда эволюцій, во главѣ каждой изъ которыхъ стоитъ пророкъ. Періоды равняются каждый тысячѣ лѣтъ. Послѣдовательная смѣна этихъ періодовъ имѣетъ цѣлью подготовить торжество Ормузда и наступленіе окончательнаго рая. Земля тогда превратится въ равнину, у обитателей которой будетъ одинъ языкъ, одно правительство и одинъ законъ. Этому событію будутъ предшествовать страшныя катастрофы, которыя навлечетъ на землю Дагакъ или Сатана; разорвавъ свои оковы, онъ опустошитъ міръ. Два пророка явятся тогда утѣшать людей и возвѣстить близкое торжество добра, которое совпадетъ съ общимъ воскресеніемъ мертвыхъ и съ концомъ міра. Небо откроется тогда для всѣхъ существъ; даже духъ зла, Ариманъ, тогда очистится: «злѣйшій изъ дарвановъ сдѣлается чистымъ, прекраснымъ, небеснымъ». Человѣчество съ этихъ поръ начнетъ жить въ небѣ; земля прекратитъ свое существованіе, и такъ какъ Зло болѣе не существуетъ, то доброму Духу, Ормузду, нечего болѣе дѣлать, дѣятельность его прекращается, прекращается съ ней и существованіе, и онъ—исчезаетъ.

Замѣтимъ эту вѣру въ конечное торжество добра и во всеобщее воскресеніе въ идеальномъ, неземномъ мірѣ, а также оригинальное представленіе о предстоящей атрофіи органа зла въ силу прекращенія его функціи,—представленіе пока еще имѣющее мистическій характеръ, но которымъ все болѣе и болѣе будетъ проникаться положительная наука.

Какъ Индія, такъ и Персія вѣрятъ въ предшествовавшій ихъ цивилизаціи золотой вѣкъ—быть можетъ, не безъ основанія: можно думать, что онѣ въ самомъ дѣлѣ были знакомы на зарѣ своей исторіи съ болѣе счастливыми, хотя и съ менѣе развитыми соціальными условіями. Въ такомъ случаѣ ихъ легенды, какъ и легенда о начальномъ золотомъ вѣкѣ вообще, не будутъ уже только иллюзіей, перестановкой назадъ идеала,—но будутъ до нѣкоторой степени по крайней мѣрѣ соотвѣтствовать дѣйстви-

тельности. Эту гипотезу можно допустить для нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ, гдѣ на первыхъ ступеняхъ цивилизаціи общество состояло изъ мирныхъ племенъ, организованныхъ на началахъ равенства и жившихъ среди щедрой и богатой природы. Ко всѣмъ случаямъ, гдѣ мы встрѣчаемъ эту легенду, подобное объясненіе неприложимо: необходимо считаться съ естественной склонностью всѣхъ людей предпочитать свою юность старости, откуда вытекаетъ наклонность такую же оцѣнку прилагать и къ различнымъ стадіямъ цивилизаціи.

«Парсъ переносится мысленно въ эпоху счастливаго царствованія царя Іема, когда люди и животныя были безсмертны, когда воды не изсякали, деревья не засыхали, не замѣчалось никогда недостатка въ пищѣ, не было ни холода, ни жары, ни зависти, ни старости. Буддистъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ объ эпохѣ, когда блаженныя эфирныя существа жили безъ грѣха, лишенныя пола, не нуждаясь въ пищѣ, и существовали такимъ образомъ до несчастнаго часа, когда они вкусили отъ восхитительной пѣны, образовавшейся на поверхности земли. Они впали такимъ образомъ въ грѣхъ, и, постепенно падая, унизились до того, что стали ѣсть рисъ, рожать въ болѣхъ дѣтей, принуждены были строить себѣ дома, раздѣлить собственность и установить касты. Цѣлые вѣка человѣческая память сохраняла память объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это вырожденіе: первую ложь сказалъ царь Шетейя; жизнь людей укорачивалась все болѣе и болѣе, и царю Мала Сагана пришлось первому сдѣлать грустное открытіе: послѣ короткаго царствованія въ 252,000 лѣтъ онъ открылъ у себя первый сѣдой волосъ» *).

Такимъ образомъ по мѣрѣ того, какъ коллективное сознаніе охватываетъ все болѣе и болѣе долгіе періоды соціальной исторіи и уясняетъ себѣ непрерывность послѣдней, оно начинаетъ также сравнивать другъ съ другомъ послѣдовательныя стадіи соціальнаго процесса, возвышается до идеи объ измѣняемости общественныхъ типовъ и создаетъ себѣ идеалъ, исходя при этомъ изъ своихъ неудовлетворенныхъ потребностей и изъ сравненія различныхъ типовъ общества. Этотъ идеалъ оно помѣщаетъ въ прошедшемъ или будущемъ; первоначально обыкновенно — въ прошедшемъ, а затѣмъ одновременно и въ прошедшемъ и въ будущемъ, какъ мы видѣли въ Персіи и въ Индіи. Только съ теченіемъ времени человѣкъ окончательно обратитъ свои взоры на идеалъ грядущій, представляющій правильный и усовершенствованный продуктъ развитія всѣхъ предшествующихъ стадій. Замѣтимъ также, что разсматриваемый нами вопросъ ставится въ великихъ древнихъ цивилизаціяхъ довольно полно и точно: если тамъ вѣрятъ въ золотой вѣкъ, то съ другой стороны наблюдались также явленія упадка и вырожденія; если различаютъ

---

*) *Авеста*, II, 50; Hardy, *Manuel du Bouddhisme*, стр. 64, 128.

періоды, то потому, что замѣчена не одна только послѣдовательность соціальныхъ состояній, но и качественное ихъ различіе. Такъ возникаютъ въ общемъ сознаніи, носящемъ еще въ эту пору глубоко-религіозный характеръ, вопросы относительно превращеній обществъ, относительно прогресса и регресса, составляющіе въ настоящее время предметъ научныхъ изысканій.

Та же психическая эволюція совершается въ вѣрованіяхъ Іудеи, отчасти подъ вліяніемъ описанныхъ нами великихъ цивилизацій, отчасти подъ вліяніемъ болѣе или менѣе быстраго хода умственнаго развитія, переживаемаго ею съ первыхъ моментовъ ея исторической жизни. Незамѣтно старинное моисеево вѣрованіе въ потерянный рай смѣняется у пророковъ и особенно въ книгахъ Даніила и Еноха видѣніемъ грядущаго золотого вѣка.

Та же смѣна идей наступитъ и въ греко-римскомъ мірѣ отчасти подъ вліяніемъ восточныхъ идей, отчасти самостоятельно,—какъ это видно изъ Сивиллиныхъ книгъ (III, 97—817) древняго Рима.

ГЛАВА III.

Греко-римскій міръ.

До сихъ поръ встрѣчавшіяся нами представленія о прогрессѣ и регрессѣ были связаны преимущественно съ религіозными міровоззрѣніями, какими являются вообще вѣрованія первобытныхъ обществъ и древнихъ внѣ-европейскихъ цивилизацій. Въ греко-римскомъ мірѣ совершается переходъ отъ религіи къ научной философіи черезъ посредство метафизики. Въ то же время вѣрованія Греціи, равно какъ ея итальянскихъ колоній (Великой Греціи) и Италіи вообще, развиваясь ускореннымъ темпомъ, болѣе или менѣе быстро воспроизводятъ послѣдовательныя стадіи всѣхъ цивилизацій, начиная съ наиболѣе грубыхъ суевѣрныхъ формъ и кончая широчайшими религіозными представленіями.

Въ эпоху Гомеридовъ и Гезіода монархическій періодъ находится уже въ стадіи упадка. Передъ нами цивилизація сравнительно сложная и подвинувшаяся сравнительно далеко впередъ. Дельфы играютъ роль дорійскаго Рима; Спарта не возвышается однакоже надъ стадіей болѣе или менѣе централизованнаго политеизма, — олигархіи боговъ, аналогичной господствующей въ ней олигархіи политической. Допущеніе въ нее

поэмъ Гомера связываетъ ее съ общими народными вѣрованіями Эллиновъ. Въ Аѳинахъ старый культъ пеласговъ продолжаетъ существовать рядомъ съ культомъ новыхъ поселенцевъ, но Аполлонъ остается богомъ знати вплоть до Солона; только со времени послѣдняго всякій аѳинянинъ получаетъ право приносить жертвы богу касты завоевателей. Впослѣдствіи мало-по-малу преобладаніе переходитъ къ культу Зевса Олимпійскаго.

Первобытныя вѣрованія Греціи дошли до насъ въ поэтическихъ ея сборникахъ. Древнѣйшимъ является собраніе легендарныхъ поэмъ, приведенное въ порядокъ школами гомеридовъ въ Смирнѣ и Хіосѣ около 900 г. до Р. Х. и записанныхъ уже много позднѣе при Пизистратидахъ, въ VI вѣкѣ. Въ то время, когда эти поэты, кодификаторы греческаго политеизма, воспѣвали троянскую войну и морскія приключенія іонійцевъ, царская власть была повидимому уже уничтожена въ Аѳинахъ (1045), а во всей остальной Греціи значеніе древней монархической традиціи было подорвано. Терситъ въ «Иліадѣ» представляетъ карикатуру, сочиненную реакціонерами-гомеридами и направленную противъ оппозиціонныхъ ораторовъ черни; но главной противницей монархической власти была знать, демосъ еще только возникалъ. Общество переживало острый, не политическій только, но и соціальный кризисъ. Гомериды, подобно всѣмъ публицистамъ, привязаннымъ къ отживающимъ учрежденіямъ, естественно—пессимисты: «изъ всѣхъ существъ, дышащихъ и ползающихъ по поверхности земли, нѣтъ существа болѣе несчастнаго, чѣмъ человѣкъ»; въ совершающемся на ихъ глазахъ соціальномъ превращеніи они видятъ только гибель и разрушеніе: «люди, какими они являются теперь», ниже людей предшествующихъ поколѣній.

Начиная съ Гезіода (около 800 г. до Р. Х.) соціальный кризисъ принимаетъ все болѣе значительные размѣры. Со времени нашествія горцевъ-дорянъ общественный строй сталъ сложнѣе. Въ старую организацію вошелъ новый, аристократическій, преимущественно военный элементъ; онъ не достаточно могущественъ, чтобы поглотить прежнюю организацію, но достаточно силенъ, чтобы существенно видоизмѣнить ее. Культъ принимаетъ форму менѣе семейную, роль оракуловъ становится значительнѣе, религіозная власть централизуется въ Дельфахъ. Для редактированія изреченій оракула нужны были люди, одаренные выдающимися поэтическими способностями. Дельфамъ приписываютъ изобрѣтеніе гексаметра. Явилась потребность въ праздничныхъ пѣсняхъ, въ гимнахъ; дельфійскіе жрецы образовали первыя братства священныхъ пѣвцовъ и привлекали въ нихъ

выдающихся людей. Наиболѣе выдающимся было братство, произведенія котораго дошли до насъ подъ именемъ поэмъ Гезіода. Изъ сентенцій, изреченій оракула и гимновъ оно составило поэму, дающую въ формѣ религіозно-поэтическаго произведенія полную картину соціальной жизни. Поэма Гезіода «Труды и дни» представляютъ такую же кодификацію религіозныхъ вѣрованій Греціи, какъ «Иліада» и «Одиссея»—ея общественнаго строя въ моментъ разложенія старыхъ формъ. Аристократическій, реакціонный и консервативный духъ проявляется въ нихъ съ очевидностью, но онъ представлялъ только одинъ моментъ въ греческой эволюціи, какъ бы сокращенное воспроизведеніе—въ греческомъ онтогенезисѣ—всей предыдущей всемірной религіозной эволюціи. Поэмы Гезіода принадлежатъ къ области исторіи вѣрованій; онѣ пытаются дать религіозное объясненіе кажущагося упадка, переживаемаго греческимъ народомъ. Онѣ предсказываютъ крушеніе царской власти и гибель народовъ, если голосъ Справедливости не будетъ услышанъ.

«О Персей, выслушай Справедливость! Окутанная облакомъ, она слѣдуетъ за народомъ, чтобы карать злыхъ. Государство, уважающее ее, благоденствуетъ; въ немъ обитаетъ миръ, питающій людей, такъ какъ всезнающій Зевсъ не посылаетъ никогда немилосердной войны и голода въ среду справедливыхъ людей. Земля приноситъ имъ обильныя жатвы; на горахъ дубъ даетъ имъ свои плоды, овцы покрываются для нихъ тяжелою шерстью и женщины рожаютъ сыновей, похожихъ на своихъ отцовъ. Но часто цѣлый городъ подвергается казни изъ-за одного злого, не блюдущаго добродѣтели и питающаго преступные замыслы. Съ высоты небесъ сынъ Кроноса ниспосылаетъ на нихъ двойной бичъ, чуму и голодъ,—и народы гибнутъ, женщины перестаютъ рожать, семьи вымираютъ. Или же Кронидъ губитъ ихъ многочисленныя войска, разрушаетъ ихъ стѣны и разражается местью надъ ихъ кораблями, потопляя ихъ въ морѣ. О цари! вы тоже не забывайте о мщеніи Зевса, такъ какъ тридцать тысячъ духовъ, его служителей, съ открытыми глазами слѣдятъ постоянно за дѣйствіями людей и непрерывно обходятъ землю, а Справедливость, безсмертная дѣва, сидитъ рядомъ съ царемъ боговъ».

73/58

Въ этихъ прекрасныхъ строкахъ, не уступающихъ по краснорѣчію величайшимъ произведеніямъ ораторскаго искусства, содержится цѣлая теорія прогресса и регресса. Прогрессъ или регрессъ общества существенно зависитъ отъ того, соблюдается-ли или нарушается справедливость. Военныя пораженія, экономическіе кризисы, вымираніе населенія, эпидеміи, преступность — все это послѣдствія несправедливости. Что касается справедливости, то она—божественнаго происхожденія, и жрецы являются естественными ея истолкователями. Принадлежа къ кастѣ завоевателей, они безжалостно направляютъ свои громы одновременно противъ царей и противъ народа, въ интересахъ аристократіи, готовящейся захватить власть въ свои руки:

«О развращенные цари, исправьте ваши приговоры и откажитесь отъ своихъ несправедливыхъ рѣшеній!» Гезіодъ называетъ также царей: δωροφαγοι, «ѣдоками даровъ и приношеній». Чувствуется близость переворота и гибели царской власти, глухой къ изреченіямъ оракула и увѣщаніямъ дельфійскихъ поэтовъ.

Поэма отличается высокими нравственными достоинствами. Рядомъ съ несомнѣннымъ пессимизмомъ, навѣяннымъ по преимуществу политическими условіями, она проникнута глубокой вѣрой въ могущество и достоинство труда:

«Боги и люди презираютъ того, кто живетъ праздно, на подобіе трутня, пожирающаго медъ, собранный пчелами. Трудъ не приноситъ стыда, только праздность приноситъ позоръ». «Справедливость обезпечиваетъ труду мирное существованіе, благодаря ей человѣкъ отличается отъ животныхъ». «Зевсу угодно было, чтобы рыбы, птицы и всѣ звѣри пожирали другъ друга, только человѣку даровалъ онъ справедливость»

Это благородное и человѣчное представленіе можно рекомендовать вниманію тѣхъ крайнихъ дарвинистовъ, которые не замѣчаютъ, что въ области соціологическихъ явленій кооперація преобладаетъ надъ борьбой за существованіе.

Чувствуется, что пессимизмъ Гезіодовой школы навѣянъ временными и преходящими моментами, и что передъ нами народъ, который найдетъ въ себѣ достаточно силъ для дѣятельности и прогрессивнаго развитія въ теченіе ряда вѣковъ.

Тѣмъ не менѣе основное настроеніе поэмы пессимистично: «О зачѣмъ я родился въ пятомъ вѣкѣ жизни человѣческаго рода! Отчего я не умеръ раньше или не родился позднѣе! такъ какъ теперь—желѣзный вѣкъ».

Пессимизмъ этотъ—болѣзнь, и онъ не представляетъ ничего удивительнаго для XIX вѣка, пережившаго и переживающаго еще сейчасъ подобное болѣзненное состояніе. Гезіодъ даетъ своему пессимизму систематическую формулировку въ своей знаменитой теоріи пяти вѣковъ.

Боги создали въ началѣ расу золотого вѣка, совершенное и счастливое племя, жившее безъ труда и безъ страданій въ вѣчномъ мирѣ. Это племя угасло; члены его по волѣ Зевса превратились въ духовъ, невидимыхъ хранителей человѣчества, распредѣляющихъ бѣдствія и блага смотря по количеству добрыхъ или злыхъ дѣлъ, совершаемыхъ людьми. Мы находимъ здѣсь стало быть первобытное вѣрованіе въ духовъ, но въ нѣсколько болѣе развитомъ видѣ; вѣрованіе окрашено нравственнымъ и человѣчнымъ элементомъ; тѣмъ не менѣе, въ основѣ его, какъ и въ основѣ всѣхъ религіозныхъ системъ, лежитъ представленіе о начальномъ грѣхопаденіи и о трудѣ, какъ о карѣ.

Затѣмъ боги создали племя серебряннаго вѣка, племя далеко низшее по физическимъ и нравственнымъ качествамъ, племя, лишенное чести и закона; люди злобно относились другъ къ другу и не оказывали почестей безсмертнымъ богамъ, не приносили имъ жертвъ и не возсылали къ нимъ молитвъ. По волѣ Зевса ихъ поглотила земля; тѣмъ не менѣе, они наслаждаются въ Гадесѣ блаженствомъ.

Затѣмъ Зевсъ сотворилъ мѣдное племя, суровое и безпокойное, не бросавшее въ землю сѣмянъ и не питавшееся хлѣбомъ; ихъ оружіе, дома и орудія были изъ мѣди. Желѣза тогда не было. Благодаря вѣчнымъ войнамъ, всѣ они до единаго погибли и сошли въ царство Гадеса безъ имени и безъ почета.

Четвертое племя, сотворенное Зевсомъ, было много справедливѣе и добрѣе предыдущаго. Къ нему принадлежали герои и полубоги, сражавшіеся подъ Троей и Ѳивами. Часть этого рода погибла въ войнахъ, часть по милости Зевса перешла на блаженные острова, гдѣ, управляемая Кроносомъ и наслаждаясь полнымъ миромъ и благоденствіемъ, она трижды въ годъ собираетъ жатвы, приносимыя невоздѣланной землей. Обращаемъ вниманіе читателя на являющійся здѣсь перерывъ въ Гезіодовой исторіи вырожденія человѣчества. Идея соціальной эволюціи становится нѣсколько сложной,—возникаетъ представленіе о смѣнѣ регрессивныхъ и прогрессивныхъ движеній.

Тѣмъ не менѣе, направленіе, которымъ идетъ исторія, ведетъ къ конечному упадку. Пятое племя, среди котораго имѣетъ несчастье жить Гезіодъ,—родъ желѣзный, злой, безчестный, несправедливый, неблагодарный. Онъ склоненъ къ нарушенію клятвъ, не заботится ни о семейныхъ узахъ, ни о велѣніяхъ боговъ; добро встрѣчается въ ничтожномъ количествѣ, зато это племя подвержено преступленіямъ, горю, безчисленнымъ бѣдствіямъ. Оно угаснетъ, какъ и предыдущія, и Гезіодъ не рѣшается предсказать, какое племя за нимъ послѣдуетъ. По всей вѣроятности, онъ ясно давалъ себѣ отчетъ въ предстоящихъ событіяхъ, предвидѣлъ паденіе стараго культа и традиціонной царской власти, но въ качествѣ консерватора, стоящаго близко къ храму, поэтъ, несмотря на свои аристократическія симпатіи, сокрушался объ этомъ.

Въ концѣ VI вѣка до Р. Х. передъ войной съ персами царская власть уничтожена всюду, кромѣ Спарты, но и тамъ она является только тѣнью прежней царской власти. Переворотъ этотъ распространяется на Великую Грецію и даже на Римъ, гдѣ царская власть отмѣняется въ 510 г. до Р. Х.

Около этого времени возникаютъ школы *мудрецовъ*, отъ ко-

торыхъ впослѣдствіи произойдутъ—въ силу законовъ соціологической дифференціаціи — съ одной стороны философы, съ другой законодатели. Сравнительно съ братствами религіознаго характера, вродѣ дельфійскаго, онѣ носятъ несравненно болѣе демократическій характеръ, какъ и новый политическій режимъ, толкающій Грецію на путь прогрессивной эволюціи. Кромѣ нихъ появляются также *Гномики*, составители моральныхъ поэтическихъ изреченій, причемъ одни изъ нихъ — реакціонеры и консерваторы, другіе — демократы, въ большей или меньшей мѣрѣ порвавшіе связь съ Дельфами и старинными религіозными формами. Не успѣла пасть царская власть, какъ возникаетъ новый кризисъ, начинается борьба между аристократіей и народомъ. Среди интеллектуальныхъ представителей тѣхъ классовъ, которымъ угрожаетъ пораженіе и которые не вѣрятъ въ свой успѣхъ, возникаютъ опять пессимистическія вѣрованія.

Но наиболѣе значительное изъ совершающихся въ этотъ моментъ явленій нашло себѣ точное выраженіе въ греческой легендѣ, разсказывающей, какъ дельфійскій треножникъ, переходившій у мудрецовъ изъ рукъ въ руки, окончательно былъ переданъ Ѳалесу, отцу умозрительной философіи. Эта символическая легенда въ прекрасной картинѣ подтверждаетъ коллективнымъ, такъ сказать, свидѣтельствомъ греческаго народа ту истину, выясненную современной научной философіей, что метафизика родилась изъ религіи и связана съ ней органической преемственной связью. Точь въ точь такая же эволюція совершилась въ другой, внѣ-европейской цивилизаціи, — въ Китаѣ: за религіозными книгами здѣсь слѣдуютъ книги преимущественно нравоучительныя, сборники сентенцій, составленные мудрецами и пользующіеся большимъ авторитетомъ, и наконецъ большіе философскіе трактаты.

Съ началомъ философскаго періода въ Греціи возникаютъ имѣющія важное значеніе теоріи объ эволюціи обществъ. Ог. Контъ не правъ, говоря, что «всякая идея объ общественномъ прогрессѣ по необходимости была чужда философамъ древности въ виду недостатка достаточно полныхъ и широкихъ политическихъ наблюденій. Никто изъ нихъ, даже изъ наиболѣе древнихъ и наиболѣе трезвыхъ, не могъ противостоять всеобщему тогда и невольному стремленію разсматривать современныя имъ общественныя состоянія, какъ кореннымъ образомъ ухудшившіяся сравнительно съ прежними временами» *).

---

*) Cours de philosophie positive, IV, стр. 170.

Іонійская школа, напротивъ того, далека отъ пессимизма. Расцвѣтъ ея соотвѣтствуетъ самому блестящему періоду греческой исторіи. Пессимистическое настроеніе предшествуетъ ей и будетъ возникать еще не разъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ спиритуалистическими и скептическими ученіями во время соціальныхъ кризисовъ, подъ тяжестью которыхъ въ концѣ концовъ рухнетъ греческое общество, по крайней мѣрѣ въ своей партикуляристической формѣ. Выше мы замѣтили уже, что пессимистическія стремленія и ученія, предшествовавшія VI вѣку, не всегда предполагаютъ полное отчаяніе. Слѣдуетъ различать между подавляющимъ пессимизмомъ обществъ, предающихъ себя апатично волѣ провидѣнія, и тѣмъ плодотворнымъ пессимизмомъ, который ведетъ къ энергической борьбѣ и новымъ соціальнымъ успѣхамъ. Въ Греціи и современныхъ обществахъ мы встрѣчаемъ много примѣровъ подобнаго рода.

Въ противоположность поверхностному замѣчанію Ог. Конта, мы должны признать, что у грековъ и римлянъ, кромѣ представленія о совершающемся соціальномъ паденіи, наблюдается также представленіе о прогрессѣ, хотя оно и лишено глубины и прочности и формулируется въ смыслѣ круговой эволюціи. По естественной иллюзіи дни юности представляются въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ дни зрѣлости; но въ извѣстный моментъ исторіи Греціи и Рима, какъ справедливо замѣчаетъ Флинтъ, убѣжденіе въ томъ, что начала вещей бываютъ несовершенны и узки, знакомство съ грубыми, нецивилизованными народами, ознакомленіе съ исторіей собственной страны съ первыхъ ея дней до временъ Перикла и Августа порождаютъ въ болѣе свѣтлыхъ умахъ представленіе о прогрессѣ. Идеи о круговомъ движеніи звѣздъ, о круговомъ теченіи жизни растеній и животныхъ приводятъ къ представленію, укрѣпляемому фаталистическими и пантеистическими понятіями, — о томъ, что человѣческая исторія представляетъ рядъ круговъ, похожихъ другъ на друга и воспроизводящихъ другъ друга *).

Даже Гезіодова теорія вырожденія, какъ справедливо замѣчаетъ Флинтъ, создалась подъ вліяніемъ иноземныхъ—преимущественно восточныхъ ученій. Такъ легенда о ящикѣ Пандоры, о похищеніи огня Прометеемъ и другія легенды, подобно преданію о запрещенномъ плодѣ вводящія насъ въ тайну происхожденія всѣхъ бѣдствій человѣческаго рода, представляютъ собой семитическія преданія, занесенныя въ Грецію финикіянами. Кромѣ того, Флинтъ по поводу древняго арійскаго преданія о посте-

---

*) R. Flint. *History of the philosophy of history*, 1893.

пенномъ вырожденіи человѣчества отъ поколѣнія къ поколѣнію замѣчаетъ, какъ это сдѣлали выше и мы, что вырожденіе въ даваемой легендою картинѣ не носитъ непрерывнаго характера, что среди вырождающихся поколѣній встрѣчается одно болѣе совершенное сравнительно съ предшествующимъ поколѣніемъ. Это исключеніе Флинтъ объясняетъ тѣмъ, что героическій періодъ долженъ былъ быть помѣщенъ непосредственно передъ періодомъ обыкновенныхъ смертныхъ, современниковъ Гезіода, такъ какъ всѣ преданія указывали на героевъ, какъ на родоначальниковъ семействъ и основателей городовъ. Съ другой стороны, Гёттлингъ видитъ въ Гезіодовомъ текстѣ выраженіе вѣры въ теорію круговой эволюціи — «ошибочное объясненіе, замѣчаетъ Флинтъ, оправдываемое только остроуміемъ ошибки».

Въ самомъ дѣлѣ, Греція всегда была пессимистична только на половину. Какъ мы увидимъ далѣе, именно въ греческой, а затѣмъ въ римской философіи представленіе о круговомъ развитіи и о конечномъ золотомъ вѣкѣ укрѣпилось въ качествѣ народнаго вѣрованія и научнаго убѣжденія.

Несомнѣнно, что представленіе о послѣдовательныхъ циклахъ или послѣдовательныхъ твореніяхъ, не стоящихъ въ связи другъ съ другомъ и возникающихъ каждое по разрушеніи предыдущаго (представленіе это напоминаетъ теорію катастрофъ Кювье), обыкновенно—въ религіозномъ періодѣ и въ религіозной формѣ—предшествуетъ философскому представленію о прогрессивныхъ кругахъ развитія и о конечномъ золотомъ вѣкѣ; а еще болѣе отдаленнымъ является представленіе о непрерывномъ прогрессѣ, необходимо зависящемъ отъ предшествующихъ соціальныхъ состояній. У китайцевъ, египтянъ, вавилонянъ, индусовъ теорія космическихъ и историческихъ цикловъ является еще въ первобытныхъ формахъ. Въ Индіи индивидуальное существованіе разсматривается, какъ одинъ изъ этаповъ процесса переселенія душъ; тамъ вѣрятъ въ громадные соціологическіе циклы, дѣлящіеся каждый на четыре эпохи, въ теченіе которыхъ вселенная и ея обитатели переходятъ отъ совершенства къ гибели, отъ силы и невинности къ слабости и испорченности, пока не начнется новый mahayuga, новый большой циклъ.

Греческая философія вводитъ въ эти религіозныя вѣрованія болѣе научные элементы; представленіе объ общественномъ процессѣ, подъ ея вліяніемъ, принимаетъ болѣе точную форму; но такъ какъ въ эту эпоху заложены только первыя основы наиболѣе общихъ и простыхъ наукъ, то представленія о теченіи общественнаго процесса естественно носятъ характеръ метафизическихъ гипотезъ. Они или являются распространеніемъ извѣст-

наго—на то, что еще неизвѣстно или даже никогда не будетъ извѣстно, или же представляютъ собой попытки систематическихъ обобщеній, основанныхъ на отыскиваніи и предположеніи первыхъ и конечныхъ причинъ, не подлежащихъ вѣдѣнію науки.

Великая и благодѣтельная соціальная роль религій состояла въ томъ, что онѣ свели къ небольшому числу вѣрованій безчисленныя первобытныя суевѣрія. Благодаря метафизической философіи божества или конкретныя причины мало по малу уступаютъ мѣсто чистымъ абстракціямъ, и такимъ образомъ число гипотезъ еще болѣе уменьшилось. Коллективныя вѣрованія получили еще болѣе всеобщій характеръ, чѣмъ имѣли религіи, и пріобрѣтаютъ одну характеристическую черту, въ высшей степени благопріятную для дальнѣйшаго прогресса: онѣ основываются на авторитетѣ человѣческаго разума. Вслѣдствіе этого, раньше или позже, метафизическая философія превратится въ общую философію наукъ, которая и станетъ общимъ убѣжденіемъ человѣчества безъ различія національностей, расъ и другихъ подраздѣленій.

Философы іонійской школы—преимущественно астрономы, математики, физики, геометры *). Ихъ теоріи носятъ физическій и механическій характеръ и представляютъ собой обобщенія наблюденій, отчасти точныхъ, но въ общемъ преждевременныя и чрезвычайно поспѣшныя. «Если Ѳалесъ, пишетъ Курціусъ, открылъ первопричину всего существующаго въ водѣ, то къ этому склоняли его уже особенности природы его родины. Въ самомъ дѣлѣ, происхожденіе сухого изъ влажнаго, земли изъ воды, нигдѣ не могло въ такой степени бросаться въ глаза грекамъ, какъ именно въ Милетѣ, у устья илистаго Меандра». Ѳалесъ не порвалъ еще окончательно связи съ религіозными вѣрованіями. Вода является основнымъ началомъ всѣхъ формъ, абсолютной первичной субстанціей, но боги остаются все еще двигателями міра. Мы находимъ у Ѳалеса тѣ же представленія, что у другихъ древнихъ философовъ, относительно связи общественнаго строя съ экономическими условіями: наиболѣе прочнымъ является то государство, въ которомъ нѣтъ ни слишкомъ богатыхъ, ни слишкомъ бѣдныхъ гражданъ. Политическіе взгляды его ультра-либеральны: «наиболѣе счастливое изъ государствъ—то, въ которомъ государь можетъ безъ вреда по возможности больше отдыхать» **). Мы находимъ здѣсь, такимъ образомъ, зачатки соціальной статики и

---

*) Ѳалесъ, родившійся около 640 года до Р. Х., говорятъ, предсказалъ затмѣніе 585 г. Аристотель называетъ всю школу физической.

**) Плутархъ, *Пиръ семи мудрецовъ*.

динамики, но во всемъ, что дошло до насъ отъ его философіи, нельзя замѣтить ни сколько нибудь цѣльнаго соціологическаго представленія, ни идеи о прогрессѣ, — если не усматривать эту идею въ общей его теоріи о происхожденіи всѣхъ формъ изъ одного первичнаго элемента, происхожденіе котораго въ свою очередь остается необъясненнымъ.

По ученію послѣдователя его, Анаксимандра, первоначаломъ является безконечный воздухъ. Все, что̀ существуетъ, включая сюда человѣка, представляетъ комбинацію απειρον, т. е. неопредѣленнаго, безконечнаго, безформеннаго. Все, что существуетъ, выходитъ изъ послѣдняго путемъ отдѣленія и возвращается туда же въ часъ, предопредѣленный судьбою, для того, чтобы круговоротъ жизни совершался вѣчно, и жизнь переходила къ новымъ существамъ. Существуетъ безконечное количество міровъ, θεοι, по очереди возникающихъ и погибающихъ. Въ водѣ возникли первыя животныя, изъ которыхъ постепенно развились высшіе виды. Человѣкъ происходитъ отъ рыбы. Индивиды и народы вѣчно смѣняются, неразрушимо и вѣчно одно только несотворенное απειρον; воздухъ окружаетъ все, создаетъ все и управляетъ всѣмъ; онъ — божество, το θειον. Анаксимандру приписываютъ изобрѣтеніе солнечныхъ часовъ и гипотезу о шаровидности земли. Его теорія эволюціи замѣчательна, онъ предвосхищаетъ научныя теоріи новѣйшаго времени, но не распространяетъ своей теоріи далѣе явленій физическихъ и біологическихъ.

Ученикъ его, Анаксименъ (557 г. до Р. Х.) считаетъ воздухъ всеобщей и первой субстанціей, безконечной и вѣчной. Небесный сводъ твердъ и вращается вмѣстѣ съ звѣздами вокругъ земли, которую поддерживаетъ воздухъ.

По Гераклиту, первичнымъ элементомъ является нѣчто еще болѣе тонкое, чѣмъ атмосферный воздухъ Анаксимена; это — огонь, горячій духъ, πυρ, ψυχη; все существующее происходитъ изъ него и въ него возвращается; онъ не имѣлъ начала и никогда не будетъ имѣть конца; говорить о «концѣ міра» можно только въ томъ смыслѣ, что все погибаетъ, чтобы стать опять тѣмъ же, чѣмъ было раньше; міръ постоянно умираетъ и возрождается. Міровой процессъ, *вѣчное теченіе* вещей представляетъ результатъ двухъ противоположныхъ потоковъ. Одинъ, идя сверху, послѣдовательно преобразуетъ первичный элементъ на поверхности земли въ твердую, растительную, животную, интеллектуальную матерію. Второй, идя отъ земли къ небу, возвращаетъ порожденныя формы къ ихъ первоисточнику для того, чтобы процессъ могъ начаться съ-изнова. Такой грандіозный характеръ родившаяся въ Іоніи философія природы пріобрѣтаетъ

съ Гераклитомъ Эфесскимъ (544 до Р. Х.). Гераклитъ повидимому распространилъ свою теорію на соціальный міръ. Два противоположныхъ потока превращаются въ послѣднемъ въ два противоположныхъ и борющихся теченія: войну или раздоръ—источникъ преходящихъ рожденій и разновидностей, и согласіе, ведущее міръ къ конечному сліянію въ единствѣ. У Гераклита есть также представленіе о коллективномъ духѣ, стоящимъ выше индивидуальнаго духа. «Слѣдуетъ, говоритъ онъ, довѣриться всеобщему разуму. Всякій разъ, когда мы вступаемъ въ общеніе съ нимъ, мы стоимъ на вѣрномъ пути; и напротивъ того—вступаемъ на ошибочный путь всякій разъ, когда довѣряемся нашему индивидуальному смыслу». Итакъ, у Гераклита развилось уже представленіе о непрерывномъ, вѣчномъ міровомъ процессѣ. Твореніе не представляетъ уже раздѣльныхъ цикловъ; оно — одинъ, вѣчно обновляющійся циклъ. Мы находимъ здѣсь въ зародышѣ современное представленіе о сохраненіи энергіи, объ интеграціи и дезинтеграціи матеріи, о переходѣ отъ однороднаго къ разнородному и обратно. Точно также мы находимъ у Гераклита смѣлое объясненіе послѣдовательнаго возникновенія всѣхъ существующихъ формъ, включая сюда и интеллектъ, — и пониманіе важной роли, которую *раздоръ* играетъ въ образованіи видовъ. Важной заслугой Гераклита является и то, что онъ имѣлъ ученикомъ Гиппократа, великаго Косскаго врача V вѣка, предка современныхъ виталистовъ и анимистовъ, положившаго, вмѣстѣ со своимъ современникомъ Геродотомъ, начало изученію общественной среды.

Что касается спиритуалистической школы, развивающейся въ Греціи одновременно съ іонійской, то она даетъ очень мало матеріаловъ для образованія представленія объ общественной эволюціи. Она переноситъ въ Грецію (внося въ нихъ бо̀льшую метафизическую абстрактность) восточныя идеи о безсмертіи души и о переселеніи душъ, о высшемъ, разумномъ божествѣ, о причинѣ, устанавливающей порядокъ во всемъ существующемъ (Ферекидъ). Ксенофанъ съ этой точки зрѣнія критикуетъ политеизмъ. Можетъ быть еще болѣе правъ на память потомства даетъ Ксенофану его гипотеза, что вся земля нѣкогда была покрыта моремъ. Наконецъ, когда съ Зенономъ Элейскимъ спиритуализмъ—первоначально дуалистическій—утвердился въ континентальной Греціи, онъ, подобно іонійскому матеріализму, становится монистическимъ и приходитъ съ одной стороны къ вѣрѣ въ единое, верховное существо, а съ другой—къ психологіи, въ которой духъ отдѣленъ отъ всѣхъ объективныхъ условій своей дѣятельности, включая сюда чувства и мозгъ.

Съ этого времени крайніе матеріализмъ и спиритуализмъ оспариваютъ другъ у друга арену въ философіи. Эмпедоклъ изъ Агригента, родившійся около 500 г., приходитъ въ Аѳины, распространяя странную смѣсь метафизики и суевѣрій. Первыми причинами являются четыре элемента, но соединенные въ парныхъ комбинаціяхъ: вода съ землей и огонь съ воздухомъ. Необходимо существуетъ Логосъ, управляющій міромъ. По интересующему насъ вопросу онъ является скорѣе іерофантомъ, чѣмъ философомъ. Онъ учитъ, что существуютъ злые духи, возникшіе вслѣдствіе грѣхопаденія, затѣмъ въ его ученіи мы находимъ представленіе о вырожденіи человѣческаго рода, о первоначальномъ грѣхопаденіи, о переселеніи душъ въ формы низшія или высшія, не исключая даже растительныхъ, въ зависимости отъ нравственной оцѣнки ихъ предшествующей жизни. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ восторжествуетъ добродѣтель, и на землю вернется золотой вѣкъ. Такъ какъ четыре элемента всѣ въ одинаковой степени первичны, то они постоянно соединяются и разъединяются, вслѣдствіе чего происходитъ безконечное разнообразіе тѣлъ и постоянныя въ нихъ перемѣны. Принципами этихъ противоположныхъ движеній являются ненависть и любовь. Благодаря борьбѣ между ними, возникаютъ растенія, животныя, люди, но любовь въ концѣ концовъ побѣдитъ, и всѣ четыре элемента сольются тогда въ новый хаосъ. Такимъ образомъ, поочереди роковой чредою смѣняются соединеніе и разъединеніе, и смѣна ихъ будетъ длиться вѣка. Бытіе есть искупленіе желанія души жить самостоятельной жизнью. Переходя послѣдовательно въ растенія, животныхъ, людей, душа прогрессивно возвышается и наконецъ, благодаря воздержанію и посту, становится достойной возвращенія къ Божеству, т. е. возвращенія въ *Сферу*, гдѣ въ началѣ міросозданія она была слита со всѣми существами.

Тогда какъ съ Парменидомъ и Зенономъ спиритуализмъ становится крайнимъ и отрицаетъ субстанціальную реальность физическаго міра, Анаксагоръ провозглашаетъ вѣчность матеріи рядомъ съ вѣчностью безличнаго и правящаго Разума, очень близкаго къ «Идеѣ» Гегеля, «Волѣ» Шопенгауэра и «Безсознательному» Гартмана, причемъ Разумъ ставится Анаксагоромъ на мѣсто необходимости. Его ученіе Левкиппъ дополняетъ атомизмомъ, въ чемъ Левкиппъ и ученикъ послѣдняго Демокритъ являются продолжателями Анаксимандра. Атомистическая философія, несмотря на свою гипотетическую матеріалистическую основу, является высшимъ, съ научной точки зрѣнія, философскимъ представленіемъ, до какого поднялась греческая мысль. Она содер-

житъ въ себѣ положительное и очень опредѣленное ученіе о прогрессѣ, согласующееся отчасти съ современными научными представленіями. У Демокрита, правда, оно имѣетъ еще только синтетическій и физическій характеръ, по крайней мѣрѣ насколько можно судить на основаніи того немногаго, что̀ дошло до насъ отъ 72 сочиненій, составленныхъ имъ и обнимавшихъ весь кругъ человѣческихъ знаній, включая сюда мораль и имѣвшій важное значеніе въ древнемъ мірѣ отдѣлъ политической науки—стратегію. Впослѣдствіи у Эпикура и Лукреція мы найдемъ приложеніе философіи Демокрита къ общественной наукѣ и въ частности—къ вопросу о прогрессѣ. Демокритъ не признавалъ другихъ научныхъ критеріевъ, кромѣ опыта и индукціи. Матерія и пустые промежутки между ея атомами объясняютъ все. Міръ представляетъ совокупность атомовъ, разнообразныя сочетанія которыхъ однимъ только движеніемъ своимъ въ пространствѣ производятъ всѣ формы природы. Точно также всѣ функціи, въ томъ числѣ инстинктъ и умъ, а также соціальная жизнь, зависятъ только отъ сочетаній атомовъ. Изъ ничего не можетъ ничего произойти. Современная наука перенесла только этотъ абсолютный матеріализмъ въ область относительнаго, признавая относительной простоту и неразлагаемость атомовъ и пустыхъ промежутковъ.

Итакъ, начавшись безсвязными и грубыми вѣрованіями, напоминающими первыя стадіи вѣрованій самыхъ первобытныхъ обществъ, греческая цивилизація прошла въ своихъ представленіяхъ о развитіи обществъ черезъ сложную эволюцію; отъ религіи она перешла къ философіи, матеріалистической или спиритуалистической, отъ вѣры въ роковое, неизбѣжное вырожденіе—къ вѣрѣ сначала въ послѣдовательные и обособленные историческіе циклы, а затѣмъ въ одинъ непрерывный циклъ. На всякой изъ этихъ стадій, — но на послѣднихъ стадіяхъ чаще, чѣмъ на первыхъ,—она предвидитъ наступленіе конечнаго, болѣе или менѣе постояннаго и абсолютнаго, золотого вѣка, въ которомъ счастье сольется съ покоемъ. А въ концѣ изложеннаго нами историческаго періода мы встрѣчаемъ ученіе Демокрита, господствующей идеей котораго является непрерывная естественная эволюція, ни начала, ни конца которой нельзя предвидѣть, — эволюція, представляющая послѣдовательную смѣну формъ неорганическихъ, органическихъ и соціальныхъ, отличающихся другъ отъ друга только по сложности сочетаній, дающихъ имъ начало.

Разборъ и оцѣнка этой послѣдней *гипотезы* были бы въ настоящій моментъ преждевременны. Она представляетъ зародышъ,

ростки отъ котораго пойдутъ крайне медленно и уже много позднѣе—только въ XIX вѣкѣ, по окончаніи западно-европейскаго метафизическаго періода, причемъ предварительно они пустятъ корни въ римской цивилизаціи въ видѣ ученій Эпикура и Лукреція.

Наши свѣдѣнія о господствовавшихъ въ Греціи представленіяхъ относительно эволюціи человѣческихъ обществъ были бы однако же крайне неполны и неточны, если бы они черпались исключительно изъ теологическихъ и метафизическихъ системъ. Послѣднія исходили отъ немногихъ избранныхъ умовъ и распространялись въ ограниченномъ кружкѣ вѣрующихъ и учениковъ. Въ теченіе изложеннаго нами періода развитія греческой мысли, наука и ученія, имѣвшія цѣлью координировать научныя данныя, оставались монополіей аристократіи, сохранявшей преобладающую роль и въ тогдашнемъ общественномъ строѣ, даже въ Аѳинахъ, гдѣ господство демократіи было скорѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ.

Но при посредствѣ литературы, искусства и особенно театра философскія и соціальныя ученія начинаютъ распространяться среди массы въ конкретныхъ, можно сказать—матеріальныхъ формахъ. Идея воплощается въ дѣйствующихъ лицахъ и изображаемыхъ сценахъ, что особенно справедливо относительно трагедіи, въ которой развертывается передъ нами вся драматическая исторія греческой мысли и общества, и комедіи, разлагающей весь существующій строй и облегчающей выходъ греческой цивилизаціи изъ ея первоначальныхъ рамокъ. На долю хора выпадаетъ въ греческой трагедіи и комедіи—формулировка коллективныхъ эмоцій и мыслей.

Идея прогресса выступаетъ отчетливо у Эсхила (525—456 гг. до Р. Х.), особенно въ «Прометеѣ», гдѣ описывается первобытное состояніе человѣчества до той поры, когда безсмертный мученикъ, вопреки волѣ ревнивыхъ боговъ, научилъ людей писать, считать, наблюдать положеніе и движеніе свѣтилъ, строить дома, укрощать и приручать животныхъ, лѣчить болѣзни, плавать по морю и предугадывать будущее. Прометей является жертвой своей *человѣчности,* хотя онъ и богъ; онъ предвидѣлъ свою казнь и желалъ ея. Проникнутый физической философіей іонянъ, Эсхилъ ставитъ необходимость выше всѣхъ боговъ, тогда какъ почти современный ему Геродотъ все еще держится грубыхъ представленій о сверхъестественномъ вмѣшательствѣ, съ примѣсью старой вѣры въ ворожбу и колдовство.

У Софокла (499—414 гг. до Р. Х.) человѣческія страсти занимаютъ уже въ значительной мѣрѣ мѣсто необходимости. Онъ

восторгается человѣческимъ геніемъ: «человѣкъ создалъ себѣ языкъ и мысль быстрые какъ вѣтеръ, и законы, способные руководить государствомъ». Божескіе законы выше человѣческихъ и неизмѣнны. Въ «Трахинеянкахъ» онъ описываетъ первобытныя отношенія между полами, а въ «Эдипѣ-царѣ» указываетъ—признакъ времени—на непрочность счастья. Въ «Эдипѣ въ Колонѣ» господствуетъ пессимистическое настроеніе; хоръ поетъ: «Счастливъ тотъ, кто никогда не видѣлъ дня! счастливъ тотъ, кто, познакомившись съ жизнью, тотчасъ же потерялъ ее».

Одновременно съ разложеніемъ древняго греческаго государственнаго строя вторгаются чужеземныя идеи. Школа софистовъ опрокидываетъ старыя и почтенныя метафизическія системы. По происхожденію софисты являются для Аѳинъ иностранцами: Протагоръ происходилъ изъ Абдеры, Горгій—изъ Сициліи, Продикъ—изъ Кеоса, Діагоръ—изъ Мелоса. Подобно Эсхилу, Софоклу и Эврипиду, софисты знакомятъ большую публику съ философскими и соціальными вопросами, но публику платящую, тогда какъ театръ доступенъ для всѣхъ безплатно. Ораторы, драматурги и философы становятся духовными руководителями общества и разрушителями, могильщиками стараго общественнаго строя. Логика въ формѣ діалектики открываетъ собой эпоху господства чистаго, индивидуальнаго разума, который подвергнетъ критикѣ и разложенію всѣ вѣрованія и учрежденія.

Въ произведеніяхъ Эврипида на сцену побѣдоносно выступаетъ чувствительная и резонирующая личность; устами Тезея въ «Молящихся» человѣческій геній провозглашается истиннымъ міровымъ провидѣніемъ. «Человѣкъ есть мѣрило всѣхъ вещей, критерій истины», говоритъ Протагоръ, знакомящій въ домѣ Эврипида аѳинскую публику съ своимъ «Трактатомъ о природѣ боговъ», послѣ чего онъ принужденъ бѣжать изъ Аѳинъ. Всѣ же его книги сжигаются на площади по распоряженію властей, обращающихся для защиты старыхъ общественныхъ интересовъ, которымъ угрожаетъ крушеніе, къ грубымъ народнымъ страстямъ и суевѣрію. Обвиненный въ атеизмѣ ученикъ Протагора, Продикъ, на котораго сдѣланъ былъ доносъ Аристофаномъ, выпиваетъ, по приговору суда, кубокъ съ цикутой. Народъ, ничего не понимавшій въ метафизикѣ, держится за старыя вѣрованія, закрѣпляемыя лишенными всякихъ убѣжденій правящими классами. Для послѣднихъ боги—созданія поэзіи и искусства; религія умираетъ; философія же въ тѣхъ случаяхъ, когда она не носитъ консервативно-оффиціальнаго характера, выступаетъ рѣшительной противницей существующаго соціальнаго и государственнаго строя. Аѳинская демократія все болѣе и болѣе стано-

вится ложью, населеніе распадается на богачей и бѣдняковъ, классовыя различія принимаютъ все болѣе рѣзкій характеръ. Разлагающій скептицизмъ все болѣе и болѣе овладѣваетъ философіей и коллективнымъ сознаніемъ. Величайшій консерваторъ того времени, Аристофанъ въ то же время безсознательно разрушаетъ всѣ старинныя учрежденія, осмѣивая ихъ. Въ «Облакахъ» и «Всадникахъ» онъ бичуетъ демократію за то, что она стремится къ свободомыслію и коммунизму вмѣстѣ съ Сократомъ и Платономъ, хотя послѣдніе — аристократы. Въ «Осахъ» онъ осмѣиваетъ народный судъ. Хоръ въ «Ахарнейцахъ» раскрываетъ жалкое состояніе этой псевдо-демократіи, опирающейся на рабство. «Сколько страданій въ моей жизни; удовольствій у меня мало, очень мало, быть можетъ не болѣе четырехъ, страданія же мои безсчетны!», такъ плачется бѣдный Дикеополисъ, сожалѣющій объ исчезновеніи первобытныхъ соціальныхъ формъ, противопоставляющій свое мѣстечко, которое *само производило все*, Аѳинамъ, гдѣ только и говорятъ о *куплѣ-продажѣ*. Разоблачается вся испорченность и неспособность народнаго собранія — верховнаго элемента греческой демократіи. Еще одинъ разъ однако же, въ томъ году, когда Спарта была исключена изъ участія въ олимпійскихъ играхъ, а побѣдителемъ на нихъ провозглашенъ былъ Алкивіадъ, Эврипидъ въ «Просящихъ» рѣшается быть оптимистомъ: «блага преобладаютъ надъ бѣдствіями, потому что, будь иначе, мы не могли бы существовать» (420 г. до Р. Х.).

Въ то время, когда Аристофанъ въ своей Республикѣ,—утопической, какъ *Республика* Платона,—построенной птицами въ облакахъ, насмѣхается въ качествѣ представителя реакціоннаго духа надъ тогдашними реформаторами-соціалистами и надъ народной аѳинской конституціей, въ которой онъ видитъ источникъ всѣхъ золъ,—наступаетъ катастрофа въ Сициліи, непоправимое бѣдствіе, кладущее конецъ дальнѣйшему расширенію греческаго государства. Артисты, поэты и философы удаляются за-границу и прежде всего въ Македонію. Всѣ устали; всѣ желаютъ мира, какой бы дорогой цѣной ни пришлось за него заплатить. «Мы рождаемъ дѣтей, чтобы видѣть, какъ они уходятъ на войну», говорятъ женщины въ аристофановской комедіи «Лизистрата». Лизандръ вступилъ въ Пирей, Спарта побѣдила. Напрасно отмѣняется тираннія Тридцати и аѳинская конституція пріобрѣтаетъ болѣе демократическій характеръ, чѣмъ какой она когда либо имѣла: все это—фикція и ложь. Ксенофонтъ изгоняется, Сократъ принужденъ выпить кубокъ съ ядомъ, Платонъ спасается бѣгствомъ за-границу. Исторія и философія тѣмъ временемъ про-

должаютъ развиваться, но проникающая ихъ идея утрачиваетъ узко-національный характеръ, она становится шире, дѣлается международной и космополитичной и ищетъ въ учрежденіяхъ отдѣльныхъ обществъ и событіяхъ высшихъ и всеобщихъ законовъ. Ѳукидидъ уже не простой хроникеръ-наблюдатель, какъ Геродотъ; онъ устанавливаетъ соціологическія соотношенія, отмѣчаетъ сцѣпленіе соціологическихъ фактовъ. Такъ онъ отмѣчаетъ, что въ Греціи избирательный принципъ всюду слѣдовалъ за наслѣдственной монархіей, и что «тиранніи утвердились въ государствахъ по мѣрѣ того, какъ въ нихъ возрастали доходы». Онъ не относитъ золотаго вѣка къ начальному періоду греческой исторіи: предки были варвары, пираты, воры. Для него ясно вліяніе распредѣленія богатствъ на политическія формы; если Агамемнонъ соединилъ подъ своей властью всѣхъ греческихъ царей, то произошло это вслѣдствіе того, «что онъ былъ самымъ богатымъ изъ грековъ своего времени». Будучи убѣжденъ въ превосходствѣ цивилизаціи своего времени надъ первобытными временами, онъ не вѣритъ однако же въ непрерывный и необходимый прогрессъ. Напротивъ того, онъ считаетъ упадокъ роковымъ удѣломъ всякаго общества: «если намъ предстоитъ вырожденіе, такъ какъ всему суждена гибель, то по крайней мѣрѣ о насъ останется вѣчная память». Этотъ призывъ былъ услышанъ потомствомъ; существуетъ преемственная связь между всей европейской цивилизаціей и греческой и восточной мыслью.

Къ несчастью, достаточно прочесть въ «Облакахъ» Аристофана описаніе обученія, которое давалось въ самомъ образованномъ тогда городѣ міра, чтобы понять, какъ несовершенна была популяризація научныхъ знаній въ обществѣ, переживавшемъ глубокій соціальный кризисъ. Философія, несмотря на искреннія усилія Сократа, все болѣе и болѣе удалялась отъ реальной, практической общественной жизни. Будущее — по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени, до Аристотеля,—принадлежало идеализму, консервативному или радикальному, т. е. стариннымъ началамъ или утопическому соціализму.

Изгнанная отовсюду философія ищетъ прибѣжища въ сознаніи нравственной свободы, независимой отъ внѣшнихъ условій, создаваемыхъ какъ тѣлесной организаціей и ея потребностями, такъ и положительнымъ законодательствамъ и соціальнымъ строемъ. Отсюда различіе, устанавливаемое Сократомъ между законами, различіе основное и имѣющее громадное значеніе для интересующаго насъ вопроса. Одни законы — писанные, временные, мѣстные; другіе — неписанные, вѣчные, всеобщіе. Это различіе переходитъ отъ Сократа къ Платону, затѣмъ къ стоикамъ, Ци-

церону, христіанству, блаж. Августину и вѣнчается созданіемъ *естественнаго права*, какъ его понимали до XVIII вѣка включительно, начиная съ котораго законы нравственные и соціальные утрачиваютъ свой абсолютный характеръ. Сократъ и Ксенофонтъ ставятъ соціальный прогрессъ въ зависимость отъ нравственной реформы, но въ то же время они содѣйствуютъ новой, хотя и частичной только, координаціи различныхъ соціальныхъ элементовъ, опрокинутыхъ и безпорядочно раскиданныхъ кризисомъ, въ которомъ гибнетъ древнее греческое общество. У нихъ мы встрѣчаемъ новыя экономическія понятія, идеальныя представленія о женщинѣ и семьѣ, оригинальные взгляды на искусство и воспитаніе. Они преимущественно—моралисты и мораль ихъ приводитъ къ общей идеѣ Права. Собраны такимъ образомъ матеріалы для совершенно иного соціальнаго строя. Платонъ воспользуется ими въ своей идеальной «Республикѣ», а впослѣдствіи съ христіанствомъ они войдутъ въ структуру и реальныя вѣрованія общества, несравненно болѣе обширнаго, чѣмъ греко-римскій міръ.

«Киропедія» Ксенофонта представляетъ первый набросокъ соціальной утопіи. Его Киръ представляетъ собой образъ идеальнаго государя, но азіатскаго типа,— государя единодержавнаго, являющагося пастыремъ своего стада. И теоретическія представленія и событія ведутъ въ эту эпоху къ образованію великихъ имперій, которыя въ свою очередь во время своего упадка и во время переживаемыхъ ими кризисовъ будутъ вести къ мысли о пастырѣ еще болѣе идеальномъ, еще болѣе общемъ. Пока же замѣтимъ, что Ксенофонтъ объясняетъ паденіе персидской монархіи распространеніемъ роскоши и праздности, такъ что онъ въ своемъ утопическомъ романѣ не вполнѣ покидаетъ реальную почву.

Соціальная философія Платона интересуетъ насъ только съ точки зрѣнія его представленія о прогрессѣ. Его «Республика», какъ всѣ первыя соціальныя утопіи, дающія цѣльныя и координированныя системы, имѣетъ свой идеалъ въ прошломъ, но въ дѣйствительности это только бросающаяся въ глаза рамка, внѣшняя форма произведенія. На самомъ же дѣлѣ утопія Платона, какъ и всѣ соціальныя утопіи, готовитъ почву для будущаго, съ которымъ теоретическія системы всегда находятся въ тѣсной связи уже благодаря одному давленію совершающихся событій. Какъ бы ни были идеалистичны извѣстныя ученія, они отражаютъ въ себѣ наличныя общественныя явленія и воплощаются въ концѣ концовъ въ такихъ реальныхъ формахъ, какъ напр. католицизмъ. Но облекаясь такимъ образомъ въ плоть, они принимаютъ поло-

жительныя формы, обыкновенно не предусматривавшіяся ихъ авторами. Такова была судьба платоновскаго идеализма и позднѣе евангельскаго христіанства.

По Платону (430—347 гг. до Р. Х.) единство представляетъ характерную черту всякой субстанціи. Высшее единство есть Богъ предвѣчный, существовавшій тогда, когда не существовалъ еще міръ. Абсолютное единство есть въ то же время абсолютное совершенство. Создала міръ не необходимость, а божественная благость. Богъ создалъ міръ по образцу идей. Послѣднія представляютъ вѣчные образцы всего существующаго. Богъ создалъ одинъ только міръ; точно также существовалъ одинъ только образецъ, одна только субстанція. Душа міра, созданная Богомъ, одухотворяетъ міръ для того, чтобы онъ двигался и развивался соотвѣтственно его вѣчному и единому образцу. Зло не необходимо, оно происходитъ вслѣдствіе извращенія человѣческой воли, зависящаго отъ невѣжества. Человѣкъ, существо конечное, можетъ игнорировать законы своего духа и міровой души, равно какъ истины и правды, именно потому, что онъ есть существо разумное; потому же онъ свободенъ и вслѣдствіе этого отвѣтственъ. Градъ земной созданъ по образцу вѣчнаго града Божія. Блаженный Августинъ, спустя нѣсколько вѣковъ, будетъ имѣть полное основаніе связать ученіе церкви именно съ философіей Платона*). Изъ этихъ философскихъ принциповъ выведены политическія доктрины греческаго мыслителя, котораго западная церковь имѣетъ основаніе считать въ числѣ своихъ непосредственныхъ духовныхъ отцовъ. Платонъ строитъ государство отъ разума, государство совершенное. Всѣ прочія формы несовершенны и непрочны, такъ какъ имъ недостаетъ единства. «Измѣненія, происходящія во всякомъ политическомъ строѣ, имѣютъ своимъ источникомъ разногласія, возникающія въ правящемъ слоѣ; какъ бы ни былъ малъ этотъ правящій слой, если онъ единодушенъ, въ государствѣ не можетъ произойти никакихъ новшествъ». Тѣмъ не менѣе, все рождающееся подвержено гибели. У растеній и животныхъ существуютъ смѣняющіеся періоды плодовитости и безплодія. Эта смѣна наблюдается тогда, когда видъ оканчиваетъ или вновь начинаетъ циклъ своей жизни, болѣе или менѣе долгій въ зависимости отъ того, болѣе или менѣе долга жизнь даннаго вида. По Платону различные члены общества—братья, но въ то же время въ составъ тѣла властителей Богъ ввелъ золото, въ составъ тѣла воиновъ—серебро, въ составъ тѣла земледѣльцевъ—желѣзо, а ремесленниковъ—мѣдь.

---

*) De civitate Dei. VIII, гл. 8 и 9.

Однако членъ золотого класса можетъ имѣть сына, въ составъ тѣла котораго будетъ входить серебро. Точно также по законамъ Ману касты признавались происшедшимъ всѣ отъ Брамы, но отъ различныхъ, болѣе или менѣе благородныхъ частей его тѣла, и переходить изъ одной касты въ другую было воспрещено. Въ «Республикѣ» Платона совершенный государственный строй подвергнется разложенію, когда власти разрѣшатъ воинамъ вступать въ несоотвѣтствующіе браки, отъ которыхъ родятся дѣти, неспособныя наслѣдовать въ достоинствѣ своимъ отцамъ; эти дѣти будутъ пренебрегать изученіемъ музыки и гимнастики. Власти, все болѣе и болѣе вырождаясь, не будутъ съ достаточной тщательностью различать кастъ золотой, серебряной, мѣдной и желѣзной. Произойдетъ смѣшеніе кастъ и какъ результатъ его—отсутствіе порядка, правильности и гармоніи, которое всюду и всегда порождаетъ войну и раздоры. Таковъ будетъ источникъ раздоровъ, и слѣдствіемъ ихъ будетъ гибель государства.

Платонъ, подобно большинству его предшественниковъ, разсматриваетъ соціальное движеніе, какъ круговую эволюцію. Его теорія соціальныхъ перемѣнъ, происходящихъ вслѣдствіе смѣшенія сословій, замѣчательна въ томъ отношеніи, что почерпнута изъ наблюденія соціальныхъ явленій,—правда, наблюденія неполнаго. Его представленіе, что всякое соціальное вырожденіе зависитъ отъ перегруппировки, новаго размѣщенія соціальныхъ факторовъ, нѣсколько смутно, но отличается такой же глубиной, какъ и дополняющее его представленіе о томъ, что совершеннымъ государствомъ является гармоническое или, какъ мы выразились бы теперь, координированное. Подобно всѣмъ теософамъ и философамъ-спиритуалистамъ, Платонъ разсматриваетъ міръ, включая сюда и человѣческія общества, какъ созданіе верховнаго божества, Высшаго разума. Человѣческое общество представляется всѣмъ имъ чѣмъ то искусственнымъ, и имъ кажется поэтому, что его возможно передѣлать по образцу того идеала, который они носятъ въ себѣ.

Въ Великой Греціи уже задолго передъ тѣмъ свилъ себѣ прочное гнѣздо религіозный спиритуализмъ подъ вліяніемъ Пиѳагора и его учениковъ—Тимея изъ Локръ, Окелла изъ Луканіи, Архита изъ Тарента. Въ самой Греціи изъ учениковъ Пиѳагора дѣйствовали Филолай, Симній, Кебетъ и позднѣе Лизисъ, учитель Эпаминонда. Пиѳагоръ переноситъ въ Грецію и Италію изъ Египта и Индіи ученіе о переселеніи душъ; общество, созданное по его идеалу, представляетъ коммунистическую теократію. Раумеръ и Гротъ сравниваютъ создававшіяся всюду пиѳагорійцами ассоціаціи, κοσμοι, съ орденомъ іезуитовъ. Въ области

философіи италійская школа съ Пиѳагоромъ во главѣ заканчиваетъ рядъ изысканій относительно первыхъ причинъ,—изысканій, около того-же приблизительно времени положенныхъ іонійской школой въ основу своей метафизики. Міръ разсматривался Пиѳагоромъ какъ гармонія чиселъ безъ субстанціи; *десять* было главнымъ числомъ, Богъ былъ *единица*. Какъ ни странной кажется эта метафизика, тѣмъ не менѣе въ ней содержалась глубокая мысль, выраженная Филолаемъ за цѣлые вѣка до основателей положительной философіи въ слѣдующихъ словахъ: «Число имѣется во всемъ намъ извѣстномъ. Безъ числа невозможно ничего мыслить, ничего знать; безъ него нельзя выяснить себѣ ни вещей самихъ въ себѣ, ни отношеній между ними. Во всѣхъ дѣйствіяхъ и словахъ человѣка, во всѣхъ искусствахъ и особенно въ музыкѣ обнаруживается всемогущество числа». Но вмѣсто того, чтобы усматривать въ числѣ простое отношеніе, пиѳагорейцы видятъ въ немъ творческій принципъ, первопричину всего существующаго. Подъ этой метафизико-религіозной оболочкой италійская школа содѣйствуетъ успѣхамъ математики, механики и астрономіи. Къ гипотезѣ Анаксимандра о шаровидности земли она присоединяетъ гипотезу о суточномъ (не годовомъ) вращеніи земли вокругъ невидимаго пламени, расположеннаго въ центрѣ міра. Пламя это невидимо для насъ, такъ какъ наше полушаріе обращено кнаружи отъ орбиты.

Провидѣніе у Пиѳагора носило названіе «Логоса» — Слова; латиняне назовутъ его Fatum. Въ основѣ религіозныхъ представленій лежитъ все еще вѣра въ оракула—въ боговъ, говорящихъ и произносящихъ рѣшенія. Такъ распространяются по міру, разрушая узкія границы отдѣльныхъ государствъ, религіозныя и мистическія формулы, метафизическія ученія матеріалистическія и спиритуалистическія и первые опыты систематизаціи наиболѣе общихъ и простыхъ наукъ. Что выйдетъ изъ этой смѣси? Научная философія общественнаго прогресса или же всего только новая религія и новая мистика? Кто побѣдитъ—Аполлоній Тіанскій или Аристотель—въ сознаніи огромнаго міра, готовящагося занять мѣсто маленькихъ греческихъ государствъ? Или же, какъ всегда, получится смѣсь религіознаго мистицизма и точныхъ знаній въ измѣнчивой пропорціи, и эта смѣсь станетъ исходной точкой новыхъ комбинацій, новыхъ общественныхъ эволюцій? Что станетъ въ концѣ этого процесса съ идеей прогресса и съ самимъ прогрессомъ? Представленіе о прогрессѣ повидимому исчезаетъ изъ пиѳагорейской школы, если не приписывать ей «Природы вселенной» Окелла (изъ Луканіи). Въ этой книгѣ, которую Риттеръ не считаетъ возможнымъ признать про-

изведеніемъ пиѳагорейца, мы встрѣчаемъ слѣдующія слова: «все принадлежащее этому міру измѣнчиво и подвижно, общества рождаются, растутъ и умираютъ — какъ люди, чтобы уступить свое мѣсто другимъ обществамъ, какъ мы уступаемъ свое мѣсто другимъ людямъ».

Аристотеля въ сущности нельзя уже считать греческимъ философомъ, какъ нельзя Александра считать главой греческаго государства. Оба они — первый въ научной сферѣ, второй въ политической — стоятъ во главѣ цивилизаціи болѣе обширной: міра греко-восточнаго. Прежде чѣмъ идти далѣе, бросимъ взглядъ на стадіи, пройденныя понятіемъ о прогрессѣ при послѣдовательномъ его расширеніи.

Первичнымъ источникомъ идеи прогресса является опытъ, знакомящій съ добромъ и зломъ, удовольствіемъ и страданіемъ. Въ сознаніи, какъ коллективномъ, такъ и индивидуальномъ, состоянія счастья или несчастья встрѣчаются или одновременно или послѣдовательно. Получается или перевѣсъ однихъ состояній надъ другими или равновѣсіе между ними. Въ первомъ случаѣ господствуетъ пессимизмъ или оптимизмъ, во второмъ—почти всеобщее безсознательное настроеніе. Первобытныя суевѣрія связываютъ блага и бѣдствія съ внѣшними силами, — главнымъ образомъ, съ вліяніемъ духовъ покойныхъ предковъ,—духовъ, оживотворяющихъ всѣ тѣла природы. Эти безчисленныя и нестоящія въ связи другъ съ другомъ силы получаютъ координацію въ религіозныхъ системахъ, становящихся все болѣе и болѣе широкими и объединенными, а затѣмъ въ метафизическихъ построеніяхъ, матеріалистическихъ или спиритуалистическихъ, дуалистическихъ или монистическихъ. Сознаніе недостатковъ существующаго общественнаго строя естественно вызываетъ представленіе о лучшемъ соціальномъ строѣ. Наблюденія, болѣе или менѣе точныя, и иллюзіи, возникшія вслѣдствіе незнакомства съ предшествующими соціальными формами, даютъ начало представленію о золотомъ вѣкѣ и раѣ, предшествующихъ данному строю. Мало-по-малу, незамѣтно, вслѣдствіе роста историческихъ знаній укрѣпляется взглядъ, что золотой вѣкъ долженъ, напротивъ того, быть перемѣщенъ изъ прошедшаго въ будущее. Тѣмъ не менѣе, представленіе о непрерывной эволюціи возникаетъ въ философской мысли только въ зачаточномъ видѣ. Наблюденія надъ великими явленіями природы, надъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, надъ смѣной временъ года, надъ жизнью растеній, животныхъ и людей пробуждаютъ мысль о круговомъ развитіи; создается теорія цикловъ развитія, сначала раздѣльныхъ и независимыхъ одинъ отъ другого, затѣмъ одного, всеобщаго и непрерывнаго цикла. Выше

этого древняя мысль не поднимается. Во всѣхъ случаяхъ вѣра въ конечный золотой вѣкъ обусловливаетъ представленіе о конечной, предѣльной формѣ развитія,—представленіе, воскресшее въ болѣе совершенной и точной формѣ въ современныхъ соціологическихъ теоріяхъ, напр. у Лоріа. Въ извѣстный моментъ будетъ осуществленъ абсолютный, конечный типъ, — на небѣ или на землѣ, суть дѣла отъ этого не измѣняется; въ обоихъ случахъ мы имѣемъ дѣло съ одной и тою же въ сущности идеей, различны только условія ея осуществленія.

Наряду съ этимъ представленіемъ внушаетъ интересъ также ученіе, разсматривающее движеніе обществъ, какъ простое круговое движеніе. Въ формахъ болѣе научныхъ оно дожило до нашихъ дней. Послѣдовательное развитіе наукъ, начинающееся съ созданія наукъ наиболѣе простыхъ и наиболѣе общихъ, тѣсно связано въ Греціи и Великой Греціи съ развитіемъ философскихъ и соціальныхъ системъ. Естественный порядокъ іерархическаго развитія наукъ въ совершенствѣ объясняетъ возникновеніе и долговѣчность теоріи цикловъ творенія и распространеніе этой теоріи на политическія формы и государственные перевороты. На этихъ поверхностныхъ явленіяхъ соціальныхъ превращеній и будетъ останавливаться главнымъ образомъ древняя греческая и римская мысль, несмотря на глубокомысленныя наблюденія надъ экономическими причинами, лежавшими въ основѣ политическихъ сотрясеній. Такое отношеніе будетъ длиться до двухъ послѣднихъ столѣтій новой эры, когда политическая экономія, выдѣлившись въ особую науку, въ связи съ другими общественными науками, вскроетъ глубокія основы общественнаго строя и внутреннія, мало замѣтныя пружины общественной жизни.

Математика, механика, астрономія, физика, сложившись въ качествѣ точныхъ наукъ первыми, доставили на долгое время господство статическимъ воззрѣніямъ во всѣхъ попыткахъ упорядоченія человѣческихъ знаній; динамическія воззрѣнія могли возникнуть только позднѣе. Ученіе о правильномъ и необходимомъ порядкѣ, возвышающемся надъ волей какъ боговъ, такъ и людей, даетъ право на вѣчную память матеріалистической іонійской школѣ. Наблюденія надъ періодическимъ возвратомъ въ правильныхъ промежуткахъ однихъ и тѣхъ же явленій, возвратомъ, допускающимъ предвидѣніе и замѣтнымъ даже въ жизни ограническихъ существъ, по необходимости оказали громадное

вліяніе на попытки дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ соціальной эволюціи. Эти идеи необходимости, правильнаго порядка, періодичности и смѣны легли въ основу первыхъ объясненій спеціальныхъ и сложныхъ явленій міра органическаго, нравственнаго и общественнаго. Всякая философія, равно какъ религія, представляетъ попытку дать общее истолкованіе вселенной на основаніи истинныхъ или ложныхъ, полныхъ или неполныхъ завоеваній мысли. Это истолкованіе становится болѣе и болѣе совершеннымъ съ развитіемъ частныхъ наукъ, включая сюда и общественныя.

Это торжество научной философіи осуществляется медленно и съ трудомъ. Особенно медленно получаетъ признаніе положительный взглядъ на процессъ общественной эволюціи, и происходитъ это по двумъ причинамъ: во первыхъ, статическая точка зрѣнія преобладаетъ въ математическихъ и физическихъ наукахъ, подвергающихся систематизаціи первыми; во вторыхъ, статическая точка зрѣнія все еще продолжаетъ преобладать даже въ біологіи и психологіи; такъ напр. послѣ открытія законовъ кровообращенія, передъ статической и отчасти циклической стороной явленія отступали долгое время на задній планъ его динамическія черты—явленія образованія и превращеній крови. То же имѣло мѣсто въ соціологіи. Не представляютъ ли въ области земледѣлія смѣны временъ года и земледѣльческихъ работъ истинныхъ циклическихъ явленій? Точно также не слѣдуютъ ли правильно одна за другой политическія формы, постоянно возвращаясь въ концѣ концовъ къ исходной точкѣ, чтобы начать сызнова свое циклическое движеніе? Развѣ и въ настоящее время Герб. Спенсеръ не принимаетъ — подобно Гераклиту, Анаксимандру и Демокриту—что вселенная идетъ постоянно отъ однороднаго къ разнородному, отъ интеграціи къ дезинтеграціи, и въ этихъ принципахъ видитъ общія причины эволюціи обществъ? И если высшія организованныя формы, какими являются общества, роковымъ образомъ увлекаются въ эту смѣну образованія и разложенія, отъ которой остается неприкосновеннымъ только законъ сохраненія энергіи и силы, — то гдѣ же мѣсто прогрессу, можно ли искать его гдѣ-нибудь, кромѣ эфемерныхъ формъ? Не замѣчаемъ ли мы, что идеи прогресса и самый прогрессъ не могутъ быть примирены съ «абсолютнымъ»—все равно, въ теоріи или въ практикѣ, и что если религіозныя системы и метафизическія ученія, несмотря на свои притязанія на абсолютное зна-

ченіе, содѣйствовали прогрессивной эволюціи человѣческихъ обществъ, то произошло это вслѣдствіе того, что сами они представляютъ переходныя и относительныя стадіи этой эволюціи?

Аристотель (384—322 до Р. Х.)—энциклопедистъ. Въ своей философіи онъ даетъ итогъ всѣхъ наблюденій и представленій греко-восточнаго міра во всѣхъ наукахъ, включая сюда біологію, психологію и соціологію. Мысль его выходитъ за предѣлы греческаго государственнаго строя: онъ изучаетъ и сравниваетъ сто пятьдесятъ различныхъ политическихъ формъ. Онъ разсматриваетъ общество уже не какъ искусственное созданіе боговъ и людей, а какъ естественный организмъ. Такимъ образомъ, этотъ великій предшественникъ научной соціологіи совершаетъ громадный переворотъ въ области общественныхъ ученій. Странно только то, что въ тысячахъ томовъ, посвященныхъ Аристотелю, этой основной его идеѣ комментаторы удѣлили быть можетъ всего менѣе вниманія; между тѣмъ эта важная точка зрѣнія связываетъ греческій міръ съ наиболѣе передовой мыслью нашего времени.

Семья, городъ, государство—естественныя группы. Человѣкъ по природѣ своей—существо общественное; дикарь *по организаціи своей*—существо выродившееся; человѣкъ—существо болѣе общественное, чѣмъ пчелы и другія животныя, живущія обществами; чувство справедливости дѣлаетъ человѣка первымъ изъ животныхъ. «Общество—это гигантъ, съ безчисленнымъ множествомъ рукъ, ногъ и органовъ чувствъ, съ одною нравственностью и однимъ умомъ соотвѣтствующихъ размѣровъ». Отъ Аристотеля это органическое представленіе перейдетъ къ Гоббсу, который выразился менѣе удачно въ «Левіаѳанѣ»: «Государство, по латыни civitas, представляетъ собой искусственнаго человѣка, силой и ростомъ много превосходящаго дѣйствительнаго человѣка; верховная власть представляетъ искусственную душу, сообщающую движеніе и жизнь всему тѣлу». Здѣсь на первомъ планѣ еще гипотеза искусственнаго двигателя. Но Паскаль дополнитъ этотъ несовершенный взглядъ, распространитъ ту же идею на общественное развитіе во времени всего человѣчества, разсматривая послѣднее, какъ одинъ индивидъ. Позднѣе еще, Пьеръ Леру въ религіозной фазѣ соціализма будетъ писать: «Мы не только дѣти и потомки тѣхъ, которые уже умерли; мы и прошедшія поколѣнія, въ сущности,—одно и то же *).» И тѣмъ не менѣе, какъ далеко стоитъ онъ позади Аристотеля, который не

---

*) De l'Humanité, 1840. Уже за много вѣковъ до него ап. Павелъ сказалъ, что общество есть единое тѣло во Христѣ.

считалъ необходимымъ дѣлать выводовъ о тожествѣ Бога съ человѣкомъ и обновлять догматъ о переселеніи душъ!

Соціальная динамика Аристотеля несравненно сложнѣе и обоснована болѣе научно, чѣмъ у Платона. Послѣдній останавливается на идеѣ односторонней эволюціи. Происходитъ послѣдовательный переходъ отъ аристократіи къ олигархіи, демократіи и тираніи. Всѣ эти формы Платонъ считаетъ впрочемъ несовершенными. Совершенное государство существуетъ только въ нашей мысли, образецъ его — неземной. Задолго до христіанства Платонъ признавалъ царство справедливости—царствомъ не отъ міра сего и задолго до бл. Августина набросилъ идеальный планъ царства Божія. Аристотель критикуетъ законъ преемственности политическихъ формъ, формулированный Платономъ. Тѣмъ не менѣе, оба они, несмотря на рѣзкое различіе въ методахъ и выводахъ, разсматриваютъ исторію, какъ непрерывную круговую преемственность соціальныхъ формъ.

Особенно въ физикѣ своей и метафизикѣ Аристотель поднимается до представленія о непрерывности прогресса. Природа не можетъ удовлетвориться ни одной несовершенной формой; безконечное желаніе толкаетъ ее непрерывно къ лучшему; минералъ стремится къ растительной жизни, растеніе къ животной, животное къ жизни человѣка, человѣкъ къ жизни божественной. Всякая изъ этихъ стадій содержитъ въ себѣ предшествующую съ нѣкоторымъ дополненіемъ; она отличается отъ предшествующей, въ то же время продолжая ее. Такая постановка взгляда дѣлаетъ Аристотеля предшественникомъ Дарвина и Герб. Спенсера, какъ Гераклитъ былъ предшественникомъ Гегеля. Тѣмъ не менѣе, по Аристотелю, эта эволюція приходитъ къ конечной цѣли, такъ какъ «необходимо остановиться». Эта конечная цѣль—Богъ, который является также первымъ двигателемъ, начальной и конечной причиной, самой по себѣ неизмѣнной. На эти теологическіе и метафизическіе взгляды станетъ потомъ цѣлыя столѣтія опираться католицизмъ, тогда какъ цѣнныя научныя наблюденія великаго мыслителя, отодвинутыя на задній планъ, будутъ достойно оцѣнены только немногими избранными умами. По взгляду Аристотеля, эволюція, совершаясь прогрессивно, закономѣрно и непрерывно, представляетъ постоянные возвраты отъ дѣйствія къ причинѣ. Послѣдняя разсматривается одновременно какъ двигатель, движимое и всеобщая конечная цѣль. Въ политикѣ Аристотель, какъ и во всѣхъ частныхъ наукахъ, является не столько систематизаторомъ, сколько прежде всего — наблюдателемъ. Его интересуютъ преимущественно измѣненія политическихъ формъ, но онъ проникаетъ въ глубокія причины политическихъ перево-

ротовъ — въ неравенство имуществъ. Исторія греческихъ государствъ и ихъ конечное растворе́ніе въ великихъ имперіяхъ не является ли отраженіемъ эволюціи ихъ имущественныхъ формъ? Какъ бы то ни было, соціальная динамика Аристотеля не выходитъ изъ круга циклическихъ представленій.

Въ ту эпоху, къ которой мы подошли, отвлеченные соціологическіе законы все съ большей и большей ясностью обрисовываются въ представленіяхъ, носившихъ сначала характеръ религіозный, затѣмъ метафизическій и, наконецъ, въ нѣкоторой степени положительный. Общество, въ цѣломъ и въ большинствѣ его функцій и органовъ, разсматривается, какъ измѣнчивая величина. Измѣненія разсматриваются связанными другъ съ другомъ узами соотносительности и непрерывности; изъ этихъ понятій впослѣдствіи образуется болѣе опредѣленное понятіе—коллективной наслѣдственности. Эти законы проявляются уже въ самой эволюціи представленій и взглядовъ относительно общественнаго прогресса. Различныя теологическія и метафизическія школы сами не замѣчаютъ, какъ тѣсно связаны онѣ другъ съ другомъ. Но существующая въ дѣйствительности между ними солидарность и непрерывная преемственность, несмотря на ожесточенную борьбу, разыгрывающуюся иногда между ними, будетъ впослѣдствіи доказана фактически поглощеніемъ ихъ вѣрованіями болѣе сложными, точно такъ-же, какъ солидарность и непрерывная преемственность человѣческаго рода будутъ фактически доказаны сліяніемъ въ обширныя имперіи всѣхъ мелкихъ государствъ съ ихъ контрастами и взаимной враждой, казавшейся (напр. въ случаѣ Аѳинъ и Спарты) непримиримой. Этотъ синтезъ совершается Александромъ Великимъ и римлянами, координирующими большія и дифференцированныя группы человѣческихъ обществъ въ государственныя единицы высшаго порядка.

Послѣ Платона и Аристотеля эволюція вѣрованій и философскихъ доктринъ идетъ параллельно съ эволюціей другихъ соціальныхъ явленій. Уже въ лицѣ Діогена (414 — 324) школа циниковъ отказалась отъ отечества; глава ея хвастался тѣмъ, что нигдѣ не имѣетъ права гражданства. Кратесъ говорилъ, что его отечество—презрѣніе къ взглядамъ другихъ; то, что̀ обыкновенно называютъ отечествомъ, — всего только городской валъ; человѣкъ—гражданинъ вселенной.

Эпикурейцы систематически уклоняются отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ. «Не прикасайтесь къ нимъ, говоритъ Эпикуръ (341—270), пока васъ къ этому не принудитъ внѣшняя сила». Значительный интересъ представляетъ ученіе Эпикура о первобытномъ человѣкѣ,—ученіе, которое мы находимъ впослѣд-

ствіи у Лукреція и которое подтверждается современной наукой *).

Римъ не принужденъ проходить всѣхъ тѣхъ стадій метафизической эволюціи, которыя прошла Грецію. Онъ быстро усваиваетъ цивилизацію послѣдней, почти закончившейся стадіи развитія. Напрасно стоики пытаются возсоздать политическую науку. Зенонъ, Клеантъ, Хризиппъ пишутъ многочисленные трактаты объ управленіи государствомъ, но ихъ общественное міровоззрѣніе, индивидуалистическое и въ то же время соединенное съ проповѣдью всеобщаго братства, стоитъ въ противорѣчіи съ положительными требованіями политической жизни. По лже-Плутарху, «Зенонъ въ своемъ трактатѣ объ управленіи поставилъ себѣ цѣлью показать намъ, что мы не граждане такой то демы и такого то города, отдѣленные другъ отъ друга мѣстными правами и особыми законами, а что, напротивъ того, мы должны видѣть во всѣхъ людяхъ согражданъ, какъ будто бы всѣ мы принадлежали къ одной демѣ и къ одному городу». У Зенона было также представленіе о Богѣ вселенной. Идея всемірнаго государства выражена у Сенеки, Плутарха и Марка-Аврелія, говорившаго: «Въ качествѣ Антонина я имѣю своимъ отечествомъ Римъ, въ качествѣ человѣка — вселенную». Эпиктетъ, говоря о рабахъ, прибавляетъ: «Помните, что они по природѣ подобны вамъ, ваши братья, потомки Бога».

Къ несчастью, въ дѣйствительности римское могущество, какъ и римское право собственности и рабство, опирались на принципъ захвата. Соціальная структура носила деспотическій и военный характеръ. Прогрессъ по направленію къ всеобщему братству могъ быть осуществленъ только при условіи разрушенія римской организаціи.

Эпикуръ и ученикъ его Лукрецій являются продолжателями Демокрита, хотя и оставляютъ въ сторонѣ его метафизику. Они основываютъ прогрессъ человѣчества на все утончающейся чувствительности человѣка къ удовольствію и страданію и на совершающемся вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе точномъ приспособленіи человѣка къ правильнѣе понимаемымъ его интересамъ. Въ то же время Лукрецій въ своихъ безсмертныхъ стихахъ великолѣпно излагаетъ послѣдовательное развитіе человѣческаго рода отъ наиболѣе грубыхъ, первоначальныхъ его ступеней. Соціальная динамика, равно какъ динамика вселенной, является въ его глазахъ непрерывной цѣпью причинъ и слѣдствій, вытекающихъ одни изъ другихъ безъ всякаго вмѣшатель-

---

*) Ср. Guyau, *Morale d'Epicure*, особенно гл. Progrès dans l'humanité.

ства правящей воли *). Въ то же самое время, стоическая школа переходитъ къ абсолютному идеализму и, не отводя мѣста въ своихъ представленіяхъ какому либо положительному понятію о прогрессѣ, ограничивается индивидуальнымъ «я». Въ первый разъ въ области вѣрованій и философіи возникаетъ идея о свободѣ воли съ ея безусловнымъ характеромъ; отъ стоиковъ эта идея впослѣдствіи переходитъ въ сочиненія еврея Филона. Начинается все усиливающійся съ этихъ поръ расколъ между реальнымъ и идеальнымъ міромъ, между римской имперіей и мыслью. Съ этихъ поръ свободнымъ будутъ называть человѣка добродѣтельнаго, а рабомъ—порочнаго, хотя бы послѣдній сидѣлъ на тронѣ, а первый былъ заключенъ въ тюрьмѣ. Наконецъ, чтобы стать дѣйствительно свободнымъ, есть еще одно послѣднее средство — самоубійство.

Къ этимъ благороднымъ, но ведущимъ на невѣрные пути мыслямъ примыкаютъ добродѣтельные люди этого періода римской исторіи; что касается большинства правящихъ классовъ въ Греціи и Римѣ, то они впадаютъ въ пирронизмъ или практическій, развращающій скептицизмъ, философская исходная точка котораго содержится въ діалектическомъ идеализмѣ Сократа и Платона.

Тѣмъ не менѣе, въ интеллектуальныхъ центрахъ римскаго міра совершается значительный прогрессъ въ областяхъ научныхъ. Къ несчастію, пріобрѣтенія науки тонутъ въ общемъ суевѣріи, а банкротство метафизики отнимаетъ у нихъ на время всякое руководящее вліяніе на общественное развитіе.

Тщетно въ 3-мъ вѣкѣ до Р. Х. Гикетъ и Архимедъ съ плеядой ученыхъ различныхъ странъ возводятъ науки математическія и физическія, механику и астрономію на такую высоту, что подняться выше ея человѣчество съумѣетъ только спустя многіе вѣка. Тщетно Аристархъ Самосскій предлагаетъ замѣнить геоцентрическую систему Аристотеля гипотезой о вращеніи земли

---

*) André Lefèvre, *De rerum natura*, введеніе, стр. XII и Лукрецій, V, 925—1457. Любопытенъ взглядъ Лукреція на историческую эволюцію, подтверждаемый современной археологіей:

Arma antiqua manus, ungues dentesque fuerunt
Et lapides, et item silvarum fragmina rami
Posterius ferri vis est aerisque reperta
Et prior aeris erat quam ferri cognitus usus.
De rerum natura, V, 1281.

Древнимъ оружіемъ были руки, ногти и зубы,
А также камни и дубины, выломанныя въ лѣсахъ,
Затѣмъ узнали силу желѣза и бронзы,
Но бронзой пользовались раньше, чѣмъ желѣзомъ.

вокругъ солнца. Теорія его принята Селевкомъ изъ Селевкіи (въ Вавилоніи), но открытія эти идутъ въ разрѣзъ съ умственными теченіями эпохи, они отвергаются коллективною мыслью и будутъ отвергаться ею еще долгое время: они противорѣчатъ идеалистическимъ теоріямъ съ одной стороны, религіознымъ вѣрованіямъ съ другой. Стоики объявляютъ теорію Аристарха безбожной, какъ признаетъ ее еретической много вѣковъ спустя римская инквизиція. Она отвергается также оффиціальной наукой въ лицѣ знаменитѣйшаго александрійскаго астронома, Птолемея. Придется ждать эпохи Коперника, Кеплера, Галилея, — конца религіознаго потока, распространяющагося на все бо̀льшія и большія пространства.

Историческіе взгляды Полибія (202—120) не подымаются выше представленія о циклическомъ развитіи обществъ: «всѣ государства, всѣ предпріятія идутъ однимъ и тѣмъ же путемъ; все существующее поднимается, стремится къ извѣстной степени совершенства, затѣмъ гибнетъ и падаетъ». Таковъ же впрочемъ основной фонъ міровоззрѣнія стоиковъ, стоящихъ благодаря этому въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ скептицизму и пессимизму. Еще очевиднѣе будутъ эти отношенія въ той смѣси всѣхъ религіозныхъ міровоззрѣній и всевозможныхъ метафизическихъ системъ, которая возникнетъ ко времени распространенія христіанства. Философъ Сенека полагаетъ, что «цѣпь событій подчинена вѣчному круговращенію». Плутархъ думаетъ, что «роковая судьба вѣчно вращается, давая милость то одному, то другому». Метафизическая философія не заключаетъ уже въ себѣ, какъ это было прежде, всѣхъ наукъ; съ другой стороны, частныя науки не имѣютъ еще своей философіи. Научныя усилія Эвклида, Эратосѳена, Аполлонія изъ Перги, Аристилла, Тимохара и Гиппарха въ геометріи, астрономіи и географіи, Галена — въ медицинѣ долгое время остаются безплодными. Европейская мысль будетъ вести чахлое существованіе въ теченіе пятнадцати вѣковъ на этой богатой научными запасами почвѣ и не съумѣетъ даже сохранить этихъ запасовъ въ цѣлости.

Не будемъ однако же упускать изъ виду, что всѣ эти состоянія коллективнаго сознанія и въ частности представленія относительно прогресса опредѣляются — какъ слѣдствія опредѣляются причинами—не только даннымъ соціальнымъ состояніемъ, но и всѣми предшествующими соціальными состояніями и преимущественно длинной цѣпью вѣрованій, связующей, при посредствѣ описанныхъ нами звеньевъ, доктрины даннаго момента съ грубѣйшими первобытными суевѣріями. Развитіе сознанія и расширеніе области его представляютъ процессъ непрерывный.

Остается опредѣлить, совершается ли этотъ процессъ въ непрерывно-прогрессивномъ направленіи. Эту теоретическую проблему намъ предстоитъ въ дальнѣйшемъ изслѣдовать, важнѣйшіе же элементы для рѣшенія ея дадутъ какъ та эпоха, къ которой мы сейчасъ перейдемъ, такъ и эпоха возникновенія христіанства и среднихъ вѣковъ.

Если въ философскихъ теоріяхъ начала и средины императорскаго періода римской исторіи мы не находимъ сколько нибудь цѣльныхъ теорій прогресса, тѣмъ не менѣе идея прогресса не заглохла. Наблюдается двоякое явленіе. Съ одной стороны, взгляды по этому вопросу становятся такъ сказать дробными, какъ это бываетъ по окончаніи всякаго великаго органическаго періода въ исторіи философіи. Съ другой стороны—и это явленіе, стоящее въ связи съ предыдущимъ, еще болѣе замѣчательно — отъ старой метафизики отдѣляется частная философія, носящая положительную окраску, т. е. опирающаяся на наблюденіе и обобщеніе фактовъ, и образуетъ то, что̀ впослѣдствіи получитъ наименованіе философіи исторіи.

Цицеронъ (107—44) не разъ отмѣчаетъ прогрессивное развитіе философіи и науки. То же мы встрѣчаемъ у Сенеки; во второмъ актѣ его трагедіи «Медея» хоръ возвѣщаетъ предстоящее открытіе новаго міра.

Виргилій (69—19), откликающійся, какъ всѣ великіе поэты, на всѣ впечатлѣнія эпохи, раздваивается между двумя теченіями. Онъ говоритъ о Сатурновомъ золотомъ вѣкѣ, когда страданіе и зло были неизвѣстны, когда все было общимъ, когда Природа щедро удовлетворяла всѣ потребности. Но въ благихъ видахъ Юпитеръ лишилъ человѣка этого благополучія, чтобы заставить его въ умѣ своемъ и въ приложеніи этого ума къ внѣшней природѣ искать удовлетворенія своихъ желаній, и чтобы опытъ, постепенно доводя человѣка до бо̀льшаго совершенства, научилъ его разнымъ искусствамъ. Такимъ образомъ, онъ связываетъ представленіе о паденіи съ понятіемъ о прогрессѣ, придерживаясь въ то же время циклическихъ представленій. Напротивъ того, въ прекрасной четвертой эклогѣ онъ выражаетъ убѣжденіе, что въ концѣ концовъ воцарится простота, миръ, счастье—однимъ словомъ, золотой вѣкъ. Въ дѣйствительности оба эти вѣрованія не противорѣчатъ другъ другу. Начальное грѣхопаденіе не противорѣчитъ конечному искупленію. Великій поэтъ, предшественникъ христіанства, является его предвозвѣстникомъ.

Горацій (64—7) въ противоположность Виргилію — пессимистъ. Но это настроеніе является только отраженіемъ вырожденія нравственныхъ и религіозныхъ идей въ высшихъ клас-

сахъ эпохи; въ то же время онъ совершенно вѣрно описываетъ первобытное состояніе человѣчества и прогрессъ искусствъ и учрежденій. Декадентъ Овидій естественно является пессимистомъ даже въ своихъ граціозныхъ «Метаморфозахъ»:

Aurea prima sata est aetas.
Non galeae, non ensis erant: sine militis usu,
Mollia securae peragebant otia gentes.

(Вначалѣ былъ золотой вѣкъ, не было щитовъ и мечей, въ мирѣ и безпечности проводили свой досугъ народы).

Всѣ эти поэтическія настроенія слѣдуетъ приводить въ связь съ впечатлѣніями отъ переживаемаго сложнаго періода римской исторіи; эти индивидуальныя душевныя состоянія указываютъ на душевную борьбу, которая переживалась въ ту пору коллективнымъ сознаніемъ. Самъ Лукрецій, такъ прекрасно изобразившій первобытное состояніе человѣчества и совершенныя имъ послѣдовательныя завоеванія, объявляетъ, что міръ, какъ всѣ смертныя вещи, долженъ погибнуть. Правда, въ такомъ видѣ это вѣрованіе не представляетъ ничего противо-научнаго.

Sustentata ruet moles et machina mnndi.

Мы не находимъ здѣсь ничего общаго съ возвращеніемъ Овидія къ банальному и популярному вѣрованію въ четыре эпохи вырожденія, дополненному легендой о томъ, какъ Юпитеръ вспомнилъ написанныя въ книгѣ судебъ слова, что должно наступить время, когда все погибнетъ *).

Наука и нѣкоторые представители философіи, напротивъ того, не впадаютъ еще въ отчаяніе. Плиній Старшій приглашаетъ «твердо вѣрить, что человѣчество непрерывно совершенствуется». Сенека мимоходомъ, какъ бы самъ не замѣчая значенія своихъ словъ, устанавливаетъ одинъ изъ основныхъ принциповъ соціологіи: «non fit statim ex diverso in diversum transitus» (одно не превращается внезапно въ другое), отвергая, такимъ образомъ, внезапныя перемѣны и соціальныя катастрофы и провозглашая законъ непрерывности и преемственности.

---

*) Метаморфозы, I, 89—150. Слѣдуетъ обратить вниманіе на разсказъ Овидія о вырожденіи колоніи Томи на берегахъ Чернаго моря. Овидій отмѣчаетъ упадокъ садоводства, утрату умѣнья ткать и прясть и возвращеніе къ варварскому обычаю—одѣваться въ звѣриныя шкуры. Но можно ли видѣть тутъ, какъ это дѣлаетъ Тэйлоръ, несомнѣнное вырожденіе? Овидій приводитъ эти факты, какъ общіе на берегахъ Понта Эвксинскаго. Населеніе этихъ береговъ, несмотря на примѣсь греческихъ и римскихъ колонистовъ, было варварское и часто подвергалось набѣгамъ со стороны Сарматовъ: „hostis ab agricola vix sinit illa fodi“. Можно ли въ данномъ случаѣ говорить о регрессѣ: „Palladis uti arte Tomitanae non didicere nurus“. Текстъ не позволяетъ высказаться съ опредѣленностью. Овидій, Ex Ponto, III, 8; см. также Grote, *History of Greece*, XII, стр. 641 и сл.

Это понятіе о непрерывности развитія должно было естественно сложиться благодаря ходу римской исторіи, развивавшейся такъ правильно и долго. Идея всемірной исторіи была естественнымъ результатомъ существованія всемірной римской имперіи. Христіанство впослѣдствіи присоединитъ сюда еще представленіе о духовномъ единствѣ человѣческаго рода, представленіе, отчасти уже формулированное философіей. Правда, христіанство даетъ этому представленію теологическую оболочку, но таковы уже условія эволюціи коллективнаго сознанія.

Флоръ, современникъ Тацита и Плинія, о которомъ Дюрюи считаетъ возможнымъ сообщить только то, что «онъ оставилъ напыщенный очеркъ римской исторіи», стоитъ выше другихъ историковъ въ томъ отношеніи, что онъ пытается установить связь между соціальными явленіями за долгій рядъ вѣковъ и кладетъ основы философіи исторіи. Мы уже встрѣчали выше у другихъ то представленіе, которое находимъ у Флора, — объ аналогіи между жизнью обществъ и жизнью индивидовъ. Но Флоръ кладетъ это представленіе въ основу своего труда, старается имъ объяснить всѣ разнородныя и на первый взглядъ противорѣчивыя явленія римской цивилизаціи. Народы проходятъ черезъ тѣ же возрасты, что и личности; онъ уподобляетъ римскій народъ съ его послѣдовательными стадіями развитія одному индивиду. Первый его возрастъ, обнимающій 250 лѣтъ, протекаетъ подъ властью царей: это—дѣтство, и кругомъ колыбели римскаго народа происходитъ борьба съ сосѣдями. Второй періодъ простирается отъ консульства Брута и Коллатина до консульства Аппія Клавдія и обоихъ Фульвіевъ. По продолжительности онъ равняется первому и соотвѣтствуетъ эпохѣ покоренія Италіи; это—воинственный періодъ юности. Третій періодъ, соотвѣтствующій зрѣлому возрасту, обнимаетъ 200 лѣтъ и оканчивается Цезаремъ Августомъ; въ этотъ періодъ совершается покореніе міра, имперія достигаетъ апогея своего величія. Къ четвертому періоду относится вся слѣдующая эпоха до времени, когда пишетъ Флоръ; эта эпоха также обнимаетъ двѣсти лѣтъ; это—періодъ старости и слабости, и исключеніемъ является только настоящій моментъ, царствованіе Траяна, когда старая имперія, вопреки общему ожиданію, какъ бы возродилась и процвѣтаетъ съ новой юношеской силой.

Эта классификація носитъ поверхностный и искусственный характеръ. Соціальные факты, которые Флоръ желаетъ объединить своей философско-исторической системой, обнимаютъ только одинъ разрядъ соціальныхъ явленій, наиболѣе бросающихся въ глаза, явленій, относящихся къ росту политическаго могущества римскаго народа. Эволюція экономической жизни, семьи, искус-

ства, науки, нравственности и правовыхъ нормъ игнорируется. Но авторъ вѣрно отмѣтилъ фактъ упадка римскаго строя, несмотря на временные, все болѣе и болѣе рѣдкіе періоды возврата его процвѣтанія. Въ самомъ дѣлѣ, римская имперія, въ качествѣ частнаго соціальнаго строя, падала и готовилась умереть, какъ умерли уже греческое государство и древніе латинскіе города, какъ пали уже другія имперіи, менѣе сложнаго строенія, но громадныя по объему, и какъ пало безчисленное множество первобытныхъ государственныхъ формъ. Съ совершавшимся, благодаря завоеванію, ростомъ имперіи росло также общественное неравенство. Владѣніе землей превратилось въ монополію, мѣсто сената и имперіи заняло одно лицо. Прежнее равновѣсіе было нарушено. Общественный строй свелся къ двумъ составнымъ величинамъ—черни и императору, причемъ императоръ былъ одновременно господиномъ и рабомъ военной силы—злого генія, благодаря которому родился Римъ и благодаря которому онъ погибнетъ.

Теперь паденіе и преобразованіе вѣрованій соціальныхъ и нравственныхъ пойдетъ необычайно быстрымъ ходомъ, хотя оно и будетъ совершаться съ изумительной правильностью и послѣдовательностью. Идея прогресса, какъ и самый прогрессъ, замрутъ на нѣсколько вѣковъ, хотя разложеніе древней философіи и возникновеніе новыхъ представленій, въ ихъ временно-теологической оболочкѣ, должны быть сами по себѣ разсматриваемы, какъ факты, относительно благопріятные для дальнѣйшаго прогрессивнаго движенія.

ГЛАВА IV.

Гибель философіи и христіанство.

Римскія завоеванія, распространяясь непрерывно, привели въ соприкосновеніе и слили въ одно цѣлое не только людей и государства, но и вѣрованія, представляющія координированный продуктъ медленныхъ пріобрѣтеній опыта, въ основѣ которыхъ всегда можно усмотрѣть бездонную глубину первобытныхъ суевѣрій, выплывающихъ время отъ времени на поверхность въ эпохи соціальныхъ переворотовъ. Странная смѣсь вѣрованій египетскихъ, іудаизма, буддизма, греческаго политеизма и мистицизма, колдовства и спиритизма смущаетъ и одуряетъ умы, и среди этого поголовнаго помѣшательства умираютъ послѣдніе представители древней философіи.

Іудейская цивилизація, какъ всѣ цивилизаціи, прошла черезъ различныя стадіи религіозныхъ вѣрованій, начиная съ культа духовъ и идоловъ и кончая болѣе или менѣе чистымъ монотеизмомъ. Въ раввинскихъ книгахъ часто говорится о мудрости и магическомъ могуществѣ царя Соломона. Онъ не только — царь всей земли, но и властелинъ добрыхъ и злыхъ духовъ; онъ можетъ изгонять ихъ изъ тѣла человѣка въ тѣло животнаго и обратно. У евреевъ были колдуны, вдохновляемые «духами», маги, ясновидящіе; позднѣе у нихъ были пророки. Самуилъ могъ вызывать громъ и дождь. Еще въ до-евангельскія времена пророки и ясновидящіе, одѣтые въ бараньи или козьи шкуры, удалялись въ горы, пустыни и пещеры и возвѣщали благую вѣсть, предстоящій приходъ лучшихъ временъ. Въ Іудеѣ, въ книгахъ Даніила и Еноха, мы находимъ ту же философію, что въ римскомъ циклѣ пророческихъ поэмъ и у Виргилія. Два древнихъ пророка должны были воскреснуть, чтобы быть предтечами мессіи. Ренанъ съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ видитъ въ авторѣ книги Даніила основателя философіи исторіи: «авторъ книги Даніила, истинный основатель философіи исторіи, первый осмѣлился видѣть въ движеніи міра и смѣнѣ имперій только явленія, подчиненныя судьбамъ іудейскаго народа». Боссюэтъ впослѣдствіи будетъ развивать ту же мысль, а Гегель и нѣмецкіе метафизики расширятъ ее до степени философіи исторіи и будутъ приписывать послѣдовательно смѣнявшимъ другъ друга цивилизаціямъ предопредѣленную роль во всеобщей эволюціи.

Важно то, что уже до возникновенія христіанства золотой вѣкъ—въ Персіи, въ Индіи, въ греко-римскомъ мірѣ, въ Іудеѣ—помѣщается коллективными вѣрованіями не въ началѣ, а въ концѣ исторіи. Женщина, Дѣва-мать сокрушитъ голову змѣя и, такимъ образомъ, будетъ отмщено начальное грѣхопаденіе—легенду эту мы встрѣчаемъ всюду. Идеалъ находится впереди; пока это еще — смутное предчувствіе, но оно приметъ съ теченіемъ времени болѣе опредѣленные контуры. Менѣе благопріятнымъ слѣдуетъ признать стремленіе относить этотъ идеалъ въ заоблачныя пространства. Но такъ какъ этотъ идеалъ въ качествѣ духовнаго наслѣдства религіи и метафизики разсматривался какъ постоянная и абсолютная конечная цѣль, то не слѣдуетъ ли въ концѣ концовъ радоваться тому, что «абсолютное» было удалено изъ этого міра, такъ какъ оно не могло быть примирено съ нимъ? Инстинктивная вѣра безсознательно дѣлала то же, къ чему будетъ стремиться положительная философія спустя много вѣковъ.

Какъ помрачено общее сознаніе, доказываетъ тотъ фактъ, что рядомъ съ этимъ вѣрованіемъ въ конечный золотой вѣкъ про-

должаетъ существовать всюду и часто въ тѣхъ же легендахъ и тѣхъ же книгахъ—представленіе о кончинѣ міра, вѣра въ обновленіе его послѣ полнаго разрушенія, которое совершено будетъ огнемъ. Предстоящей гибелью міра пророки-реформаторы угрожаютъ объятому ужасомъ населенію. Ученіе это впрочемъ, главнымъ образомъ, восточнаго происхожденія. Изъ востока ученіе о большихъ хронологическихъ циклахъ перенесено было въ Грецію—быть можетъ въ составѣ орфической легенды—и стало однимъ изъ догматовъ стоической философіи. Послѣдняя учила, что міры вѣчно и послѣдовательно создаются Богомъ, Который является душой Вселенной. Всякое новое твореніе представляетъ точную копію предыдущаго, и все безъ исключенія вращается во всякомъ мірѣ отъ начала до конца—въ томъ же порядкѣ—круговымъ движеніемъ. Въ опредѣленное время все разрушается огнемъ, и міръ возсоздается за-ново.

Это представленіе было однакоже слишкомъ сложно для народныхъ проповѣдниковъ и пророковъ. Одни изъ этихъ проповѣдниковъ просто предсказываютъ конечный золотой вѣкъ, земной или внѣ-земной; другіе, пессимисты,—разрушеніе и конецъ міра со страшнымъ судомъ, вознагражденіемъ добрыхъ и осужденіемъ на муки злыхъ. Въ наиболѣе тяжелые періоды среднихъ вѣковъ преобладать будетъ послѣднее представленіе.

Евангельская реформа,—по крайней мѣрѣ вначалѣ,—возвышается надъ этими метафизическими догматами и грубыми суевѣріями. Она имѣетъ ярко-прогрессивный характеръ. Обновленіе міра, къ которому она стремится, — есть обновленіе соціальное и, прежде всего, нравственное усовершенствованіе. Христіанство провозгласило превосходство закона Іисусова надъ закономъ Моисеевымъ, признавая въ то же время соединяющую ихъ другъ съ другомъ преемственную связь. Признавая такимъ образомъ въ данномъ случаѣ соціологическій принципъ непрерывности, оно въ то же время утверждаетъ себя, какъ идеалъ неизмѣнный, какъ конечный пунктъ эволюціи.

Что касается основныхъ соціальныхъ задачъ современной ему цивилизаціи, христіанство чувствуетъ себя и оказывается въ самомъ дѣлѣ безсильнымъ разрѣшить ихъ. Оно отказывается отъ политики. «Воздайте Кесарю кесарево, а Божіе—Богу», т. е. платите дань, символъ вашей политической подчиненности и сохраните, какъ говорили стоики, свободу совѣсти: «Царство мое не отъ міра сего».

Заявленія эти представляютъ тревожный признакъ для современной возникновенію христіанства цивилизаціи: имперія нахо-

дится на одной изъ стадій непредотвратимаго вырожденія; она поражена въ высшихъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ формахъ. Мало-по-малу жизнь стараго общественнаго механизма сведется къ рефлекторнымъ и автоматическимъ актамъ, пока наконецъ онъ, взятый въ цѣломъ, не расшатается и не распадется на части. Впослѣдствіи, когда изъ римскихъ руинъ родятся новыя политическія образованія, христіанство вдохнетъ въ нихъ свой духъ, но при этомъ оно видоизмѣнится сообразно новымъ условіямъ. Получится уже не христіанство, а католическая церковь съ папской властью во главѣ ея іерархіи.

Римское начало собственности и римское право, дойдя до возмутительнѣйшей монополіи, продолжаютъ роковымъ образомъ развиваться въ томъ же направленіи. Варвары легко овладѣютъ наслѣдствомъ римской имперіи, въ сохраненіи которой не заинтересованы массы населенія. Христіанство не вмѣшивается въ эту сторону общественныхъ отношеній. Равенство, проповѣдуемое христіанствомъ,—полагается имъ внѣ міра; оно не имѣетъ ни политическаго, ни экономическаго характера; сводится оно къ тому, что «богатымъ трудно будетъ войти въ царство Божіе». Когда новая религія станетъ религіей властителей, между землей и небомъ будетъ устроенъ компромиссъ. Несчастнымъ массамъ католицизмъ, подобно буддизму, дастъ совѣтъ смиренія и вѣры въ экономическую справедливость за гробомъ. Небо является той обѣтованной землей, гдѣ первые станутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми.

Искупленіе первоначальнаго грѣхопаденія имѣетъ преимущественно нравственный и идеальный характеръ. Поэтому на землѣ католицизмъ съумѣетъ впослѣдствіи, даже ссылаясь на евангельскіе тексты, спуститься до позорнѣйшихъ сдѣлокъ вродѣ защиты рабства, какъ это онъ дѣлалъ еще въ 17 вѣкѣ устами Боссюэта, рабскаго поклонника деспотическаго абсолютизма. Въ то же время въ евангельскихъ словахъ католицизмъ будетъ отыскивать доводы для подчиненія своему верховенству свѣтской власти и раздувать ту вражду между духовной и свѣтской властью, исторія которой наполняетъ средніе вѣка. При этомъ католицизмъ будетъ ссылаться на слова, сказанныя Христомъ Петру: «паси моихъ овецъ», и обѣщаніе, данное апостоламъ: «что̀ вы свяжете на землѣ, то будетъ связано и на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено и на небѣ».

Но въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, общее положеніе дѣлъ не допускаетъ еще борьбы. Возникающая церковь слаба и смиренна: «Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ: ибо нѣтъ власти не отъ Бога. Посему противящійся власти про-

тивится Божію установленію... Начальникъ есть Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему зло».

И слѣдуетъ почтительно подчиняться не только добрымъ и умѣреннымъ начальникамъ, но и деспотическимъ. Тогда какъ св. Петръ говоритъ: «Подчиняйтесь господамъ вашимъ даже тогда, когда они злы и нечестивы», Ѳома Аквинскій въ средніе вѣка будетъ признавать власть въ такомъ только случаѣ modo sit iusta.

Но принципъ подчиненія начальникамъ, по ученію Павла и апостоловъ, не можетъ прилагаться къ области вѣры; они провозглашаютъ право сопротивленія, но только пассивнаго и въ принципѣ—только посредствомъ мученичества. Принципы равенства, братства, человѣческаго единства, до которыхъ поднялась уже философія эпохи, переходятъ въ новое ученіе и такимъ образомъ спускаются съ философскихъ высотъ въ народныя вѣрованія. «Есть много членовъ, но тѣло одно». «Нѣтъ ни эллиновъ, ни іудеевъ, ни образованныхъ, ни необразованныхъ, ни варваровъ, ни скиѳовъ, ни рабовъ, ни свободныхъ; но все и во всемъ Іисусъ Христосъ». По словамъ Іоанна Златоуста: «человѣческій законъ можетъ признавать установленныя имъ различія, но они не имѣютъ никакого значенія въ очахъ Господа, Который одинаково благодѣтельствуетъ всѣмъ». Такимъ образомъ, существующія учрежденія, основанныя на принципѣ неравенства и власти, подвергаются осужденію. Но пропаганда новаго ученія совершается исключительно путемъ убѣжденія и мученичества до тѣхъ поръ, пока оно само не превращается въ силу. Въ понятіяхъ массъ совершается въ эту пору громадный переворотъ и притомъ безъ непосредственнаго участія философовъ и ученыхъ, и въ силу классоваго эгоизма и въ силу непониманія окружающей ихъ среды держащихся внѣ и въ сторонѣ отъ теченія; совершается онъ благодаря пропагандистамъ, по умственному уровню немногимъ возвышающимся надъ массой. «Не грустно ли слышать, пишетъ Цецилій, какъ люди ничему не учившіеся, безграмотные, лишенные самыхъ распространенныхъ знаній, рѣшаютъ глубочайшіе вопросы?»

Эти новыя вѣрованія, казалось носившіяся тогда въ воздухѣ и наполнявшія его, были естественными потомками всей предшествовавшей эволюціи и были тѣсно связаны кромѣ того съ всеобщей соціальной эволюціей, начиная съ первоначальныхъ ея зачатковъ и кончая великимъ имперскимъ механизмомъ, которому предстояло тогда коренное преобразованіе.

Для философіи прогресса существенный интересъ представляетъ то обстоятельство, что христіанство само не выдавало себя

за радикальное новшество, чуждое связей съ прошлымъ. Напротивъ того, и въ нагорной проповѣди и впослѣдствіи въ посланіи къ Іудеямъ Іисусъ и св. Павелъ указываютъ, что оно подготовлено всей исторіей, но возвѣщено только тогда, когда полнота временъ исполнилась. Связь съ традиціей является даже однимъ изъ аргументовъ первыхъ пропагандистовъ христіанства. Они заявляли, что было нѣсколько прогрессивныхъ стадій Откровенія, что Провидѣніе съ мудрой постепенностью подвергаетъ человѣческій родъ нѣкоторому воспитанію. Этотъ рядъ откровеній соотвѣтствовалъ всегда той степени развитія, на которой находилось человѣчество, и его потребностямъ въ данный моментъ. Послѣднее откровеніе являлось вѣнцомъ, оно было абсолютной истиной, ведшей къ совершенной жизни во Христѣ. И это откровеніе должно было дѣйствовать на человѣчество прогрессивно — подобно тому, какъ дрожжи дѣйствуютъ на муку — до полнаго преобразованія всего человѣчества. Такимъ образомъ, по ученію проповѣдниковъ новой вѣры послѣдняя являлась продолженіемъ прежнихъ вѣрованій, прошедшихъ черезъ рядъ прогрессивныхъ стадій согласно маршруту, намѣченному Провидѣніемъ, причемъ послѣдняя форма представляла собой абсолютный идеалъ, который долженъ былъ постепенно получать все болѣе и болѣе власти надъ человѣчествомъ. Представленіе о непрерывности эволюціи подчинено здѣсь такимъ образомъ предсуществующему, искусственному плану и неизмѣнной, абсолютной, идеальной, конечной цѣли. Только достиженіе ея всѣмъ человѣчествомъ можетъ быть отсрочено въ виду матеріальной необходимости въ извѣстномъ срокѣ для пріобщенія къ общей вѣрѣ всѣхъ народовъ. События, т. е. исторія, исправили ожиданія идеалистовъ и оптимистовъ: общество заставило христіанство (въ видѣ католицизма) приспособиться къ структурѣ соціальнаго механизма. Послѣдній не переставалъ развиваться и видоизмѣняться, какъ въ цѣломъ, такъ и въ каждомъ изъ своихъ органовъ въ отдѣльности. Возникновеніе христіанства входитъ необходимой составной частью въ этотъ рядъ измѣненій, обусловленныхъ не провиденціально, а всѣми предшествующими соціальными состояніями. Кромѣ того, конечный пунктъ эволюціи достигнутъ не былъ, и человѣчеству предстояло еще развиваться далѣе, вопреки иллюзіямъ всѣхъ абсолютныхъ идеалистовъ-реформаторовъ и склонности слабаго человѣчества усматривать конечное пристанище тамъ, гдѣ путнику дается только временный пріютъ.

Затѣмъ, какъ мы видѣли, христіанство стало въ сторонѣ отъ соціальной драмы, раздиравшей древній міръ; его формулы смиренія, братства, самоотреченія облегчали только переходъ отъ

разрушавшагося въ своихъ основахъ порядка къ новымъ учрежденіямъ, въ нѣдрахъ которыхъ оно будетъ играть извѣстную роль, но только преобразовавшись и принявъ форму католицизма. Въ качествѣ послѣдняго оно откажется отъ обѣтовъ первоначальнаго христіанства по отношенію къ главнѣйшимъ элементамъ соціальнаго вопроса своего времени.

Уже ученіе апостоловъ о рабствѣ имѣло главнымъ образомъ идеалистическій характеръ: во Христѣ нѣтъ рабовъ, всѣ люди свободны и равны, но рабъ долженъ повиноваться своему господину; господинъ долженъ быть кротокъ относительно своего раба. Этому уже раньше учила, это уже раньше совѣтовала философія, но эти прекрасные афоризмы и высоконравственныя поученія не соотвѣтствовали однакоже житейской дѣйствительности и положительному праву. Превратившись въ католическую церковь, христіанство примиряется съ рабствомъ и крѣпостнымъ правомъ вплоть до кануна французской революціи, и точно также подчиняется свѣтскому деспотизму—въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не успѣваетъ подчинить себѣ свѣтской власти. Блаж. Августинъ, Ѳома Аквинскій, Боссюэтъ признавали справедливымъ существованіе рабства.

Что касается собственности, формы которой такъ тѣсно связаны съ формами труда, то Христосъ сказалъ: «Если желаете быть совершенны, продайте все имѣніе ваше и раздайте его бѣднымъ». Такъ возникли первыя христіанскія общины. Св. Юстинъ прибавилъ: «Мы приносимъ все, что̀ имѣемъ, и дѣлимъ все съ бѣдными»; а Тертулліанъ выразился еще опредѣленнѣе: «все у насъ—общее, за исключеніемъ женъ». Это отреченіе отъ собственности было добровольнымъ. Собственникъ, богатый становился такимъ образомъ «раздавателемъ», органомъ экономическаго распредѣленія; предоставляя свое имѣніе къ услугамъ общины, онъ обыкновенно оставался его управителемъ и распредѣлялъ богатство между членами общины.

У нѣкоторыхъ представителей католицизма взгляды на собственность носятъ рѣзко коммунистическую окраску. Экономическій коммунизмъ возникалъ естественно, въ силу того, что въ римской имперіи право собственности стало монополіей крайне ограниченнаго круга лицъ: «земля была дана сообща богатымъ и бѣднымъ. Отчего же, богачи, вы себѣ присвоиваете нашу собственность?» «Природа создала все для общаго употребленія. Природа сотворила общую собственность, только захватъ сдѣлалъ ее частною» (Амвросій, De officiis кн. I, гл. 28).

Распространяясь по свѣту, христіанство приспособляется къ обстоятельствамъ. Уже Климентъ Александрійскій не предписываетъ отказываться отъ богатствъ, а совѣтуетъ только презирать

ихъ. «Когда намъ приказано отказываться отъ всѣхъ богатствъ и продавать все имѣніе наше, то слова эти относятся къ нашимъ страстямъ и злымъ чувствамъ нашего духа». Блаж. Августинъ сравниваетъ общество съ тѣломъ индивида, всѣ фазы развитія котораго обществомъ воспроизводятся. Кромѣ того онъ высказываетъ въ значительной степени оригинальный взглядъ, что общественный порядокъ, а слѣдовательно и прогрессъ провиденціальны, допускаютъ перемѣны, ростъ и уменьшеніе. «Богъ знаетъ, что̀ приличествуетъ всякому періоду, всякой эпохѣ; онъ измѣняетъ, прибавляетъ, отнимаетъ. Всѣ эти перемѣны, причины которыхъ ускользаютъ отъ насъ, образуютъ въ его предначертаніяхъ чудесную гармонію; это какъ бы великолѣпное пѣніе великаго артиста». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Deus ordinem seculorum tanquam pulcherrimum carmen ex quibus quasi antithetis illustravit» *). Онъ основываетъ право собственности на правѣ верховной власти, которая является создательницей человѣческаго права. Оспаривать первое значитъ подвергать сомнѣнію вторую. Съ этихъ поръ примиреніе между католицизмомъ, собственностью и принципомъ верховной власти представляетъ совершившійся фактъ. Примиреніе съ государями было тѣмъ легче, что, какъ справедливо замѣтили Тертулліанъ и св. Амвросій, несмотря на направленныя противъ христіанъ преслѣдованія, среди послѣднихъ не оказалось ни одного, кто поднялъ бы свою руку противъ тирана. Уваженіе къ принципу верховной власти проповѣдывалось отцами церкви первыхъ четырехъ вѣковъ. Борьба между духовной и свѣтской властью со всѣми ея послѣдствіями, не исключая освященія права возстанія и цареубійства, относится уже къ послѣдующему періоду исторіи католицизма, когда онъ самъ сдѣлался оффиціальной силой.

Та же эволюція незамѣтнымъ образомъ совершается по вопросу о свободѣ совѣсти. Постановка этого вопроса была естественнымъ слѣдствіемъ провозглашеннаго стоической философіей ученія о свободѣ воли, и ученіе о свободѣ совѣсти было единственнымъ почти убѣжищемъ несчастныхъ и соціальныхъ—или вѣрнѣе нравственныхъ—реформаторовъ того времени. Слабая еще церковь нуждалась въ терпимости. «Мы требуемъ правъ, общихъ съ другими, писалъ Атенагоръ; мы желаемъ чтобы насъ не презирали и не преслѣдовали за то только, что мы называемъ себя христіанами». «Религія, говоритъ Лактанцій,—единственное мѣсто, которое избрала себѣ жилищемъ свобода. Она прежде всего добровольна, и нельзя никого принудить поклоняться тому, чему

*) Civitas Dei, XI, 18.

онъ не желаетъ. Можно только заставить его притворяться. Нѣкоторые, не устоявъ передъ страхомъ казни или передъ пытками, могли согласиться принести отвратительныя для нихъ жертвы, но, ставши свободными, они тотчасъ же возвращаются къ Богу и стараются выпросить у него прощеніе молитвами и слезами». Въ такихъ же приблизительно словахъ Тертулліанъ защищалъ свободу мысли и вѣроисповѣданія. Таково было ученіе зарождающейся церкви. Но когда католицизмъ восторжествовалъ, гоненіе противъ аріанъ, а въ Африкѣ противъ донатистовъ открыло длинный рядъ жестокостей и ужасающаго деспотизма; возвращеніе къ принципамъ вѣротерпимости въ настоящее время свидѣтельствуетъ о начинающемся упадкѣ его вліянія. Главнымъ виновникомъ такого преобразованія евангельскаго ученія былъ блаж. Августинъ, и по этому вопросу, какъ и по вопросу о рабствѣ, вдохновившій впослѣдствіи Боссюэта. Ему же во время спора съ Пелагіемъ принадлежитъ выработка метафизическаго ученія, согласующаго свободу воли съ необходимостью, ученія, получившаго дальнѣйшее усовершенствованіе во время борьбы между арминіанами и кальвинистами.

Какимъ измѣненіямъ подвергнется среди этого соціальнаго переворота представленіе о прогрессѣ? Мы нашли его въ евангеліи въ видѣ точно опредѣленнаго идеала, извѣстнаго благодаря откровенію и которому остается только получить признаніе со стороны всего человѣческаго рода. Человѣчество ищетъ спасенія въ Богѣ, который есть Начало и Конецъ всѣхъ вещей. Любовь къ Богу, ведущая къ спасенію, становится средоточіемъ помышленій христіанина этой эпохи. Богъ есть награда, обѣщанная тѣмъ, кто исповѣдуетъ Его, Бога всеблагого, совершеннѣйшій образецъ всѣхъ добродѣтелей, и презираетъ «то, что̀ здѣсь на землѣ называютъ смертью: потому что истинная смерть—та, которая обрекаетъ вѣчному огню не признавшихъ Господа». Такимъ образомъ въ подражаніи Христу съ самаго возникновенія христіанства содержалась въ глубокихъ тайникахъ вѣрованія не одна только христіанская любовь, но также догматъ награды и каръ, отъ которыхъ впослѣдствіи фанатики католицизма мало по малу дошли до костровъ инквизиціи.

Въ дѣйствительности ни одинъ идеалъ—будемъ ли мы говорить объ идеалѣ первоначальной церкви или идеалѣ науки—не постояненъ и не неизмѣненъ. Измѣненія начинаются уже въ первомъ періодѣ существованія церкви. Гностики принимаютъ христіанство, какъ дѣло божественнаго искупленія, но пытаются истолковать новую религію при помощи принциповъ восточнаго умозрѣнія и дать болѣе полное рѣшеніе глубочайшихъ теософи-

ческихъ вопросовъ: того, какимъ образомъ матерія связана съ духомъ; какимъ образомъ существуютъ формы; какъ развилась новая религія; въ какой мѣрѣ слѣдуетъ считаться со зломъ; какова конечная цѣль, къ которой все стремится; каково мѣсто, цѣли и предназначеніе человѣчества; въ какомъ отношеніи религіи, предшествовавшія христіанству, подготовили его и отчасти осуществили его задачи? Но вопросы эти обсуждаются и рѣшаются безъ принятія въ разсчетъ фактовъ, и тщетно было бы искать въ попыткахъ рѣшенія ихъ—историческаго метода и соціологическихъ обобщеній. Всѣ эти смѣлыя формулы и споры гностиковъ объ эволюціи, эманаціи, эонахъ, дуализмѣ и т. д. не привели ни къ какимъ сколько нибудь яснымъ представленіямъ о соціальномъ прогрессѣ.

Болѣе широкое представленіе мы встрѣчаемъ у монтанистовъ. Они считали христіанство откровеніемъ неполнымъ, возвѣщали особое искупленіе и царство Духа Святаго, приходъ котораго обѣщанъ. Тертулліанъ, защищая свою ересь, прилагалъ этотъ взглядъ о новомъ прогрессивномъ развитіи ко всей религіозной исторіи: «Въ дѣлахъ благодати, какъ и въ дѣлахъ природы, истекающихъ отъ одного и того же Создателя, все развивается опредѣленными и послѣдовательными шагами. Изъ зерна развивается ростокъ, который мало по малу превращается въ колосъ, несущій на себѣ цвѣтокъ, а за цвѣткомъ послѣдуетъ плодъ, который медленно и мало по малу созрѣетъ». Такимъ образомъ, царство Справедливости развивается опредѣленными ступенями. Сначала пробуждается голосомъ природы страхъ Божій; затѣмъ слѣдуетъ дѣтство народовъ подъ властью закона и пророковъ; потомъ юность подъ властью Евангелія; наконецъ наступитъ зрѣлость въ силу новаго откровенія Св. Духа согласно ученію Монтануса. Какъ можно думать, что дѣло Божіе останется неподвижнымъ и не будетъ непрерывно развиваться, когда царство зла непрерывно расширяется и пріобрѣтаетъ новое могущество? Такимъ образомъ изъ явленій упадка Римской имперіи Тертулліанъ заимствовалъ доводы въ пользу своего представленія о прогрессѣ. Впрочемъ, то, что онъ считалъ прогрессомъ—въ весьма малой мѣрѣ заслуживаетъ этого имени, аргументація его носитъ чисто богословскій характеръ, а пессимистъ могъ бы съ полнымъ правомъ задать Тертулліану вопросъ, какимъ образомъ царство Сатаны можетъ расширяться безъ ущерба царству Божію.

Прогрессъ, о которомъ говоритъ Тертулліанъ, не имѣетъ ничего общаго съ естественной прогрессивной эволюціей, совершающейся непрерывно, подъ исключительнымъ вліяніемъ соціальныхъ факторовъ; это—рядъ откровеній; и ученіе Тертулліана

исходитъ изъ представленія о Божествѣ, ниспосылающемъ откровеніе, затѣмъ изъ представленія о предопредѣленномъ планѣ и конечной цѣли. Большинство христіанъ вѣрило вмѣстѣ съ монтанистами въ наступленіе тысячелѣтняго матеріальнаго царства. Въ этомъ ожиданіи содержалось не только ошибочное истолкованіе обѣщаній писанія, но и убѣжденіе, что царство зла можетъ быть сокрушено только сверхъестественнымъ и внѣшнимъ вмѣшательствомъ. Кромѣ того это вѣрованіе предполагало недостатокъ вѣры въ присущую христіанству способность произвести соціальное преобразованіе *). Масса не удовлетворяется и не можетъ вѣчно удовлетворяться идеальной и неземной пищей. Христіанство принуждено было или осуществлять на землѣ свой идеалъ, или приспособляться къ окружающимъ условіямъ; и при этомъ приспособленіи къ окружающей средѣ католицизмъ не отступилъ передъ позорнѣйшимъ отреченіемъ отъ важнѣйшихъ пунктовъ евангельскаго ученія.

Юстинъ мученикъ и Климентъ Александрійскій положили начало примиренію христіанскаго общества съ древнимъ, указывая на нити, связующія христіанство съ язычествомъ, и выясняя, что языческая философія была необходимой предварительной ступенью, подготовившей народы къ принятію евангелія. По ихъ мнѣнію, языческая мудрость была заимствована изъ еврейскихъ священныхъ книгъ. Эти взгляды соотвѣтствовали истинѣ только въ той мѣрѣ, насколько они выясняли непрерывный характеръ историческаго развитія. Они были ошибочны въ томъ отношеніи, что упускали изъ виду научную основу, на которой покоилось древнее міросозерцаніе, основу, хотя и недостаточную, но весьма важную, и которую христіанство систематически игнорировало и отвергало.

Почти полное отсутствіе научныхъ основъ является одной изъ характеристическихъ чертъ первобытнаго христіанства. И когда оно примыкаетъ къ греко-римской философіи, то вступаетъ въ союзъ съ наименѣе удачными элементами послѣдней. Взгляды Оригена на твореніе и исторію заимствованы у языческаго спиритуализма, но видоизмѣнены подъ вліяніемъ христіанскихъ ученій и интересовъ; они вырождаются въ смутный мистицизмъ, среди котораго замѣтны только обрывки глубокихъ и плодотворныхъ мыслей, позволяющихъ предположить, что сознаніе непрерывности общественной эволюціи не совсѣмъ еще утрачено. Гипотеза Оригена о рядѣ міровъ, послѣдовательно подвергающихся сожженію и вновь возраждающихся, заимствована по-

---

*) R. Flint, *History of philosophy of history*.

видимому изъ индійскихъ ученій или изъ стоической философіи. Отъ индійскихъ умозрѣній взгляды Оригена существенно отличаются тѣмъ, что онъ принимаетъ ученіе о свободѣ воли, данное впервые стоической философіей. Кромѣ того, его теорія послѣдовательнаго образованія міровъ была отчасти оригинальна, такъ какъ по крайней мѣрѣ относительно обитателей ихъ Оригенъ допускалъ, что смѣняющіеся міры не воспроизводятъ съ однообразной точностью другъ друга. Что касается земли, то она населена падшими ангелами. Тѣмъ не менѣе, всѣ падшія существа наконецъ возвращаются къ единенію съ Богомъ, но не внезапно, а медленно и постепенно. Въ ряду индивидуальныхъ существованій въ теченіе безчисленныхъ вѣковъ, обнимающихъ послѣдовательное возникновеніе и смѣну міровъ, нѣкоторые индивиды опережаютъ другихъ и быстрѣе достигаютъ совершенства, тогда какъ другіе слѣдуютъ, увлекаемые ими; наконецъ, третьи, еще болѣе медленные, остаются далеко позади. Такимъ образомъ безчисленное множество все совершенствующихся существъ перешли отъ вражды къ Господу къ постепенному примиренію съ нимъ,— и послѣдній врагъ Бога, смерть окончательно сокрушена, насколько она можетъ быть сокрушена,—въ томъ смыслѣ, что она перестаетъ быть врагомъ. Во взглядахъ Оригена сквозитъ такимъ образомъ смутное сознаніе непрерывности и солидарности человѣческаго рода, благородное представленіе объ эволюціи человѣчества. Но представленія его отличаются абсолютнымъ оптимизмомъ. Существованіе зла прекращается, хотя тогда логическая послѣдовательность требовала бы, какъ въ религіи Зороастра, и прекращенія существованія источника добра. Трудно впрочемъ отыскать въ ученіяхъ этой эпохи какую либо связность и послѣдовательность. Въ нихъ восприняты всѣ, даже грубѣйшія, суевѣрія и легенды; съ одной стороны протягиваютъ руку суевѣрію, съ другой—философіи, если только послѣдняя можетъ быть согласована съ теодицеей и съ ученіемъ о безсмертіи души. Происходитъ это впрочемъ естественно, безъ заднихъ мыслей и плановъ.

Кипріанъ является представителемъ пессимистическихъ теченій эпохи, и совмѣстное существованіе этихъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія указываетъ на то, что общество эпохи представляло смѣсь добра и зла, причемъ оцѣнка существующаго положенія современными писателями колеблется то въ ту, то въ другую сторону въ зависимости отъ личнаго ихъ настроенія и отъ условій окружающей среды. Кипріанъ полагалъ, что міръ съ теченіемъ времени старѣется, — грубое, но довольно естественное представленіе, нелѣпое несмотря на то, что оно кажется содержащимъ въ себѣ тавтологію. Міръ, по его мнѣнію, утрачиваетъ

съ каждымъ днемъ часть своей силы и совершенства и стремится къ конечному разложенію. Этотъ божественный законъ и былъ главной причиной земныхъ бѣдствій, которыя языческіе современники Кипріана приписывали неуважительному отношенію христіанъ къ богамъ *).

Оставимъ теперь на время исторію развитія христіанской мысли въ теченіе первыхъ столѣтій послѣ Р. Х. и обратимся къ другимъ современнымъ теченіямъ, участвовавшимъ въ созданіи коллективной мысли. Уже въ первомъ вѣкѣ, еврей Филонъ, современникъ Христа, стремится примирить іудаизмъ съ философіей Платона. Политическіе его взгляды, какъ и политическіе взгляды Боссюэта, опираются на Св. Писаніи. Провидѣніе управляетъ судьбами человѣчества Первосвященникъ, стоящій выше всѣхъ царей, является его истолкователемъ. Занимая мѣсто впереди всѣхъ священниковъ, а слѣдовательно, и тѣмъ паче, впереди всѣхъ вѣрующихъ, онъ безгрѣшенъ, но только тогда, когда одѣтый въ первосвященническое облаченіе приноситъ годичную жертву. Католицизмъ, незамѣтно создавая крѣпко сплоченную подъ властью единаго главы іерархію, усвоилъ себѣ эти теоріи. Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что по ученію Филона первосвященникъ, являясь представителемъ Бога, избирается всѣмъ народомъ согласно закону Моисея, и—что весьма важно съ точки зрѣнія общественныхъ успѣховъ—рядомъ съ первосвященникомъ допускается существованіе и дѣятельность служителей и органовъ прогресса—пророковъ. Послѣдніе—люди Божіи, непосредственно вдохновляемые Господомъ. Ихъ общественная миссія состоитъ въ пополненіи и исправленіи закона, и въ этой роли они возвышаются даже надъ первосвященникомъ, царями и народомъ. Мессія, въ качествѣ пророка, являлся такимъ образомъ однимъ изъ двигателей еврейскаго общественнаго механизма, соотвѣтствовавшимъ требованіямъ писанія: этимъ всего очевиднѣе доказывается родство евангельскаго ученія съ ветхимъ завѣтомъ. Филонъ кромѣ того проповѣдывалъ принципы равенства, и проповѣдь его носила болѣе реальный характеръ, чѣмъ проповѣдь христіанства, перенесшаго требованія равенства въ идеальный міръ. По Филону политика есть «искусство искусствъ, наука наукъ». Какъ ни разнообразны правительства, всѣ они основаны на необходимости защищать слабыхъ противъ сильныхъ. Задача законодателя состоитъ не въ томъ, чтобы доставить торжество добродѣтели, а въ томъ, чтобы обезпечить справедливость. Въ основѣ послѣдней лежитъ признаніе равенства всѣхъ людей, дѣ-

---

*) Lib. ad Demetrium, III, IV.

тей одного Отца. Все, что́ создаетъ неравенство, является зломъ; только Калигулы могутъ утверждать, будто неравенство установлено божественнымъ закономъ. Всѣ люди принадлежатъ къ сословію благородныхъ, такъ какъ всѣ люди—дѣти Божіи и принадлежатъ къ роду, не имѣющему себѣ равныхъ. Лучшимъ государственнымъ строемъ является строй, основанный на принципѣ равенства, худшимъ—господство черни (охлократія).

Въ то же время среди философовъ, благодаря успѣхамъ наблюдательныхъ наукъ, включая сюда и исторію, началось критическое изученіе языкознанія и религіи. Въ формѣ философскаго эклектизма совершался подборъ идей, болѣе всего соотвѣтствовавшихъ данному общественному строю и условіямъ среды. Положеніе дѣлъ было во всѣхъ отношеніяхъ плачевное. Централизація политическая, сосредоточеніе въ немногихъ рукахъ богатствъ и, въ частности, владѣнія землей достигли во II вѣкѣ христіанской эры своего апогея; начинается упадокъ литературы и искусства, пріостановка научнаго движенія. Философія, погрузившись въ мечтанія, цѣпляется за платоновскій идеализмъ. Плотинъ (205—270) учитъ, что міръ представляетъ собой истеченіе жизни божественной и что поглощеніе его въ Богѣ представляетъ конечную цѣль существованія. Въ основѣ этого ученія лежатъ тѣ же представленія о циклическомъ развитіи обществъ, но они носятъ уже не физическій и механическій характеръ, а религіозный. Во главѣ стоитъ провидящій Духъ, являющійся началомъ и концомъ всего существующаго; духъ есть не медленно и поздно добытое пріобрѣтеніе исторіи, онъ существовалъ въ началѣ мірозданія. Въ самомъ дѣлѣ, степеней божественнаго истеченія—три: во-первыхъ — духовная, во-вторыхъ—животная, въ третьихъ—тѣлесная. Троякимъ образомъ достижимо также конечное исчезновеніе индивидуальнаго существованія въ Богѣ: во 1-хъ путемъ подавленія чувственнаго воспріятія; во 2-хъ путемъ подавленія разума; въ 3-хъ при помощи мистической интуиціи. Въ ученіи Плотина мы находимъ одну изъ первыхъ интересныхъ гипотезъ относительно законовъ роста и вырожденія организмовъ индивидуальныхъ и общественныхъ; но гипотеза эта абсолютно противонаучна; интересъ ея состоитъ только въ образованіи понятія, которое впослѣдствіи войдетъ въ качествѣ одного изъ наиболѣе существенныхъ элементовъ въ положительную теорію общественнаго прогресса и регресса. По Плотину вселенная вытекаетъ изъ абсолютнаго, какъ свѣтъ—изъ солнца, теплота—изъ пламени, слѣдствіе—изъ аксіомы. Во всемъ, что́ произошло путемъ истеченія изъ божества, существуетъ смутное или сознательное стремленіе вернуться къ нему, epistropha. Мы находимъ тутъ за-

чатокъ того, что́ въ настоящее время называется закономъ возврата къ первобытнымъ формамъ, закономъ, выведеннымъ не изъ богословскихъ основаній, а какъ результатъ наблюденія извѣстныхъ явленій индивидуальныхъ и общественныхъ. Въ новоплатоновскомъ ученіи Плотина—все тяготѣетъ къ божеству и стремится приблизиться къ нему, слѣдствіемъ чего и является міровая гармонія. Созерцаніе, интуиція представляютъ такой возвратъ существа къ божественному источнику и наполняютъ душу блаженствомъ. Что касается первичной эманаціи, то она—таинство, чудо, какъ самъ Богъ. Это была наиболѣе разумная часть ученія Плотина, но при данныхъ соціальныхъ условіяхъ плотиновское ученіе не могло заполнить пустоты, явившейся вслѣдствіе разрушенія старыхъ вѣрованій. Отмѣтимъ также тѣсную связь, которую Плотинъ устанавливаетъ между философіей прогресса и теоріей счастья. Та и другая въ самомъ дѣлѣ тѣсно связаны въ сознаніи, какъ прогрессъ и счастье связаны въ реальномъ мірѣ. Затѣмъ, неоплатонизмъ былъ склоненъ презрительно относиться къ тѣлу и ко всему, что̀ не являлось чистымъ духомъ. Человѣческія души не всегда были заключены въ грубыхъ тѣлахъ. Онѣ вначалѣ были небесными душами, находившимися въ общеніи съ божествомъ. Таково было объясненіе первоначальнаго грѣхопаденія человѣческаго рода. Это паденіе и воплощеніе душъ, переходъ ихъ въ земныя тѣла представляютъ одинъ и тотъ же актъ. Но душа можетъ возстать и вернуться къ божеству. Это ученіе имѣетъ много общаго съ христіанскимъ, съ той разницей, что въ послѣднемъ контуры болѣе сглажены и менѣе рѣзки. Но тѣ же представленія мы находимъ и въ основѣ еврейскихъ ученій того времени, въ ученіяхъ каббалистовъ и александрійской еврейской философіи. Въ свою очередь еврейскія ученія связаны съ персидскими, и при посредствѣ послѣднихъ, а также и другихъ связующихъ нитей—съ индійскими. Такимъ образомъ, многочисленныя теченія содѣйствовали образованію одного вселенскаго вѣрованія, одного коллективнаго сознанія, быть можетъ достигшаго не особенно значительной высоты, но зато болѣе сложнаго и широкаго, чѣмъ прежнія областныя формы коллективнаго сознанія.

Въ данный моментъ эта координація представленій совершается, къ сожалѣнію, исключительно въ одной области—религіозной. Греческая философія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе религіозную окраску, но не имѣющую ничего общаго съ политеизмомъ. Послѣдовательныя ступени этой эволюціи представляютъ ученія Порфирія (ум. въ Римѣ въ 301 г.), Ямвлиха (ум. около 330) и Прокла (412—485). Съ послѣднимъ философія до-

стигаетъ крайней степени вырожденія: она вернулась ко всѣмъ грубѣйшимъ народнымъ суевѣріямъ, отъ которыхъ она такъ долго и съ такимъ трудомъ освобождалась; она кончила тѣмъ, съ чего начала. Это было вполнѣ естественно: философія все болѣе и болѣе отдалялась отъ науки, бывшей для нея опорой во время ея прогрессивнаго развитія. Для Прокла реальное значеніе религіи сводится къ магіи, для Платона—къ осуществленію справедливости. Разстояніе между этими двумя взглядами на значеніе религіи громадно; такое же почти разстояніе отдѣляетъ въ дѣйствительности философію отъ грубѣйшихъ формъ религіозныхъ вѣрованій.

Въ 524 году Юстиніанъ закрываетъ среди всеобщаго равнодушія аѳинскую школу. Поступокъ его нельзя назвать ни хорошимъ, ни дурнымъ. Онъ явился завершителемъ закончившагося уже процесса: міръ былъ христіанскимъ.

ГЛАВА V.

Средніе вѣка.

Феодальный строй и средневѣковое общество являются непосредственнымъ продолженіемъ греко-римскаго міра. Послѣдній сдѣлался бы феодальнымъ и проникся бы религіознымъ настроеніемъ и безъ варваровъ и безъ христіанства. Экономическая эволюція привела его къ крупной поземельной собственности: прежнее, сравнительно равномѣрное распредѣленіе собственности, ограждавшее свободу и чувство достоинства римскихъ гражданъ, естественно, въ силу необходимыхъ условій, смѣнилось колонатомъ и рабствомъ; во времена имперіи Римъ сталъ добычей нетолько политической, но и экономической олигархіи. Всюду и всегда политическая власть видоизмѣняется сообразно съ видоизмѣненіемъ формъ собственности; нравственный и юридическій строй формируется въ зависимости отъ строя экономическаго. При этихъ условіяхъ другой религіозный центръ совершилъ бы съ небольшими отличіями то же, что̀ совершенно было христіанствомъ. Нашествіе варваровъ имѣло то значеніе, что сообщило крупной поземельной собственности военную организацію, которая была свойственна и мелкой поземельной собственности римскихъ гражданъ при ея возникновеніи. Постепенно къ праву собственности присоединились права — верховной власти, судопроизводства, чеканки монеты, обложенія податями. Католицизмъ

въ свою очередь въ высшей степени легко приспособился къ феодальному іерархическому строю, сталъ крупнымъ собственникомъ, а при случаѣ и военнымъ дѣятелемъ, присоединилъ къ своимъ функціямъ свѣтскую верховную власть; руководители католической церкви были сеньоры, стоявшіе другъ по отношенію къ другу въ зависимыхъ вассальныхъ отношеніяхъ, и подчиненные всѣ одному верховному главѣ—папѣ.

Ог. Контъ утверждаетъ, что «мысль о соціальномъ прогрессѣ обязана своимъ возникновеніемъ отчасти христіанству, торжественно провозгласившему провосходство новаго закона надъ старымъ». Не подлежитъ сомнѣнію, что христіанство съ идеалистической точки зрѣнія стояло въ нравственномъ отношеніи выше іудаизма. Идеализмъ легко формулируетъ въ высшей степени широкіе и весьма возвышенные принципы и максимы; принципы эти тѣмъ болѣе возвышенны и широки, чѣмъ менѣе они поддаются точной формулировкѣ и приложенію на практикѣ. Для того, чтобы перенести въ неизмѣримую даль идеалы, которые люди желали видѣть осуществленными передъ ихъ глазами, и примирить ихъ на много вѣковъ съ этой мечтой, нужна была громадная нравственная сила, но въ то же время и крайне подавленное соціальное положеніе массы. Кромѣ того, это указываетъ на недостаточное развитіе научнаго и философскаго пониманія соціальныхъ вопросовъ. Оттѣсненіе мистицизмомъ на задній планъ науки и философіи въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ не можетъ быть разсматриваемо, какъ прогрессъ. Феодализмъ и вообще средневѣковый католическій строй представляютъ результатъ банкротства великой цивилизаціи, которая не съумѣла во-время перестроить на новыхъ началахъ экономическій строй—какъ то пытались дѣлать неоднократно соціальные реформаторы Греціи и Рима,—и продолжая развиваться естественнымъ порядкомъ, привела къ средневѣковому общественному строю. Если христіанство усилило прогрессивныя стремленія, то только косвенно, давая въ періодѣ своего образованія краснорѣчивое и искреннее выраженіе скорби древняго міра, выступая въ качествѣ обвинителя его несправедливостей и пороковъ. Но католицизмъ быстро преобразовалъ идеалы христіанства подъ вліяніемъ сильныхъ міра, противъ которыхъ христіанство готовилось бороться. Католицизмъ не съумѣлъ устоять противъ искусителя, показавшаго ему съ вершины горы земныя царства. Съ этой поры прогрессъ достигается путемъ борьбы съ католицизмомъ, безъ его содѣйствія и наперекоръ ему.

Христіанство стояло выше древнихъ религій уже потому, что оно являлось центромъ болѣе обширной религіозной координаціи,

чѣмъ прежнія религіи. Оно заимствовало у философіи наименѣе научные ея элементы, но въ то же время оно подняло на высшую ступень народныя вѣрованія, очистило ихъ и объединило; такимъ образомъ, понижая уровень философскихъ представленій и возвышая уровень представленій религіозныхъ, оно создало нѣкоторый средній и общій уровень, породило нѣкоторую общность чувствъ, идей и учрежденій, благодаря чему католическій міръ и представилъ собой организмъ болѣе обширный, болѣе поддающійся сложнымъ дальнѣйшимъ преобразованіямъ, чѣмъ всѣ предшествующіе. Католицизмъ сталъ буддизмомъ запада. Легко прослѣдить, какъ западная церковь приспособлялась къ феодальному строю и согласовала, въ частности, съ его организаціей собственности свое ученіе. Теперь католическая церковь не утверждаетъ уже, что земля принадлежитъ всѣмъ; земля принадлежитъ Богу, который въ качествѣ феодальнаго сеньора уступаетъ ее во временное пользованіе. Фюстель-де-Куланжъ въ своихъ Origines du Systéme féodal прекрасно выяснилъ, какъ посредствомъ медленно совершавшихся измѣненій феодальныя учрежденія естественнымъ путемъ развились изъ римскихъ учрежденій. Такъ напр. теорія прекаріальнаго права [1]) на землю въ связи съ колонатомъ привела къ созданію новой системы собственности и верховной власти.

Сальвіенъ, пишущій въ Галліи въ началѣ варварскаго нашествія, уже ясно формулируетъ новую теорію собственности и кстати убѣждаетъ христіанъ завѣщать свое имущество церкви. Послѣдняя превращается уже въ феодальную іерархію, а новымъ закономъ собственности будетъ: нѣтъ земли безъ сеньора и—что̀ еще важнѣе для духовныхъ руководителей—нѣтъ сеньора безъ земли:

«Никто, говоритъ онъ, не сомнѣвается въ томъ, что все наше земное достояніе дано намъ по *милости* Божіей; мы должны поэтому употреблять это достояніе на служеніе Господу, такъ какъ только Его щедрости мы обязаны своимъ богатствомъ. Если человѣкъ получаетъ по *милости* другого человѣка право пользоваться какимъ нибудь имѣніемъ, то онъ не является въ силу этого его владѣльцемъ; и если забывши того, кто уступилъ ему пользованіе имѣніемъ, онъ будетъ пытаться завладѣть послѣднимъ и присвоить себѣ на него право собственности, не скажемъ ли мы, что онъ неблагодаренъ и невѣренъ, такъ какъ онъ забылъ человѣка, облагодѣтельствовавшаго его, и желаетъ лишить права собственности на имѣніе то самое лицо, которое уступило ему право пользованія этимъ имѣніемъ? Таково наше положеніе относительно Господа. Имущество, которымъ мы владѣемъ по Его милости, мы получили только во временное пользованіе наше. Оно дано намъ взаймы. Мы — временные его владѣльцы и пользователи. Неужели же мы попытаемся похитить это имущество у Господа и присвоить себѣ

---

[1]) *Прим. пер.* Прекаріальнымъ правомъ пользованія въ Римѣ называлось такое, при которомъ владѣлецъ имущества не былъ совершенно стѣсненъ срокомъ и могъ лишить права пользованія во всякое время.

права на него? Развѣ мы не знаемъ, что имѣемъ только право на пользованіе имъ? Мы владѣемъ имъ только до тѣхъ поръ, пока это угодно тому, кто уступилъ намъ это право. Съ того момента, какъ имущество выходитъ изъ нашихъ рукъ, владѣніе имъ должно вернуться въ руки владѣльца, т. е. Бога».

Богъ, черезъ посредство церкви, являлся представителемъ общаго права на естественныя богатства, но такъ какъ соціальная структура общества стремилась принять феодальную форму, то и ученіе западной церкви развивалось въ томъ же направленіи, и Богъ разсматривался ею какъ сюзеренъ, распредѣляющій лены за присягу въ вѣрности и подданствѣ.

Ог. Контъ приписываетъ католицизму честь отдѣленія духовнаго элемента отъ свѣтскаго. Не говоря уже о томъ, что такое отдѣленіе никогда не могло бы быть полнымъ, оно было дѣломъ первоначальнаго христіанства, подготовленнымъ стоической и платоновской философіей. Христіанство осуществило этотъ разрывъ, потому что идеалъ его былъ неосуществимъ на практикѣ. Католицизмъ, напротивъ того, не только не старался поддержать этотъ разрывъ, но возстановилъ связь между духовною и свѣтскою властью. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ политическое равновѣсіе колеблется между теократіей и свѣтской имперіей. И та и другая стремятся отстоять по крайней мѣрѣ свою самостоятельность, когда онѣ не въ состояніи занять господствующаго положенія. До Карла В., а также въ его царствованіе церковь занимаетъ подчиненное положеніе. Карлъ В., спасшій ее отъ враговъ, въ то же время даетъ ей возможность захватить въ свои руки свѣтскую власть. Съ появленіемъ Лже-Декреталій римская церковь старается оправдать свои права на верховенство при посредствѣ обмана и подлога; впослѣдствіи она будетъ отстаивать ихъ мечомъ и огнемъ.

Въ XI вѣкѣ низложеніе Генриха IV папой Григоріемъ VII является первой попыткой осуществленія новыхъ ученій католической теократіи; въ то же время Іоаннъ Салисбюрійскій самостоятельно освѣжаетъ старое ученіе, оправдывающее убійство тирановъ. Впрочемъ, въ эту эпоху и въ слѣдующемъ вѣкѣ большинство политическихъ писателей — монахи и духовныя лица. Но умственная жизнь начала уже возрождаться. Христіанскій міръ постепенно начиналъ выходить изъ того состоянія подавленности и оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ пребывалъ около 1.000 года, когда всѣ ожидали рокового конца міра. Даже наиболѣе просвѣщенные умы этой несчастной эпохи, Григорій Турскій, Фредегеръ, Оттонъ Фрейзингенскій и др., не избѣжали этихъ опасеній, и въ произведеніяхъ ихъ мы находимъ слѣды послѣднихъ. Всякое представленіе о прогрессѣ должно было погибнуть и дѣйствительно погибло въ эту темную ночь, населен-

ную всякими призраками, между прочимъ призракомъ голода, передъ которыми трепетало народное сознаніе.

Къ концу XII и въ XIII вѣкѣ идея прогресса опять возрождается. Въ дворцовой школѣ Карла Великаго и Карла Лысаго Алкуинъ и Скотъ Эригена положили начало преподаванію схоластики; это не было явленіемъ единичнымъ: всюду схоластика была формой, въ которую облекались первые начатки возрожденія разума на почвѣ, проникнутой религіозными представленіями. Въ то же время схоластика не была явленіемъ исключительно свойственнымъ христіанскому міру — она была на самомъ дѣлѣ явленіемъ всеобщимъ. Она развивалась въ католическихъ странахъ—Франціи, Англіи, Германіи, Италіи—и въ Испаніи, Африкѣ, Азіи, исповѣдывавшихъ іудейство и исламъ. Вначалѣ она была смиренной прислужницей богословія (theologiae ancilla), и новшество не внушало никакихъ опасеній. Оно состояло въ чисто-формальномъ приложеніи логическихъ категорій и діалектики Аристотеля къ ново-платоновской теодицеѣ, колебавшейся между христіанствомъ Оригена и павліанствомъ Августина. Сначала до XI вѣка преобладаютъ Августинъ и Платонъ. Начиная съ Абеляра и номиналистовъ, перевѣсъ склоняется на сторону Аристотеля. Наконецъ, благодаря еврейскому и арабскому вліянію, Аристотель становится вдохновителемъ томистовъ и скотистовъ, но все еще только съ точки зрѣнія діалектики и формальной логики и въ интересахъ согласованія разума съ вѣрой. Эта односторонняя эволюція продолжается цѣлые вѣка, и этапами ея являются возникновеніе метафизическаго богословія францисканцевъ и доминиканцевъ, споръ объ универсаліяхъ, борьба между номиналистами и реалистами, — и наконецъ, по мѣрѣ того, какъ возрождающаяся наука все болѣе отдѣляется отъ вѣры, движеніе оканчивается новымъ возвратомъ къ мистицизму.

Тѣмъ не менѣе, и теперь все это, кажущееся оживленнымъ, умственное движеніе было крайне поверхностнымъ. И народныя массы и вожди ихъ военные и гражданскіе исповѣдывали грубѣйшія суевѣрія, примыкавшія къ самымъ первобытнымъ вѣрованіямъ. Вѣрили въ колдуновъ, волшебниковъ и чернокнижниковъ. Въ Бретани были благородныя семейства древняго происхожденія, слюна и прикосновеніе которыхъ обладали цѣлебными свойствами. Короли Франціи исцѣляли золотушныхъ и обладали этой цѣлебной силой вплоть до революціи. Все это были могущественныя благодѣтельныя существа. Зловредныхъ же колдуновъ вѣшали или сжигали послѣ длинной и обстоятельной слѣдственной процедуры.

Возрожденіе идеи прогресса совпадаетъ съ возникновеніемъ ученія, сходнаго съ тѣмъ, которое мы встрѣтили уже въ первыя времена христіанства. Мы опять имѣемъ нѣчто вродѣ закона трехъ состояній, но закона, носящаго чисто религіозную окраску. Приверженцы «вѣчнаго евангелія», ученіе которыхъ изложено въ Liber introductorius Герарда ди Борго Санъ-Донино, дѣлятъ всемірную исторію на три великихъ періода. Ветхому Завѣту соотвѣтствуетъ царство Отца, царство закона и страха; Новому Завѣту—царство Сына, царство таинства; съ Іоахима Флорскаго начинается царство Духа Святаго, царство любви, которое Францискъ Ассизскій и его ученики продлятъ до конца міра. Въ евангеліи возвѣщено было и обѣщано появленіе новаго евангелія. Новый союзъ между Богомъ и человѣчествомъ долженъ закончиться подобно старому и уступить мѣсто третьей стадіи,— эпохѣ Духа Святаго. Идея прогресса воскресала такимъ образомъ въ умахъ въ мистической формѣ, а грядущій идеалъ представлялся все еще абсолютнымъ, неизмѣннымъ и неподвижнымъ. Этому вѣрованію благопріятствовало зрѣлище тогда уже становившейся замѣтною испорченности церкви. Главными представителями ученія были францисканцы. Они возвѣщали наступленіе новой эры, когда евангеліе явится во всей своей чистотѣ и совершенствѣ и осуществится спасеніе человѣка путемъ отреченія отъ земныхъ узъ и благъ и полнаго подчиненія внутреннему господству Духа Святаго. Амори Шартрскій, Іоахимъ Флорскій и братъ Герардъ, авторъ «Lib. introductorius in Aevangelium aeternum», формулировали въ сочиненіяхъ своихъ и проповѣдывали съ жаромъ это новое христіанство, которое впослѣдствіи въ философской формѣ мы найдемъ у Лессинга. По ученію іоахимистовъ царство Отца продолжалось четыре тысячи лѣтъ и въ теченіе этого времени руководство церковью принадлежало женатымъ людямъ; царство Сына длилось 1.200 лѣтъ и руководство принадлежало бѣлому духовенству; царство Св. Духа, которому положили начало Іоахимъ и св. Францискъ, будетъ продолжаться до конца міра, а духовными руководителями будутъ иноки, обрекшіе себя бѣдности, раскаянію и послушанію. Изъ сочиненій Боккачіо и Раблэ мы узнаемъ, что добродѣтели эти мало соотвѣтствовали человѣческой природѣ, и что мистицизмъ и стремленіе къ абсолютному часто состоятъ въ тѣсномъ союзѣ съ испорченностью и безуміемъ.

Вплоть до XIII вѣка господствуетъ ученіе о верховенствѣ духовной власти. При Иннокентіи III это верховенство достигаетъ своего апогея. Съ этого времени католическій строй начинаетъ разлагаться, вѣра, которою жила большая часть христіанскаго міра, начинаетъ мутиться. Удивительное, хотя и тяже-

ловатое равновѣсіе, поддерживавшееся въ теченіе многихъ вѣковъ, начинаетъ становиться непрочнымъ съ тѣхъ поръ, какъ католицизмъ перестаетъ быть объединяющимъ моментомъ для умственныхъ и нравственныхъ представленій общества.

Въ XIII вѣкѣ римское право воскрешается болонской школой. Противъ теократическаго абсолютизма юристы выдвигаютъ идею непрерывности римской имперіи, а слѣдовательно — всемірной монархіи. Это было бы конечно возвращеніемъ вспять, и этого возвращенія назадъ желали римскіе послы, говорившіе императору Фридриху: «*Верните* старыя времена; *воскресите* привиллегіи вѣчнаго города; пусть вѣчный городъ *опять* станетъ господиномъ вселенной; пусть дерзость вселенной будетъ усмирена такимъ императоромъ, какъ вы, и пусть вселенная *опять* приведена будетъ къ повиновенію передъ вѣчнымъ городомъ». Къ счастью, въ Европѣ попытка возстановленія римской имперіи должна была окончиться неудачей. Принципъ власти слишкомъ узокъ для того, чтобы онъ могъ стать связующей основой для складывающихся соціальныхъ отношеній, несравненно болѣе сложныхъ, чѣмъ въ древнемъ мірѣ; если міръ будетъ прогрессировать, то прогрессъ его поведетъ одновременно къ крушенію папства и римской имперіи. Французскіе юрисконсульты и Людовикъ Святой первые отвергаютъ теорію всемірной монархіи и верховенства духовной власти.

Схоластика въ свою очередь борется за ограниченіе абсолютизма, какъ въ свѣтской области, такъ и въ области убѣжденій. Да, говоритъ Ѳома Аквинатъ, нужна *воля,* но регулируемая *разумомъ*, и только законъ является руководителемъ нашихъ дѣйствій, указывающимъ, какъ намъ нужно дѣйствовать. Авторъ *Summa theologica* заимствуетъ свои взгляды отчасти отъ Цицерона, стоиковъ и (черезъ посредство Августина) отъ Платона, но, главнымъ образомъ, воскрешаетъ авторитетъ Аристотеля. Онъ комментируетъ Аристотеля, стараясь согласовать съ нимъ христіанское вѣроученіе, примирить разумъ съ вѣрой. Ѳома Аквинатъ разсматриваетъ прогрессъ, какъ всемірный законъ. Старый законъ дѣйствовалъ путемъ страха, новый долженъ дѣйствовать только путемъ любви, таковъ божественный законъ. Но внѣ закона божественнаго онъ допускалъ законъ положительный, человѣческій и законъ естественный. Послѣдній зависитъ отъ вѣчнаго разума, направляющаго творенія къ ихъ истинному предназначенію; этотъ вѣчный разумъ также подчиненъ собственному закону, который является предсуществующимъ въ Господѣ планомъ управленія міромъ,—планомъ, развертывающимся прогрессивно. Подобно Аристотелю, Ѳома Аквинатъ—сторонникъ частной

собственности или вѣрнѣе частнаго пользованія,—такъ какъ собственникомъ является одинъ Богъ, но при этомъ онъ руководится чисто-человѣческими соображеніями: интересами общественной и частной пользы. Онъ видитъ въ собственности гарантію мира и развитія культуры; общность имуществъ не соотвѣтствуетъ, по его мнѣнію, естественному праву. По тѣмъ же соображеніямъ общественной выгоды онъ доходитъ до признанія относительной пользы рабства. Но въ противоположность Аристотелю онъ не выводитъ рабства изъ естественнаго права; рабство—результатъ грѣха, безъ котораго оно бы не существовало. Замѣчательна энергія, съ которой Ѳома Аквинатъ отстаиваетъ право церкви наказывать и уничтожать еретиковъ:

«Несравненно болѣе тяжелое преступленіе извращать вѣру, которая является жизнью души, чѣмъ поддѣлывать монету, которая служитъ единственно потребностямъ тѣла. Если свѣтскіе государи по справедливости наказываютъ фальшивыхъ монетчиковъ и другихъ злодѣевъ, то тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ лица, уличенныя въ еретичествѣ, должны быть не только отлучены отъ церкви, но и преданы казни. Церковь проявляетъ свое милосердіе въ обращеніи заблудшихъ, такъ какъ осуждаетъ она только послѣ перваго и второго увѣщанія. Но если виновный упорствуетъ, то церковь, отчаявшись въ его обращеніи и заботясь о спасеніи другихъ, выдѣляетъ его изъ своей среды при посредствѣ отлученія и передаетъ свѣтскому суду для казни. Ибо, какъ сказалъ св. Іеронимъ, гніющій членъ долженъ быть отсѣченъ, и паршивая овца должна быть отдѣлена отъ стада, чтобы весь домъ, все тѣло, все стадо не было заражено, испорчено, не загнило и не погибло. Арій былъ въ Александріи всего одной искоркой; но такъ какъ искра эта не была потушена тотчасъ же, то она зажгла вселенную».

Уже эта страстная нетерпимость доказываетъ, что примиреніе между разумомъ и вѣрой, которое пыталась осуществить схоластика, было неосуществимо, или по меньшей мѣрѣ, что соглашеніе между ними представляло только преходящій моментъ въ исторіи человѣческой цивилизаціи; церковь чувствовала, что подъ нее тайно подкапываются, и что вскорѣ начнется открытая борьба.

Въ Италіи въ XIV вѣкѣ возрождается платоновскій идеализмъ въ наиболѣе мистической его формѣ и проникаетъ даже въ поэзію Петрарки. Въ Германіи Мейстеръ Экгардтъ, Таулеръ, Сузо говорятъ, что высшее блаженство состоитъ въ сліяніи съ божествомъ, и сколько труда спустя пять вѣковъ придется положить нѣмецкой философіи, чтобы отдѣлаться отъ этихъ богословскихъ элементовъ. Такихъ же взглядовъ держится и фламандецъ Рейсброкъ, противъ котораго пишетъ Герсонъ. Герсонъ самъ—мистикъ, но онъ сожалѣетъ о наклонности нѣмцевъ и фламандцевъ утверждать тождество между творцомъ и твореніемъ. Онъ основываетъ свою философію или вѣрнѣе свое богословское уче-

ніе на созерцаніи внутренняго «я» и противопоставляетъ это созерцаніе умозрительной философіи схоластиковъ, опирающейся на разсудкѣ. Приписываемое ему «Подражаніе Христу» является какъ бы крикомъ христіанской совѣсти, разочаровавшейся въ средневѣковыхъ ученіяхъ и ищущей убѣжища въ идеальномъ и божественномъ образцѣ. Но это возвращеніе къ исходной точкѣ, отстоящей на четырнадцать вѣковъ, не соотвѣтствовали ни состоянію коллективной мысли, ни общему направленію, создавшемуся изъ динамическихъ отношеній различныхъ соціальныхъ факторовъ эпохи. Въ жизни обществъ впрочемъ никогда не бываетъ подобныхъ возвратовъ; даже когда общества вырождаются, они не возвращаются къ первоначальнымъ своимъ формамъ, такъ какъ внѣшнія и внутреннія условія не тѣ уже, что̀ прежде. И въ данный моментъ не могло быть о рѣчи о возвратѣ; падало только ученіе, господствовавшее въ средніе вѣка.

Въ самомъ дѣлѣ католицизмъ терялъ руководящую роль даже въ нравственной области. Со временъ Филиппа Красиваго и Бонифація VIII о папскомъ верховенствѣ нельзя уже было говорить серьезно. Но что еще важнѣе, теперь свѣтское общество въ лицѣ своихъ правителей является представителемъ прогресса въ оппозиціи къ церкви. Тогда какъ ни схоластика, ни церковь въ средніе вѣка не осуждаютъ формально и въ принципѣ крѣпостного права, Филиппъ Красивый въ ордонансѣ 1311 года, уничтожившемъ крѣпостное право въ доменахъ короля, говоритъ: «Такъ какъ всякое человѣческое существо, созданное по подобію Господа нашего, должно быть естественно свободно по природному праву и т. д.», а Людовикъ Сварливый въ ордонансѣ отъ 3 іюля 1315 года повторяетъ: «такъ какъ по праву природы всякій родится свободнымъ».

Но существуетъ нѣчто, подобно раку, гложущее княжества и монархіи. Это нѣчто—война. Вотъ всеобщее великое бѣдствіе среднихъ вѣковъ. Воюютъ всѣ со всѣми: папа съ императоромъ, императоръ съ городами, города другъ съ другомъ, сеньоры съ князьями, сеньоры другъ съ другомъ, сеньоры съ городами, гвельфы съ гибеллинами, бѣлые съ черными, семьи съ семьями. Чувствуется непреодолимая жажда мира: Pax! Pax! et non erit Pax! [1]) Ни всемірная монархія Данте, ни католическая церковь не даютъ спасенія; первая потерпѣла неудачу въ лицѣ римской имперіи, вторая—въ лицѣ папства. Прогресса слѣдуетъ искать не здѣсь. Если, какъ вѣрилъ великій итальянскій поэтъ, существуетъ всемірный разумъ, распредѣленный между всѣмъ чело-

---

[1]) E. Nys, *Les initiateurs du droit public moderne* (p. II и сл.).

вѣческимъ родомъ и проявляющій свою волю въ актахъ не индивидуальныхъ, но коллективныхъ,—то разумъ этотъ отказывался воплотиться въ старыя формы, которыя старались ему навязать. Уже въ сочиненіяхъ Вилліама Оккама (1280—1349) мы находимъ признаки утомленія схоластикой и отвращенія не только къ борьбѣ между двумя соперничающими силами, но и къ самимъ этимъ силамъ [1]). Движеніе естественно направлялось въ сторону возрожденія и реформаціи. Во второй половинѣ XIV вѣка дѣло уже не ограничивается войной между папами и королями или императорами; начинается борьба народа противъ абсолютной власти князей и тиранніи сеньоровъ.

Марсилій Падуанскій провозглашаетъ свободу совѣсти; онъ требуетъ ея во имя евангелія и потому что насиліе не можетъ доставить вѣчнаго спасенія (1314). Николай Орэмъ находитъ, что тираннія королевской власти привела бы къ гибели страны и королевства; впрочемъ родъ французскихъ королей не умѣетъ править тиранническски, а французскій народъ не привыкъ къ рабству.

Обѣ господствующія силы—свѣтская власть и духовная—чувствуютъ, что имъ угрожаетъ опасность. Виклефъ и Янъ Гусъ осуждены констанцскимъ соборомъ. Они осмѣлились думать и говорить, что «народы могутъ по своему произволу исправлять виновныхъ государей». Во Франціи возникаетъ жакерія, въ Англіи — крестьянскій бунтъ. Коммунистическія и анархистскія ученія распространяются среди сектъ «братчиковъ», «попрошаекъ» (fraticelli, Bégards, Turlupins). Нищенствующіе монахи до четырнадцатаго вѣка были преданнымъ воинствомъ папской власти; въ XIV вѣкѣ начинается борьба между францисканцами и папой, который сталъ представителемъ неравенства и тиранніи. Въ борьбѣ Михаила Чезены, генерала ордена, съ папой Іоанномъ XXII центромъ спора является самая основа общественнаго строя—право собственности. Папа утверждалъ, что Спаситель и апостолы оставались собственниками; нищенствующіе ордена утверждали напрэтивъ того, что и Христосъ и его ученики отказались отъ всякой собственности, даже отъ владѣнія вещами, изнашивающимися вслѣдствіе пользованія. Если монахи были правы, то естественнымъ политическимъ слѣдствіемъ этого ученія было, что свѣтская власть папъ не соотвѣтствуетъ божественному праву.

Такъ во всѣ рѣшительные періоды исторіи, въ тѣ періоды, когда новый общественный строй стремится занять мѣсто стараго, всѣ соціальныя формы послѣдовательно одна за другой становятся спорными. Онѣ какъ бы процѣживаются сквозь рѣ-

---

[1]) Paul Janet. *Histoire de la science politique*, I, 448.

шето, начиная съ формъ, позднѣе всего пріобрѣтенныхъ и наиболѣе поверхностныхъ, наименѣе устойчивыхъ, и кончая глубочайшими формами, представляющими собой—какъ напр. собственность и другія экономическія общественныя формы—самыя основы соціальнаго порядка. Все, что̀ можетъ быть пригодно для новаго общественнаго строя, сохраняется; прочее—отбрасывается. Все вмѣстѣ—въ связи съ вновь образовавшимися элементами—идетъ на развитіе обновленнаго и преобразованнаго соціальнаго организма.

Внѣ Европы были другіе еще работники, принимавшіе участіе въ совершавшемся возрожденіи науки и философіи. Арабы, Византія и франки, начиная съ VII вѣка, борются за господство надъ міромъ не только при помощи оружія, но и при помощи идей и вѣрованій. Замѣчательно, что соціальный строй этихъ борющихся другъ съ другомъ народовъ въ различныхъ странахъ Европы и Азіи былъ почти тождественъ. Религія Магомета (570—633), подобно католицизму, представляла смѣсь монотеизма съ язычествомъ; трудно сказать, какая изъ двухъ религій была болѣе жестокой и нетерпимой. «Двѣ религіи, говорилъ Магометъ, не должны существовать рядомъ на арабской землѣ». Главнымъ образомъ эта нетерпимость проявлялась по отношенію къ соперничавшему съ магометанствомъ въ смыслѣ прозелитизма христіанству.

Съ VII вѣка въ мусульманскомъ мірѣ установился феодальный строй: военные лены были сосредоточены главнымъ образомъ по границамъ. Подобное же явленіе представляли въ римской имперіи milites limitanei, а въ Греціи—stratiot'ы [1]). Какъ и въ западномъ христіанскомъ мірѣ, и у арабовъ были свои священныя войны, свои крестовые походы.

Если сравнить умственную жизнь обѣихъ цивилизацій, то съ восьмого по девятый вѣкъ мы замѣчаемъ изумительное сходство. Въ VIII и IX вѣкахъ арабы усвоиваютъ себѣ чужестранную науку. Они—одновременно воины, завоеватели, администраторы и переводчики. У персовъ, грековъ, индусовъ они заимствуютъ необходимыя для нихъ знанія. Они издаютъ множество сочиненій, посвященныхъ военной наукѣ, управленію, налогамъ и военному праву.

Уже черезъ столѣтіе послѣ смерти Магомета въ арабскомъ мірѣ возникаетъ могучее умственное движеніе подъ вліяніемъ Греціи и Персіи. Основываются библіотеки и школы — въ Багдадѣ, Тунисѣ, Триполи, Каирѣ, Кордовѣ, Толедо, Севильѣ, Гранадѣ и Валенціи. Организуется военная аристократія и рыцар-

---

[1]) E. Nys. *Le droit des gens dans les rapports des Arabes et des Byzantins.*

ство; послѣднее возникаетъ въ сопровожденіи обычной своей спутницы—поэзіи. Достаточно бросить взглядъ на карту средневѣковаго міра, чтобы убѣдиться, что римская имперія никогда не обнимала подъ своей властью столькихъ народностей, распредѣленныхъ на обширныхъ территоріяхъ; и всѣ эти различныя народности, занимавшія большую часть Европы, Азіи и Африки, придерживались вѣрованій, отличавшихся другъ отъ друга скорѣе по внѣшней формѣ, чѣмъ по существу, и были объединены въ сущности одной общей цивилизаціей.

Въ области философіи и науки арабы могутъ быть разсматриваемы, какъ вожди и руководители западно-европейскаго христіанскаго міра. Они переводятъ и комментируютъ произведенія Эвклида, Гиппократа, Платона и въ особенности Аристотеля. Но философія учителя, какъ и въ западно-европейской схоластикѣ, является у нихъ въ искаженномъ видѣ. Сходство между арабской и западно-европейской схоластикой такъ велико, что можетъ служить подтвержденіемъ закона сходства двухъ цивилизацій, развившихся при тождественныхъ въ значительной части условіяхъ. Школьныя хитросплетенія, діалектическія и логическія тонкости занимаютъ здѣсь мѣсто науки. Въ то же время однакоже дѣлаютъ крупные успѣхи науки математическія, естествознаніе и медицина, опирающіяся на наблюденіи.

Арабская философія этой эпохи представляетъ странную смѣсь аристотелизма, ново-платонизма и мистицизма. Алкинди, обучающій въ Бассорѣ и Багдадѣ (800—861), является одновременно врачемъ, астрономомъ и астрологомъ, государственнымъ дѣятелемъ и философомъ—перипатетикомъ. Сочиненія его, къ сожалѣнію, утеряны.

Алфараби (ум. въ 950 г.) жилъ въ Багдадѣ, Алеппо и Дамаскѣ. Это—энциклопедистъ, тоже аристотелевской школы. Онъ издаетъ «Логику» и «Трактатъ о раздѣленіи науки», бывшіе въ большомъ ходу у схоластиковъ. Все по его мнѣнію стремится къ единству. Конечная цѣль человѣческаго существованія—слиться съ вселенной въ предстоящемъ ей крушеніи.

Ибнъ-Сина или Авиценна (980—1037), врачъ по профессіи, сначала былъ перипатетикомъ, а потомъ перешелъ къ пантеизму и отождествлялъ божество съ вселенной. Рожеръ Бэконъ былъ знакомъ съ его «Восточной философіей».

Стремленіе оставаться въ согласіи съ господствующими религіозными ученіями приводило философію, какъ и въ греко-римскомъ мірѣ, къ смутному мистицизму, съ которымъ уживались какъ грубѣйшія суевѣрія народныхъ массъ, такъ и самыя идеальныя стремленія наиболѣе утонченныхъ умовъ. Это состояніе

общественнаго сознанія нашло себѣ отраженіе въ философскомъ романѣ Тофаэля (ум. въ Марокко, 1185 г.). Авторъ развиваетъ въ немъ мысль, что изученіе природы ведетъ къ познанію сверхъестественнаго и къ единенію съ Богомъ.

Какъ и всюду, за мистицизмомъ и идеализмомъ слѣдуетъ ортодоксальная реакція, которой благопріятствуетъ скептицизмъ, возникающій всегда послѣ того, какъ метафизика въ своихъ стремленіяхъ выяснить «абсолютное» исчерпала всякія гипотезы. Алгазелъ (род. въ Хорассанѣ, 1038—1111), ловкій діалектикъ—богословъ, нападаетъ на Алфараби и Авиценну за то, что они видятъ въ религіи только орудіе нравственнаго усовершенствованія. Подобно Юму, авторъ «Разрушенія философовъ» отвергаетъ разумъ. Міръ явленій представляется ему міромъ случайностей, не подчиняющихся координаціи, и онъ ищетъ убѣжища въ вѣрѣ. Философія такимъ образомъ возвращалась къ своему религіозному источнику. Она уступала мѣсто исламу и фаталистическимъ ученіямъ, характеризующимъ коранъ и лишившимъ мусульманскихъ теологовъ возможности постепенно преобразоваться въ философовъ, что̀ въ силу болѣе благопріятныхъ условій было возможно въ западной Европѣ. Этотъ фатализмъ впрочемъ совпадалъ съ оптимизмомъ, котораго не могли поколебать никакія катастрофы. Онъ былъ громадной силой въ періодъ распространенія ислама; онъ долженъ былъ стать причиной застоя впослѣдствіи, когда магометанскій міръ достигъ своего апогея. Напротивъ того, столь же оптимистическій іудаизмъ и крайне пессимистическое христіанство были дѣятелями прогресса и превозглашали себя таковыми, въ качествѣ закона высшаго и болѣе совершеннаго, чѣмъ предыдущій, и мы видѣли, что евангеліе Христа естественно дало поводъ къ возникновенію вѣры въ новое евангеліе, превышающее всѣ прочія откровенія. Это различіе между двумя цивилизаціями, христіанской и арабской, должно было—послѣ временнаго превосходства ислама не только въ области умственной, но и матеріальной и военной — привести къ побѣдѣ европейской мысли. Но слѣдуетъ однакоже замѣтить, что арабская философія была однимъ изъ моментовъ, содѣйствовавшихъ развитію европейской мысли.

Аверроэсъ (умершій въ Марокко въ 1198 г.) былъ однимъ изъ учителей Рожера Бэкона, съ котораго европейская философія начинаетъ становиться научной.

Испытавъ на себѣ ново-платоновскія вліянія, не совсѣмъ чуждый мистицизма, Аверроэсъ тѣмъ не менѣе примыкаетъ непосредственно къ «божественному» Аристотелю и является неутомимымъ его комментаторомъ. Онъ не приходитъ къ ученію

объ уничтоженіи всѣхъ веществъ въ Богѣ, т. е. къ ученію о возвратѣ всѣхъ явленій къ ихъ первопричинѣ, которое такъ часто встрѣчается въ греко-римской метафизикѣ; но, по его мнѣнію, познаніе ведетъ прогрессивно къ единенію съ самимъ познаваемымъ; человѣкъ при этомъ сливается съ всемірнымъ разумомъ. «Онъ является какъ бы всѣмъ, и знаетъ все, какимъ оно есть, такъ какъ всѣ вещи и существа—ничто внѣ познанія, какое о нихъ имѣетъ человѣкъ». Даже животныя способны, постепенно поднимаясь, достигнуть наконецъ той стадіи совершенства, на которой индивидъ отождествляется съ верховнымъ существомъ. Матерія вѣчна, рожденіе и гибель представляютъ только видоизмѣненія ея состояній; ничто не создается, ничто не погибаетъ, происходитъ только видоизмѣненіе. Этотъ мистическій пантеизмъ представлялъ крайнюю форму, выше которой въ области философіи до сихъ поръ не поднялась восточная мысль. Аверроэсъ полагалъ, что въ основѣ всего лежитъ вѣчная матерія, съ безпрестанно смѣняющимися въ ея средѣ индивидуальными существованіями. Эти индивидуальныя формы расположены іерархически, но всякая изъ нихъ способна подняться до самыхъ высокихъ ступеней. Всѣ индивидуальныя формы проникнуты высшимъ одухотворяющимъ началомъ, всемірнымъ разумомъ, переживающимъ бренныя формы, которыя онъ послѣдовательно одухотворяетъ и которымъ сообщаетъ единство. Это—νοῦς грековъ, идея Гегеля. И это своеобразное ученіе представляетъ въ сущности отголосокъ ученія Аристотеля о различіи между пассивнымъ интеллектомъ—личнымъ и подлежащимъ порчѣ, и активнымъ, безличнымъ и вѣчнымъ. Индивидъ такимъ образомъ смертенъ, но онъ продолжается въ потомствѣ. Эта великая метафизическая система, гипотетическія положенія которой отчасти будутъ подтверждены наукой, приводила такимъ образомъ къ грандіозному представленію о прогрессѣ, конецъ и начало котораго однакоже все еще исчезали въ «абсолютномъ». Аверроэсъ говорилъ, что для того, чтобы доказать безсмертіе, необходимо разсматривать не индивидовъ, а исторію человѣческаго рода въ его непрерывности, и что нѣтъ необходимости изобрѣтать по этому поводу басни, какъ то сдѣлалъ Платонъ въ «Республикѣ», желая доказать безсмертіе души. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что гипотеза Аверроэса о всемірномъ разумѣ, какъ сущности и началѣ всего существующаго, является на самомъ дѣлѣ такой же басней, только метафизической и менѣе доступной пониманію толпы, чѣмъ басня Платона. По тѣмъ же соображеніямъ Аверроэсъ являлся противникомъ догмата о воскресеніи мертвыхъ, общаго магометанству наравнѣ съ христіанствомъ. Онъ апеллируетъ къ

наукѣ и разуму. Вѣрованія должны быть разумны; прежде всего поэтому слѣдуетъ изучать реальный міръ. По тому же самому философія его была чужда нетерпимости; къ народнымъ вѣрованіямъ слѣдуетъ относиться съ уваженіемъ; эти вѣрованія представляютъ смѣсь разумнаго съ суевѣріями и содѣйствуютъ сохраненію нравственнаго порядка. Тогда какъ коранъ проповѣдывалъ фатализмъ, а ученіе Августина о предопредѣленіи царило въ значительной части Азіи, Европы и даже Африки, препятствуя возникновенію научнаго детерминизма,—представленія о непрерывной и правильной послѣдовательности общественныхъ явленій, — Аверроэсъ и арабскіе философы той же школы признаютъ неизмѣнность законовъ природы, вѣчность матеріи и смертность индивидовъ; кромѣ того, они заявляютъ, что всѣ формы, начиная отъ грубѣйшихъ и кончая самыми совершенными, происходятъ изъ той же матеріи.

Являясь естественными посредниками между арабами и западною Европой, евреи со своей стороны тоже содѣйствовали возникновенію европейской философіи. Одинъ изъ наиболѣе выдающихся ихъ мыслителей, Авицебронъ или точнѣе Ибнъ-Гебироль, еврей изъ Малаги, училъ въ Сарагоссѣ. Его представленіе о прогрессѣ интересно и сложно. Всѣ существа у него тоже располагались въ іерархическомъ порядкѣ; начиная отъ неуловимой математической точки, матерія, сгущаясь, образовывала послѣдовательную лѣстницу тѣлъ, доходя наконецъ до высшихъ ступеней существующаго. Развитіе вещей Авицебронъ представлялъ себѣ какъ послѣдовательное наложеніе другъ на друга круговыхъ формъ, одухотвореннымъ всемірнымъ разумомъ. Абстрактнымъ понятіямъ, въ которыхъ онъ видѣлъ начало вещей, онъ приписывалъ реальность. Эта система идеалистическаго пантеизма смѣнилась религіозной философіей Маймонида. Знаменитый астрономъ, врачъ и богословъ, Маймонидъ (род. въ Кордовѣ, 1135—1204), хотя и подчиняетъ вѣру, т. е. іудаизмъ, разуму и признаетъ пользу науки, тѣмъ не менѣе дорожитъ наукой, главнымъ образомъ, какъ средствомъ для познанія Бога.

Въ отличіе отъ католическихъ схоластиковъ, всѣ еврейскіе и арабскіе богословы, за исключеніемъ платониковъ и мистиковъ, отрицаютъ безсмертіе индивидуальной души. Вліяніе еврейской и арабской философіи сказалось непосредственно на Рожерѣ Бэконѣ, однимъ изъ отцовъ европейской научной философіи, а впослѣдствіи на Спинозѣ.

Говоря объ этомъ могущественномъ умственномъ движеніи, оказавшемъ крупное вліяніе на исторію европейской мысли, мы не можемъ не упомянуть о великомъ историкѣ, Ибнъ-Халдунѣ

(1322—1406). Онъ привелъ въ порядокъ хроники предыдущихъ авторовъ и указалъ на единство и непрерывность историческихъ явленій, безъ чего немыслимо возникновеніе представленія о соціальной эволюціи. Его «Историческіе пролегомены» представляютъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ соціальной науки. Р. Флинтъ говоритъ, что въ качествѣ теоретика историческихъ явленій онъ не имѣлъ себѣ равнаго во всѣхъ странахъ и во всѣ времена вплоть до Вико (жившаго тремя вѣками позднѣе). Онъ является истиннымъ основателемъ философіи исторіи въ своемъ трудѣ, въ которомъ онъ соединяетъ въ одно цѣлое всѣ арабскія хроники, начиная съ IX в., составленныя по устнымъ разсказамъ о минувшихъ и современныхъ событіяхъ [1]).

Ибнъ-Халдунъ родился въ Тунисѣ. Семья его долгое время жила въ Испаніи и пользовалась тамъ большимъ вліяніемъ; послѣ паденія омайядовъ она принуждена была искать спасенія въ Африкѣ. Самъ Ибнъ-Халдунъ занималъ выдающееся положеніе на службѣ у тунисскаго султана и у арабскихъ халифовъ въ Испаніи. Впослѣдствіи онъ сдѣлался важнымъ сановникомъ при египетскомъ дворѣ. Онъ не принимаетъ самъ ни одной метафизической системы, и превозглашаетъ пользу не философіи, а исторіи философіи. Взглядъ этотъ дѣлаетъ его однимъ изъ отцовъ положительной соціальной науки. Главное его сочиненіе—«Всеобщая исторія», первая часть которой содержитъ въ себѣ «Историческіе пролегомены»; вторая посвящена исторіи арабовъ, сирійцевъ, персовъ, евреевъ, коптовъ, грековъ, римлянъ и франковъ; третья—исторіи берберовъ.

Особенный интересъ представляютъ для насъ «пролегомены». Они распадаются на шесть отдѣловъ:

I. Исторія какъ наука. Человѣческое общество. Разновидности человѣческаго рода и занимаемыя послѣднимъ страны.

II. Особенности цивилизаціи кочевыхъ и полу-дикихъ народовъ.

III. Характерныя черты халифата — т. е. правленія, соединяющаго въ однихъ рукахъ свѣтскую и духовную власть, и царской власти—исключительно свѣтской.

IV. Особенности цивилизаціи, возникающей вслѣдствіе жизни осѣдлой. Причины преуспѣянія и паденія городовъ и областей.

V. Объ искусствахъ и ремеслахъ; средства, которыми пользуются для удовлетворенія соціальныхъ потребностей.

VI. Арабское языковѣдѣніе и обученіе арабскому языку.

---

[1]) R. Flint. *History of the philosophy of history*. Edimb. 1893.

Р. Флинтъ нисколько не преувеличиваетъ, говоря, что если въ качествѣ историка выше Ибнъ-Халдуна стоятъ даже многіе арабскіе писатели, то онъ не имѣетъ себѣ равныхъ въ качествѣ автора теоріи историческихъ явленій. «Приходится удивляться его оригинальности, проницательности, глубинѣ и широтѣ его взглядовъ». Всемірный историческій процессъ, разсматривавшійся даже Аристотелемъ съ метафизической точки зрѣнія, понимается Ибнъ-Халдуномъ какъ результатъ естественныхъ отношеній между средой и человѣческими существами; исторія представляетъ процессъ, слагающійся изъ непрерывнаго движенія и постоянныхъ перемѣнъ. «Имперіи проходятъ черезъ различныя стадіи существованія. Онѣ подчинены всеобщимъ и правильнымъ измѣненіямъ, отражающимся на всѣхъ элементахъ общества и вліяющимъ на чувства и образъ мыслей и дѣйствій всѣхъ членовъ даннаго поколѣнія». Рейно познакомилъ насъ съ впечатлѣніемъ, которое было произведено выходомъ въ свѣтъ въ началѣ текущаго столѣтія перевода Халдуновой «всеобщей исторіи». Христіанскіе ученые привыкли находить у восточныхъ историковъ разсказы о событіяхъ, легенды и безсодержательныя фразы; «вдругъ они встрѣтились съ умомъ, размышлявшимъ о природѣ вещей; онъ не съумѣлъ разрѣшить всѣхъ поднятыхъ имъ вопросовъ; но велика уже заслуга того, кто съумѣлъ ихъ поставить». Главной заслугой Ибнъ-Халдуна является то, что онъ ищетъ объясненія общественной организаціи и историческаго развитія въ самихъ соціальныхъ явленіяхъ и во вліяніи среды. Въ основу философіи исторіи онъ кладетъ два принципа — изученіе среды и законъ непрерывности, являясь такимъ образомъ предшественникомъ Бодена, Монтескье и Вико.

Персія—хотя и оставленная вскорѣ позади арабской цивилизаціей—нѣсколько вѣковъ находилась однакоже на томъ уровнѣ культуры, который въ теченіе среднихъ вѣковъ былъ общимъ не только для прежней римской имперіи, но и для народностей, никогда не находившихся подъ ея властью. Повидимому, въ теченіе этого времени большинство народностей Европы, Азіи, а также части Африки, благодаря тождественнымъ условіямъ находились на одной и той же стадіи цивилизаціи, вслѣдствіе чего повидимому и можно было бы ожидать равномѣрнаго прогрессивнаго ихъ развитія. Въ общемъ однакоже этотъ фактъ являлся причиной застоя: какъ мы увидимъ далѣе, прогрессъ совершается путемъ возникновенія разновидностей и благодаря подбору послѣднихъ.

Какъ бы то ни было, Персія съ своей стороны тоже принимала непосредственное участіе въ расцвѣтѣ мусульманской ци-

вилизаціи и черезъ посредство послѣдней оказала вліяніе на развитіе европейской мысли. Изъ Персіи арабы заимствовали много теоретическихъ представленій въ области науки объ управленіи и военнаго искусства. Правда, впереди Персіи предстояло погрузиться на долгое время въ сонъ нетерпимаго фатализма, смѣшаннаго съ грубѣйшими суевѣріями; но въ средніе вѣка уровень ея культуры въ сравненіи съ европейскими странами не могъ считаться низкимъ, и напротивъ того европейскія государства казались въ тѣ времена путешественникамъ варварскими въ сравненіи съ восточными дворами. Сіассетъ-Намэ, трактатъ объ управленіи, написанный для султана Меликъ-Шаха визиремъ Низамъ-Уль-Мулькомъ, бывшимъ великимъ визиремъ съ 1063 по 1092 годъ, представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ вѣрованій и соціальныхъ ученій, господствовавшихъ въ этой части свѣта. Въ посвященіи государю излагаются наивныя философскія воззрѣнія автора: «Да продлитъ Всевышній дни этого царствованія до дня воскресенія изъ мертвыхъ! Да спасетъ онъ это царствованіе отъ гибельнаго вліянія дурного глаза и отъ опасностей, угрожающихъ всему, что̀ достигаетъ полнаго совершенства!» По восточнымъ воззрѣніямъ, усвоеннымъ также католицизмомъ и метафизикой, совершенство представляетъ аттрибутъ Всевышняго; все, что́ въ этомъ мірѣ приближается къ совершенству, обречено на паденіе и гибель. Шарль Шефферъ, ученый переводчикъ названнаго трактата, замѣчаетъ кромѣ того, что у персидскихъ авторовъ слово «превосходство» часто ассоціируется съ «дурнымъ глазомъ» [1]).

Рожеръ Бэконъ (1214—1294) изучалъ писателей еврейскихъ, греческихъ и арабскихъ; онъ усвоилъ себѣ всѣ научныя сокровища, собранныя предыдущими вѣками, выяснилъ значеніе этого научнаго наслѣдства и увеличилъ его. Р. Бэконъ является предтечей научной философіи; время для нея еще не настало, но онъ сообщаетъ мысли своего времени могущественный толчокъ и должное направленіе. Съ этого времени роль метафизики ограничится прикрытіемъ—не особенно удачнымъ—неизбѣжныхъ, но все уменьшающихся съ теченіемъ времени пробѣловъ въ научной области. Начиная съ Р. Бэкона наука и философія уясняютъ себѣ свой методъ и отдѣляются отъ схоластической теологіи. Послѣдняя превратится въ метафизику, которая будетъ все болѣе и болѣе отступать передъ своей соперницей и, уступая ей тѣ области, которыя только и годны для обработки, сама удалится въ мѣстности, лишенныя всякой растительности, гдѣ безплодныя

---

[1]) Siasset-Nameh, trad. par M. Charles Scheffer, membre de l'Institut, 1893.

скалы покрыты вѣчными снѣгами. Вслѣдъ за Сенекой [1]) Рожеръ Бэконъ борется противъ устарѣлой, до сихъ поръ еще не искорененной оптической иллюзіи, въ силу которой первобытныя цивилизаціи разсматриваются какъ древнія. Впослѣдствіи однофамилецъ его, канцлеръ Френсисъ Бэконъ, вернется къ той же мысли и скажетъ: «Названіе *древнія* слѣдуетъ прилагать къ старости міра, къ его зрѣлому возрасту. Старостью міра является то время, когда мы живемъ, а не время жизни нашихъ предковъ, когда міръ былъ молодъ» [2]). И Р. и Фр. Бэконы естественно помѣщаютъ золотой вѣкъ въ будущемъ, а не въ прошедшемъ. Паскаль и Фонтенелль повторили только сказанное за много вѣковъ до нихъ, когда они вернули древнимъ цивилизаціямъ похищенный у нихъ эпитетъ «юности».

Всего болѣе привлекалъ вниманіе Р. Бэкона и внушалъ ему изумленіе прогрессъ знаній. Отсюда естественно было прійти ко взгляду на научный прогрессъ, какъ на существенный факторъ общественнаго развитія, какъ взглянули на него впослѣдствіи Кондорсэ и Ог. Контъ. Увлекающійся францисканскій монахъ считалъ научный прогрессъ безграничнымъ: «Если бы человѣкъ жилъ тысячи лѣтъ, онъ постоянно узналъ бы что нибудь новаго, никогда не достигая вполнѣ совершеннаго знанія. Послѣдніе, явившіеся въ міръ, должны называться древними, такъ какъ они извлекаютъ пользу изъ трудовъ своихъ предшественниковъ. То же, что̀ обыкновенно называютъ древностью, должно называться юностью міра». Въ другомъ мѣстѣ Р. Бэконъ говоритъ: «Ничто въ человѣческихъ открытіяхъ не является неизмѣннымъ и законченнымъ. Послѣднія эпохи являются и наиболѣе просвѣщенными. Наступитъ время, когда многое скрытое отъ нашихъ глазъ станетъ извѣстнымъ благодаря одному уже факту смѣны ряда поколѣній и благодаря болѣе продолжительной работѣ человѣчества». Быть можетъ, этотъ взглядъ на необходимость прогресса, какъ результата времени и смѣны поколѣній, не чуждъ былъ нѣкотораго оптимистическаго фатализма. Но идея эта была справедлива въ томъ отношеніи, что накопленныя уже знанія обезпечиваютъ правильность, постоянство и ускореніе дальнѣйшаго накопленія знаній. Благородный энтузіазмъ Бэкона опасенъ въ одномъ только отношеніи: Бэконъ разсматриваетъ прогрессъ, какъ нѣчто обезпеченное и разумѣющееся само собой; болѣе позднія эпохи для него обязательно являются и болѣе просвѣщенными. Между тѣмъ въ исторіи человѣчества несомнѣнно на-

---

[1]) R. Bacon. *Opus majus*, гл. VII.
[2]) Fr. Bacon. *Novum organon*, кн. I, афор. 84.

блюдаются эпохи частичнаго или даже всеобщаго регресса. Такъ напр. научныя знанія не сдѣлали никакихъ успѣховъ въ средніе вѣка.

Важно то, что въ сочиненіяхъ Бэкона религіозное представленіе о прогрессѣ смѣняется новымъ. Прогрессъ не сводится уже къ спасенію—индивидуальному или родовому—въ загробной жизни и къ воскресенію. Подобно Кондорсэ, Бэконъ предвидитъ даже удлиненіе жизни подъ вліяніемъ успѣховъ гигіены и медицины. Двумя столѣтіями позднѣе, другой ученый, имѣющій нѣкоторыя черты сходства съ Рож. Бэкономъ, — все-знающій Пико-де-Мирандола также провозгласитъ непрерывность прогресса человѣческихъ знаній, но въ то время торжество было уже на сторонѣ науки: философія, все еще преслѣдуемая, сбрасывала съ себя монашеское одѣяніе и освобождала себя отъ оговорокъ, которыхъ потребовалъ Климентъ IV отъ смѣлаго францисканца, посвятившаго ему свое «Opus majus».

Примиреніе между религіей и наукой не могло быть прочнымъ. Попытка Ѳомы Аквинскаго уже потому не могла быть удачной, что всякое примиреніе указываетъ на приближеніе конца того строя, который дѣлаетъ уступки въ пользу высшаго строя. Союзъ между религіей и философіей, который старались укрѣпить наиболѣе выдающіеся умы среднихъ вѣковъ, еще и теперь привлекаетъ нѣкоторыхъ, хотя положеніе существенно измѣнилось, и теперь уже религія требуетъ уступокъ отъ научной философіи. Любопытна въ этомъ отношеніи «Исторія философіи» архіепископа Севильскаго, З. Гонзальвеца. Авторъ ея, подобно Льву XIII,—послѣдователь философіи Ѳомы Аквинскаго и одинъ изъ безспорныхъ вождей современной католической философіи. Фонсагривъ обращаетъ вниманіе на двѣ идеи, развиваемыя кардиналомъ въ предисловіи къ своему труду: 1) что развитіе человѣчества является въ общемъ прогрессивнымъ движеніемъ по направленію къ истинѣ, несмотря на встрѣчающіеся въ исторіи временные возвраты невѣжества; 2) что двумя главными факторами этого прогресса были философія и христіанство. Эта попытка опять примирить науку съ религіей останется однакоже «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ». Философія науки ищетъ въ прошломъ только ознакомленія съ своими источниками для того, чтобы обезпечить себѣ все болѣе и болѣе прогрессивное и независимое развитіе. Средніе вѣка и эпоха компромиссовъ окончились съ Р. Бэкономъ. Теперь возрожденіе и реформація разрушаютъ единство католической церкви, несмотря на потоки чернилъ и крови, которые прольетъ католицизмъ, отстаивая свое господство. Организація средневѣковая отжила, какъ отжила

организація римской имперіи и греческаго города; ни готическіе соборы, ни храмы языческихъ боговъ никогда уже не будутъ воздвигнуты вновь!

ГЛАВА VI.

Возрожденіе и реформація.

Средневѣковой католицизмъ сохранялъ свою власть только благодаря общему подавленному настроенію соціальной среды. Вслѣдствіе этого настроенія возникла мрачная вѣра въ предстоящій въ 1000 году конецъ міра; это же настроеніе проявлялось въ суевѣріяхъ и галлюцинаціяхъ, заставлявшихъ народное воображеніе населять всю природу дьяволами, колдунами, бѣсноватыми, странными и страшными сценами шабаша вѣдьмъ. Ужасъ составлялъ душу католицизма, посредствомъ ужаса онъ продолжаетъ отстаивать свою власть. Вѣра въ конецъ міра и въ страшный судъ, какъ кошмаръ, тяготѣла въ теченіе десяти вѣковъ надъ человѣчествомъ; вся поэзія католицизма содержится въ страшномъ: dies irae, dies illa.

Возрожденіе было на самомъ дѣлѣ эпохой соціальнаго возрожденія, возстановленія дѣятельности полезныхъ элементовъ, благодѣтельныхъ общественныхъ факторовъ, эволюція которыхъ подверглась было остановкѣ или даже попятному движенію. Уже одно то, что наименованіе возрожденія давалось этой эпохѣ единодушно и въ теченіе столь долгаго времени, является коллективнымъ свидѣтельствомъ, характеризующимъ эту эпоху, указывающимъ, какого рода всеобщія чувствованія и воспріятія она вызвала. Средніе вѣка представляютъ, по меньшей мѣрѣ частичное, движеніе назадъ; эпоха возрожденія представляетъ, по крайней мѣрѣ частичное, возрожденіе языческой древности. Изъ слія-нія предшествовавшихъ типовъ — путемъ подбора пригодныхъ старыхъ элементовъ и присоединенія новыхъ факторовъ—образуется новый соціальный типъ, болѣе широкій и болѣе возвышенный. Послѣ кровавыхъ религіозныхъ войнъ возникаетъ государство новаго типа. Оно воплотится сначала въ абсолютной королевской власти, затѣмъ въ представительномъ режимѣ все болѣе и болѣе совершеннаго типа. Эпохѣ политическаго абсолютизма будетъ соотвѣтствовать въ области идейной господство метафизики, эпохѣ представительной власти—господство чисто научной философіи, не нуждающейся въ исключительныхъ вѣ-

рованіяхъ, не требующей принадлежности къ какой нибудь исключительной философской школѣ для того, чтобы координировать человѣческія знанія и стремленія.

Связь съ древностью возстановляется въ началѣ XV вѣка, и церковь не является уже единственной умственной и нравственной руководительницей общества. Съ одной стороны въ образованныхъ классахъ мѣсто прежней нетерпимости занимаетъ болѣе гуманное отношеніе; съ другой стороны, въ особенности среди правящаго класса, крушеніе католической морали вызываетъ ростъ насилія и лжи до небывалыхъ размѣровъ. Цѣль оправдываетъ средства; съ этой точки зрѣнія свѣтская политика разсматриваемой нами эпохи вполнѣ тождественна съ политикой іезуитовъ. Разница состоитъ только въ томъ, что послѣдніе преслѣдуютъ религіозныя цѣли, тогда какъ первая стремится къ основанію современнаго государства.

Въ 1453 году послѣдніе остатки восточной имперіи подпадаютъ подъ власть турокъ. Греческіе ученые ищутъ убѣжища въ Италіи. Начинается возрожденіе классической древности; даже папы, напр. Левъ X, возвращаются къ язычеству. Воскресаютъ всѣ философскія школы древней Греціи. Сколько нибудь заслуживающихъ вниманія теорій прогресса мы въ эту пору не встрѣчаемъ. Помпонацій (1462—1525), осмѣлившійся утверждать, что принципъ безсмертія души не представляетъ необходимаго положенія аристотелевской философіи, полагалъ, что не всѣ люди могутъ достигнуть умственнаго совершенства; что же касается нравственнаго совершенства, то его слѣдуетъ искать не въ неосуществимомъ на землѣ идеалѣ, а въ исполненіи каждымъ его обязанностей по отношенію къ обществу. Маккіавелль считалъ всѣхъ людей дурными отъ природы. Людскія страсти можетъ обуздать только стоящее внѣ общества и надъ нимъ правительство, при помощи силы и ловкости. Какая связь, кромѣ силы, могла сдерживать народы и въ особенности правительство въ то время, когда Помпонацій подкапывался подъ основы католицизма, отрицая чудеса, показывая противорѣчія, содержащіяся въ ученіи о всевѣдѣніи и всеблагости божіей, выясняя, что все происходящее опредѣляется естественными законами? Но если человѣкъ не свободенъ, то зло приходится признать исходящимъ отъ Бога? Помпонацій остроумно намекаетъ на относительный характеръ добра и зла, указывая, что «если бы не было столько зла въ мірѣ, то не было бы и столько добра» [1]).

---

[1]) *De fato, libero arb trio, praedestinatione, providentia Dei*, libri V, Базель, 1525.

Телезій (1508—1533) возвращается отчасти къ ученіямъ іонійской школы, которыя черезъ его посредство оказали вліяніе на Фр. Бэкона и Джіордано Бруно.

Но помимо возрожденія классической древности, являющагося продолженіемъ и развитіемъ древности съ одной стороны, католицизма съ другой, происходятъ другія еще событія. Колумбъ открываетъ Новый Свѣтъ. Васко-де Гама огибаетъ мысъ Доброй Надежды, въ недалекомъ будущемъ Магелланъ совершитъ кругосвѣтное путешествіе. Доказана шарообразность земли, но геоцентрическая точка зрѣнія преобладаетъ, пока Тихо-де Браге не превращаетъ солнце въ центръ планетной системы. Коперникъ включаетъ землю въ число планетъ и помѣщаетъ солнце въ центрѣ системы. Теорію эту подтверждаютъ и дополняютъ Кеплеръ и Галилей. Ихъ преслѣдуютъ, но въ области идей совершается громадный переворотъ. Въ философію все болѣе и болѣе проникаетъ убѣжденіе въ существованіи естественнаго мірового порядка, независимаго отъ внѣшняго, предсуществующаго двигателя. Этимъ переворотомъ во взглядахъ мы обязаны успѣхамъ, совершеннымъ физикой, математикой и астрономіей съ конца среднихъ вѣковъ до XVII вѣка; переворотъ этотъ нисколько не уступаетъ по важности тому, который въ наше время совершился подъ вліяніемъ успѣховъ біологіи и психологіи, обновившихъ наши соціальныя представленія и обѣщающихъ въ будущемъ продолжать оказывать на нихъ преобразующее вліяніе.

Возрожденіе отняло у церкви область искусства и научнаго обученія. Философія имѣла своихъ мучениковъ, но съумѣла отстоять свою независимость; церковь была подчинена государству. Менѣе значителенъ былъ процессъ соціологической дифференціаціи, совершившійся подъ вліяніемъ реформаціи въ Германіи, Нидерландахъ, Швейцаріи и Англіи. Мѣсто авторитета папы занялъ авторитетъ писанія, мѣсто католическаго догмата о спасеніи при помощи дѣлъ—догматъ спасенія при помощи вѣры и благодати. Ученія Лютера, Кальвина, Фареля и Цвингли были отчасти возвратомъ къ первоначальному христіанству. Цвингли устраняетъ старинный дуализмъ свѣтской и духовной власти. Лютеръ является страстнымъ противникомъ разума и свободы воли. Кальвинъ сжигаетъ Сервета. Тѣмъ не менѣе, реформація, расшатывая католицизмъ, содѣйствовала освобожденію совѣсти и въ этомъ смыслѣ оказала услугу прогрессу. Торжество ея въ латинскихъ странахъ несомнѣнно было на руку аристократіи, а въ Германіи, Англіи и особенно въ Шотландіи и Швейцаріи она наложила на философію на долгое время богословскій отпечатокъ, отъ котораго послѣдняя не освободилась тамъ вполнѣ до

сихъ поръ. Кромѣ того, не будемъ забывать, что реформированная церковь оказалась столь же нетерпимой, какъ и католицизмъ, по отношенію къ требованіямъ соціальныхъ преобразованій.

ГЛАВА VII.

Новые вѣка и господство метафизики.

Отцами новой философіи являются Джіордано Бруно въ Италіи (1548—1600), Декартъ во Франціи (1596—1650) и Фр. Бэконъ въ Англіи (1561—1626). Взгляды Дж. Бруно на прогрессъ стоятъ въ связи съ пантеизмомъ, лежащимъ въ основѣ его метафизики. Съ одной стороны онъ—преемникъ новоплатониковъ и предшественникъ Спинозы. Лейбница, Декарта и въ болѣе новое время—Шеллинга; съ другой стороны, уже въ силу своего пантеизма, въ силу ученія объ имманентности божества, въ силу приверженности своей къ новымъ астрономическимъ теоріямъ онъ является эволюціонистомъ. Пантеизмъ и ученіе объ имманентности божества были метафизическими ученіями, ближе всего подошедшими къ научному эволюціонизму. Въ этомъ отношеніи Италія опередила Францію и другія страны въ умственномъ движеніи, долженствовавшемъ привести къ современной философіи. Бруно съ своей стороны примыкаетъ къ арабамъ и въ частности къ Авицеброну. Метафизика, сдѣлавшись независимой отъ богословія и отстаивая въ лицѣ великаго итальянскаго мыслителя свою независимость даже на кострѣ, выступаетъ въ качествѣ законной наслѣдницы всѣхъ предшествовавшихъ богословскихъ ученій и философскихъ системъ. Она становится все болѣе и болѣе совершеннымъ центромъ умственной координаціи вѣрованій человѣчества; она сводитъ все къ меньшему и меньшему количеству число идоловъ и суевѣрій; она обѣщаетъ общность мысли несравненно болѣе широкую, чѣмъ та, какую дали католицизмъ и протестанство. Она руководитъ церквами; міръ распадается на нѣсколько—ограниченное число—великихъ школъ, и это дѣленіе стоитъ внѣ всякой связи съ дѣленіемъ территоріальнымъ, не зависитъ отъ принадлежности къ тому или другому государству, тому или другому племени.

По словамъ Дж. Бруно,

„Безконечное Существо, развертываясь, производитъ безчисленное множество родовъ, видовъ, недѣлимыхъ, безконечное разнообразіе космическихъ законовъ и отношеній, образующихъ всемірную жизнь и міръ явленій; при

этомъ само безконечное существо не превращается въ родъ, видъ, недѣлимое, субстанцію, не подлежитъ само законамъ, не вступаетъ само ни въ какія отношенія;..... безконечное вездѣсуще... Благодаря этой реальной вездѣсущности безконечнаго все въ природѣ живетъ, ничто не погибаетъ, смерть является только однимъ изъ преобразованій жизни. То, что̀ вначалѣ было сѣменемъ, становится травкой, затѣмъ колосомъ, потомъ хлѣбомъ, затѣмъ млечнымъ сокомъ, кровью, человѣческимъ сѣменемъ, зародышемъ, человѣкомъ, затѣмъ трупомъ и потомъ землей, камнемъ или чѣмъ-нибудь еще и послѣ—процессъ опять начинаетъ протекать снова".

Мы не находимъ у Бруно никакихъ попытокъ приложить эти взгляды къ общественной жизни. Болѣе религіозный характеръ представляетъ философія Кампанеллы (1568—1639): всѣ существа происходятъ отъ абсолютнаго существа и стремятся вернуться къ нему. Его идеалистическая философія содержитъ въ себѣ попытку критики существующаго общественнаго строя. «Солнечный городъ» Кампанеллы, какъ и «Утопія» Томаса Мора представляютъ одну изъ зачаточныхъ формъ современнаго соціализма. Мы встрѣчаемъ соціалистическія мечтанія въ эту пору въ Италіи, во Франціи (у Раблэ) и въ Англіи въ формахъ въ высшей степени простыхъ и наивныхъ: идеаломъ является просто антитеза существующихъ соціальныхъ формъ.

Послѣ Бруно и Кампанеллы философское движеніе въ Италіи на время глохнетъ. Въ тотъ же застой впадаетъ общественная жизнь, замираютъ и теоріи общественнаго прогресса. Жизнь переносится въ другія страны. Во Франціи Бодэнъ, стоя на прочной почвѣ исторической и политической науки, а затѣмъ Декартъ и Паскаль провозглашаютъ свою вѣру въ непрерывное совершенствованіе человѣческаго рода. «Всѣ послѣдовательныя поколѣнія человѣческаго рода, за весь долгій рядъ вѣковъ, пишетъ Паскаль, слѣдуетъ разсматривать какъ одного человѣка, не переставшаго жить и учиться». Фр. Бэконъ (1561—1626) также вѣритъ въ непрерывность прогресса. Замѣтимъ еще, что всѣхъ этихъ великихъ мыслителей и въ особенности Бэкона—являющагося наряду съ Аристотелемъ однимъ изъ основателей не только положительной философіи, но и положительной соціологіи — преимущественно поражаетъ фактъ прогрессивнаго развитія наукъ, умственнаго прогресса. Отсюда естественно получается выводъ, что идеи, какъ говорилъ Контъ, или эмоціи, какъ говоритъ Спенсеръ, управляютъ обществомъ. Мы увидимъ однакоже, что если психическая дѣятельность (какъ индивидуальная, такъ и коллективная) занимаютъ высшее мѣсто въ ряду другихъ дѣятельностей, то въ то же время она является наиболѣе позднимъ результатомъ историческаго процесса; приписывать умственной дѣятельности, въ особенности сознательной, руководящее вліяніе на обще-

ственную жизнь значило бы вернуться къ метафизической коллективной психологіи; на самомъ дѣлѣ, психическая дѣятельность играетъ крайне ограниченную роль какъ въ жизни индивида, такъ и въ жизни общества.

Фр. Бэконъ, выясняя, что въ Англіи, напримѣръ, распредѣленіе поземельной собственности между значительнымъ числомъ собственниковъ является важнымъ факторомъ общественнаго преуспѣянія, даже съ точки зрѣнія военнаго могущества, становится однимъ изъ основателей соціально-экономической науки, все болѣе и болѣе освобождающейся отъ вліянія метафизики. Нѣсколько позднѣе, при Кромвеллѣ, Гаррингтонъ въ «Политическихъ афоризмахъ» показываетъ, что политическая власть тѣсно связана съ характеромъ собственности. Въ «Oceana» (1659) онъ предлагаетъ ограничить поземельную собственность такъ, чтобы доходъ, получаемый съ нея однимъ лицомъ, не превышалъ 50 тысячъ франковъ. Организація государства, по его мнѣнію, всецѣло зависитъ отъ организаціи собственности. Послѣдняя можетъ сосредоточиваться въ рукахъ одного лица, въ рукахъ нѣсколькихъ или многихъ. Самъ Гаррингтонъ является сторонникомъ перераспредѣленія земельной собственности; уравненіе имущественныхъ отношеній создало бы общественное и политическое равенство. Гаррингтонъ старается обосновать свою теорію исторически. Онъ излагаетъ исторію учрежденій различныхъ народовъ, начиная съ Моисеевой теократіи и кончая учрежденіями новой республики Нидерландскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ—сторонникъ выборнаго начала, но подъ условіемъ постояннаго обновленія состава (rota) представителей. Всюду стараясь уравновѣсить соціальныя силы и подчиняя представительнымъ собраніямъ исполнительную власть, онъ является сторонникомъ системы двухъ палатъ — сената и народнаго собранія.

Скептикъ Джонъ Мандевилль издаетъ свою «Басню о пчелахъ или о томъ, что частные пороки лежатъ въ основѣ общественнаго благополучія» (1724) вскорѣ послѣ того, какъ Англія, пережившъ революцію, возстановила монархическія формы. Въ своей «баснѣ» онъ критикуетъ пуританизмъ, все еще господствовавшій среди англійскаго народа и воспитывавшій его во взглядахъ не только богословскихъ, но прямо почерпнутыхъ изъ Моисеева законодательства. Въ утопіи Мандевилля можно найти зародышъ ученія Фурье о страстяхъ и объ абсолютной свободѣ, которую слѣдуетъ имъ предоставить.

Съ этого времени европейская мысль, освободившись отъ подчиненія богословію, начинаетъ все въ большей и большей степени искать отвѣта на занимающіе ее вопросы у чистаго

разума; метафизика господствуетъ не только надъ философіей въ собственномъ смыслѣ слова, но и надъ соціальной наукой. Такъ какъ политическія явленія занимаютъ высшее мѣсто въ соціальной жизни человѣчества, то они и будутъ главнымъ образомъ привлекать вниманіе теоретиковъ; но такъ какъ они въ то-же время— и сложнѣйшія изъ соціальныхъ явленій, то политическая наука будетъ опираться на гипотезы мало или совсѣмъ не обоснованныя. Пройдетъ много времени, пока изслѣдованія болѣе глубокія, проникая послѣдовательно черезъ слои соціальной организаціи, дойдутъ до глубочайшаго слоя — до экономическаго общественнаго строя и положатъ такимъ образомъ основу положительной соціологіи. Пока же метафизическіе политическіе писатели, перебирая послѣдовательно всѣ возможныя гипотезы и исправляя отъ времени до времени свои дедуктивныя умозаключенія цѣнными индуктивными наблюденіями и обобщеніями, группируютъ идеи въ ограниченное число системъ, которыя распадутся подъ напоромъ фактическаго опыта и подъ давленіемъ внутреннихъ противорѣчій.

Гоббсъ (1588—1679) не вѣритъ въ прогрессивное совершенствованіе человѣчества и въ прогрессивное улучшеніе среды. Человѣкъ и общество являются въ его глазахъ неподвижными. Общественная жизнь существуетъ только въ силу необходимости, такъ какъ люди отъ природы—существа не-общественныя. Напротивъ того, даровавъ имъ одинаковыя права на все, природа сдѣлала ихъ врагами. Въ виду этого необходимъ господинъ, необходимо существованіе абсолютной власти, возникаетъ ли она путемъ взаимнаго соглашенія (договора) или создается путемъ насилія. Только разумъ и потребность избѣгать страданій привели людей къ общественной жизни, въ которой они должны были отказаться каждый отъ части своихъ естественныхъ равныхъ правъ на все. Вслѣдствіе этого отреченія отъ первобытнаго равенства и возникла частная собственность, съ правомъ уступать свое имущество при жизни или послѣ смерти. Это право частной собственности стало основой общественнаго строя. Того же происхожденія и политическая организація. Общество держится только благодаря существованію верховной власти, которая можетъ находиться или въ рукахъ монарха или въ рукахъ собранія, сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ и законодательную и военную власть и несущаго на себѣ всю отвѣтственность. Этотъ политическій строй, противный естественному строю, долженъ стать второй природой. Гоббсъ разсматриваетъ впрочемъ великій общественный организмъ («Левіаѳана»), какъ искусственное созданіе человѣческаго разума и необходимости, созданіе, построенное по

опредѣленному принципу и предначертанному плану, при чемъ необходимость его вытекаетъ изъ основныхъ дурныхъ сторонъ человѣческой природы. Слѣдуетъ отдать Гоббсу справедливость въ томъ отношеніи, что, наряду съ другими великими мыслителями, онъ призналъ соотносительный характеръ политической организаціи (права верховной власти) и права собственности. Гаррингтонъ однакоже лучше его оттѣнилъ, что экономическія формы имѣютъ основной и первичный характеръ.

Джонъ Локкъ (1632—1704) сообщаетъ философіи и политической наукѣ ихъ современное направленіе. Въ своемъ «Опытѣ о гражданскомъ правительствѣ» (Лондонъ, 1690) онъ исходитъ, подобно Гоббсу, изъ гипотезы естественнаго состоянія, предшествующаго гражданскому обществу, но это естественное состояніе не ограничивается у него, какъ у его предшественника, эпохой первобытнаго и дикаго существованія; оно имѣетъ мѣсто во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда люди или государства не руководствуются въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу другими законами, кромѣ права сильнаго. Это естественное состояніе никогда не исчезало совершенно, такъ какъ, прежде чѣмъ быть гражданами извѣстной страны, люди являются людьми. Тѣмъ не менѣе это естественное состояніе, въ противоположность взгляду Гоббса, не является антисоціальнымъ; въ самомъ дѣлѣ, даже при немъ существуетъ естественный законъ, вытекающій изъ свободы и равенства всѣхъ. Благодаря этому закону человѣческое общество *естественное* существуетъ прежде, чѣмъ будутъ придуманы основы общества гражданскаго. Гоббсъ, напротивъ того, полагалъ, что въ первобытномъ обществѣ царитъ только сила и что только благодаря силѣ держится гражданское общество, даже договорнаго типа. Локкъ отличается еще отъ Гоббса и примыкаетъ къ ортодоксальнымъ экономистамъ въ томъ отношеніи, что считаетъ право собственности естественнымъ правомъ, какъ и свободу, и узаконяетъ право собственности, выводя его изъ труда. Послѣдняя гипотеза опровергается исторіей и главнымъ образомъ наблюденіемъ надъ ходомъ экономической эволюціи послѣ возникновенія школы ортодоксальныхъ экономистовъ. И исторія и это наблюденіе показываютъ намъ, что трудъ напротивъ того подчиненъ собственности, и что послѣдняя ни въ какомъ случаѣ не является вознагражденіемъ за трудъ. Впрочемъ, Локкъ право собственности не признавалъ абсолютнымъ, онъ подвергалъ его извѣстнымъ ограниченіямъ и обставлялъ извѣстными условіями, изъ которыхъ нѣкоторыя носятъ соціалистическій характеръ. Такъ напр., по Локку, «если земля и низшія животныя составляютъ общую собственность, то на личность человѣка имѣетъ право

только онъ одинъ. Трудъ его тѣла и работа его рукъ представляютъ его частное достояніе. Все, что онъ извлекъ изъ природы при помощи своего труда и своего искусства, принадлежитъ ему одному, такъ какъ этотъ трудъ и это искусство представляютъ его личное достояніе, и никто не имѣетъ права на пріобрѣтенное имъ этимъ путемъ, особенно если въ распоряженіи другихъ остается достаточно подобныхъ же и столь же хорошихъ вещей, составляющихъ общее достояніе». Другое ограниченіе: «Если человѣкъ переходитъ за границы умѣренности и беретъ себѣ больше вещей, чѣмъ ему нужно, онъ присвоиваетъ себѣ то, что принадлежитъ другимъ». Тутъ мы имѣемъ уже формулу: «всякому по его потребностямъ». но пока еще—въ отрицательной формѣ. Точно также Локкъ полагаетъ, что право собственности сохраняется только при условіи пользованія: «даже огороженная земля перестаетъ быть моей собственностью, если я ее оставляю невоздѣланной». Въ общемъ—и это даетъ ему право на благодарную память со стороны потомства,—Локкъ отстаивалъ интересы труда противъ преходящихъ формъ собственности, господствующихъ надъ трудомъ. Онъ не жертвовалъ также, подобно Гоббсу, личностью и обществомъ въ пользу государства. Естественное общество уступаетъ, по Локку, гражданскому обществу только нѣкоторыя свои права — законодательную власть, исполнительную и власть, которую Локкъ называлъ «федеративной»,—т. е. право войны и мира. Законодательная власть воплощается въ верховной власти, но основаніемъ закона является согласіе на него общества, причемъ это согласіе можетъ быть и молчаливымъ.

Такимъ образомъ, Локкъ внесъ въ политическую науку тѣ же принципы, внесеніемъ которыхъ въ философію и психологію онъ оказалъ такое могущественное содѣйствіе прогрессивному развитію этихъ обѣихъ наукъ. Тамъ онъ ограничиваетъ область государственнаго абсолютизма, здѣсь — область абсолютныхъ метафизическихъ началъ. Если онъ признаетъ принципъ верховной власти, то властью этой является у него законъ, естественно подлежащій измѣненію и прогрессивный, въ противоположность деспотическому принципу Гоббса, неизмѣнно тяготѣющему надъ соціальнымъ тѣломъ.

Законъ Локкъ разсматриваетъ какъ продуктъ соглашенія и, такимъ образомъ, примыкаетъ къ наиболѣе передовымъ современнымъ ученіямъ, старающимся очистить договорныя формы законодательной власти внесеніемъ все болѣе и болѣе полнаго и точнаго представительства всѣхъ соціальныхъ интересовъ въ частные и общіе совѣщательные центры, которымъ предстоитъ играть такую же роль въ общественной организаціи, какую нерв-

ные центры играютъ въ индивидуальномъ тѣлѣ. Вліяніе Локка не ограничивалось одной Англіей; оно было обще-европейскимъ и въ частности сказалось во Франціи не только въ области философіи, но и въ области политическихъ теорій. Взгляды Локка оказали сильное вліяніе на Вольтера: этого достаточно, чтобы оцѣнить вліяніе, оказанное великимъ англійскимъ мыслителемъ на прогрессивное развитіе европейской цивилизаціи.

Другіе народы оказываются далеко отставшими въ смыслѣ освобожденія общественной науки, и въ частности—представленій объ общественномъ развитіи, отъ метафизическихъ формулъ.

Лейбницъ (1646—1716) развиваетъ только старинную гипотезу о врожденномъ всеобщемъ и непрерывномъ стремленіи всѣхъ существъ къ лучшему состоянію. Въ силу этого закона развитія всѣ субстанціи, постепенно прогрессируя, поднимаются наконецъ до чисто-духовныхъ формъ; достигнувъ послѣднихъ, человѣчество вступаетъ въ общеніе съ Богомъ, Создателемъ и конечной цѣлью всего существующаго. Философія этой эпохи проникнута оптимизмомъ; человѣчество исполнено надеждъ. Несмотря на общественныя бѣдствія, умы проникнуты энергическимъ стремленіемъ къ обновленію. Разочарованія рѣдки: предстоитъ не реакція, а революція. Лейбницъ признаетъ однакоже — и интересна формулировка его мысли — что въ исторіи существуютъ узловыя точки, точки возврата. Оптимизмъ его въ соціологической области не носитъ абсолютно-фаталистической окраски. Представленіе Лейбница о соціальной эволюціи представляетъ только частный выводъ его ученія объ эволюціи вообще. Существуетъ по его мнѣнію непрерывное, послѣдовательное развитіе всѣхъ организмовъ безъ малѣйшаго пробѣла въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ. Лейбницъ не старается даже оправдать исторически законность своего оптимизма; единственнымъ доводомъ его является гипотеза, что міръ общественный, какъ и міръ физическій, является лучшимъ изъ возможныхъ міровъ. Такъ напр., если бы Тарквиніи не совершили своихъ преступленій, Римъ не свергъ бы ига царской власти. Главнымъ доводомъ Лейбница остается доводъ теологическій:—Богъ создалъ міръ, Богъ—безконечно благъ и всемогущъ, а потому и міръ нашъ—лучшій изъ возможныхъ.

По содержанію своему философія Лейбница представляетъ прямую противоположность философіи Спинозы (1632 — 1677), въ силу которой субстанція является причиной самой себя. Она свободна въ томъ смыслѣ, что опредѣляется только сама собой и свободна отъ внѣшняго принужденія; она безконечна, лишена разума и воли, безлична и не дѣйствуетъ во имя какихъ-либо

конечныхъ цѣлей, являясь сама своей причиной. Если бы Спинозѣ пришлось дѣлать выборъ, онъ предпочелъ бы съ Декартомъ, скотистами и іезуитами вѣрить, что все зависитъ отъ свободной воли Бога, чѣмъ принять, что Богъ всегда руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ соображеніями добра и совершенства, такъ какъ послѣдняя гипотеза—гипотеза Платона и Лейбница—предполагаетъ нѣкоторый планъ, съ которымъ считается божество, перестающее тогда быть первопричиной. По ученію Спинозы Богъ и вселенная—одно и то же; Богъ есть вселенная, разсматриваемая со стороны своего вѣчнаго вида. Этимъ тождествомъ объясняется совпаденіе душевныхъ движеній съ тѣлесными; они ритмичны: порядокъ идей тотъ же, что порядокъ вещей. Движеніе субстанціи вѣчно, формы же ея имѣютъ начало и конецъ. Человѣкъ въ дѣйствительности—рабъ природы. Онъ можетъ дѣйствовать свободно только соотвѣтственно степени своего умственнаго развитія. Все понять значитъ — стать свободнымъ. Свобода такимъ образомъ достижима только въ области идей; наша нравственность зависитъ отъ нашего знанія; понять свои страсти значитъ—обладать энергіей не подчиняться имъ. Нѣтъ ничего, что могло бы назваться хорошимъ и дурнымъ; съ точки зрѣнія разума, преступленія Нерона представляютъ поступки, которые должны были совершиться необходимо. Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что фатализмъ Спинозы носитъ оптимистическую окраску. Трогательно видѣть, какъ этотъ глубокій мыслитель, прожившій свою жизнь въ крайней бѣдности и безпрестанно преслѣдуемый, приходитъ къ убѣжденію въ непрерывномъ совершенствованіи, ведущемъ человѣка къ такой безкорыстной и чисто альтруистической любви ко всѣмъ существамъ вселенной, что за всѣми ими онъ признаетъ значеніе и цѣну въ мірозданіи, при чемъ они не внушаютъ ему ни ненависти, ни любви, не причиняютъ ни удовольствій, ни страданій.

Всякая философія, какъ и всякая религія, является попыткой привести въ связную систему наши представленія относительно явленій физическихъ, нравственныхъ и общественныхъ. Эволюція философіи стоитъ всегда въ тѣсной связи съ эволюціей наукъ. До конца XVII вѣка философіи и исторіи не существуетъ. Достаточно просмотрѣть VII книгъ Республики Ж. Бодэна, — предшественника Монтескье, въ нѣкоторыхъ частяхъ своего труда не уступающаго послѣднему по ясности взглядовъ, чтобы видѣть, что въ области общественныхъ вопросовъ еще въ XVI вѣкѣ даже надъ самыми просвѣщенными умами тяготѣютъ астрологическія и иныя суевѣрія. Но въ послѣдующую эпоху, въ Англіи съ Гиббономъ, во Франціи—съ Монтескье, въ Италіи—съ Вико,

возникаетъ соціальная наука, прилагающая все съ большей и большей точностью къ изучаемымъ ею явленіямъ историческій методъ, безъ приложенія котораго основной законъ исторіи — законъ непрерывности историческаго развитія—не былъ бы доказанъ во всемъ своемъ объемѣ съ тою несомнѣнностью, съ какой это имѣетъ мѣсто теперь.

Гиббонъ въ своей исторіи «Упадка и паденія Римской имперіи» набрасываетъ картину прогрессивнаго развитія цивилизаціи со времени дикаго состоянія; признавая существованіе періодовъ упадка, онъ однакоже убѣжденъ, что «съ начала міра всякое столѣтіе умножало и умножаетъ до сихъ поръ дѣйствительное богатство, счастье, знаніе и быть можетъ добродѣтель человѣческаго рода». Это дѣленіе исторіи на столѣтія и сравненіе послѣднихъ между собой съ различныхъ точекъ зрѣнія, указанныхъ Гиббономъ, отличается чрезмѣрной простотой и не подкрѣплялось да и не могло быть подкрѣплено въ ту эпоху точнымъ спискомъ богатствъ экономическихъ, научныхъ и нравственныхъ каждаго столѣтія. Статистика еще только зарождалась въ Англіи, Нидерландахъ, Германіи, Франціи и Италіи. Соображенія Гиббона, равно какъ и Монтескье, по необходимости поэтому должны были вращаться въ области общихъ—иногда весьма глубокихъ—взглядовъ относительно историческаго хода общественнаго развитія. Даже у Монтескье преобладаютъ представленія статическаго порядка. Постоянство историческихъ законовъ поражаетъ его болѣе, чѣмъ явленія превращенія общественныхъ формъ; онъ даже скоро забываетъ свое прекрасное опредѣленіе естественныхъ законовъ, отъ которыхъ не достаточно опредѣленно разграничиваетъ законы положительные. Монтескье приписываетъ также преувеличенное вліяніе климату, при чемъ доходитъ до утвержденія, что въ извѣстныхъ частяхъ земного шара прогрессъ невозможенъ. У Гиббона мы находимъ интересную попытку классификаціи соціальныхъ функцій въ іерархическомъ порядкѣ возростающей спеціализаціи. Во главѣ соціальныхъ пріобрѣтеній онъ ставитъ успѣхи поэзіи и философіи; эти успѣхи представляютъ результатъ дѣятельности нѣсколькихъ геніальныхъ спеціалистовъ. Непосредственно за этимъ слѣдуютъ успѣхи въ области законодательства, политики, торговли, промышленности, наукъ и искусствъ; они прочнѣе первыхъ и получаютъ большее распространеніе благодаря образованію и воспитанію. Наконецъ, слѣдуютъ искусства наиболѣе полезныя или по меньшей мѣрѣ наиболѣе необходимыя, которыя къ счастью для человѣческаго рода не требуютъ ни высшихъ талантовъ, ни національной организаціи, не требуютъ геніальности отдѣльнаго лица или соединенія въ

одно цѣлое множества индивидовъ. Такими искусствами являются: искусство обработки желѣза и другихъ металловъ, прирученіе животныхъ, охота, рыбная ловля, первыя попытки мореплаванія и культуры и простѣйшія механическія искусства. Первые два вида соціальной дѣятельности могутъ исчезнуть, но послѣдніе— «эти крѣпкія и сильныя растенія переживутъ всякую бурю и пустятъ глубокіе корни въ самой неблагодарной почвѣ. За свѣтлыми днями Августа и Траяна надъ римскимъ міромъ нависла густая туча невѣжества; варвары уничтожили римское законодательство и римскіе дворцы, но серпъ, изобрѣтеніе или эмблема Сатурна, продолжалъ снимать жатву на поляхъ Италіи, и пиры, во время которыхъ Лестригоны питались человѣческимъ мясомъ, никогда болѣе не возобновлялись на берегахъ Кампаніи».

Это представленіе объ организаціи и эволюціи обществъ, основанное исключительно на историческомъ методѣ, стоитъ далеко выше всѣхъ взглядовъ, съ которыми мы до сихъ поръ встрѣчались. Гиббонъ не только пытается дать естественную классификацію соціальныхъ явленій, но и основываетъ свою классификацію на законѣ все уменьшающейся общности и возрастающей спеціализаціи этихъ явленій. Кромѣ того,—и это весьма важно—онъ понимаетъ, что соціальные факты высшаго порядка, представляющіе позднѣйшее пріобрѣтеніе цивилизаціи, являются въ то же время наименѣе стойкими, тогда какъ экономическіе элементы общественной жизни являются наиболѣе общими, наиболѣе существенными, наиболѣе прочными. Говоря, что первые могутъ исчезнуть, при чемъ исчезновеніе это не отразится существенно на общественной жизни, онъ какъ бы предвосхищаетъ законъ, въ силу котораго общественное вырожденіе идетъ въ порядкѣ обратномъ общественному прогрессу. Формула его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже точнѣе знаменитой параболы Сенъ-Симона, имѣющей, впрочемъ, болѣе ограниченное значеніе и относящейся къ явленіямъ общественнаго паразитизма. Гиббонъ совершенно правъ, объявляя достигнутые экономическіе успѣхи наиболѣе стойкими, но онъ слишкомъ смѣло утверждаетъ, будто возвратъ къ людоѣдству невозможенъ: многочисленные случаи такого возврата наблюдались во время ужасныхъ голодовокъ, поражавшихъ населеніе Европы въ средніе вѣка.

Въ Италіи Вико (1668—1744) освобождаетъ въ значительной степени общественную науку отъ подчиненія теологіи и метафизикѣ и прилагаетъ къ ней историческій методъ. Итальянская философія, преслѣдуемая и задавленная до и послѣ Дж. Бруно, не успѣла завоевать себѣ той свободы, которой философія и общественная наука достигли въ Англіи, и блестящее

возрожденіе ея въ началѣ XVIII вѣка производитъ особенно сильное впечатлѣніе въ сравненіи съ глубокимъ мракомъ, тяготѣвшимъ надъ ней въ теченіе цѣлаго вѣка. Тѣмъ не менѣе, представленіе Вико о соціальной эволюціи вращается въ унаслѣдованныхъ отъ древности рамкахъ теоріи циклическаго развитія; но въ этихъ рамкахъ онъ ясно и опредѣленно развиваетъ представленіе о непрерывности соціальной эволюціи. Вико различаетъ три эпохи въ жизни народовъ—эпоху боговъ, эпоху героическую и эпоху человѣческую, при чемъ постоянно имѣетъ мѣсто возвратъ этихъ періодовъ въ той же послѣдовательности, образующій кругъ безъ конца. Этотъ законъ dei ricorsi Вико съ научной точки зрѣнія много ниже закона вырожденія, даннаго Гиббономъ. Но великій итальянскій мыслитель, допуская возвратъ первой эпохи вслѣдъ за третьей, въ то же время полагаетъ, что первая эпоха возвращается въ высшей сравнительно съ первоначальной формѣ. Мы имѣемъ въ сущности, стало быть, не замкнутый кругъ, а восходящую спираль Гёте, столь любимую также Е. Ферри, охотно изображающимъ прогрессъ въ этой формѣ, опредѣленность которой далеко не соотвѣтствуетъ ея научной обоснованности. Въ силу закона ricorsi напр. всѣ народы, перейдя отъ монархіи къ аристократіи, а отъ послѣдней къ демократіи, въ заключеніе опять возвращаются къ первой. Но тутъ Вико, подобно Платону, предполагаетъ возникновеніе идеальной формы,—истинной Республики. Этотъ новый четвертый видъ государства будетъ представлять собой родъ демократіи, во главѣ которой будутъ стоять отцы семействъ подъ верховнымъ главенствомъ Провидѣнія. Эти послѣднія мечтанія не имѣютъ уже никакого отношенія ни къ исторіи, ни къ философіи исторіи. Взгляды Вико оказали громадное вліяніе на европейскую мысль уже много времени спустя послѣ смерти итальянскаго мыслителя черезъ посредство Мишлэ, а въ послѣднее время черезъ посредство Э. Феррона, слившаго теорію Вико съ ученіемъ Сенъ-Симона о правильной смѣнѣ періодовъ оганическихъ и критическихъ.

Въ Германіи, благодаря примѣненію историческаго метода, представленія о развитіи обществъ также мало-по-малу освобождаются изъ-подъ опеки теологіи и метафизики. Въ 1752 выходитъ въ свѣтъ «Всеобщая наука исторіи» Іоганна-Мартина Хладни, профессора богословія, венгерца по происхожденію. Девятая изъ двѣнадцати главъ, входящихъ въ эту книгу, посвящена послѣдовательности и причинной связи историческихъ событій.

Въ 1764 году швейцарецъ Изелинъ издаетъ «Философскія предположенія объ исторіи человѣчества». Онъ пытается дать классификацію соціальныхъ типовъ соотвѣтственно хронологиче-

ской послѣдовательности ихъ возникновенія. Первой фазѣ соотвѣтствуетъ жизнь еще преимущественно животная, когда человѣчество обнаруживаетъ недостатокъ развитія памяти и предусмотрительности. Въ эту эпоху не существуетъ еще представленія о правѣ собственности, нѣтъ нравственности и языка и имѣется очень мало общихъ понятій. Ко второй фазѣ относится возникновеніе перечисленныхъ соціальныхъ фактовъ и начало ихъ развитія. Въ третьей фазѣ возникаетъ простѣйшая форма соціальной жизни; это—эпоха пастуховъ-номадовъ. Начиная съ этого періода, образуются два теченія, подъ вліяніемъ которыхъ складывается слѣдующая, четвертая форма общественной жизни; первое теченіе несетъ въ себѣ задатки цивилизаціи; второе—варварства. Если общество принадлежитъ къ разряду воинственныхъ—побѣждаетъ варварство, такъ какъ война разрушаетъ естественное состояніе и первобытное равенство между людьми. Послѣднее замѣчаніе представляетъ высокій интересъ. Спустя столѣтіе ту же мысль будетъ развивать Ог. Контъ, различая эпоху военную и промышленную и предполагая смѣну одной эпохи другою. Г. Спенсеръ положитъ ту же идею въ основу своей классификаціи соціальныхъ типовъ и въ смѣнѣ военнаго типа промышленнымъ будетъ видѣть характерный признакъ прогресса.

І. Д. Вегелинъ (1721—1791), профессоръ исторіи въ Берлинѣ, но тоже швейцарецъ по происхожденію, въ значительной степени способствовалъ правильной постановкѣ понятія о прогрессѣ и выясненію закона непрерывности историческихъ фактовъ, закона, вводящаго соціологическія явленія въ область общаго научнаго детерминизма. Въ числѣ другихъ работъ онъ издаетъ между 1770 и 1776 гг. пять мемуаровъ о философіи исторіи и мемуаръ о періодическомъ теченіи событій. Въ послѣднемъ онъ излагаетъ *сцѣпленіе событій*. Вегелинъ является предшественникомъ новаго идеализма, расцвѣтъ котораго мы скоро увидимъ въ Германіи и другихъ странахъ, въ томъ отношеніи, что безъ всякой нужды вводитъ въ естественную исторію обществъ гипотезу, что въ основѣ фактовъ лежатъ всегда объединяющія ихъ идеи-регуляторы. Эти идеи возникаютъ и видоизмѣняются крайне медленно. Измѣненія, происходящія въ исторической жизни націи, зависятъ отъ совмѣстнаго или раздѣльнаго дѣйствія «закона всеобщности» и «закона индивидуальности»; первый выражается въ принужденіи, проявляемомъ государствомъ, второй—въ реакціи свободной личности каждаго изъ членовъ государства. Такимъ образомъ, возникаютъ два теченія—центробѣжное и центростремительное, точная гармонія

которыхъ обезпечиваетъ теченіе общественнаго процесса по правильной орбитѣ. Въ качествѣ ученика Лейбница, Вегелинъ признаетъ законъ исторической непрерывности; онъ отличаетъ индивидуальную дѣятельность отъ проявленій жизнедѣятельности государства, но проводитъ это различеніе метафизически; тѣмъ не менѣе онъ не жертвуетъ однимъ въ пользу другого и старается сочетать ихъ гармонически. Но біологическія науки и психологія не были еще достаточно развиты для того, чтобы общая теорія детерминизма, законы ассоціаціи идей и въ особенности динамическіе законы жизни и мысли могли быть приложены къ выясненію явленій общественной жизни. Научныя соціологическія школы принуждены заимствовать свои объясненія отъ наукъ раньше организовавшихся,—отъ механики, физики и астрономіи. Соціальная наука, положительная по своимъ стремленіямъ, но не обрѣтшая еще необходимыхъ основъ, будетъ создавать руководства «Соціальной физики» и трактаты «Соціальной механики». Въ то же время метафизика, изгнанная изъ всѣхъ почти остальныхъ научныхъ областей, еще въ теченіе цѣлаго вѣка, пользуясь естественной слабостью соціологіи, будетъ пополнять ея пробѣлы субъективными теоріями, въ которыя она постарается втиснуть соціальныя явленія. Всѣмъ наукамъ пришлось пройти черезъ эту подготовительную стадію развитія. Законъ умственнаго развитія, такъ прекрасно изложенный Ог. Контомъ, но приложимый исключительно къ прогрессу человѣческаго ума и не являющійся общимъ закономъ общественной динамики, находитъ себѣ въ соціологіи подтвержденіе уже въ самомъ фактѣ поздней установки этой науки. Вѣра наша въ прогрессъ можетъ находить подтвержденіе уже въ картинѣ слабости и колебаній этихъ первыхъ шаговъ общественной науки.

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что оба историка, пропагандировавшіе въ Германіи мысль, что въ началѣ цивилизаціи существовало не гипотетическое только равенство и гипотетическое первобытное естественное право, а дѣйствительное, исторически доказанное равенство, исчезнувшее только подъ вліяніемъ войны, что историки эти были по происхожденію швейцарцы. Въ Швейцаріи тогда полнѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ цивилизованной Европы, можно было наблюдать это первобытное равенство. Это была не воинственная страна, а мирная федерація; кромѣ того, природа этой страны отличается рѣдкими красотами. Благодаря этимъ условіямъ, Швейцарія должна была оказывать значительное и отчасти благодѣтельное вліяніе на сосѣднюю Францію, могущественную, централизованную военную монархію, создавшуюся путемъ завоеванія и за-

хвата, цивилизація которой въ верхнихъ ея слояхъ—у дворянства, духовенства и отчасти у высшей буржуазіи—представляла тогда прямую противоположность естественной простотѣ. Въ XVIII вѣкѣ Швейцарія стала утопическимъ идеаломъ французовъ, и притомъ не только идеаломъ радикальныхъ реформаторовъ, но и тѣхъ пресыщенныхъ всякими утонченными развлеченіями классовъ, для которыхъ, какъ для Маріи-Антуанеты, элегантная пастушья хижина была утонченнымъ зрѣлищемъ. Явленіе это однакоже не было искуственнымъ. Старый монархическій порядокъ Франціи разлагался, и естественно, что вниманіе революціонеровъ этой эпохи особенно привлекалъ строй прямо противоположный,—подобно тому, какъ люди болѣе робкіе, менѣе радикальные и болѣе уравновѣшенные вслѣдъ за Монтескье видѣли свой политическій идеалъ въ Англіи. Стюартъ Милль объясняетъ влеченіе Ж. Ж. Руссо (1712—1778) къ природѣ и природному состоянію реакціей противъ чрезмѣрнаго восхищенія цивилизаціей и прогрессомъ, которое господствовало среди образованныхъ классовъ въ первой половинѣ XVIII в. Замѣчаніе это вѣрно только отчасти. Швейцарія съ своими простыми первобытными учрежденіями стала одновременно и разлагающимъ факторомъ и идеаломъ для французскаго общества, которое стояло на порогѣ преобразованія,—впрочемъ, несравненно болѣе поверхностнаго, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Только въ XIX вѣкѣ знакомство съ экономическимъ строемъ Швейцаріи и другихъ государствъ, а также болѣе полныя свѣдѣнія относительно первобытныхъ формъ собственности позволятъ составить болѣе опредѣленное и глубокое представленіе о процессѣ общественной эволюціи.

Теоріи Руссо, несмотря на ихъ сантиментальный характеръ, и, вѣроятно, даже по тому самому, пропагандировались вполнѣ искренно не только самимъ реформаторомъ и представителями тѣхъ обездоленныхъ классовъ, органомъ которыхъ онъ являлся, но и общественными паразитами той эпохи, отъ которыхъ революція должна была отчасти очистить Францію. «Я не сомнѣваюсь ни на минуту, совершенно вѣрно замѣчаетъ Г. С. Мэнъ, что вліяніе Руссо на современное ему и слѣдующее поколѣнія зависѣло въ весьма значительной степени отъ распространеннаго въ то время взгляда, что его картину естественнаго состоянія и первобытнаго общества слѣдуетъ понимать буквально. Замѣчательная страница въ «Мысляхъ» Паскаля (о человѣческой слабости) показываетъ, какое революціонное впечатлѣніе въ состояніи произвести сравненіе дѣйствующихъ учрежденій съ воображаемымъ *основнымъ и первоначальнымъ* закономъ государ-

ства. У Паскаля это замѣчаніе было навѣяно мятежами Фронды. Парижскій парламентъ твердо вѣрилъ въ *основные и первоначальные* законы Франціи. Спустя столѣтіе ученики Руссо исповѣдывали точь въ точь такую же вѣру въ природное состояніе и въ общественный договоръ». Къ замѣчанію этому слѣдуетъ прибавить въ интересахъ полноты и точности, что теоріи самого Руссо были продуктомъ швейцарской общественной жизни, и что до него ихъ проповѣдывалъ въ области философіи исторіи, какъ мы видѣли, Изелинъ, несправедливо забытый современникъ Руссо.

Къ несчастью, исходя изъ правильныхъ въ значительной степени соціологическихъ данныхъ, признавая существованіе общественнаго состоянія совершенно однороднаго и построеннаго на принципѣ равенства, Руссо создалъ метафизическую политику, вредно отозвавшуюся какъ на ходѣ развитія положительной соціологіи, такъ и на теченіи французской революціи.

По теоріи Руссо, человѣкъ первоначально жилъ въ природномъ состояніи, пользуясь абсолютной свободой. Эта гипотеза была ошибочна, такъ какъ первобытный человѣкъ стоитъ не только въ тѣсной зависимости отъ окружающей его соціальной среды, но кромѣ того находится въ полномъ подчиненіи физической средѣ. Гипотеза Руссо отрицала соціальный детерминизмъ, безъ признанія котораго не мыслимо созданіе общественной науки. Въ извѣстный моментъ, по теоріи Руссо, состояніе это измѣнется: «Какъ происходитъ это измѣненіе?—я не знаю». Изелинъ, напротивъ того, совершенно вѣрно объяснялъ измѣненіе первобытнаго, основаннаго на равенствѣ, общественнаго строя вліяніемъ войны. Въ самомъ дѣлѣ, приписываемая Руссо человѣку безграничная способность совершенствованія стоитъ повидимому въ противорѣчіи съ первичнымъ паденіемъ, которое не находитъ достаточнаго объясненія въ фактѣ раздѣленія труда и появленія частной собственности, результатомъ чего была «индивидуальная цивилизація и вырожденіе человѣческаго рода». Если, такимъ образомъ, всѣ гражданскія учрежденія являются продуктомъ деспотизма съ одной стороны, гнета—съ другой, то въ чемъ же проявляется эта безграничная способность къ совершенствованію, которою Руссо надѣляетъ человѣка, чтобы черезъ минуту отнять ее у него совсѣмъ? Выводъ изъ этой теоріи ясенъ: необходима *перестройка* общественнаго зданія; слѣдуетъ начать новую историческую жизнь по новому плану и съ новыми матеріалами. Кромѣ того, исходя изъ своей недоказанной гипотезы, Руссо утверждалъ, что упомянутое уже первоначальное измѣненіе общественнаго строя дало начало общественному договору, образованію государства. Въ этомъ отношеніи ученіе его принципіально не

отличалось отъ теоріи Гоббса: по единодушному соглашенію, всѣ существа подчинили свою личную свободу и свое могущество руководству общей воли. Послѣдующія поколѣнія вступаютъ въ общественный строй, на тѣхъ же основаніяхъ, что и первыя договорившіяся стороны, въ качествѣ индивидуальныхъ составныхъ частей общественнаго цѣлаго. Въ одномъ только отношеніи Руссо отклонялся отъ Гоббса, приближаясь къ Локку, оживлялъ своимъ страстнымъ краснорѣчіемъ старыя теоріи и вносилъ въ нихъ революціонный духъ: онъ признавалъ, что единственнымъ верховнымъ властелиномъ можетъ быть только общество, оно не можетъ имѣть замѣстителей, а тѣмъ болѣе не имѣетъ права отчуждать своихъ верховныхъ правъ; такимъ образомъ представительная система не соотвѣтствуетъ этому принципу. Періодически должно подвергаться опросу все общество, какъ это дѣлалось и дѣлается еще теперь въ Швейцаріи. Но на рѣшеніе верховнаго народа должны представляться только два вопроса: желаетъ ли онъ сохраненія существующей формы правленія? Желаетъ ли онъ сохранить теперешнихъ своихъ слугъ? Рѣшаетъ большинство, являющееся органомъ всемогущаго государства. Такимъ образомъ, на дѣлѣ выходило, что народъ являлся властелиномъ, какъ и при современномъ парламентскомъ режимѣ, только въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ различные, болѣе или менѣе удаленные другъ отъ друга, промежутки времени. Принципъ верховенства продолжалъ лежать въ основѣ проявленій всеобщей воли. Договорный режимъ, установку котораго Руссо помѣщалъ въ гипотетическій моментъ прошлаго, не находилъ себѣ мѣста даже въ предложенной имъ идеальной организаціи. Вполнѣ естественно, что верховная власть, сосредоточенная раньше въ рукахъ нѣсколькихъ или одного, переходитъ затѣмъ въ руки всѣхъ. Этотъ процессъ, въ значительной части носящій чисто-идеальный и номинальный характеръ, ведетъ къ послѣдовательной замѣнѣ принципа верховенства представительствомъ—одновременно частнымъ и общимъ, періодическимъ и постояннымъ—всѣхъ общественныхъ интересовъ. Столкновенія, которыя возникаютъ и будутъ возникать вѣчно въ общественной средѣ въ силу ея дифференціаціи и дальнѣйшаго развитія, постоянно будутъ нуждаться въ устраненіи ихъ путемъ совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія. Для устраненія этихъ столкновеній и будутъ примѣняться все чаще учрежденія, основанныя на принципѣ соглашеніи и договора, зачаточную форму которыхъ мы имѣемъ въ современной конституціонной системѣ съ ея господствомъ большинства и политическими партіями. Руссо такимъ образомъ былъ правъ, требуя для всѣхъ права голоса, и этотъ принципъ

станетъ въ теченіе цѣлаго столѣтія однимъ изъ требованій политической демократіи. Но научный соціализмъ впослѣдствіи выяснитъ, что принципъ всеобщей подачи голосовъ, чтобы не быть простымъ звукомъ, нуждается въ извѣстной общественной организаціи, и что эта организація не можетъ явиться продуктомъ субъективной только воли, но что она вытекаетъ изъ объективной жизнедѣятельности соціальнаго организма, и что оба эти условія находятъ себѣ осуществленіе только въ договорной системѣ въ видѣ представительства интересовъ. Этотъ идеалъ, предусмотрѣнный Руссо, находится не въ прошедшемъ, а въ будущемъ. (Greef. *Le regime représentatif*).

Руссо самъ объяснялъ возникновеніе своихъ теорій своимъ знакомствомъ съ организаціей кантоновъ его родины и съ женевской конституціей. Рекомендуемая имъ форма правленія въ то время существовала еще въ старѣйшихъ швейцарскихъ кантонахъ. Онъ не упускалъ изъ виду важнаго соціологическаго закона, столь часто забываемаго реформаторами, ищущими подобно ему своего идеала въ простѣйшемъ типѣ общества,—закона, извѣстнаго въ біологіи подъ именемъ закона соотношенія частей или органовъ. Для него было ясно, что прямое законодательство въ томъ видѣ, въ какомъ оно тогда существовало, и верховенство народа, даже ограниченное отвѣтомъ на двоякій вопросъ, представленный на народное усмотрѣніе, не можетъ имѣть мѣста въ централизованномъ государствѣ съ обширной территоріей. Федеративный принципъ лежалъ такимъ образомъ въ основѣ проповѣдуемой имъ политической реформы, и въ этомъ отношеніи Руссо примыкаетъ съ одной стороны къ школѣ, не совсѣмъ правильно именуемой анархистской, а съ другой—къ одному изъ самыхъ страстныхъ своихъ антагонистовъ, Прудону, преклонявшемуся передъ швейцарскими учрежденіями.

Ж. Ж. Руссо—пессимистъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что въ «Энциклопедіи» Дидро и Даламбера нѣтъ совершенно статей, посвященныхъ совершенствованію и прогрессу [1]). Вольтеръ въ своемъ «Опытѣ о нравахъ» различаетъ варварскія эпохи отъ культурныхъ, но онъ не дѣлаетъ даже попытки вывести изъ фактовъ законъ развитія человѣческихъ обществъ и возникновеніе великихъ эпохъ человѣческой исторіи приписываетъ *счастливому случаю*. Взгляды его по этому вопросу не представляютъ послѣдовательности и системы. Болѣе всего поражаетъ его

---

[1]) Поль Жанэ отмѣчаетъ, что напротивъ того въ «Новой Энциклопедіи» П. Леру и Ж. Рейно слову «perfectibilité» посвящена одна изъ наибольшихъ статей.

расцвѣтъ въ извѣстные вѣка искусствъ и литературы, его интересуетъ главнымъ образомъ развитіе человѣческой мысли. Великій историкъ цивилизаціи, Бокль, исправилъ ошибку Вольтера, приписывавшаго вліянію Людовика XIV пышный расцвѣтъ искусства и литературы, въ дѣйствительности наступившій еще до этого царствованія и стоявшій внѣ всякаго вліянія съ его стороны. Многія мѣста изъ объемистой переписки Фернейскаго философа удостовѣряютъ его вѣру въ прогрессъ человѣческихъ знаній. Но эти отрывочныя замѣчанія не укладываются въ сколько нибудь законченную теорію. Вольтеръ—не пессимистъ и не оптимистъ; его скептицизмъ имѣетъ только поверхностный характеръ и скрываетъ подъ собой мужественную и глубокую любовь къ человѣчеству. По отвращенію своему къ положительнымъ религіямъ, къ метафизическимъ системамъ и болѣзненной сантиментальности Руссо, онъ является предвозвѣстникомъ положительной соціальной науки. Ог. Контъ и его ученики не достаточно оцѣнили заслуги Вольтера въ этомъ отношеніи. «Споръ между древними и новыми», дебаты по вопросу о вліяніи театра и искусства вообще на цивилизацію, показываютъ, что Вольтеръ, въ противоположность Руссо, обращался своими взорами въ сторону будущаго и не мечталъ о возвращеніи къ первобытнымъ формамъ общежитія. Иногда впрочемъ онъ, подобно Дидро, любилъ противопоставлять ханжеству современной цивилизаціи нравы дикарей, и было бы ошибочно видѣть въ этихъ противопоставленіяхъ только искусственное орудіе полемики и критики. Хотя ни Вольтеръ, ни Дидро въ глубинѣ души не мечтали о возвратѣ къ первобытнымъ формамъ, тѣмъ не менѣе они поддавались отчасти охватившему все тогдашнее общество теченію, выразителемъ котораго былъ Руссо. И пессимизмъ послѣдняго, и вѣра энциклопедистовъ въ будущее одинаково участвовали въ созданіи общаго результата обоихъ этихъ теченій—французской революціи.

Энциклопедисты сдѣлали попытку связать въ цѣльную систему всю совокупность человѣческихъ знаній, доставшихся 18-му вѣку. Это было своего рода библія, но лишенная божественнаго авторитета и поставленная на мѣсто старыхъ священныхъ книгъ. Одна возможность подобнаго предпріятія указываетъ на длину пути, пройденнаго къ тому времени человѣческой цивилизаціей. Но важнѣе выхода въ свѣтъ «Энциклопедіи», важнѣе даже французской революціи—другой фактъ этой эпохи: въ Англіи, Франціи и Италіи возникаетъ политическая экономія, въ качествѣ систематической науки, независимой—не отъ прочихъ общественныхъ наукъ, которыя всѣ солидарны другъ съ другомъ,—а

отъ религіозныхъ и метафизическихъ ученій и методовъ. Этотъ послѣдній результатъ—превращеніе политической экономіи въ положительную науку достигается впрочемъ не тотчасъ же, но онъ явится въ качествѣ необходимаго слѣдствія наступающаго въ XVIII вѣкѣ органическаго отдѣленія экономической науки отъ прочихъ наукъ. Съ этого момента соціальная наука даетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что̀ составляетъ основу всѣхъ цивилизацій, наиболѣе общее условіе ихъ жизни и роста. На этой основѣ впослѣдствіи будетъ воздвигнуто зданіе соціальныхъ наукъ болѣе сложныхъ и болѣе частныхъ. Всѣ онѣ будутъ все болѣе и болѣе отрѣшаться отъ метафизическихъ пріемовъ и методовъ. Независимыя вначалѣ или считавшіяся независимыми одна отъ другой, онѣ впослѣдствіи сольются въ одну координированную науку, которая подъ именемъ соціологіи увѣнчаетъ собой положительную философію. Прежде чѣмъ будетъ достигнутъ этотъ результатъ (только въ концѣ XIX в.), наука должна будетъ сдѣлать громадные шаги впередъ: прежде всего сложится въ качествѣ точной науки химія и примкнетъ къ ряду точныхъ наукъ, доставшихся отъ древнихъ, затѣмъ сложатся біологія и психологія; тогда только общественныя науки и политическая экономія войдутъ въ составъ положительнаго знанія, и новый типъ общественнаго устройства замѣнитъ собой метафизическій типъ новаго времени, монотеистическій типъ среднихъ вѣковъ, политеистическій типъ древности, идолопоклонническій и фетишистскій первобытной эпохи. Классификація умственныхъ завоеваній человѣчества дана будетъ въ первой половинѣ XIX в. Ог. Контомъ, но около того же времени и позднѣе, благодаря вліянію соціалистическихъ ученій,—сначала критическихъ и утопическихъ, а затѣмъ все болѣе и болѣе научныхъ,—укрѣпится взглядъ, что если развитіе идей является одной изъ наиболѣе возвышенныхъ сторонъ соціальной эволюціи, въ которой обнаруживаются наиболѣе поздніе пріобрѣтенія прогресса, то съ другой стороны основными измѣненіями общественной структуры, болѣе медленными, правда, но въ то же время наиболѣе прочными, являются измѣненія экономическія, лежащія въ основѣ организаціи и питанія обществъ. Выяснится въ то же время, что въ основѣ классификаціи послѣдовательныхъ типовъ общественнаго развитія должны прежде всего лежать специфическіе экономическіе признаки; къ послѣднимъ присоединяются всѣ прочіе признаки—изъ области искусства, умственнаго развитія, нравственности, юридическаго и политическаго строя, образуя все болѣе и болѣе возвышенные координаціонные центры, имѣющіе назначеніемъ регулировать общественную жизнь. Съ этихъ поръ всякая классификація типовъ общественнаго развитія

будетъ считаться со всѣми этими признаками, соотносительными другъ съ другомъ и гармонически координированными въ извѣстные историческіе періоды.

На эту эволюцію органической теоріи общественной жизни оказали значительное вліяніе экономисты XVIII в. и философы. По взгляду физіократовъ, задача правительства состоитъ не въ созданіи законовъ, а въ познаніи естественныхъ законовъ общественнаго порядка. Статическій элементъ общественной жизни останавливаетъ на себѣ ихъ вниманіе больше, чѣмъ развитіе обществъ. Они склоняются къ деспотизму, и Мерсье де Ла-Ривьеръ желаетъ деспотизма, но стоящаго на почвѣ закона. Вѣдь даже наука представляетъ изъ себя власть: «Эвклидъ — деспотъ!» Естественный общественный строй экономисты считаютъ неизмѣннымъ: онъ предшествуетъ всѣмъ общественнымъ учрежденіямъ. Такъ, право собственности представляетъ естественное право, независимое отъ государственной власти. Оно вытекаетъ изъ свойствъ человѣческой природы, изъ того, что человѣкъ имѣетъ свою *собственную* индивидуальность, изъ личной свободы человѣка. Какъ читатели видятъ, мотивировка имѣетъ чисто-метафизическій характеръ, сводится къ игрѣ словами, и однако же она на-долго извратитъ взгляды экономистовъ. По мнѣнію Мерсье де Ла-Ривьера движимая собственность возникла вслѣдствіе этой личной свободы, а недвижимая произошла изъ движимой, тогда какъ свобода личности въ общественной средѣ возникла въ свою очередь въ значительной степени благодаря этимъ формамъ собственности. Съ этихъ поръ, по воззрѣніямъ правовѣрныхъ экономистовъ, общественныя учрежденія имѣютъ единственнымъ назначеніемъ обезпеченіе естественныхъ правъ, т. е. собственности, свободы и безопасности. Въ этомъ существенная сторона общественнаго строя. Таковы же взгляды, которыхъ держится въ области политики и экономіи Гербертъ Спенсеръ, становясь при этомъ въ рѣзкое противорѣчіе со всей совокупностью своего міровоззрѣнія.

Крупной заслугой физіократовъ, а послѣ нихъ Адама Смита (1723—1790) и его школы была борьба противъ ученія меркантилистовъ, проповѣдывавшихъ, что благосостояніе одного народа можетъ достигаться только благодаря обѣднѣнію и ослабленію другихъ народовъ; въ то же время они содѣйствовали ослабленію значенія экономическихъ и политическихъ перегородокъ, превращавшихъ Европу не въ союзъ, а въ рядъ замкнутыхъ, отдѣленныхъ одно отъ другого, государствъ. Но чрезмѣрное стремленіе къ систематизаціи и къ установкѣ абсолютныхъ экономическихъ законовъ, столь же опасное, какъ абсолютизмъ въ фило-

софіи и политикѣ, помѣшали имъ составить себѣ правильное представленіе о прогрессѣ; впрочемъ «Богатство народовъ» Адама Смита, стоящаго въ этомъ отношеніи много выше чѣмъ его послѣдователи, представляетъ первый грандіозный опытъ экономической соціологіи, въ которомъ безсмертный мыслитель отмѣчаетъ постоянное соотношеніе между явленіями экономическаго порядка и другими общественными явленіями, особенно нравственными, юридическими и политическими. По мнѣнію физіократовъ, общественный прогрессъ возможенъ только при ростѣ чистаго дохода отъ обработки почвы, включая сюда эксплоатацію рудниковъ. Физіократы и Адамъ Смитъ были оптимисты: они вѣрили въ предустановленную гармонію; достаточно свободы для того, чтобы всѣ соціальныя проблемы были разрѣшены; важнѣе всего уничтожить всякія путы и привилегіи, извращающія естественный общественный строй. По ихъ мнѣнію (Адамъ Смитъ впрочемъ былъ менѣе одностороненъ, по крайней мѣрѣ въ практическомъ примѣненіи этого общаго принципа) преслѣдованіе личной выгоды необходимымъ образомъ совпадаетъ съ преслѣдованіемъ общественныхъ интересовъ, Незачѣмъ опровергать это ученіе, въ достаточной мѣрѣ опровергнутое ходомъ историческихъ событій; вліяніе его было временное и дѣйствовало въ томъ же направленіи, что другіе факторы, подготовившіе и развившіе общественный строй, сложившійся послѣ французской революціи. Оно растворилось въ новомъ движеніи, представляющемъ шагъ впередъ сравнительно съ этимъ ученіемъ уже потому, что оно продолжаетъ его, уклоняясь отъ него въ то же время въ значительной степени.

Рядомъ со школой правовѣрныхъ экономистовъ, въ качествѣ протестующихъ выразителей коллективной мысли и предшественниковъ новѣйшаго соціализма мы находимъ въ XVIII вѣкѣ коммунистовъ, по преимуществу идеалистическихъ. Мабли примыкаетъ непосредственно къ Платону. Его идеалъ представляетъ попытку приспособленія древнихъ идей и учрежденій въ болѣе или менѣе искаженномъ и разукрашенномъ видѣ къ новой цивилизаціи. Вся эпоха французской революціи проникнута этимъ классическимъ идеализмомъ. Даже послѣ паденія республики, въ государственныхъ формахъ имперіи сдѣлана будетъ попытка возродить римскій имперіализмъ и милитаризмъ; послѣдній станетъ съ этихъ поръ злымъ геніемъ Франціи и Европы.

По Мабли [1]) (1709—1785) «неравенство имуществъ противно

---

[1]) Mably, *Entretiens de Phocion*; Amsterd. 1763; *De la législation ou des principes des lois*, doutes présentés aux économistes sur l'ordre essentiel des sociétés, La Haye, 1768.

природѣ». Въ концѣ концовъ, и въ томъ и въ другомъ лагерѣ конечной инстанціей являлся предустановленный идеалъ, причемъ каждый приспособлялъ его согласно со своими желаніями. Но Мабли и его школа были правы, когда въ отвѣтъ противникамъ, указывавшимъ на естественное неравенство, наблюдаемое между людьми, они говорили, что это неравенство индивидуальныхъ силъ не имѣетъ значенія въ обществѣ, гдѣ отдѣльное лицо — какими бы силами оно ни обладало — всегда слабѣе нѣсколькихъ лицъ. Вслѣдъ за всѣми древними мыслителями они доказывали, что неравенство имуществъ представляетъ источникъ всѣхъ общественныхъ золъ. Къ несчастью, Мабли по логическимъ соображеніямъ, для того, чтобы объяснить возникновеніе неравенства среди людей, принужденъ былъ прибѣгнуть къ старинной гипотезѣ о первоначальномъ золотомъ вѣкѣ. Послѣдній прекратился благодаря людской лѣности; «разсчитывая, что средства къ существованію будутъ имъ доставлены совокупнымъ трудомъ общества, люди стали работать на пользу послѣдняго съ меньшимъ усердіемъ и старательностью». Выходило такимъ образомъ, что самъ золотой вѣкъ былъ источникомъ всѣхъ золъ, включая сюда и неравенство. Въ этомъ состоялъ слабый пунктъ коммунистической теоріи XVIII вѣка. Мабли признавалъ это, но отвѣчалъ, что право собственности ведетъ къ тѣмъ же результатамъ. Какъ ни справедливо было это замѣчаніе, но оно не устраняло затрудненій, содержавшихся въ теоріи самого Мабли, и въ виду крайности, въ которой онъ очутился, пришлось искать спасенія въ идеализмѣ: «въ основѣ общественнаго счастья лежатъ добродѣтели; матеріальныя блага явятся впослѣдствіи». Буржуазія революціонной эпохи не послѣдовала этимъ совѣтамъ: она подѣлила между собой матеріальныя блага, разсчитывая, что добродѣтели, включая сюда верховную, наиболѣе уважаемую добродѣтель, — власть, явятся впослѣдствіи, или что во всякомъ случаѣ добродѣтели будутъ ей приписаны.

Морелли [1]) въ своихъ коммунистическихъ теоріяхъ несравненно болѣе точенъ и менѣе абсолютенъ. Онъ требуетъ уничтоженія всякой личной собственности за исключеніемъ права собственности на предметы житейскаго обихода. Всякій гражданинъ есть «личность общественная (homme public), прокармливаемая, содержимая и работающая на общественный счетъ», всякій долженъ со своей стороны работать на пользу общества. Рѣшительнымъ выводомъ, логически вытекавшимъ изъ системы Морелли, было его требованіе объ уничтоженіи торговли.

---

[1]) *Le Prince*, 1751; *Le Code de la Nature*, 1755.

Среди совершавшихся въ то время общественныхъ перемѣнъ коммунизмъ имѣлъ то положительное значеніе, что онъ напоминалъ коллективному сознанію о существованіи правъ общества, которыя никогда не могутъ быть принесены въ жертву интересамъ эгоистическимъ. Послѣдніе однакоже со временъ французской революціи вплоть до настоящей эпохи получили рѣшительный перевѣсъ, хотя торжество ихъ и не было полнымъ не только въ области теоріи и политики въ собственномъ смыслѣ (гдѣ государство сохранило возможность обуздывать свободу личности, особенно принадлежащей къ низшимъ классамъ, и защищать членовъ правящихъ классовъ), но и въ области экономической, гдѣ въ принципѣ полнѣйшая свобода была предоставлена всѣмъ, въ дѣйствительности же сдѣлалась удѣломъ наиболѣе сильныхъ и богатыхъ, которые одни только оказались въ силахъ пользоваться и злоупотреблять ею.

Старинное гражданское право Рима, слегка исправленное обычнымъ правомъ, легло въ основу общественнаго строя Франціи, а постенно и всей прочей Европы. Идеи, которыя Бриссо де Варвилль высказывалъ до революціи, не имѣютъ ничего общаго съ идеями, которыя высказывалъ тотъ же Бриссо, ставши законодателемъ, собственникомъ и пріобрѣтя долю участія въ верховной власти. Его «Философскія изслѣдованія о правѣ собственности и воровствѣ» любопытны какъ показатель громадной перемѣны во взглядахъ буржуазіи, перемѣны, совершившейся всего въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Никогда еще старинныя экономическія основы общественной жизни не подвергались болѣе рѣзкой критикѣ. Бриссо нашелъ ту формулу, которую независимо отъ него, спустя три четверти вѣка, во время другой революціонной эпохи выскажетъ Прудонъ: «Tout appartient à tous, la propriété exclusive est un vol dans la nature». Гражданское право собственности противорѣчитъ естественному праву собственности: «Le vol qui attaque la propriété civile ne doit pas être puni lorsqu'il est conseillé par le besoin».

Наши законы относительно преступленія должны стать болѣе человѣчными. Такимъ образомъ, передъ революціей часть просвѣщеннаго общества тяготѣла не только къ государственному коммунизму, но и къ анархическимъ теоріямъ. Бриссо проповѣдывалъ не только возвращеніе всякой частной собственности въ общее владѣніе, но право каждаго на всю собственность. Это былъ индивидуалистическій коммунизмъ, опиравшійся на метафизическую теорію естественнаго права, предшествующаго и стоящаго выше существующихъ правовыхъ учрежденій.

«Наши естественныя потребности малочисленны; наша соб-

ственность имѣетъ цѣлью только удовлетворять ихъ и расширяется по мѣрѣ роста потребностей». Индивидуализмъ Бриссо проистекаетъ изъ воззрѣній, имѣющихъ нѣкоторыя общія черты съ дарвинизмомъ: «всѣ органическія существа—люди, животныя, растенія—собственники». Естественные законы одни для всѣхъ: «всѣ существа для того, чтобы существовать, имѣютъ право пользоваться другими существами, ткани которыхъ могутъ быть ассимилированы ихъ тканями; существа всякаго вида могутъ питаться себѣ подобными». Но если «человѣкъ имѣетъ право на все, могущее удовлетворить его потребности, то право это прекращается только тогда, когда всѣ эти предметы исчерпаны». Бриссо не замѣчалъ, что такое пониманіе собственности ведетъ къ безграничному расширенію потребностей, какъ это и наблюдалось въ нѣкоторыя историческія эпохи, когда собственность концентрировалась въ немногихъ рукахъ.

Вмѣстѣ съ Гаррингтономъ Бриссо заявлялъ, что «въ природѣ владѣніе не можетъ быть отдѣлено отъ пользованія и не можетъ распространяться далѣе пользованія». Между тѣмъ право собственности освятило и узаконило удовлетвореніе потребностей не-естественныхъ, искусственныхъ, и «on est parvenu de faire regarder comme un forfait abominable, l'action du malheureux dépouillé de son droit de propriété primitive, qui osait le réclamer pour se soustraire à la mort».

Итакъ среди экономистовъ и коммунистовъ — кромѣ высказываемыхъ ими кой-когда правильныхъ взглядовъ—господствуютъ метафизическія представленія о естественномъ первобытномъ и абсолютномъ строѣ, и изъ этого представленія они выводятъ всѣ свои теоріи, начиная въ то же время—въ силу уже самаго факта возникновенія экономической науки—собирать наблюденія надъ матеріальными основами жизни обществъ. Въ этомъ смыслѣ они въ значительной степени содѣйствуютъ развитію представленій о прогрессѣ.

Съ Тюрго соціологія и философія исторіи начинаютъ отрѣшаться отъ апріорныхъ формулъ и принциповъ. Руссо обратилъ вниманіе общества своего времени,—строй котораго образовался путемъ завоеванія и основывался на неравенствѣ, — на мирныя формы и равенство первобытныхъ обществъ. Возвратъ XVIII в.— по крайней мѣрѣ кажущійся—къ тому, что̀ тогда называли природой и естественнымъ правомъ, долженъ былъ дать начало первымъ соціалистическимъ школамъ. Такимъ образомъ Руссо содѣйствовалъ образованію научной школы, которая въ изученіи туманнаго прошлаго находила историческія основы для критики и реформы современнаго общества. Уже одно представленіе о

первобытномъ естественномъ состояніи, изъ котораго вышли существующія гражданскія учрежденія, вело къ выводу, что нѣкоторыя общественныя формы, разсматривавшіяся, какъ неподвижныя и основныя, въ дѣйствительности не отличаются особенной древностью и несравненно менѣе всеобщи и необходимы, чѣмъ это думали.

Тюрго можно считать первымъ французскимъ мыслителемъ, попытавшимся дать теорію прогресса совершенно независимую отъ метафизики и вывести ея законы исключительно изъ исторіи общественныхъ фактовъ. Для него былъ ясенъ уже *законъ трехъ состояній*, положенный Ог. Контомъ въ основу соціальной динамики, тогда какъ въ дѣйствительности онъ можетъ прилагаться только къ эволюціи умственной. По мнѣнію Конта, равно какъ Тюрго и ряда публицистовъ, слѣдовавшихъ за послѣднимъ, идеи управляютъ міромъ, и поэтому, формулируя законъ прогрессивной эволюціи коллективной мысли, мы даемъ по ихъ мнѣнію формулу прогресса. Какъ мы далѣе увидимъ, это представленіе—справедливое только отчасти—приведетъ къ новой метафизикѣ, которая будетъ господствовать въ теченіе значительной части XIX в., главнымъ образомъ въ нѣмецкой идеалистической философіи. Въ самомъ дѣлѣ, развитіе философіи прогресса шло всегда такимъ образомъ, что всюду, гдѣ оказывались пробѣлы или несовершенства въ ея научномъ обоснованіи, эти пробѣлы заполнялись метафизикой, а въ случаѣ необходимости—также и теологіей. Такъ уже устроенъ человѣческій умъ, что всякій моментъ онъ нуждается въ полномъ объясненіи всѣхъ явленій физическихъ и соціальныхъ, хотя бы для этого объясненія ему приходилось обращаться къ грубѣйшимъ суевѣріямъ.

Въ первомъ своемъ «Разсужденіи о всеобщей исторіи» Тюрго формулируетъ основное положеніе своей теоріи прогресса въ слѣдующемъ видѣ: «Совокупность человѣческаго рода, *чередующимися* періодами покоя и возбужденія, подвигается хотя и медленными шагами—все къ бóльшему и бóльшему совершенству». Онъ допускаетъ такимъ образомъ временные періоды попятнаго движенія, напр., тотъ періодъ упадка, которымъ характеризуется конецъ царствованія Людовика XIV и непосредственно слѣдующая эпоха; «прогрессивное движеніе, неизбѣжное и необходимое, прерывается частыми періодами упадка, зависящими отъ вторгающихся въ него событій и революцій». Къ сожалѣнію, Тюрго не объясняетъ, почему прогрессъ представляетъ явленіе необходимое, совершающееся съ закономѣрнымъ постоянствомъ, тогда какъ періоды упадка представляютъ явленіе случайное, временный перерывъ закономѣрности. Для исторіи коллективной

мысли его теорія интересна въ томъ отношеніи, что, какъ видно изъ нея, наканунѣ революціи французская мысль не находилась подъ гнетомъ отчаянія, а напротивъ того, вѣрила въ будущее; даже пессимизмъ Руссо не оказывалъ угнетающаго вліянія, но, напротивъ того, призывалъ къ возмущенію. Французское общество и чувствовало себя и оказалось въ самомъ дѣлѣ въ общемъ способнымъ реагировать противъ тяжелыхъ экономическихъ и матеріальныхъ условій, угнетавшихъ его въ теченіе многихъ лѣтъ, предшествовавшихъ конечному взрыву. Тюрго смотрѣлъ такъ же, какъ Руссо, на недостатки, присущіе большимъ государствамъ. Онъ полагалъ, что прогрессъ человѣчества осуществляется, главнымъ образомъ, благодаря маленькимъ республикамъ и народамъ, ведущимъ охотничью и пастушескую жизнь. «Тамъ (въ этихъ маленькихъ республикахъ) революціи, ведя къ пересмотру законовъ, совершенствовали законодательство и правительственную организацію; тамъ сохранилось равенство, умъ и мужество пользуются авторитетомъ, и человѣческая мысль дѣлала быстрые успѣхи. Тамъ нравы и законы въ теченіе долгаго времени приспособлялись для служенія возможно бо̀льшему счастью народовъ». Тюрго, такимъ образомъ, только преобразуетъ прежнія представленія объ естественномъ состояніи и беретъ за исходную точку существующихъ общественныхъ отношеній реальный общественный строй. Впрочемъ, къ тому времени начинаютъ ближе знакомиться съ первобытными обществами, и Локкъ утилизируетъ уже въ своихъ психологическихъ и политическихъ теоріяхъ наблюденія, собранныя путешественниками. Тюрго отмѣчаетъ также *чередованіе* историческихъ явленій. Эта идея будетъ развита съ бо̀льшей широтой и опредѣленностью Сенъ-Симономъ; данная послѣднимъ классификація историческихъ періодовъ, дѣлящая послѣдніе на періоды органическіе и критическіе, болѣе соотвѣтствуетъ природѣ общественнаго организма, но упускаетъ изъ виду, что общество остается организмомъ въ различныхъ стадіяхъ роста и вырожденія, что различія между обществами сводятся только къ степени и высотѣ организаціи, и что только эти черты и могутъ лечь въ основу какъ классификаціи общественныхъ типовъ, такъ и теоріи прогресса. Великій государственный человѣкъ, который спасъ бы Людовика XVI и можетъ быть на нѣкоторое время даже монархію, если бы они могли быть спасены, задолго до Бентама и Сенъ-Симона провозгласилъ цѣлью политики величайшее благо народовъ, давая такимъ образомъ формулу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе широкую, чѣмъ благо возможно бо́льшаго числа людей.

Во второмъ своемъ разсужденіи, посвященномъ «Исторіи про-

гресса человѣческаго ума» и опубликованномъ, подобно предыдущему, въ 1750 г., Тюрго развилъ свое представленіе объ общественномъ прогрессѣ и формулировалъ тотъ же законъ трехъ состояній—теологическаго, метафизическаго и научнаго или положительнаго, который впослѣдствіи былъ положенъ Ог. Контомъ въ основу его соціальной динамики. Онъ возвращается къ забытой на время и упущенной изъ виду экономистами, коммунистами и идеалистами школы Руссо идеѣ постоянной непрерывности соціальныхъ явленій; безъ этого представленія о соціальномъ детерминизмѣ немыслима соціальная наука. Такимъ образомъ, соціологія благодаря Тюрго начала становиться на твердую почву; въ томъ же направленіи будутъ работать послѣ Тюрго Кондорсэ и величайшій представитель нѣмецкой философіи Имм. Кантъ. Формула, въ которой Тюрго выражаетъ этотъ законъ непрерывности, показываетъ, что онъ понималъ всю его важность; какъ онъ говорилъ, «всѣ эпохи связаны цѣпью причинъ и слѣдствій, соединяющей данное состояніе міра со всѣми предшествующими».

Отмѣтимъ еще, какъ шагъ впередъ въ теоріи прогресса, книгу, опубликованную около того же времени, въ 1754 г., аббатомъ Террассонъ подъ заглавіемъ «Philosophie applicable à tous les objets de l'esprit», удачно опровергающую взглядъ, по которому общества, подобно индивидамъ, обязательно переживаютъ періоды дѣтства, юности, зрѣлаго возраста, старости, а затѣмъ умираютъ. Этотъ взглядъ спустя столѣтіе мы встрѣтимъ у А. Кэтле и Дрэпера, между тѣмъ какъ, будучи выраженъ въ такой абсолютной формѣ, онъ представляетъ собой отрицаніе прогресса. Террассонъ правильно указывалъ, что взглядъ этотъ не примѣнимъ къ человѣчеству, взятому въ совокупности, такъ какъ, «состоя въ каждый данный моментъ изъ общества различныхъ возрастовъ, оно всегда двигается впередъ и никогда не отступаетъ назадъ». Но и эта формула имѣетъ слишкомъ абсолютный характеръ и въ приложеніи къ частнымъ фактамъ оказывается ошибочной. Мы знаемъ, что взятая въ среднемъ историческая жизнь представляетъ колебанія, что относительное количество единицъ того или другого возраста измѣняется въ зависимости отъ характера цивилизаціи данной эпохи, и что эти факторы не всегда и не обязательно прогрессивны.

На долю науки XIX вѣка выпало дать болѣе точную теорію жизни и смерти сначала индивидуальныхъ организмовъ, а затѣмъ организмовъ общественныхъ. Она доказала, что жизненныя отправленія стоятъ въ тѣсной связи съ организаціей, что общественная организація расширяется и усложняется во времени и

пространствѣ, превращая физическую среду и населяющія ее народности въ единицы высшаго порядка, и что жизнь отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ все болѣе сливается съ жизнью всего человѣчества, вслѣдствіе чего исчезаютъ опредѣленныя границы для ихъ роста и существованія.

Прогрессивное удлиненіе индивидуальной жизни предчувствовалъ уже Кондорсэ. Возникновеніе во всей западной Европѣ столѣтіе тому назадъ страхованія жизни и правильное веденіе ради его цѣлей таблицъ смертности позволило составить болѣе точныя представленія относительно движенія народонаселенія. Странно только то, что Кондорсэ говоритъ о прогрессивномъ удлиненіи исключительно индивидуальнаго существованія, а не жизни общества, и только первому приписываетъ не безграничную, — какъ ошибочно говорили, — а не имѣющую опредѣленныхъ границъ продолжительность.

Свою теорію непрерывнаго прогресса Кондорсэ изложилъ въ «Наброскѣ исторической картины развитія человѣческаго ума» (Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain), 1793 г. Впервые здѣсь она была развита по чисто-историческому методу, причемъ авторъ не исходилъ изъ предвзятыхъ гипотезъ, если не считать такой гипотезой представленія о руководящемъ вліяніи человѣческой мысли на общественныя отношенія. Это было завѣщаніе и изложеніе символа вѣры тѣхъ просвѣщенныхъ и благородныхъ людей старой Франціи, которые, будучи увлечены революціонной идеей, сохранили до самой смерти, вмѣстѣ съ Лавуазье, Кондорсэ и столькими другими, непоколебимую вѣру въ будущее человѣчества. Не достигнувъ глубины Тюрго, формулировавшаго нѣкоторые соціологическіе законы, для полнаго обоснованія которыхъ понадобилось цѣлое столѣтіе, не давъ сколько нибудь опредѣленной формулы развитія коллективныхъ вѣрованій и тѣмъ болѣе—эволюціи всей совокупности общественныхъ отношеній, Кондорсэ сдѣлалъ нѣчто другое, для данной эпохи можетъ быть еще болѣе цѣнное: онъ первый попытался, не исходя изъ утопическихъ соображеній и слѣдуя методу описательному и индуктивному, дать картину того, чѣмъ могло и чѣмъ должно было стать будущее общество. На основаніи данныхъ прошлаго и настоящаго онъ строитъ идеалъ будущаго. Кондорсэ распространилъ такимъ образомъ законъ соціальной непрерывности на самое понятіе прогресса. Набросокъ его самъ по себѣ являлся доказательствомъ того, что́ до сихъ поръ отрицается метафизикой, особенно спиритуалистической,— доказательствомъ того, что научный детерминизмъ можетъ построить идеалъ, предвидѣть его и притомъ — въ будущемъ тѣмъ

болѣе отдаленномъ, чѣмъ болѣе изучены прошлое и настоящее направленія общественнаго развитія и общественная организація въ прошедшемъ и настоящемъ. Попытка Кондорсэ на основаніи данныхъ общественной науки предсказать будущій общественный строй представляетъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ успѣховъ человѣческой мысли. Съ этого времени соціальная наука будетъ имѣть своихъ пророковъ и реформаторовъ.

Общественный идеалъ Кондорсэ въ концѣ XVIII вѣка сводится къ тремъ основнымъ положеніямъ, образующимъ схему будущаго общества и цѣль прогресса: уничтоженіе неравенства между націями, уничтоженіе неравенства въ каждой отдѣльной націи и наконецъ совершенствованіе человѣческаго типа,—идеалъ одновременно международный, соціальный и нравственный. Эти положенія сближаютъ Кондорсэ съ современнымъ научнымъ соціализмомъ; онъ предвидѣлъ болѣе равномѣрное и обширное распространеніе цивилизаціи, и не подлежитъ сомнѣнію, что область послѣдней въ настоящее время несравненно обширнѣе, чѣмъ область цивилизаціи католической и греко-римской во времена апогея той и другой. Что касается неравенства между индивидами, то Кондорсэ находилъ, что существуетъ три рода неравенства между людьми: «неравенство имуществъ, неравенство въ положеніи между тѣми, у кого средства къ существованію, обезпеченныя для нихъ самихъ, переходятъ потомъ къ ихъ семейству, и тѣми, у кого эти средства зависятъ отъ продолжительности ихъ жизни или, вѣрнѣе, той части ихъ жизни, когда они способны къ труду, и въ третьихъ—неравенство просвѣщенія».

Въ планъ настоящаго труда не входитъ изложеніе реформъ, предложенныхъ Кондорсэ для уравненія имуществъ и созданія равенства между трудомъ и капиталомъ. Стоитъ однакоже отмѣтить, что путь, указанный имъ съ рѣдкой ясностью, оказался тѣмъ путемъ, по которому шло до сихъ поръ въ теченіе цѣлаго вѣка развитіе общественныхъ отношеній, — не считая нѣкоторыхъ второстепенныхъ отклоненій. Этимъ лишній разъ доказывается то, что мы говорили уже выше,—что соціологія представляетъ уже сложившуюся науку, допускающую достаточно широкое предвидѣніе, что въ качествѣ точной и положительной науки она является конечнымъ и высшимъ звеномъ въ ряду другихъ наукъ и лучше всякихъ метафизикъ способна создать идеалъ правильнаго прогресса, ведущаго къ все болѣе и болѣе возвышенной, къ все болѣе и болѣе далекой цѣли.

Что касается уравненія просвѣщенія и международнаго идеала Кондорсэ,—то эти идеалы остаются до сихъ поръ идеаломъ; оба они не только не превзойдены, но еще не достигнуты, мы только

все болѣе и болѣе приближаемся къ нимъ. Наконецъ, на послѣднихъ страницахъ своей книги,—въ которой великій мыслитель завѣщалъ грядущимъ вѣкамъ задушевныя мечты не одного только XVIII в., но и всѣхъ предыдущихъ поколѣній, участвовавшихъ, какъ онъ описалъ, въ созданіи коллективнаго умственнаго сокровища, воспроизведеннаго имъ съ такимъ блескомъ и ясностью,—Кондорсэ предсказалъ непрерывное совершенствованіе человѣческаго типа. По его мнѣнію, средняя продолжительность жизни можетъ увеличиваться неопредѣленно, приближаясь все болѣе и болѣе къ естественнымъ, крайнимъ предѣламъ. Его взглядъ впослѣдствіи часто искажался и излагался въ преувеличенномъ видѣ. Хотя Кондорсэ въ порывѣ пророческаго энтузіазма, наканунѣ своей собственной преждевременной, насильственной смерти, излагалъ свою мысль можетъ быть въ слишкомъ яркихъ краскахъ, тѣмъ не менѣе онъ не упускалъ изъ виду нормальныхъ и необходимыхъ условій прогрессивнаго удлиненія человѣческой жизни. Его научные выводы оправдались; современная цивилизація доказала фактически, въ какой значительной мѣрѣ улучшеніе соціальной среды и приспособленіе среды физической въ состояніи удлинить среднюю человѣческую жизнь.

Конецъ XVIII в., за исключеніемъ послѣднихъ его лѣтъ, былъ всюду эпохой не только вѣры въ будущее, но даже иллюзій. Вѣра въ прогрессъ была всеобщей, она легла въ основу сектантскаго ученія иллюминатовъ Вейссгаупта. Среди массы эта вѣра была такъ сильна, что, не зная даже, во что̀ она вѣритъ, она дѣйствовала такъ, точно это убѣжденіе сдѣлалось составной частью ея организаціи, ея автоматическаго механизма. Наканунѣ французской революціи Германія, проникнутая новыми идеями, поднимается до высочайшихъ философскихъ представленій: если бы метафизика могла когда либо превратиться въ научную философію, послѣдняя создалась бы въ Германіи. Однимъ прыжкомъ нѣмецкая метафизика подъ вліяніемъ величайшаго философскаго генія, какого произвелъ міръ послѣ Платона и Аристотеля, оставляетъ далеко позади себя теологическій періодъ и, даже выходя за границы метафизики, становится на почву положительной философіи, не исключая наименѣе доступной области послѣдней — соціальной науки. За нѣсколько лѣтъ до выхода въ свѣтъ «Наброска» Кондорсэ, въ 1784 году Кантъ (1724—1804) опубликовалъ этюдъ, имѣющій громадную важность въ исторіи соціальной науки, подъ заглавіемъ: «Идея всеобщей исторіи съ точки зрѣнія человѣчества». Этотъ этюдъ содержитъ въ себѣ девять положеній, изъ которыхъ два только непосредственно относятся къ теоріи прогресса. Кантъ прежде всего устанавливаетъ принципъ,

что «средствомъ, какимъ пользуется природа для развитія всѣхъ заложенныхъ въ человѣкѣ задатковъ, является антагонизмъ, возникающій между этими задатками въ обществѣ, поскольку этотъ антагонизмъ становится въ концѣ концовъ причиной закономѣрнаго порядка». Другое положеніе принадлежитъ уже не области общей соціальной динамики, какъ предыдущее, и пытается дать естественное объясненіе общественнаго прогресса: «исторію человѣческаго рода можно разсматривать какъ осуществленіе тайнаго плана природы создать совершенное государственное устройство, регулирующее одновременно отношенія внутреннія и внѣшнія,—единственное условіе, при которомъ могутъ достигнуть полнаго развитія всѣ задатки человѣческой природы». По Канту это развитіе совершается непрерывно-прогрессивнымъ путемъ; если недостатки нѣкоторыхъ государствъ или цивилизацій подготовляли ихъ упадокъ, изъ крушенія выходили все же невредимыми нѣкоторые зародыши цивилизаціи, которые, развиваясь все болѣе и болѣе съ каждымъ переворотомъ, вели къ высшему прогрессу. Поэтому исторія, постоянно сохраняя въ качествѣ своей основы наблюденіе отдѣльныхъ фактовъ, можетъ и должна быть космополитической. Соціальная динамика Канта носитъ чисто механическій характеръ и въ ней легко узнать автора астрономической системы. Но ясное и величественное представленіе его не только о непрерывности историческаго развитія во времени, но и объ единствѣ и усиливающейся солидарности человѣческаго рода въ пространствѣ дѣлаетъ Канта однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ предвозвѣстниковъ положительной соціологіи.

Шиллеръ въ своихъ историческихъ трудахъ и особенно въ вступительной лекціи къ курсу исторіи, прочитанной въ Іенѣ въ 1785 г., раздѣляетъ большинство взглядовъ Канта. Подобно великому своему учителю, онъ полагаетъ, что всѣ соціальныя явленія стоятъ другъ къ другу въ тѣсныхъ отношеніяхъ слѣдствія къ причинѣ. Подобно Канту, онъ признаетъ существованіе періодовъ упадка и, подобно ему, онъ проникнутъ нѣкоторой метафизикой, приводящей его къ теологической вѣрѣ въ конечныя цѣли и въ планъ, предустановленный природой, которую позднѣйшія школы совершенно послѣдовательно будутъ надѣлять Идеей и Волей. Всѣмъ извѣстно прекрасное изложеніе раціоналистическихъ и гуманитарныхъ взглядовъ Шиллера, данное имъ въ его драмахъ и особенно въ Донъ-Карлосѣ. Около того же времени, въ 1791 году, Вольней во Франціи посвятилъ нѣсколько главъ «Развалинъ» вопросу о прогрессѣ, особенно политическомъ. Революціонное движеніе около этого момента становится неудержимой, стихійной силой; борьба между идеями и системами

совершается внутри при помощи кровожадныхъ рѣчей и казней, въ области внѣшнихъ отношеній—при помощи оружія. Теоретики прогресса уступаютъ мѣсто политикамъ и генераламъ, идеалистамъ слова и силы.

Возвратъ къ метафизическому и политическому идеализму облегчался тѣмъ фактомъ, что большянство теоретиковъ или — какъ ихъ можно было бы назвать—доктринеровъ прогресса приписывали ему и идеѣ руководящее, болѣе того—исключительное вліяніе на ходъ общественнаго развитія. Такъ смотрѣли на дѣло даже люди научнаго склада мысли, вродѣ Кондорсэ и Канта. Съ бо̀льшей еще силой эта тенденція должна была обнаруживаться у спиритуалистовъ, тѣсно примыкавшихъ къ старинной теологіи. Гердеръ и Лессингъ также вѣрили въ неограниченную способность совершенствованія человѣческаго рода, но плана, ведшаго человѣчество къ конечному совершенству, они искали уже не въ природѣ: Богъ, проявляясь въ исторіи, подвергалъ человѣчество прогрессивному воспитанію. Тѣмъ не менѣе, существуетъ тѣсная связь между идеалистическимъ натурализмомъ Канта и полу-теологической философіей спиритуалистической школы, хотя Кантъ, будучи однимъ изъ послѣднихъ и величайшихъ метафизиковъ, не былъ теологомъ. Ог. Контъ совершенно правъ, считая Канта однимъ изъ прямыхъ предшественниковъ положительной философіи и соціологіи. Впрочемъ, самъ Контъ приписывалъ громадное вліяніе на соціальную динамику идеямъ и взглядамъ. Его законъ трехъ состояній приложимъ въ дѣйствительности только къ умственной эволюціи обществъ, но въ этой формѣ старинный идеализмъ сводился къ минимуму, а законъ взаимодѣйствія и взаимной зависимости соціальныхъ явленій, такъ ясно понятый и формулированный Контомъ, почти совершенно парализовалъ недостатки его идеализма. Что же касается Канта, то въ области физической и механической философіи онъ былъ непосредственнымъ учителемъ Лапласа и Фурье, научныя традиціи которыхъ впослѣдствіи продолжалъ въ Бельгіи Кэтле.

По Лессингу *воспитаніе человѣческаго рода* (1780) — и это заглавіе ясно обнаруживаетъ духъ его философіи—совершается при помощи непрерывнаго откровенія; точно также по взгляду Канта природа прогрессивно раскрывала свой планъ. Откровеніе для человѣческаго рода служитъ тѣмъ же, чѣмъ воспитаніе — для личности. Какъ то, такъ и другое даютъ имъ въ болѣе короткое время то же, къ чему они могли бы съ большимъ трудомъ и медленнѣе прійти самостоятельно. Эта мысль, содержащая въ себѣ крайне несовершенное еще пониманіе роли наслѣдственности въ исторической жизни, заслуживаетъ

вниманія: наслѣдственность передаетъ, регулируетъ и облегчаетъ накопленіе сокровищъ, собранныхъ предшествующею исторической жизнью, такъ что воспитаніе каждаго послѣдующаго поколѣнія требуетъ только сравнительно ограниченнаго періода его существованія, тогда какъ остальное время можетъ быть посвящено накопленію новыхъ сокровищъ. Лессингъ примирялъ при этомъ разумъ съ вѣрой; онъ допускалъ, что нѣкоторые народы, не принадлежавшіе къ числу избранниковъ, на долю которыхъ выпало первое откровеніе, воспитывались самостоятельно и въ извѣстный моментъ своего развитія пришли въ соприкосновеніе съ избраннымъ народомъ. Тогда дано было второе откровеніе, съ несравненно болѣе широкими, чѣмъ первое, теоретическими и практическими взглядами на жизнь и безсмертіе. Такимъ образомъ, первое откровеніе руководило человѣчествомъ, представителемъ котораго былъ еврейскій народъ со времени его исхода изъ Египта; второе откровеніе ведетъ начало отъ Христа и руководитъ несравненно болѣе значительной частью человѣчества въ теченіе 18 вѣковъ. Въ настоящее время за тайнами откровенія, постепенно раскрывшими намъ истину, можетъ слѣдовать воспитаніе при помощи разума. Въ этомъ поверхностномъ и безплодномъ разсужденіи содержался одинъ элементъ истины,— смутное сознаніе, что научная философія должна была раньше необходимо облекаться въ религіозныя формы. Что касается до оцѣнки роли іудаизма и христіанства, то Лессингъ не пошелъ въ ней далѣе Боссюэтовыхъ «Всеобщей исторіи» и «Политики, извлеченной изъ св. Писанія». Онъ примыкаетъ также къ «Вѣчному Евангелію» Іоахима Флорскаго и его школы. Спустя девяносто лѣтъ другой идеалистъ, бывшій въ несравненно меньшей степени революціонеромъ, чѣмъ это принято думать и чѣмъ полагалъ онъ самъ,—Джузеппе Мадзини будетъ развивать Лессинговы взгляды на историческую и положительную роль религій въ своемъ «Письмѣ къ членамъ вселенскаго Собора», напечатанномъ въ 1870 году въ Fortnightly Review. Подобно Лессингу и современнику своему П. Леру, Мадзини развиваетъ гипотезу безсмертія индивида, воплощающагося въ грядущихъ поколѣніяхъ. Оба они жертвуютъ реальнымъ понятіемъ наслѣдственности ради смутной идеи, въ которой это понятіе нашло безсознательное свое выраженіе.

Система Гердера, на первый взглядъ реалистическая, въ дѣй-

ствительности — теологико-метафизическая и идеалистическая, несравненно сложнѣе и обнаруживаетъ въ авторѣ болѣе учености. Отъ нея пойдутъ два теченія нѣмецкой философіи: чисто-идеалистическое и другое, отчасти матеріалистическое. Четыре тома «Идей о философіи исторіи человѣчества» были опубликованы между 1784 и 1787 годами. Человѣкъ остается для Гердера центромъ міросозданія, но своимъ господствомъ человѣкъ обязанъ вложенному въ него божественному началу: онъ созданъ для искусства, свободы, разума, равно какъ для религіи, гуманности, безсмертія. Такъ какъ эта цѣль никогда не достигается вполнѣ, то земная жизнь представляетъ только подготовительную стадію, современное человѣчество представляетъ переходъ къ человѣчеству будущему. Насколько полжительнѣе идея естественной непрерывности общественнаго развитія, изложенная Кантомъ въ томъ же 1784 году! У Гердера ясно видны еще нити, связывающія его съ богословіемъ, метафизическій элементъ преобладаетъ, наука является рабыней системы, тогда какъ у Канта мы замѣчаемъ совершенно обратное отношеніе этихъ элементовъ. Въ трудѣ Гердера заслуживаетъ однакоже вниманіе его представленіе объ отношеніяхъ между органомъ и функціей, между матеріей и духомъ,—представляющее зачатокъ дальнѣйшихъ успѣховъ соціальной науки. Это представленіе выводитъ Гердера изъ рядовъ идеалистовъ и спиритуалистовъ и послужило даже поводомъ къ обвиненію его въ матеріализмѣ. Гердеръ разсматриваетъ духъ, какъ функцію, стоящую въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ ея органомъ во всей природѣ, не исключая высшаго организма природы—человѣка. Если, оставляя въ сторонѣ систему Гердера, мы присмотримся къ сущности его идей, то изумимся широтѣ и величію его взглядовъ на непрерывность, солидарность, единство и однородность человѣческаго рода: «Исторія человѣческаго рода, говоритъ онъ, представляетъ одно цѣлое, цѣпь общежительности и традиціи съ перваго звена до послѣдняго. Родъ человѣческій воспитывается, такъ какъ всякій становится человѣкомъ только благодаря воспитанію, а жизнь рода сводится къ жизни ряда индивидовъ». Исторія представляетъ курсъ воспитанія, а земля—это школа, «школа нашего рода, распадающаяся, конечно, на рядъ отдѣленій и классовъ, но подчиняющаяся одному педагогическому плану, который, различнымъ образомъ видоизмѣняясь и дополняясь, переданъ нашими предками всей человѣческой расѣ».

Гердеръ—оптимистъ и вѣритъ въ Провидѣніе. Этотъ оптимизмъ не переживетъ періода распространенія революціонныхъ идей. За нимъ послѣдуетъ реакція, зародышъ которой содер-

жится уже въ идеализмѣ и ждетъ для своего развитія только благопріятныхъ условій.

Въ пятнадцатой книгѣ своего труда Гердеръ формулируетъ слѣдующіе соціологическіе законы, имѣющіе отношеніе къ вопросу о прогрессѣ:

1. Цѣлью человѣческой природы является гуманность; чтобы позволить людямъ достигнуть этой цѣли, Богъ передалъ въ руки людей ихъ собственную судьбу (такимъ образомъ онъ примиряетъ свободу воли съ историческимъ детерминизмомъ).

2. Всѣ разрушительныя силы природы въ концѣ концовъ будутъ побѣждены консервативными силами; кромѣ того, онѣ въ концѣ концовъ должны содѣйствовать совершенствованію цѣлаго (абсолютный и фаталистическій оптимизмъ).

3. Человѣческому роду суждено пережить на различныхъ стадіяхъ его цивилизаціи рядъ революцій, но истинное его благоденствіе покоится преимущественно и въ существенныхъ своихъ чертахъ на разумѣ и справедливости (раціоналистическій идеализмъ).

4. Изъ природы человѣческаго духа необходимо вытекаетъ, что разумъ и справедливость должны прогрессивно завоевывать себѣ все болѣе и болѣе вліянія среди человѣчества и благопріятствовать развитію гуманности (методъ субъективный и дедуктивный).

5. Благость, исполненная премудрости, начертала судьбу человѣческаго рода, и нѣтъ заслуги благороднѣе, нѣтъ счастья болѣе чистаго и болѣе прочнаго, чѣмъ содѣйствовать осуществленію этихъ предначертаній (элементъ теологическій и вѣра въ провидѣніе).

Гуманитаризмъ Гердера, равно какъ Канта, Шиллера, Гете и другихъ просвѣщеннѣйшихъ умовъ Германіи до 1790 года, свободенъ отъ всякаго національнаго шовинизма. Анахарсисъ Клоцъ даже подъ ножомъ гильотины остается пламеннымъ космополитомъ, хотя космополитизмъ въ ту эпоху является еще преждевременнымъ. Однако ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Англіи, ни въ другихъ странахъ космополитизмъ и духъ братства и равенства не въ силахъ устоять противъ завоевательныхъ войнъ феодализма и наполеоновской имперіи. На мѣсто прежняго сословнаго неравенства стало другое, не менѣе глубокое, соціальное неравенство, которое въ дальнѣйшемъ будетъ углубляться съ накопленіемъ громадныхъ капиталовъ и развитіемъ механическаго труда. Въ глубинѣ, подъ метафизической борьбой политическихъ партій, обрисовываются противорѣчивые интересы различныхъ общественныхъ группъ, вносящіе смуту въ коллек-

тивную жизнь. Благодаря трудамъ Лавуазье, Ламарка, Биша химія и біологія становятся точными науками; метафизика принуждена или превратиться въ положительную философію, или отказаться—подобно теологіи—отъ объединенія нашихъ знаній о мірѣ физическомъ, духовномъ и соціальномъ. XVIII вѣкъ оканчивается печально: всюду войны счастливыя или несчастныя возстановляютъ «порядокъ», т. е. старый порядокъ вещей. Однако же почти во всей западной Европѣ старый режимъ послѣдовательно входитъ въ компромиссъ съ новыми идеями. Болѣе или менѣе либеральныя конституціи заступаютъ мѣсто абсолютныхъ монархій. Въ основѣ новаго политическаго строя лежитъ богатство, но одновременно съ требованіемъ равныхъ политическихъ правъ возникнутъ требованія новаго экономическаго строя, долженствующаго создать для демократіи прочный фундаментъ, безъ котораго она существуетъ только номинально. Бабефъ замыкаетъ собой XVIII вѣкъ, а изъ рядовъ высшей французской аристократіи выходитъ Сенъ-Симонъ, въ лицѣ котораго сливаются два возникающихъ теченія—соціалистическое и положительно-соціологическое.

ГЛАВА VIII.

Девятнадцатый вѣкъ и возникновеніе соціологіи.

Въ 19-мъ вѣкѣ представленіе о прогрессѣ дѣлаетъ значительные успѣхи подъ вліяніемъ біологіи и психологіи. Кромѣ того частныя соціальныя науки—политическая экономія, этика, право и политика совершенствуются, дифференцируясь и вначалѣ развиваясь отдѣльно одна отъ другой, что̀ благопріятствуетъ ихъ росту. Затѣмъ, соціологія философски объединяетъ ихъ, а въ то же время положительная философія даетъ синтезъ всѣхъ отдѣльныхъ философій и наукъ, включая сюда науки соціальныя и соціологію. Тѣмъ не менѣе XIX вѣкъ стоитъ въ тѣсной преемственной связи съ предшествующими историческими эпохами. Это—не исключительный какой-нибудь періодъ въ жизни человѣчества: продолжается соціальная эволюція во времени и въ пространствѣ, облекаясь въ характерныя новыя формы. Въ принципѣ мы признаемъ истиннымъ Контовскій законъ трехъ состояній, ограничивая, само собой разумѣется, его дѣйствіе областью исключительно умственной эволюціи. Это представленіе проходитъ черезъ все наше изслѣдованіе, но ошибочно было бы думать,

что въ какой бы то ни было историческій моментъ извѣстный соціальный типъ воплощается во всѣхъ элементахъ общественнаго строя; въ послѣднемъ сохраняются съ одной стороны остатки старыхъ образованій; прошлое образуетъ фундаментъ всякаго общества; всякій общественный строй прежде всего представляетъ собой — наслѣдство, традицію до такой степени, что и въ немъ содержится цѣлый рядъ органовъ, атрофированныхъ вслѣдствіе неупотребленія и ставшихъ безполезными. Съ другой стороны всякое общество и всякая система вѣрованій содержатъ въ себѣ элементы, которымъ предстоитъ развиться въ будущемъ. Поэтому въ исторіи развитія представленій о прогрессѣ немыслимо установить какія-либо абсолютныя границы; необходимо считаться съ постоянными колебаніями, вносящими нѣкоторую неясность въ основные типы умственнаго развитія:— типъ теологическій, метафизическій и научно-философскій.

Въ предшествующую эпоху, какъ мы видѣли, идея о прогрессѣ, не имѣющемъ строго опредѣленныхъ границъ и непрерывномъ, носила слишкомъ общій и абсолютный характеръ. Идеалъ изъ строго-опредѣленнаго и постояннаго, какимъ онъ былъ нѣкогда, сталъ безграничнымъ. Успѣхи біологическихъ наукъ уяснили связь между законами жизни и развитія обществъ и ихъ структурой; соціологическія теоріи утратили тотъ исключительный — физическій, механическій или даже атомистическій и индивидуалистическій—характеръ, который онѣ носили въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка подъ вліяніемъ химическихъ теорій и разложенія старыхъ общественныхъ формъ. Общество начинаютъ разсматривать какъ организмъ, только болѣе обширный и сложный, чѣмъ біологическіе организмы, и эта высшая точка зрѣнія пріобрѣтаетъ бо̀льшую опредѣленность благодаря аналогіямъ, заимствованнымъ изъ физіологіи, и особенно благодаря аналогіи съ іерархически-координированной системой нервныхъ центровъ, высшимъ типомъ которой является нервная система человѣка. Относительность и соотносительность функціи и структуры, бросающіяся въ глаза у всѣхъ живыхъ существъ, будутъ ясно констатированы и въ естественной исторіи цивилизацій.

Если предположить, что человѣчество, взятое въ цѣломъ (организмъ, части котораго еще не соподчинены или недостаточно соподчинены), непрерывно прогрессировало, то исторія отдѣльныхъ обществъ или даже цивилизацій, охватывающихъ извѣстное количество отдѣльныхъ обществъ, указываетъ тѣмъ не менѣе на существованіе временныхъ остановокъ или даже періодовъ полнаго крушенія. Эти явленія роста, упадка и смерти представляютъ поразительную аналогію съ явленіями, наблюдае-

мыми въ органическомъ мірѣ, и опять возникаетъ, но при условіяхъ болѣе благопріятныхъ для точнаго разрѣшенія, вопросъ, который въ зачаточной формѣ ставили себѣ предшествующіе философы и теоретики общественныхъ наукъ. Возрождается въ новой формѣ представленіе, что прогрессъ обществъ не имѣетъ опредѣленнаго и непрерывнаго характера, и такое воззрѣніе находитъ себѣ оправданіе въ политической и соціальной реакціи, послѣдовавшей за французской революціей. Среди писателей послѣднихъ лѣтъ республики, имперіи и реставраціи развивается пессимизмъ, проявляющійся, между прочимъ, въ оживленіи средневѣковаго міросозерцанія и возрожденіи симпатій къ католическому средневѣковому строю. Наблюдаются эти ретроградные взгляды не только у абсолютныхъ сторонниковъ стараго порядка вродѣ Бональда и Ж.-де-Местра и меланхолическихъ поэтовъ вродѣ Шатобріана. Они до такой степени входятъ въ составъ всеобщаго настроенія, что проявляются въ философскихъ и соціальныхъ взглядахъ Сенъ-Симона и Ог. Конта, а также первыхъ соціалистическихъ реформаторовъ, за исключеніемъ Оуэна — одного изъ наименѣе мистическихъ умовъ текущаго столѣтія. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что этотъ пессимизмъ былъ естественной и необходимой реакціей противъ абсолютнаго метафизическаго оптимизма, тяготѣвшаго надъ политической экономіей въ видѣ либеральной и, въ сущности, фаталистической доктрины. Черезъ посредство политической экономіи этотъ оптимизмъ оказывалъ вредное вліяніе на нравственныя и государственныя науки, создавая представленіе ошибочное и въ то же время облегчавшее и оправдывавшее теоретически эксплоатацію массъ небольшимъ числомъ привилегированныхъ лицъ. Соціальные кризисы, сопровождавшіе возникшій послѣ 1789 года строй,—строй промышленнаго и капиталистическаго феодализма,—имѣли своихъ духовныхъ вождей, своихъ философовъ, свои общественныя и соціологическія доктрины.

Сенъ-Симонъ (1760—1825) и его школа находили, что въ исторіи цивилизаціи, къ которой мы принадлежимъ и явленія которой представляютъ цѣпь, непрерывно продолжающуюся до нашихъ дней, наблюдалось только два періода правильнаго общественнаго порядка. Эти двѣ *органическія* эпохи принадлежатъ: первая—древней восточной цивилизаціи, вторая—среднимъ вѣкамъ. Грядущій общественный строй составитъ третье звено этой цѣпи. Не будучи тожественъ съ предшествующими эпохами, онъ будетъ поразительно напоминать ихъ своимъ порядкомъ и единствомъ. Послѣ различныхъ кризисовъ, уже три вѣка волнующихъ наше общество, онъ возникнетъ, какъ естественное слѣд-

ствіе развитія человѣчества. Такимъ образомъ, по теоріи Сенъ-Симона, въ жизни человѣческихъ обществъ чередуются два различныхъ состоянія: *эпохи органическія*, въ которыхъ всѣ проявленія человѣческой дѣятельности сгруппированы, координированы общей теоріей, въ которыхъ цѣль человѣческой дѣятельности ясно опредѣлена, и *эпохи критическія*, въ которыхъ всякая общность мысли, всякое единство дѣйствій, всякая координація исчезли, и общество представляетъ аггломератъ изолированныхъ и борющихся другъ противъ друга индивидовъ. Первый органическій періодъ предшествовалъ періоду греко-римской цивилизаціи. Послѣдній, получившій наименованіе «философскаго», представляетъ эпоху критическую. Второй органическій періодъ совпадаетъ съ эпохой организаціи христіанской церкви и продолжается до XV в., когда протестантская реформа и другіе реформаторы открываютъ новую критическую эпоху, тянущуюся до нашего времени. Съ «Новымъ Христіанствомъ» Сенъ-Симона начинается третій, современный, органическій періодъ, въ теченіе котораго будетъ объединена промышленная, нравственная и умственная дѣятельность всего человѣчества.

Итакъ Сенъ-Симонъ разсматриваетъ исторію не какъ однообразную прямолинейную эволюцію; она распадается на два чередующихся ряда явленій,—на ряды явленій организаціи и разложенія. Г. Спенсеръ пользуется для обозначенія тѣхъ же явленій терминами: интеграція и дезинтеграція. Приложенная къ человѣческой эволюціи въ общемъ, эта точка зрѣнія знаменуетъ собой полный переворотъ въ общественныхъ взглядахъ. Она примиряетъ идею о непрерывномъ прогрессѣ и ростѣ съ явленіями разложенія формъ общественной жизни, все равно будемъ ли мы разсматривать самое разложеніе какъ факторъ прогресса или же будемъ видѣть въ немъ явленіе временнаго упадка. Сенъ-Симонъ возвышается, такимъ образомъ, въ своихъ общественныхъ воззрѣніяхъ надъ индивидуальной точкой зрѣнія: законъ непрерывности остается нерушимымъ, разложеніе даннаго общественнаго строя представляетъ только подготовительную ступень къ грядущему строю. Но вѣрно ли это? Дѣйствительно ли чередуются другъ съ другомъ періоды, такъ рѣзко, абсолютно отличающіеся одинъ отъ другого? Не носятъ ли видоизмѣненія структуры общественнаго организма столь же непрерывнаго характера, какъ непрерывенъ самый организмъ? Наконецъ, не представляютъ ли сами критическіе періоды Сенъ-Симона періодовъ организаціонныхъ? Говоря частнѣе, не имѣлъ ли господствовавшій надъ бо̀льшей частью нашего вѣка индивидуализмъ, не имѣлъ ли онъ въ своемъ распоряженіи своей собственной

экономической системы, своего семейнаго строя, своихъ формулъ искусства, своей философіи, своей морали, своихъ законодательныхъ принциповъ, своихъ политическихъ аксіомъ и даже своихъ политическихъ фанатиковъ? А если это такъ, то не представляетъ ли человѣчество—организмъ высшаго порядка, координированный во всѣ моменты его существованія, при чемъ различныя стадіи цивилизаціи отличаются одна отъ другой только широтой и совершенствомъ организаціи, а отдѣльныя общества, подобно животнымъ организмамъ, могутъ быть классифицированы въ зависимости отъ степени совершенства ихъ структуры? Короче говоря, не имѣемъ ли мы дѣло—несмотря на двойственный характеръ наблюдаемыхъ нами явленій—съ единымъ закономъ: съ непрерывнымъ видоизмѣненіемъ, которое идетъ рядомъ съ непрерывно совершающейся организаціей, причемъ возможны упадокъ и смерть, въ зависимости отъ того, поддерживается ли или нѣтъ равновѣсіе между этими двумя рядами явленій, а полная устойчивость, равно какъ абсолютная неустойчивость, равносильны прекращенію общественной жизни?

Что касается попытки Сенъ-Симона приложить свою теорію къ историческимъ явленіямъ, то эта попытка является лучшимъ доказательствомъ того, что предложенные имъ абсолютные типы никогда не существовали въ дѣйствительности. Люди, шедшіе по его стопамъ—Гегель, Ог. Контъ и другіе разсматривали органическіе періоды Сенъ-Симона, какъ критическіе и обратно, въ зависимости отъ своихъ философскихъ и политическихъ симпатій; подраздѣленія эти носятъ чисто-субъективный характеръ.

Съ приведенными оговорками теорію Сенъ-Симона слѣдуетъ считать болѣе близкой къ истинному представленію о соціальной жизни, чѣмъ какое-либо изъ предшествующихъ ученій. Онъ не безъ основанія упрекалъ сторонниковъ ученія о непрерывности и безграничности прогресса въ томъ, что они не съумѣли характеризовать и разграничить составные элементы прогресса, выдѣлить изъ совокупности фактовъ соціальной жизни явленія прогрессивныя и регрессивныя, и сгруппировать тѣ и другіе въ однородные ряды, слѣдующіе другъ за другомъ по законамъ *роста* и *упадка*. [1]).

Въ отличіе отъ Сенъ-Симоновской теоріи взгляды Р. Оуэна (1771—1858), несмотря на то, что они обусловливаются общимъ его міросозерцаніемъ, носятъ по преимуществу практическій характеръ. Рѣдкій изъ реформаторовъ-теоретиковъ до него въ

---

[1]) *Exposition de la doctrine de Saint-Simon*, 1-re année, 1829, 2-ое изд. стр. 78, III и сл.

такой степени отрѣшался отъ всякихъ предразсудковъ религіозныхъ и метафизическихъ. Мы не можемъ здѣсь заниматься попытками Оуэна провести свои взгляды въ жизнь въ Нью-Лэнаркѣ и Нью-Гармони. Въ своихъ «Новыхъ взглядахъ на общество или опытахъ объ образованіи человѣческаго характера» (1812) онъ является сторонникомъ общности имуществъ и равенства правъ какъ на образованіе, такъ и на капиталъ. Взгляды Оуэна на природу современной экономической эволюціи были возрождены и получили болѣе глубокую постановку въ трудахъ К. Маркса и Г. Джорджа. Оуэнъ доказываетъ, что съ 1792 по 1817 г. изобрѣтенія Аркрайта и Уатта усилили въ двѣнадцать разъ производительность Великобританіи, но что параллельно съ этимъ возростала нищета населенія; по его мнѣнію, при существующихъ обстоятельствахъ, дѣйствіе этого закона будетъ проявляться съ все возрастающей интенсивностью при дальнѣйшемъ прогрессѣ механическаго искусства. [1]) Его планъ экономической реформы сводился къ тому, чтобы на мѣсто теперешнихъ крупныхъ центровъ промышленности и земледѣлія, конкуррирующихъ другъ съ другомъ, создать рядъ маленькихъ, одновременно земледѣльческихъ и промышленныхъ центровъ, соединенныхъ въ предѣлахъ одной общины. Практическіе его взгляды имѣютъ, такимъ образомъ, много общаго съ взглядами Фурье. Важно то, что Оуэнъ при оцѣнкѣ данной эпохи цивилизаціи обращается къ политической экономіи и статистическимъ даннымъ; тогда какъ школа правовѣрныхъ экономистовъ становится все болѣе и болѣе метафизической, соціализмъ, напротивъ того, становится научнымъ.

Совершенно другой характеръ—по крайней мѣрѣ на первый взглядъ—имѣютъ методъ и теорія Ш. Фурье. Гипотезы у него преобладаютъ надъ изученіемъ дѣйствительности, несмотря на его критическій умъ и глубокую наблюдательность. Тѣмъ не менѣе, его идеи въ значительномъ числѣ проникли и въ политическую экономію и въ практическую жизнь. Почти всѣ ученики его были выдающіеся люди, много сдѣлавшіе не только въ области теоріи, но и практической дѣятельности. [2])

---

[1]) *Mémoire aux Souverains de la Sainte-Alliance*, réunis en congrés x-la-Chapelle, 1818.

[2]) Мы пользуемся здѣсь слѣдующими сочиненіями Фурье: „*Thêorie des quatre mouvements*, 1808, *Traité de l'association domestique agricole*, втор. изд. 1841—43, *Le Nouveau Monde industriel*, 1829, и въ особенности болѣе обработанными трудами его учениковъ: Консидерана, *La destinée Sociale* 1836—38, Лемуана, *Progrés et association*, *Aperçus géneraux* и Жюста Мюирона.

Теорія Фурье о прогрессивной эволюціи обществъ представляетъ большой интересъ для соціолога: если оставить въ сторонѣ соціалистическія убѣжденія великаго реформатора, мы найдемъ въ ней большую аналогію съ предложенной въ то же время въ Германіи классификаціей послѣдовательныхъ историческихъ формъ. Кромѣ того, какъ въ нѣмецкой философіи исторіи, частные взгляды Фурье вытекаютъ изъ общаго его міросозерцанія.

По космогоніи Фурье, продолжительность существованія міра будетъ равняться 80.000 лѣтъ, половина которыхъ будетъ носить прогрессивный характеръ; остальная половина, включая 8.000 лѣтъ апогея, будетъ періодомъ упадка. Міръ едва достигъ отроческаго возраста: ему семь тысячъ лѣтъ; кончается періодъ дѣтства и предстоитъ переходъ къ эпохѣ юности. Затѣмъ онъ достигнетъ зрѣлости, кульминаціоннаго періода счастья, а далѣе начнется спускъ въ сторону старости. Этотъ законъ вытекаетъ изъ аналогіи, существующей между міромъ, человѣкомъ, животнымъ и растеніемъ. И тѣ, и другіе возникаютъ, растутъ, переживаютъ періодъ упадка и умираютъ. Отличаются они другъ отъ друга только продолжительностью своего существованія. Фурье придавалъ впрочемъ своей космогоніи и даже своей психологіи второстепенное значеніе, и мы можемъ не касаться чрезмѣрной простоты и неточности его космогоніи, Несравненно болѣе важнымъ вопросомъ въ его глазахъ былъ вопросъ о промышленной организаціи, включая сюда организацію земледѣльческаго труда, положенный имъ въ основу его системы «Гармонической ассоціаціи». Великою прогрессивной ролью, выпавшей на долю коллективизма, послѣдній обязанъ основному своему представленію о господствѣ экономическаго строя и экономическихъ началъ надъ всѣми сторонами общественной жизни и своимъ все болѣе и болѣе научнымъ и практическимъ планамъ реформы.

Историческій методъ къ этому времени завоевалъ себѣ во Франціи и Германіи рѣшительное вліяніе на философію исторіи и теоріи прогресса, и ни одна соціологическая система не можетъ уклониться отъ провѣрки путемъ сличенія ея съ фактами.

Подобно тому, какъ человѣкъ явился послѣ трехъ ступеней въ исторіи развитія природы — послѣ царства минеральнаго, растительнаго и животнаго, такъ и періодъ человѣческой исторіи, предшествующій «цивилизаціи», Фурье подраздѣляетъ на четыре эпохи.

Первой эпохѣ онъ далъ названіе *эдемизмъ*. Воспоминаніе о ней сохранилось у всѣхъ народовъ умѣренныхъ широтъ, въ видѣ

легендъ о золотомъ вѣкѣ, потерянномъ раѣ, эдемѣ. Въ эту эпоху не существовало частной собственности, человѣчество питалось растительной пищей, любви не ставилось никакихъ преградъ, господствовали миръ и свобода. Люди наслаждались счастіемъ, но счастье это было «мало утонченное и смутное». Ростъ населенія и послѣдовавшій затѣмъ голодъ положили конецъ этой эпохѣ: возникли несогласія и эгоизмъ, сохранилась только парная семья, и она стала основой—узкой и исключительной—общественнаго строя. Такимъ образомъ естественно возникли раздоры, характеризующіе слѣдующій періодъ цивилизаціи.

Слѣдующая эпоха—періодъ *дикости*. Потребности охоты и рыбной ловли ведутъ къ открытію оружія и къ войнѣ. Возникаютъ союзы семей въ интересахъ нападенія и обороны, формируются орды. Женщины и плѣнники становятся въ положеніе рабовъ. Всѣмъ мужчинамъ принадлежитъ право голоса относительно войны и мира. Всякій изъ нихъ вполнѣ наслаждается семью естественными правами, которыхъ лишены будутъ во всѣхъ странахъ люди въ періодѣ цивилизаціи: правомъ сбора плодовъ, пастбища, охоты, рыбной ловли, ассоціаціи внутри общества, воровства по отношенію къ окружающимъ общественнымъ группамъ и безпечности. Цивилизація, отнимающая у нихъ эти естественныя права, обязана дать имъ взамѣнъ *съ ихъ согласія соотвѣтствующій эквивалентъ*, напр. право на трудъ.

Третій и четвертый періоды—періоды *патріархата* и *варварства*. Возникаетъ зачаточная организація, въ основу которой положена семья. Приручены животныя, изобрѣтенъ плугъ; оканчивается періодъ кочевой жизни, возникаетъ дотолѣ не существовавшая земельная собственность. До тѣхъ поръ различеніе моего отъ твоего—вѣчное какъ міръ—не прилагалось къ землѣ. Это новое общественное состояніе возникло не благодаря перемѣнѣ правительства, а благодаря одному простому изобрѣтенію. Формируются и растутъ государства. Главными факторами этой эволюціи были рукодѣльная промышленность и земледѣліе, но благодаря всѣмъ этимъ успѣхамъ, достигнутымъ среди общества, у котораго вошло въ привычку воевать, создались варварскія государства съ военными и деспотическими вождями во главѣ. Подъ этимъ режимомъ слабые люди, занимающіеся промыслами, и женщины находятся въ состояніи рабства. Въ этомъ мѣстѣ Фурье даетъ ясную формулу, указывающую на важ-

ность точной классификаціи общественныхъ состояній для оцѣнки и опредѣленія размѣровъ прогресса: «Всѣ эти общества, говоритъ онъ, характеризуются особыми признаками, среди которыхъ необходимо различать признаки основные; послѣдніе опредѣляютъ мѣсто, занимаемое народомъ на лѣстницѣ прогресса, такъ какъ выйти изъ даннаго періода культуры можно, только отрѣшившись отъ основныхъ его чертъ. Въ настоящее время мы переживаемъ періодъ «цивилизаціи,» такъ какъ основныя черты этого періода имѣются на лицо, хотя рядомъ мы замѣчаемъ другія черты, принадлежащія періодамъ дикости, патріархата, варварства и *даже высшимъ періодамъ*.» Такимъ образомъ геніальный предвозвѣстникъ научнаго соціализма устанавливаетъ законъ непрерывности историческаго развитія. Онъ опредѣляетъ соціальные типы, не превращая ихъ въ независимыя одна отъ другой абстракціи. Онъ отмѣчаетъ затѣмъ важное явленіе, все болѣе и болѣе привлекающее вниманіе соціологовъ — существованіе *общественныхъ переживаній*. Это точное наблюденіе превращаетъ чисто-идеальную связь, до сихъ поръ въ теоріи соединявшую прошедшее съ настоящимъ и будущимъ, въ связь органическую.

Освобожденное отъ иногда дѣтскихъ, иногда слишкомъ смѣлыхъ гипотезъ, ученіе Фурье является для всякаго, кто будетъ безпристрастно его изучать, въ совершенно новомъ свѣтѣ: это не только теорія смѣлаго реформатора, это—одно изъ крупнѣйшихъ соціологическихъ ученій, занимающее видное мѣсто въ ряду философій исторіи. Данная Фурье классификація соціальныхъ типовъ не только не уступаетъ системамъ величайшихъ нѣмецкихъ философовъ его эпохи, но часто превосходитъ ихъ по точности и таланту.

Пятый періодъ — эпоха *цивилизаціи*—начинается образованіемъ теократическаго правительства, образующаго переходную ступень между этой эпохой и эпохой варварства. Этотъ строй отличается меньшей воинственностью, жрецы накопляютъ первые начатки наукъ и искуствъ. Формула развитія этой эпохи состоитъ изъ періода восхожденія, короткаго періода апогея и періода нисхожденія или упадка. Основной чертой первой, восходящей фазы является признаніе гражданскихъ правъ за супругой и дарованіе свободы промышленному классу. Въ періодѣ апогея зарождается искусство мореплаванія и экспериментальная химія; основными чертами этой фазы являются истребленіе лѣсовъ и возникновеніе государственныхъ займовъ. Наконецъ во время нисходящей фазы возникаетъ меркантильный и фискальный духъ, образуются страховыя компаніи; характерной чертой этой фазы является монополія морской торговли, находящая

противовѣсъ въ анархіи торговли, причемъ настроеніе этой фазы характеризуется экономическими иллюзіями.

Зародышами фазы полной дряхлости эпохи «цивилизаціи» являются сельскіе ссудные банки и организованные промыслы въ ограниченномъ числѣ [1]); основной чертой фазы является промышленный феодализмъ, причемъ противовѣсомъ является уступка фермерамъ феодальныхъ монополій, а настроеніе этой фазы характеризуется иллюзіями ассоціаціи.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о всей системѣ Фурье, мы должны признать совершенно правильнымъ наблюденіе, заставившее Фурье отнести къ началу эпохи «цивилизація» одну форму феодализма, а къ современной ея фазѣ—другую форму послѣдняго. Самое выраженіе—промышленный и капиталистическій феодализмъ—удачно обрисовываетъ опасности, угрожающія обществу вслѣдствіе господства несогласованныхъ и конкуррирующихъ между собой монополій, благодаря которымъ верховные интересы общества приносятся въ жертву ради интересовъ анархическихъ и эгоистическихъ, въ концѣ концовъ подчиняющихъ себѣ науку, правосудіе и политическую власть.

Фурье прекрасно доказываетъ, что за этой эпохой несогласованности интересовъ въ виду опасностей, которыми она грозитъ обществу, необходимо долженъ слѣдовать шестой періодъ, — періодъ «гарантизма». Подъ словомъ «гарантизмъ» Фурье понимаетъ тотъ періодъ, въ который мы вступаемъ въ настоящее время,— періодъ рабочаго и соціальнаго законодательства въ различныхъ его видахъ: въ видѣ страхованія рабочихъ, ограниченія рабочаго времени, воспрещенія или уменьшенія продолжительности труда дѣтей и женщинъ и т. д. Въ своемъ предвидѣніи Фурье шелъ очень далеко. Онъ указывалъ даже, какъ это впослѣдствіи сдѣлаетъ Марксъ, каковы будутъ послѣдствія концентраціи промышленности и капиталовъ, предвѣстники которой замѣчались уже

---

[1]) *Примѣчаніе переводчика.* Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній у читателя по поводу послѣдней формулы приводимъ соотвѣтствующее мѣсто изъ *Destinée Sociale* Консидерана: «Въ виду того, что анархія торговли и порождаемыя ею безчисленныя неустройства, фальсификаціи, хищничества и банкротства только возрастаютъ и усиливаются благодаря критическому положенію мелкихъ промышленниковъ и мелкихъ торговцевъ, создаваемому конкурренціей,—переходъ низшихъ операцій къ капиталистамъ облегчается реакціей, которую вызываетъ меркантильная анархія и очевидная необходимость подавить растущія неустройства торговли. Политически эта реакція выражается въ образованіи юридическомъ или фактическомъ организованныхъ промысловъ (maîtrises) въ опредѣленномъ числѣ, привиллегированныхъ корпорацій, монополій... Эта мѣра, въ высшей степени несправедливая и отвратительная, быстро очиститъ ряды торговли.»

въ его время. Онъ прекрасно понималъ, что эта концентрація, совершающаяся въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ группъ, можетъ подготовить и облегчить экспропріацію обществомъ естественныхъ и искусственныхъ монополій. «Перехода къ гарантизму, говоритъ онъ, слѣдуетъ ожидать отъ феодальныхъ фермъ, въ достаточной степени вооруженныхъ капиталомъ; онѣ превратятся въ крупные центры производства и потребленія, и безъ труда совершенно уничтожатъ анархію торговли, взявъ въ свои руки орудія транспорта, устраивая склады для своихъ произведеній и удовлетворяя потребностямъ своихъ васcаловъ. Новый характеръ распредѣленія легко будетъ приспособить тогда къ регуляризаціи торговли и къ установкѣ торговой солидарности и гарантій. Точно также внесена будетъ регуляризація въ производство и потребленіе.» Такимъ образомъ, по Фурье коллективная жизнь шагъ за шагомъ прогрессируетъ, и возникаетъ вопросъ: «какъ измѣрять прогрессъ?» На этотъ вопросъ, ставящій человѣческой мысли задачей внести въ изученіе общественнаго развитія методъ точныхъ наукъ, Фурье отвѣчаетъ: «въ теченіе всего періода общественнаго дѣтства прогрессъ долженъ измѣряться совокупностью фактовъ, которые дѣлаютъ возможнымъ для человѣчества единообразно и гармонически выполнять руководящую роль, предназначенную ему на землѣ.» Этотъ общій принципъ долженъ быть положенъ въ основу *соціальнаго одометра*.

Въ теченіе той фазы, о которой мы сейчасъ говорили, феодальныя фермы превратятся въ фермы «гарантистскія», создадутся «гарантистскія» общины; общественныя учрежденія создадутъ гарантіи противъ нищеты и обусловленнаго послѣдней подчиненія; будетъ гарантирована также независимость женщины отъ мужчины.

Седьмой періодъ общественнаго дѣтства Фурье называетъ періодомъ *простой ассоціаціи*. Наступитъ заря счастья, тѣнью котораго была эпоха Эдемизма.

Эти семь періодовъ общественнаго дѣтства могутъ быть изображены слѣдующей кривой:

Эдемизмъ.
Дикость.
Патріархатъ.
Варварство.
Цивилизація.
Гарантизмъ.
Простая ассоціація.

«Мѣсто начальной буквы наименованія каждаго періода въ кривой, образуемой совокупностью начальныхъ буквъ, опредѣляетъ относительную степень счастья, присущаго каждой фазѣ.

Степень счастья опредѣляется отношеніемъ суммы благъ къ суммѣ золъ, и отношенія эти одинаковы въ періодахъ дикости и гарантизма, занимающихъ одинаковыя мѣста въ кривой. Несчастнѣйшимъ изъ семи періодовъ является періодъ варварства.

Что касается до конечнаго періода — періода гармоніи, то онъ подробно описанъ въ системѣ фаланстеровъ и слѣдуетъ за предыдущими періодами въ силу естественной преемственности.

Такъ рѣшается вопросъ о соціальномъ будущемъ, который долженъ ставиться въ слѣдующей формѣ: «Данъ человѣкъ съ его потребностями, вкусами, естественными склонностями. Опредѣлить условія соціальной системы, наиболѣе соотвѣтствующей его природѣ. Проанализируйте слова: «соціальная система», и вы найдете въ нихъ: систему промышленности, систему торговли, научную систему, систему воспитанія, систему архитектуры и т. д.—многочисленныя частныя вѣтви соціальнаго дерева. Истина—*одна*, и если вы найдете законъ, управляющій одной изъ этихъ системъ, вы уясните себѣ законы всѣхъ прочихъ.» (Консидеранъ, La Destinée Sociale).

Данная Фурье критика эпохи цивилизаціи, его предвидѣніе эпохи «гарантизма,» все болѣе и болѣе проявляющейся въ законодательствѣ конца текущаго столѣтія, его взглядъ на преемственную связь, соединяющую современную стадію общественной жизни съ предшествующими, данное имъ описаніе новаго промышленнаго феодализма, выросшаго на почвѣ естественныхъ и искусственныхъ монополій и путемъ концентраціи орудій производства и капиталовъ подготовляющаго ихъ экспропріацію,—всѣ эти взгляды дѣлаютъ Фурье однимъ изъ отцовъ французскаго соціализма, болѣе цѣльнаго, чѣмъ соціализмъ, возникшій впослѣдствіи въ Германіи подъ вліяніемъ К. Маркса и Лассаля, черпавшихъ свои теоріи отчасти у Родбертуса.

Въ ту эпоху, когда Сенъ-Симонъ и Фурье придаетъ научный обликъ соціализму, Германія, значительно отставшая въ области общественной эволюціи сравнительно съ Франціей и Англіей, утратившая благодаря войнамъ за независимость гуманизмъ, отличавшій ее въ революціонную эпоху, все еще не можетъ освободиться отъ метафизическихъ формулъ. Но если на бранныхъ поляхъ нѣмецкій идеализмъ и космополитизмъ потерпѣли значительный ущербъ, то все же не исчезла вѣра въ будущее; Гете продолжаетъ вѣрить въ безграничную способность человѣчества къ совершенствованію. Въ то самое время, когда Шатобріанъ пишетъ Фонтану: «мое помѣшательство состоитъ въ томъ, что я всюду вижу Христа точно такъ же, какъ М-me Сталь всюду видитъ способность къ совершенствованію»,—дочь Неккера, наслѣдница XVIII вѣка и его смѣлыхъ порывовъ, против-

ница всякой государственной религіи, другъ Шлегеля и Гете, представительница либеральныхъ и благородныхъ теченій Франціи и Германіи, содѣйствовавшая ознакомленію и сближенію этихъ странъ другъ съ другомъ, въ то же время писала: «люди должны стремиться всегда къ новымъ успѣхамъ, оставляющимъ позади ту эпоху, въ которой они живутъ. Нельзя заставить мысль постоянно возвращаться къ прошлому, утрачивая надежды и создавая себѣ новыя сожалѣнія. Если бы человѣческая мысль лишена была надежды, ей угрожало бы жалкое паденіе!» Германіи предстояло, вслѣдъ за Франціей и Англіей, прогрессивно освобождаться отъ метафизики и переходить къ соціальнымъ воззрѣніямъ, основаннымъ исключительно на наблюденіи и опытѣ; успѣхи біологіи должны были и въ ней отразиться на соціальныхъ системахъ, придавая имъ все болѣе и болѣе научный характеръ.

Тѣмъ временемъ въ Германіи надъ философіей тяготѣлъ тяжелый деспотизмъ метафизики, вносившей свои доктринерскія формулы въ политику и даже въ искусство. Уступая во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ кантовской философіи, гегелевская метафизика превосходила ее въ одномъ отношеніи, и съ этой стороны содѣйствовала образованію исторической школы, а также облегчила самой философіи сближеніе съ новыми біологическими теоріями—эволюціи и трансформизма (превращенія видовъ). Гегель (1770—1831) разсматриваетъ исторію, какъ непрерывный процессъ діалектической эволюціи Разума или Идеи. Ошибочно однакоже утвержденіе ученаго нѣмецкаго философа Германна и Флинта, будто съ точки зрѣнія гегелевской философіи этотъ историческій процессъ совершается въ абсолютно—и исключительно—прямолинейномъ направленіи. По Гегелю абсолютъ есть разумъ, находящійся внутри вещей; этотъ имманентный разумъ есть идея въ вѣчномъ своемъ развитіи. Тотъ же абсолютъ лежитъ въ основѣ процесса развитія неорганической и живой природы до того момента, когда онъ становится личнымъ въ человѣкѣ. Рядъ причинъ и слѣдствій не складывается однакоже въ непрерывную и не имѣющую границъ линію безграничнаго прогресса: слѣдствіе всегда реагируетъ на причину и становится, такимъ образомъ, причиной причины. Такъ, въ политикѣ характеръ народа зависитъ отъ формы его правительства, но и форма правительства зависитъ отъ характера народа. Рядъ причинъ и слѣдствій не можетъ поэтому быть уподобленъ прямой линіи, идущей въ безконечность, а представляетъ собой кривую, возвращающую къ исходной точкѣ—кругъ. Эта возвращающаяся къ исходной точкѣ кривая нравилась политикамъ-доктринерамъ вродѣ Гизо и Кузена во Франціи. Народы имѣютъ такое правительство, ка-

кого они заслуживаютъ,—такимъ образомъ оправдывалась всякая реакція, всякое ренегатство: вѣдь кривая возвращается къ своей исходной точкѣ! Гегель допускалъ, кромѣ того, что въ человѣческой исторіи на долю отдѣльныхъ народовъ выпадаетъ особая священная роль. Всякій народъ воплощаетъ содержащуюся въ немъ идею, по необходимости несовершенную, и вытѣсняется народомъ, воплощающимъ и осуществляющимъ идею высшую. Такъ было съ Востокомъ, греко-римскимъ міромъ и наконецъ теперь съ міромъ германскимъ. Послѣдній со временъ битвъ при Лейпцигѣ и Ватерлоо сталъ апостоломъ, возвѣщающимъ новое евангеліе: такъ шовинизмъ философскій освящалъ шовинизмъ національный. Кантовскій идеализмъ не предвидѣлъ ничего подобнаго... Востокъ представляетъ собой тезисъ, греко-римскій міръ—антитезисъ, германскій міръ—синтезъ. Законъ трехъ состояній въ этой формѣ былъ, конечно, принятъ Кузеномъ. Въ противоположность Сенъ-Симону, Гегель разсматриваетъ греко-римскій политеизмъ какъ эпоху органическую. Это одно показываетъ, какъ субъективно дѣленіе человѣческой исторіи на эпохи органическія и критическія. Всякая эпоха общественной жизни предполагаетъ извѣстную уравновѣшенную организацію, но организація эта и равновѣсіе измѣнчивы и неустойчивы. Въ промежуткахъ между одной общественной организаціей и слѣдующей непрерывно совершается процессъ разложенія и реорганизаціи. Различія между типами становятся явственны только тогда, когда мы наблюдаемъ крайнія формы. Гегель имѣлъ на этотъ счетъ другіе взгляды. Кромѣ того, его философія прогресса, какъ и соціологическія теоріи Сенъ-Симона, приводила логически—если оба они можетъ быть и не думали этого—къ представленію о конечномъ историческомъ состояніи: разъ синтезъ осуществленъ, исторія кончается.

Къ счастью, нѣмецкая историческая школа, основанная Савиньи и Нибуромъ и послѣдовательно преобразовавшая всѣ общественныя науки и особенно политическую экономію *), замѣнила шовинистскіе и реакціонные метафизическіе взгляды гегельянцевъ воззрѣніями болѣе близкими къ истинѣ. Историческій методъ съ самаго возникновенія своего сталъ въ рѣшительную оппозицію къ національному эгоизму, которому льстила господствующая, ставшая оффиціальной, философская школа. Въ этомъ направленіи нѣмецкая историческая школа оказала неоцѣнимыя услуги. Она существеннымъ образомъ содѣйствовала созданію

---

*) Одинъ изъ ученѣйшихъ представителей исторической школы въ политической экономіи, Рошеръ, умеръ въ 1894 году.

научной философіи и соціологіи. Не становясь въ противорѣчіе съ гегелевской идеей эволюціи, она не подчиняла общественное развитіе тѣмъ ампутаціямъ, которымъ подвергала его метафизика. Она также разсматривала націи, какъ индивидуальности, органическое развитіе которыхъ можно сравнить съ развитіемъ индивидовъ, но она была свободна отъ индивидуализма и абсолютизма и напротивъ того старалась выяснить относительность соціальныхъ фактовъ и существованіе между ними взаимной зависимости. Если Нибуръ вступаетъ въ полемику съ сторонниками ученія XVIII вѣка о безграничности прогресса, то дѣлаетъ онъ это не потому, что самъ не вѣритъ въ прогрессъ. Онъ полагаетъ только, что прогрессъ стоитъ въ причинной связи съ окружающими условіями и одобрительно указываетъ, что Тюрго, Кондорсэ и другіе мыслители той же школы сами отмѣтили, что «нельзя привести примѣра ни одного народа, который бы совершенно самостоятельно возвысился до уровня цивилизаціи». Этимъ безповоротно осуждалась гегелевская исторія философіи.

Говоря вообще, нѣмецкая идеалистическая философія по окончаніи кровавой наполеоновской эпопеи колеблется въ лицѣ послѣднихъ представителей метафизики между оптимистическими, пессимистическими и эклектическими взглядами на исторію. Формулы ея, несмотря на всю ихъ ошибочность, обладаютъ тѣмъ достоинствомъ, что могутъ быть приспособлены къ біологическимъ и психологическимъ теоріямъ, которыя впослѣдствіи, благодаря Дарвину и Г. Спенсеру, преобразуютъ основы философіи.

Въ лицѣ Фихте (1762—1814) нѣмецкій идеализмъ приходитъ къ чудовищному выводу, что чистый разумъ a priori, безъ всякаго обращенія къ опыту, можетъ представить себѣ весь планъ міросданія и построить философію исторіи съ опредѣленіемъ всѣхъ эпохъ и характеристикой ихъ значенія, исходя единственно изъ раціональнаго представленія о времени. Такъ отъ Канта къ Гегелю, отъ Гегеля къ Фихте постепенно падала все ниже и ниже идеалистическая метафизика чистаго разума, критику которой далъ кенигсбергскій философъ, сохраняя въ то же время ея зародышъ въ своемъ ученіи о конечной причинѣ, вытекающемъ изъ его представленія о «природѣ». Гегель назоветъ эту конечную причину идеей, Фихте—пространствомъ, причемъ и то и другое они будутъ разсматривать какъ дѣятельныя сущности, а Шопенгауэръ, вполнѣ послѣдовательно, назоветъ ее волей.

Трудно указать ученіе менѣе послѣдовательное какъ въ теоріи такъ и на практикѣ, чѣмъ этотъ субъективный идеализмъ, въ дѣйствительности подчиняющійся во всѣхъ своихъ оттѣнкахъ—оптимистическомъ или пессимистическомъ, гуманитарномъ или

шовинистскомъ—всевозможнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Послѣ бѣдствій, пережитыхъ его родиной, Фихте переходитъ отъ благороднаго космополитизма, одушевлявшаго его ранѣе наряду съ величайшими его соотечественниками, къ самому узкому національнализму. Одинъ только нѣмецкій народъ сохранилъ чистоту и оригинальность; это — нормальный и первобытный народъ, никогда не осквернявшій себя сближеніемъ съ другими народами земли.

Исторія міра, по Фихте, дѣлится на пять періодовъ. Первый періодъ—первобытная эпоха невинности, когда управляетъ разумъ въ видѣ простого закона природы, подобно инстинкту въ безсознательномъ состояніи; второй — періодъ авторитета, когда растетъ грѣхъ и все глубже становится паденіе; третій—періодъ полнаго равнодушія къ истинѣ,—состояніе глубокаго грѣха, неподчиняющагося ни разуму, ни инстинкту, состояніе полной безсознательности; четвертый—эпоха науки, яснаго сознанія разума и его законовъ; пятый—эпоха искусства, красоты во всѣхъ жизненныхъ отправленіяхъ сознательнаго человѣчества.

Весь этотъ планъ историческаго развитія человѣчества, выдуманный Фихте a priori, не имѣетъ даже отдаленнаго отношенія къ исторіи, и было бы напрасной потерей времени входить въ его обсужденіе. Любопытно только, какъ введетъ знаменитый іенскій профессоръ въ свою метафизику свои патріотическія представленія о нормальномъ народѣ, объ исторической миссіи Германіи? Для чистаго разума это не представляетъ никакихъ трудностей. Достаточно предположить, что еще до начала исторіи на землѣ существовалъ абсолютный разумъ. Допустить это тѣмъ легче, что изъ ничего ничто не можетъ возникнуть. Итакъ, еще до начала исторіи, науки и искусства на землѣ существовалъ *нормальный народъ*, жившій совершенной, разумной, хотя и безсознательной, жизнью. Такъ думалъ и Шеллингъ. Вокругъ этого нормальнаго народа жили, по придуманной Фихте теоріи, трусливые и въ то же время воинственные дикари, ведшіе грубую, чувственную жизнь. Вслѣдствіе столкновенія этихъ народовъ и началась исторія, которая раньше не была возможна, такъ какъ и нормальный народъ и дикари лишены были сознанія. Начиная съ пятой эпохи, человѣкъ только *возвращается* къ первобытному разумному состоянію, изъ котораго онъ вышелъ. Все, что̀ онъ пріобрѣлъ, это—сознаніе того, что̀ на время имъ было утрачено. Это конечное состояніе было описано Фихте въ его лекціяхъ о государственной наукѣ, читанныхъ въ 1813 году въ Берлинѣ и опубликованныхъ послѣ его смерти въ 1829 году.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи идеализмъ логически вернется къ провиденціализму. Природа, идея, абсолютный разумъ—

развѣ это не провидѣніе, управляющее человѣческой исторіей? Отчего же тогда не вернуться къ старой формулѣ, къ слову, понятному для всѣхъ, такъ какъ оно употреблялось вѣками? По взгляду Фридриха Шеллинга (1775—1854) исторія развивается во времени, и такъ какъ послѣднее не имѣетъ границъ, то и соціальная эволюція представляетъ собой безконечный прогрессъ. Достиженіе абсолюта является для исторіи идеаломъ, полное и окончательное осуществленіе котораго невозможно. Въ исторіи нѣтъ ни абсолютной свободы, ни абсолютной необходимости; осуществленіе совпадаетъ съ идеаломъ не въ частностяхъ, а только въ общемъ. Такимъ образомъ свобода воли можетъ быть согласована съ закономѣрной необходимостью. Верховнымъ примирителемъ субъекта съ объектомъ является Богъ, «невидимая рука, изъ свободныхъ дѣйствій человѣка соткавшая ткань жизни человѣческаго рода». Въ Богѣ—принципѣ абсолютнаго тождества—находятъ примиреніе свобода и законъ, трансцендентальный идеалъ прогресса человѣчества. Періодъ господства судьбы и природы становится гармоническимъ въ послѣднемъ періодѣ—господства Провидѣнія. Шеллингъ наравнѣ съ Фихте принимаетъ, что существовалъ первобытный періодъ культуры, періодъ рая, за которымъ послѣдовало грѣхопаденіе. Въ сущности говоря, для полученія этого результата не стоило философствовать, проще было обратиться къ вѣрѣ предковъ. Это и стали понимать и проводить въ жизнь правящіе классы, на мгновеніе растерявшіеся. Впрочемъ, съ точки зрѣнія протестантской теологіи, вполнѣ достаточно дѣлъ, вѣра не необходима; эта добрая и примирительная религія была вполнѣ по плечу скептикамъ и болѣе доступна пониманію, чѣмъ трансцендентальный идеалъ Шеллинга.

Скептицизмъ, къ которому естественно приводилъ ретроградный идеализмъ, велъ къ философскому и общественному пессимизму. Это идейное теченіе стояло, кромѣ того, въ связи съ неудачей—по крайней мѣрѣ внѣшней—революціоннаго движенія 1848 года. Послѣднему предшествовало, особенно во Франціи, возникновеніе соціалистическихъ школъ. Возникло сильное преобразовательное теченіе, увлекшее не только рабочій классъ, но и наиболѣе просвѣщенныхъ и благородныхъ представителей либеральной и демократической буржуазіи. Однимъ изъ свидѣтельствъ этого прогрессивнаго движенія, предшествовавшаго второй французской революціи, является выходъ въ свѣтъ французскаго перевода «Scienza nuova» Вико въ 1828 году подъ заглавіемъ «Principes de la philosophie de l'histoire». Переводъ былъ сдѣланъ великимъ французскимъ историкомъ Мишлэ, примыкающимъ къ теоріямъ Вико, но несогласнымъ съ его чрез-

мѣрнымъ фатализмомъ. По мнѣнію Мишлэ, Вико не видѣлъ или, по крайней мѣрѣ, не высказалъ, что если развитіе человѣчества совершается въ видѣ круговъ, то круги эти становятся съ теченіемъ времени все шире. Кромѣ того, Мишлэ допускалъ возможность внезапныхъ революцій, медленно подготовленныхъ предшествующими историческими событіями, тогда какъ для Фихте и Шеллинга существовала одна только радикальная революція — грѣхопаденіе, лишившее человѣчество первобытнаго, абсолютно-совершеннаго, хотя бы и безсознательнаго состоянія.

Этотъ взглядъ приближаетъ философскій идеализмъ къ идеализму религіозному и католическому, однимъ изъ наиболѣе ретроградныхъ представителей котораго былъ Ж. де-Мэстръ. Общимъ для всѣхъ этихъ ученій было предположеніе, что въ началѣ исторіи человѣчество стояло на высокомъ уровнѣ цивилизаціи, обладало даже совершенствомъ. Отсюда путь человѣчества, по мнѣнію нѣкоторыхъ, раздваивался: часть человѣческаго рода регрессировала и впала въ дикое состояніе, другая, прогрессируя, достигла цивилизаціи. Возникновеніе этой гипотезы было такъ естественно, что въ XVIII вѣкѣ и ранѣе она раздѣлялась даже такими учеными, которые не были проникнуты религіознымъ духомъ. Въ качествѣ исторически провѣреннаго положенія ее провозглашали де-Броссъ и Гогэ: первый относилъ начало эпохи дикости ко времени потопа, второй предполагалъ, что благодаря этому великому природному перевороту погибла часть искусствъ ранѣе извѣстныхъ. Эти гипотезы, кажущіяся намъ теперь ребяческими, возникли такъ-же естественно, какъ и всѣ религіозныя гипотезы, обнимаемыя богословіемъ.

Историческія теоріи Вико, исправленныя Мишлэ, не только имѣли болѣе научный обликъ, но и соотвѣтствовали преобразовательнымъ теченіямъ первой половины XIX вѣка. Онѣ во многомъ стояли выше нѣмецкой идеалистической метафизики, а въ глазахъ Франціи, которой внушало омерзѣніе тошнотворное доктринерство Гизо, Ройе-Колларовъ, Кузеновъ, онѣ воплощали въ себѣ прогрессъ въ эпоху, предшествующую возниковенію положительной философіи. Скандалезно - оптимистическія формулы Кузена: «все, что̀ существуетъ—благо», «зло необходимымъ образомъ порождаетъ добро», принятыя правовѣрной политической экономіей, наравнѣ съ призывомъ Гизо: «обогащайтесь!» вызывали общее отвращеніе. Въ сравненіи съ выразившимся въ этихъ формулахъ нравственнымъ и философскимъ вырожденіемъ политическихъ и интеллектуальныхъ органовъ завладѣвшей властью буржуазіи, нѣмецкій идеализмъ стоитъ на значительной высотѣ. Италія въ эту эпоху примыкаетъ также съ одной стороны къ

гегельянству, съ другой — къ философіи исторіи Вико. Дж. Феррари въ 1835—1837 г. издаетъ полное собраніе сочиненій Вико, а въ 1843 году—«опытъ объ основахъ и границахъ философіи исторіи». Онъ устанавливаетъ въ «опытѣ» различіе, при помощи котораго думаетъ примирить свободу съ необходимостью, исторію идеальную съ исторіей реальной. Послѣдняя подчинена случаю, тогда какъ первая основана на разумѣ. Разумъ создаетъ формулы послѣдовательныхъ соціальныхъ системъ, изъ которыхъ болѣе совершенныя могутъ возникнуть только послѣ менѣе совершенныхъ. Разумъ управляетъ міромъ, первое и послѣднее его созданіе—идеалъ. Вся исторія, т. е. всѣ разумныя дѣйствія осуществляются во имя идеала. Идеалъ—это отвлеченная система, истина, независящая отъ событій, отъ того, примыкаютъ ли къ ней люди, отъ того, какихъ убѣжденій держится въ данный моментъ человѣчество. Положительная исторія раскрываетъ намъ этотъ идеалъ, философія исторіи доказываетъ намъ его, и философія исторіи «должна быть такой, какъ того требуетъ логика». Гегель также подчинилъ исторію діалектикѣ, фактъ — идеѣ, но въ противоположность Феррари онъ не проводитъ безусловной границы между идеальнымъ и реальнымъ. Къ счастью, на долю метафизики выпала мало-благодарная задача — перебрать и послѣдовательно отвергнуть всѣ возможныя гипотезы, чтобы очистить такимъ образомъ поле для положительной соціологіи. Италія, въ политическомъ и соціальномъ отношеніи стоявшая въ эту эпоху далеко позади всей западной Европы, на долгое время подчинилась вліянію гегельянства, проводникомъ котораго былъ А. Вера, ученый переводчикъ Гегеля. Со временъ Дж. Бруно итальянская философія утратила оригинальность и благодаря условіямъ ея національной и общественной жизни питалась устарѣлыми теоріями чужестранной метафизики.

Въ теченіе этого доктринерскаго періода заслуживаетъ вниманія общее стремленіе дѣлить исторію на три большихъ періода. Мы встрѣтили это стремленіе у Сенъ-Симона, Гегеля, Шеллинга, а раньше у Тюрго. Впрочемъ, у послѣдняго это дѣленіе носило рѣзко-положительный характеръ. Во Франціи не было благопріятныхъ условій для процвѣтанія метафизики. Событія XVIII вѣка сдѣлали для нея невозможнымъ слишкомъ крупные повороты вспять. Правда, и въ ней будутъ возникать метафизическія системы, но онѣ не будутъ отличаться глубиной, не будутъ пускать корней, не будутъ воплощать въ себѣ вѣрованій среды. Въ Германіи дѣло все еще обстояло иначе. Три прогрессивныхъ историческихъ періода мы находимъ опять у Франца Шлегеля (1772—1829), наиболѣе яркаго представителя реакціоннаго на-

строенія, овладѣвшаго многими писателями—современниками первой республики и имперіи. Его идеализмъ не останавливается даже на католицизмѣ, въ своей «Философіи исторіи» онъ также раздѣляетъ гипотезу о грѣхопаденіи. Идеализмъ, которому Кантъ отвелъ мѣсто въ своей философіи, развилъ свои логическіе выводы до конца, и отъ идей учителя, стоявшаго такъ близко къ положительной философіи, ничего не сохранилось, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ школахъ, которыя развили недостатки его системы и игнорировали ея научныя основы и гуманитарныя начала. Гегель призналъ за чистой идеей верховную власть надъ міромъ. Фихте, переживши фазу интернаціонализма и революціоннаго настроенія, кончилъ переходомъ къ патріотизму и мистицизму. Фихте остался однако же до конца логичнымъ въ своемъ субъективномъ монизмѣ: логика была чѣмъ-то вродѣ галлюцинаціи у философовъ-идеалистовъ. По взгляду Фихте «я»; человѣкъ—богъ осуществляетъ исторію въ своемъ разумѣ, отраженіемъ котораго является весь внѣшній міръ. Фихте и родственные съ нимъ умы не замѣчали, что и сами они и ихъ общественныя теоріи стоятъ въ тѣсной зависимости отъ исторической среды и подчинены ея вліянію. Поучительно наблюдать, какъ эта философія, имѣющая притязаніе управлять міромъ и въ дѣйствительности только выясняющая дѣятельность высшихъ, но въ то же время крайне спеціальныхъ центровъ сознательной жизни, преобразуется и видоизмѣняется исторіей, которую она желала бы подчинить своимъ произвольнымъ обобщеніямъ. Поучительно также видѣть, какъ дорогая идеализму логика, субъективная и дедуктивная, ведетъ отъ научнаго кантіанства къ абсолютному идеализму Гегеля, къ раціональному плану міроздания Фихте, къ провиденціализму Шеллинга и къ теологическимъ воззрѣніямъ Шлегеля. Попятное движеніе въ философіи проходило черезъ тѣ же стадіи, черезъ которыя шелъ прогрессъ въ исторіи, но проходило ихъ въ обратномъ направленіи.

Философія Краузе (1781—1832) также пропитана теологіей. Но отъ вышеупомянутыхъ философскихъ системъ она выгодно отличается благородствомъ и широтой своихъ общественныхъ стремленій. Кромѣ того, это — одна изъ первыхъ системъ, разсматривающая общество въ общихъ чертахъ какъ организмъ, надѣленный функціями и органами. Исходя изъ этого положенія, Краузе и его ученики: Аренсъ въ Германіи, Тибергіенъ въ Бельгіи требовали замѣны существующаго парламентскаго режима системой представительства интересовъ, къ которой затѣмъ примкнули многіе соціологи. По Краузе—исторія представляетъ развитіе бытія Божія, бытіе Котораго есть жизнь всего существую-

щаго. Поэтому исторія, ограниченная съ точки зрѣнія нашего ума, безконечна, какъ само божество. Религіозное настроеніе Краузе возвращалось къ гипотезамъ Востока, наиболѣе противорѣчащимъ положительному научному духу вѣка. Развитіе индивидовъ совершается въ безчисленномъ множествѣ цикловъ, такъ что идеалъ не представляетъ собой объективной цѣли, къ которой мы постоянно приближаемся, никогда ея не достигая, но осуществляется въ безчисленномъ множествѣ формъ. Всякій изъ этихъ цикловъ обнимаетъ опредѣленный рядъ эпохъ, различающихся между собой своей продолжительностью и идеей, которую они выражаютъ. Что касается до человѣчества, состоящаго изъ безчисленнаго множества индивидуальныхъ душъ, то его жизнь наполняетъ все пространство и все время. Число этихъ душъ неизмѣнно. Земное человѣчество представляетъ только часть человѣчества всемірнаго. Всемірное человѣчество, земное человѣчество, отдѣльные народы слѣдуетъ разсматривать какъ организмы большей или меньшей величины, все совершеннѣе осуществляющіе свои цѣли, благодаря сознанію своего соціальнаго единства.

По Краузе—первая эпоха исторіи человѣчества есть эпоха дѣтства и невинности, періодъ единства. Въ эту эпоху человѣкъ очень чувствителенъ къ воздѣйствіямъ природы и Бога; это—фаза смутнаго монотеизма, историческое сознаніе отсутствуетъ. Изъ этой эпохи идутъ къ намъ легенды о раѣ и золотомъ вѣкѣ. Попутно, въ полномъ согласіи съ своими психологическими и антропологическими принципами, Краузе заявляетъ, что человѣкъ въ силу своего ума абсолютно отличается отъ животныхъ, что въ лицѣ дикарей мы имѣемъ не первобытныхъ, а выродившихся людей. Безъ этого утвержденія рушились бы основы его философіи, точно также какъ безъ его невѣроятной гипотезы о существованіи смутнаго монотеизма въ періодѣ, лишенномъ историческаго сознанія, его мистическая формула: «единство, разнообразіе и гармонія» была бы лишена всякой почвы.

Вторая эпоха — эпоха дѣтства и сознанія. Первоначальное единство нарушено, возникаетъ стремленіе къ независимости и самосознанію. Человѣчество подраздѣляется на племена, націи, касты и классы. Возникаетъ раздѣленіе труда. Эта эпоха обнимаетъ три періода: во-1-хъ, восточный и греко-римскій, когда слабое сознаніе единства Божія сохранилось только въ тайныхъ братствахъ и передавалось при помощи мистерій; характерными чертами этого періода являются политеизмъ, война, рабство, касты. За этимъ періодомъ слѣдуетъ второй, средневѣковый, періодъ отвлеченнаго, узкаго монотеизма, фанатизма, ненависти къ перемѣнамъ, періодъ рабства науки и искусства. Наконецъ,

послѣднимъ періодомъ второй эпохи является наше время, время противорѣчій, терпимости, распространенія науки, но также— время кризиса и испорченности, являющейся результатомъ борьбы между старымъ и новымъ общественнымъ строемъ.

Наконецъ третья эпоха — эпоха гармоніи. Человѣчество властвуетъ надъ природой. Отдѣльные народы соединились въ одну обширную коллективную единицу. Всюду принятъ панэнтеизмъ Краузе *). Господствуетъ миръ. Космополитическая организація всѣхъ областей человѣческой дѣятельности заступаетъ мѣсто теперешней розни.

Въ дѣйствительности, для земного человѣчества, какъ и для отдѣльныхъ индивидовъ, не существуетъ ни старости, ни смерти. Старость—это только ступень къ высшей стадіи. Высшая гармонія будетъ достигнута сначала человѣчествомъ нашей солнечной системы, а затѣмъ человѣчествомъ всѣхъ прочихъ космическихъ системъ.

Врядъ ли можно встрѣтить людей, обладающихъ болѣе наивной вѣрой въ свои теоріи, чѣмъ Краузе и его ближайшіе ученики. Тѣмъ не менѣе, панэнтеизмъ не сталъ всеобщимъ убѣжденіемъ. Тибергіенъ, въ теченіе полувѣка ежегодно и невозмутимо проповѣдывавшій его въ Бельгіи, не нашелъ здѣсь ни одной души, которая восприняла бы чистое сѣмя, долженствующее дать жатву въ безконечномъ множествѣ космическихъ существъ. Впрочемъ, это—дѣло времени, а время, какъ извѣстно, безконечно...

Философія Краузе носитъ теологико-метафизическій характеръ, но въ противоположность ученикамъ, развившимъ только внѣшнія стороны ученія, самъ учитель старался подчинить своей системѣ всѣ научныя завоеванія эпохи. При этомъ онъ не только преобразовывалъ научныя данныя, но извращалъ ихъ самымъ искреннимъ образомъ. Вмѣсто того, чтобы заниматься критикой фантастическихъ элементовъ его философіи, мы отмѣтимъ тѣ стороны послѣдней, которыя соприкасается съ положительнымъ и прогрессивнымъ научнымъ движеніемъ нашей эпохи. Въ основу своей философіи исторіи Краузе кладетъ общую теорію жизни; прогрессъ жизни и общества — процессы параллельные, болѣе того— тождественные. Р. Флинтъ, посвятившій философіи Краузе этюдъ въ высшей степени безпристрастный, находитъ, что этотъ взглядъ на индивидуальную и общественную жизнь тождественъ съ воззрѣніями Г. Спенсера. Замѣчаніе это справедливо, но въ то же

---

*) *Прим. переводчика.* Сочиненія Краузе изобилуютъ множествомъ сочиненныхъ философомъ терминовъ, большею частью не поддающихся переводу. Слово „панэнтеизмъ“ составлено изъ трехъ словъ (pan-en-theos), и точный переводъ его будетъ—„всевбожіе“.

время слѣдуетъ замѣтить, что между теоріями Краузе и Г. Спенсера существуетъ глубокое различіе: тогда какъ методъ Краузе дедуктивенъ и субъективенъ, методъ Спенсера индуктивенъ и объективенъ и имѣетъ научную цѣнность, какой никогда не достигалъ, да и не могъ достигнуть въ свое время Краузе. Краузе— и въ этомъ состоитъ важнѣйшее право его на память со стороны потомства—своей теоріей жизни старается поставить теорію общества на положительную почву. Общество уже не агломератъ индивидовъ, а цѣльная, организованная единица; развивая зародыши научной соціологіи, содержащіеся у Шеллинга, онъ разсматриваетъ прогрессъ, какъ ростъ организаціи, выражающійся въ дифференціаціи, координаціи, усложненія и ростѣ соотвѣтствія съ окружающей средой. Успѣхи біологіи въ первой половинѣ XIX вѣка начали уже оказывать вліяніе на метафизическую философію въ то время, когда сама біологія не имѣла еще своей философіи въ общей системѣ философій наукъ.

Школа Гердера въ свою очередь породила философію, развивавшую теологическіе элементы его ученія и игнорировавшую научные и реалистическіе элементы, занимающіе въ философіи Гердера столь видное мѣсто. К. Бунзенъ (1791—1860) кладетъ въ основу своей теоріи представленіе объ имманентности и ростѣ сознанія божественнаго начала въ человѣчествѣ *). По Бунзену «прогрессъ человѣчества имѣетъ необходимую основу въ законѣ самопроизвольнаго проявленія божественнаго начала». Высшей цѣлью философіи является раскрытіе этого закона при содѣйствіи филологіи и исторіи. Имѣющееся у человѣчества сознаніе Бога есть факторъ прогрессивнаго движенія человѣческаго рода въ сторону истины и справедливости. Человѣчество не простой аггрегатъ индивидовъ; тѣмъ не менѣе личность является рычагомъ исторіи. Родовое сознаніе содержится въ личностяхъ, которымъ сообщаетъ его родъ. Прогрессивный рядъ этихъ личностей въ исторіи раскрываетъ ходъ развитія вообще.

Бунзенъ дѣлитъ исторію на три эпохи. Первая обнимаетъ образованіе языка и миѳовъ, вторая—образованіе націй, науки и искусствъ. Подобно большинству мыслителей, мучительно переживавшихъ жгучіе вопросы эпохи, подобно Сенъ-Симону, Краузе, Ог. Конту, Бунзенъ разсматриваетъ эту эпоху какъ періодъ критическій, характеризующійся борьбой между личностью и индуитивнымъ всеобщимъ или коллективнымъ сознаніемъ. Эта борьба, какъ во всѣхъ добродѣтельныхъ романахъ, оканчивается третьимъ

---

*) Богъ въ исторіи или прогрессъ вѣры въ нравственномъ строѣ міра. Leipzig, 3 т. 1857—59.

и послѣднимъ періодомъ, когда разумъ и вѣра примиряются при посредствѣ науки и искусства, — глубокая мысль, облеченная въ туманную и метафизическую оболочку. Тогда наступаетъ внутреннее объединеніе добра, истины и красоты.

Въ этихъ трехъ историческихъ періодахъ проявляется противоположность мысли и воли, умозрительнаго духа и практической дѣятельности человѣка. Представителемъ послѣдней является государство, воплощеніе организованнаго управляемаго закономъ общества. Въ исторіи прогрессирующее религіозное сознаніе имѣло своими послѣдовательными представителями народы еврейскій, греческій и нѣмецкій. Но рядомъ съ этими носителями идей, управлявшихъ человѣчествомъ, существовали другіе народы, представители практической дѣятельности—иранцы (послѣдователи Зороастра), бактрійцы, мидяне и персы, затѣмъ—римляне и наконецъ—народы латинской расы и англичане. Всѣ народы, игравшіе въ исторіи роль носителей умозрительной мысли, имѣли федеративное государственное устройство, народы практической дѣятельности—централизованное. Такъ метафизика приспособляетъ исторію къ своимъ системамъ; она терзаетъ и истязаетъ исторію, какъ нѣкогда инквизиторы истязали людей, не вѣрившихъ въ откровеніе, съ тою разницей, что инквизиція говорила отъ имени Бога, тогда какъ метафизика говоритъ отъ имени разума. Послѣднее во всякомъ случаѣ представляло прогрессъ; въ будущемъ предстояло только подчинить разумъ наукѣ.

Въ этотъ праздный идеализмъ и изнѣживающій оптимизмъ нѣмецкая метафизика погружалась въ то самое время, когда соціальные вопросы волновали всю Европу, когда во Франціи возникли уже великія реформаторскія школы, когда, покинувши туманныя высоты философіи, всѣ вопросы уже обсуждались на площадяхъ, въ печати, на сценѣ, въ парламентахъ! Среди нравственныхъ и идейныхъ причинъ неудачи революціоннаго движенія 1848 года извѣстную роль наряду съ болѣе глубокими экономическими и соціальными причинами игралъ и этотъ оптимистическій идеализмъ. Послѣдовала ужасная реакція—и абсолютный пессимизмъ Шопенгауэра, послѣ либеральнаго и соціалистическаго настроенія 1820—1848 годовъ, соотвѣтствуетъ умственному и нравственному упадку, послѣдовавшему за разгромомъ демократіи во всѣхъ европейскихъ странахъ. Различныя философскія и особенно художественныя и литературныя школы нашей эпохи, получившія наименованіе «декадентскихъ», являются дальнѣйшими представительницами этого печальнаго упадка, потерявшаго оправданіе съ тѣхъ поръ, какъ реакціонный духъ ослабѣлъ. Этотъ пессимистическій взглядъ на самихъ себя и на человѣче-

ство представляетъ естественное послѣдствіе чрезмѣрнаго, болѣзненнаго идеализма у слабыхъ и неуравновѣшенныхъ натуръ. Къ счастью, неудачи даже длительнаго характера, а тѣмъ болѣе временныя, являются въ то же время однимъ изъ могущественнѣйшихъ стимуловъ для энергическихъ личностей. Къ счастью, послѣднія по численности преобладаютъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности и энергично реагируютъ противъ многочисленныхъ условій, порождающихъ экономическій, умственный и нравственный упадокъ. Въ извѣстномъ отношеніи эти послѣднія условія имѣли благодѣтельное вліяніе на развитіе правильныхъ представленій относительно строенія, жизни и прогресса общественнаго организма. Пессимистическая реакція, слѣдовавшая за абсолютнымъ оптимизмомъ, облегчила возникновеніе научной соціологіи и болѣе гуманныхъ и менѣе абсолютныхъ представленій относительно прогресса и счастья человѣчества.

Шопенгауэръ (1788—1860) съ избыткомъ выполнилъ эту соціальную миссію. Въ своемъ сочиненіи «Міръ какъ воля и представленіе» онъ приходитъ въ качествѣ заключенія къ требованію аскетизма и абсолютнаго цѣломудрія ради приближенія конца міра. Въ дѣйствительности предстоялъ конецъ только *его* міру,— міру первобытнаго міровоззрѣнія, метафизики и эксплуатаціи, конецъ, являвшійся естественнымъ результатомъ всеобщаго отвращенія ко всей дѣятельности и мышленію этого міра. Капитальный трудъ Шопенгауэра вышелъ въ свѣтъ въ 1819 году, но распространился среди правящихъ классовъ уже много позднѣе, послѣ временнаго ихъ торжества въ половинѣ текущаго вѣка. Шопенгауэръ былъ современникомъ Байрона, съ которымъ онъ познакомился въ Венеціи, Леопарди — пѣвца «Infelicità»; страданія Гетевскаго «Вертера» были пережиты и имъ. Б. Констанъ, Шатобріанъ, А. де-Мюссе, Гейне—всѣ въ большей или меньшей степени страдали той же болѣзнью вѣка. Всѣ они отличаются болѣзненной чувствительностью ихъ личнаго «я», тщеславіемъ, эгоизмомъ, скептицизмомъ и невысокою нравственностью. Шопенгауэръ былъ философомъ этой общественной эпидеміи, къ счастью не задѣвшей глубокіе общественные слои—рабочій классъ, и охватившей только верхній общественный слой. Кромѣ того поддались этой заразѣ нѣкоторые благородные, но недостаточно сильные умы, съ міросозерцаніемъ недостаточно яснымъ, чтобы оно могло противодѣйствовать вліянію общественнаго упадка,— главнымъ образомъ, среди литераторовъ и художниковъ; послѣ Шопенгауэра впрочемъ пессимизмъ принялъ болѣе сантиментальный, чѣмъ философскій характеръ. Шопенгауэръ, ничего не понявшій въ движеніи 1848 года, проклинавшій его и дрожавшій

отъ страха, былъ тѣмъ могильщикомъ, какого давно было нужно старой оптимистической метафизикѣ и эгоистическому, самодовольному правящему классу.

Послѣднимъ словомъ идеализма было отрицаніе прогресса, проповѣдь индивидуальнаго и общественнаго самоубійства, и въ этомъ заключительномъ выводѣ, къ которому пришли философія и классъ, роль которыхъ была сыграна, было во всякомъ случаѣ больше достоинства, чѣмъ въ возвратѣ къ старымъ вѣрованіямъ, къ которому пришелъ оптимистическій идеализмъ. Излишне было только возводить это отвращеніе къ самому себѣ въ философскую систему и осуждать жизнь и исторію вообще только потому, что угрожалъ конецъ существованію одной секты и одного класса.

Шопенгауэръ находитъ, что

«исторія есть знаніе, не будучи наукой, такъ какъ ни въ одномъ случаѣ она не познаетъ частнаго при помощи всеобщаго... Науки — системы понятій—говорятъ только о родахъ, исторія только—объ индивидахъ. Она является такимъ образомъ наукой объ индивидахъ, что̀ содержитъ въ себѣ противорѣчіе... Такъ называемая всеобщность исторіи—явленіе чисто субъективное, зависящее отъ недостатка нашихъ частныхъ знаній... Отношеніе частнаго къ общему здѣсь есть отношеніе части къ цѣлому, а не частнаго случая къ правилу, какъ это имѣетъ мѣсто во всѣхъ наукахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, оперирующихъ надъ понятіями, а не только дающихъ намъ знаніе отдѣльныхъ фактовъ... Исторія есть прямая противоположность философіи... Въ исторіи мы находимъ всюду одно и то же подъ различными формами. Стремленіе разсматривать всемірную исторію какъ методическое цѣлое, стремленіе *органически конструировать* ее покоится въ сущности на грубомъ и плоскомъ реализмѣ, принимающемъ явленіе за сущность и сводящемъ все къ этому явленію, къ формамъ, въ которомъ оно облечено, къ событіямъ, въ которыхъ оно обнаруживается... Не родъ человѣческій, а только индивидъ обладаетъ реальнымъ и непосредственнымъ единствомъ сознанія; единство въ формахъ существованія человѣческаго рода—фикція... Въ природѣ реальнымъ существованіемъ обладаютъ только виды, родъ—это абстракція. Точно также въ человѣческомъ родѣ реальнымъ существованіемъ обладаютъ только индивиды и ихъ жизнь, народы и ихъ жизнь—абстракція. Всякій микрокосмъ содержитъ въ себѣ цѣликомъ весь макрокосмъ, и въ послѣднемъ не содержится ни на іоту больше, чѣмъ въ первомъ...»

Въ противоположность Гегелю, разсматривающему самый историческій процессъ, вѣчную смѣну историческихъ явленій, какъ основу для философіи исторіи, Шопенгауэръ полагаетъ подобно Платону и Канту, что только неизмѣнное входитъ въ область философіи. Поэтому немыслима философія исторіи и философія прогресса:

«Исторія—ложь не только по своей формѣ, но и по своему матеріалу. Она разсказываетъ намъ всякій разъ будто бы разныя вещи, тогда какъ съ начала до конца это—повтореніе одной и той же драмы, только съ разными дѣйствующими лицами и въ различныхъ костюмахъ. Истинная философія исторіи видитъ, что подъ всѣми этими безчисленными перемѣнами,

среди всего этого хаоса передъ нами находится одна и та же сущность, тождественная и несомнѣнная... Она открываетъ тождественную основу всѣхъ историческихъ фактовъ древнихъ и современныхъ, совершившихся на востокѣ и на западѣ. Всюду, несмотря на все различіе обстоятельствъ, обычаевъ и нравовъ она открываетъ то же человѣчество. Этотъ тождественный элементъ, сохраняющійся неизмѣннымъ при всѣхъ перемѣнахъ, складывается изъ основныхъ свойствъ человѣческаго ума и сердца — множества дурныхъ и немногихъ хорошихъ. Девизомъ исторіи должно было бы быть: eadem sed aliter (то же, но въ другомъ видѣ). Тотъ, кто прочелъ Геродота, достаточно знаетъ исторію, чтобы написать ея философію, такъ какъ уже у Геродота онъ найдетъ все то, что составляетъ послѣдующую исторію: волненія, дѣйствія, страданія и судьбу человѣческаго рода, поскольку все это опредѣляется вышеупомянутыми свойствами и физическимъ строеніемъ земного шара».

Въ третьемъ томѣ нашего «Введенія въ соціологію», посвященномъ *общей структурѣ общества*, мы также кладемъ эти постоянные и всеобщіе законы физики земного шара и физіологіи въ основу соціологическаго закона однородности структуры и жизни всѣхъ отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ. Формула пессимизма: *то же, въ другомъ только видѣ* — если даже признать ее правильной, не только не является отрицаніемъ соціологіи, но напротивъ того оправдываетъ ея законность. Неизмѣняемость представляетъ съ этой точки зрѣнія историческій законъ, и предвидѣніе въ общественной жизни легко осуществимо. Отрицая прогрессъ, эта точка зрѣнія кладетъ прочныя основы для философіи исторіи, но истины мы не найдемъ ни въ теоріи абсолютной измѣняемости, ни въ теоріи абсолютной неподвижности. Всякая соціальная структура измѣнчива, но измѣненія ограничены самой структурой, въ свою очередь опредѣляемой условіями среды. Что касается соціальной физики, то она обнаруживается въ коллективныхъ явленіяхъ, не наблюдаемыхъ у индивидовъ: макрокосмъ не совпадаетъ съ микрокосмомъ. Индивидъ содержится въ обществѣ, какъ клѣтка—въ организмѣ высшаго порядка.

Шопенгауэръ осуждаетъ всякую «попытку разсматривать исторію, какъ цѣлое, имѣющее начало, середину и конецъ, представляющее сцѣпленіе событій и глубокій смыслъ». Но критика его, направленная противъ закона соціальной непрерывности, вытекающаго изъ научнаго детерминизма, несостоятельна; даже оставаясь на Шопенгауэровской точкѣ зрѣнія, признавая, что общественная жизнь всегда остается тождественной, мы должны были бы признать законъ непрерывности, болѣе того—непрерывность стала бы въ такомъ случаѣ абсолютной. Критика Шопенгауэра имѣетъ основаніе только въ той своей части, которая направлена противъ гегельянства; послѣднее Шопенгауэръ ненавидѣлъ какъ личнаго врага. Шопенгауэръ справедливо протестовалъ противъ оптимистическихъ представленій Гегеля о теченіи историческаго

развитія, не имѣющихъ ничего общаго съ научной теоріей эволюціи. Послѣдней не могутъ повредить ожесточенныя нападки Шопенгауэра противъ метафизической доктрины.

Въ дальнѣйшемъ Шопенгауэръ замѣчаетъ, что «исторія имѣетъ то же значеніе для человѣческаго рода, какое разумъ имѣетъ для индивида... Изъ одной только исторіи народъ можетъ почерпнуть самосознаніе». Всякій пробѣлъ въ исторіи есть въ то же время пробѣлъ въ сознаніи. «Исторія — есть непосредственное самосознаніе, общее всему человѣческому роду и превращающее его въ нѣчто цѣлое, — въ человѣчество». Эти замѣчанія противорѣчатъ предыдущему. Кромѣ того, какимъ образомъ можетъ возникать сознаніе — все равно, индивидуальное или коллективное — тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ перемѣнъ? Какъ примирить это съ ролью, которую Шопенгауэръ предназначаетъ разумному сознанію у индивида? «Благодаря разуму, говоритъ онъ, человѣкъ не заключенъ, какъ животное, въ узкія рамки видимаго настоящаго, онъ знаетъ также прошедшее, безконечно болѣе обширное, источникъ настоящаго, стоящаго съ нимъ въ тѣсной связи; это знаніе доставляетъ ему несравненно болѣе отчетливое представленіе о настоящемъ и позволяетъ ему даже строить индукціи относительно будущаго». Но зачѣмъ познавать прошедшее и предугадывать будущее, когда они тождественны съ настоящимъ? И если цѣлая совокупность индивидовъ обладаетъ тѣмъ же индивидуальнымъ сознаніемъ, то не является ли по этому самому это индивидуальное сознаніе сознаніемъ коллективнымъ, въ особенности если оно стоитъ въ тѣсной, непрерывной связи съ прошедшимъ и будущимъ? Строить индукціи относительно будущаго, стоя на почвѣ научнаго опыта—къ этому стремится соціологія, какъ и всѣ науки точныя или могущія стать таковыми. Пессимистическая реакція направлена, такимъ образомъ, только противъ оптимистическаго идеализма, потерпѣвшаго жалкое банкротство и въ теоріи и въ жизни. Эволюція вѣрованій соотвѣтствуетъ общей эволюціи человѣчества. Все равно, носитъ ли она сознательный или даже безсознательный характеръ,—всегда она представляетъ только функцію всей совокупной жизни, въ которую онъ вноситъ регуляризацію, испытывая въ свою очередь вліяніе съ ея стороны. Новѣйшій пессимизмъ имѣетъ поверхностный, мѣстный и частный характеръ; онъ свойственъ отдѣльнымъ общественнымъ классамъ, приближающимся къ упадку или страдающимъ, и свидѣтельствуетъ о совершающемся общественномъ переворотѣ. Онъ грозитъ опасностью только извѣстнымъ общественнымъ органамъ, которымъ предстоитъ исчезнуть или уступить мѣсто высшимъ, спеціальнымъ центрамъ общественной координаціи. Отчасти онъ представляетъ

факторъ, благопріятный прогрессу, такъ какъ онъ указываетъ на бѣдствія, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество, и, такимъ образомъ, идетъ рука объ руку съ новыми положительными теченіями общественной мысли, также исходящими изъ критики существующаго строя, но имѣющими въ виду преобразованіе его.

Итакъ, Шопенгауэръ и его школа сами въ свою очередь представляютъ функцію своей эпохи. Его метафизика борется противъ гегелевскаго оптимизма и противъ гегелевской попытки систематизаціи исторіи. Въ исторіи философскихъ и соціальныхъ ученій пессимизмъ и оптимизмъ играютъ роль снарядовъ, регистрирующихъ движенія общественной жизни, отмѣчающихъ ихъ ритмъ, повышенія и пониженія. Исполняя эту роль, они приводятъ насъ къ болѣе возвышенному міровоззрѣнію, въ которомъ они являются уже не въ качествѣ двухъ, существенно различныхъ и непримиримыхъ, но въ качествѣ сосуществующихъ состояній коллективнаго сознанія, могущихъ слиться въ строѣ непрерывно развивающемся, который не долженъ быть необходимо хорошимъ или дурнымъ, а можетъ быть болѣе или менѣе хорошимъ, болѣе или менѣе дурнымъ въ зависимости отъ условій, при которыхъ совершается смѣна общественныхъ теченій.

Точно также пессимизмъ Герцена является однимъ изъ факторовъ прогресса, тогда какъ пессимизмъ Толстого ведетъ къ смиренію и самоотреченію. Герценъ требуетъ разрыва со старымъ міромъ, Шопенгауеръ—прекращенія жизни на землѣ.

Уже въ «Философіи безсознательнаго» Гартмана *) возрождается оптимистическій эволюціонизмъ, сочетающійся съ абсолютнымъ пессимизмомъ Шопенгауэра при помощи компромисса, основывающагося на роли «безсознательнаго» въ исторіи. Метафизика Гартмана, сильно пропитанная уже современными біологическими и психологическими теоріями, сравнительно съ предшествующими метафизическими теоріями имѣла то преимущество, что могла воспользоваться успѣхами, достигнутыми со времени изданія капитальнаго труда Шопенгауэра въ области естественныхъ и соціальныхъ наукъ, и особенно—въ области исторіи. Гартманъ имѣлъ возможность пользоваться трудами Дарвина, Дюбуа-Реймона, Гельмгольца, Вундта, равно какъ Брандеса, Целлера, Куно-Фишера и др. Система его представляла отчасти возвратъ къ гегельянству, но—гегельянству, обновленному современной наукой. Исторію онъ разсматриваетъ какъ прогрессивное развитіе; сознательная воля индивидовъ не является факторомъ историческаго развитія. Индивиды эгоистичны, но тогда какъ они

---

*) Родился въ 1842 г.; первое изданіе его труда вышло въ 1869 г.

воображаютъ, будто работаютъ ради личныхъ своихъ интересовъ, въ дѣйствительности они работаютъ, сами того не сознавая, ради общаго прогресса. Или инстинктивные импульсы увлекаютъ массу, или же появляются геніи, прокладывающіе новые пути— вотъ два пути, при помощи которыхъ данная идея осуществляется въ извѣстномъ періодѣ: «безсознательное производитъ въ подходящій моментъ генія». Государства, церкви, отдѣльные народы— все это только орудія общаго прогресса, въ основѣ котораго лежитъ развитіе и совершенствованіе мозга: «всякій прогрессъ мысли соотвѣтствуетъ матеріальному совершенствованію органа мысли, причемъ средній уровень совершенства послѣдняго закрѣпляется въ человѣчествѣ благодаря наслѣдственности». Въ томъ же смыслѣ дѣйствуютъ естественный подборъ и борьба между расами. Подобно Ог. Конту, Гартманъ считаетъ средніе вѣка высшей стадіей развитія сравнительно съ греко-римскимъ міромъ, а новые вѣка—высшей стадіей развитія сравнительно съ средними вѣками, греко-римской и восточной цивилизаціей. Такимъ образомъ, Гартманъ возвращается къ представленію о непрерывности прогресса и даже игнорируетъ несомнѣнныя регрессивныя явленія, съ которыми должна считаться даже абстрактная соціальная наука и которыя получаютъ еще бо̀льшую важность при изученіи строенія и жизни отдѣльныхъ народовъ. Пессимизмъ Гартмана—относительный: существующій міръ—лучшій изъ возможныхъ, но еще лучше было бы, если бы онъ не существовалъ совсѣмъ. Онъ признаетъ прогрессъ въ исторіи, но прогрессъ этотъ носитъ ирраціональный характеръ, и послѣдовательные стадіи его—иллюзія. Къ пессимистической школѣ принадлежатъ въ Германіи въ бо̀льшей или меньшей степени— Фрауэнштедтъ, Банзенъ, Дюрингъ, Таубертъ.

«Философія безсознательнаго» не удовлетворила ни послѣдователей стараго гегельянства, отъ котораго она отклонялась впрочемъ болѣе внѣшнимъ образомъ, ни послѣдователей Шопенгауэра, отъ которыхъ она отдѣлялась по многимъ пунктамъ, и особенно—по своимъ воззрѣніямъ на прогрессъ. Кромѣ того она вызвала оживленную полемику со стороны представителей научной философіи, отмѣтившихъ многочисленныя ея ошибки и неточности въ области всѣхъ почти частныхъ наукъ, лишающія прочной основы общіе ея выводы.

Мы можемъ теперь перейти къ изложенію взглядовъ основателя школы положительной философіи. Пополняясь и расширяясь, эти взгляды все болѣе и болѣе будутъ утрачивать характеръ міровоззрѣнія школы и превратятся въ научную философію, могущую лечь въ основу общаго міровоззрѣнія.

Законъ трехъ состояній, честь открытія котораго не принадлежитъ Ог. Конту, но получившій въ его рукахъ болѣе полное развитіе, есть законъ прогрессивной динамики. Мы отмѣтили уже раньше, слѣдуя въ этомъ отношеніи Литтрѐ, что этотъ законъ непосредственно приложимъ исключительно къ эволюціи вѣрованій, и только косвенно можетъ прилагаться къ другимъ группамъ соціальныхъ явленій, поскольку послѣднія стоятъ въ необходимой связи съ первыми. Точно также іерархическая классификація наукъ Конта обнимаетъ только одну сторону исторической и логической эволюціи человѣчества. Объектомъ ея являются исключительно — прогрессивное пріобрѣтеніе и систематизація нашихъ знаній. Какъ законъ трехъ состояній, такъ и іерархическая лѣстница наукъ представляютъ собой частные, а не общіе соціологическіе законы; они не обнимаютъ и не могутъ объяснить всей совокупности общественныхъ явленій. Ог. Контъ выводилъ свою соціологію отчасти изъ законовъ біологіи и физіологіи ума и чувствованій. Къ сожалѣнію, его біологія и психологія были во многомъ ошибочны и не соотвѣтствовали даже научному уровню его эпохи. Кромѣ того, изъ различныхъ группъ общественныхъ явленій, совокупность которыхъ составляетъ предметъ соціологіи, Контъ былъ почти совершенно незнакомъ съ важнѣйшими—съ явленіями экономическими и съ областью права. Неудовлетворительность исходныхъ точекъ и неполнота индукціи ведутъ въ системѣ Ог. Конта ко многимъ неточнымъ выводамъ. Тѣмъ не менѣе, его ученіе представляетъ важнѣйшую философскую систему XIX вѣка: оно возвѣщаетъ наступленіе новой эры, характеризующейся упадкомъ метафизики и торжествомъ научной философіи. Съ этихъ поръ цивилизація не будетъ уже порождать метафизическихъ теорій. Возникновеніе послѣднихъ возможно развѣ только въ эпохи регресса. Роль метафизики кончена. Она свела къ нѣсколькимъ лишеннымъ содержанія сущностямъ миѳологическіе фантомы, вышедшіе въ свою очередь изъ безчисленнаго множества первобытныхъ суевѣрій. Всѣ гипотезы метафизики исчерпаны. Гипотеза превратилась въ орудіе науки. Въ концѣ XIX вѣка, какъ мы увидимъ далѣе, біологія и психологія окончательно войдутъ въ составъ ряда точныхъ наукъ, и различныя частныя общественныя науки получатъ такое развитіе, что станетъ возмсжной постановка на точную почву соціологіи. Попытки воскресить метафизику будутъ лишены теперь оригинальности. Главныя философскія и соціологическія системы носятъ характеръ біологическій и психологическій въ соотвѣтствіи съ неимовѣрнымъ ростомъ этихъ областей знанія. Въ частности соціологія вначалѣ будетъ исходить исключительно изъ біологи-

ческихъ и психологическихъ представленій, и въ этомъ въ послѣдній разъ скажется вліяніе метафизики, субъективнаго и дедуктивнаго метода. Впослѣдствіи, оставаясь въ зависимости отъ всей совокупности наукъ, соціологія откроетъ свой собственный методъ и свои спеціальные законы. Къ этому времени процессъ образованія научной философіи можно считать завершившимся, создается объединяющій центръ для коллективнаго сознанія.

Контъ приписываетъ координирующимъ центрамъ общественной жизни господствующую роль, которая въ дѣйствительности имъ не принадлежитъ. Въ дѣйствительности руководящая роль принадлежитъ органической и безсознательной жизни, которыя формируются сами путемъ накопленія послѣдовательно организующихся пріобрѣтеній вѣкового опыта. Какъ въ общественной, такъ и въ индивидуальной жизни спеціальная задача высшихъ центровъ состоитъ въ координаціи сознательной дѣятельности, не превратившейся еще въ автоматическую или не могущей совсѣмъ превратиться въ таковую. Напротивъ того, по мнѣнію Конта—и этимъ онъ примыкаетъ, самъ того не замѣчая, къ идеализму—міромъ управляютъ идеи и мнѣнія. Но это представленіе носитъ у Конта особый оттѣнокъ; міромъ управляютъ не только живые, но также—и притомъ въ несравненно бо̀льшей мѣрѣ—мертвые, которые вмѣстѣ съ живыми и образуютъ человѣчество.

Какъ справедливо замѣчаетъ Флинтъ, «Ог. Контъ ясно сознавалъ, что прогрессъ отдѣльныхъ отраслей человѣческой дѣятельности нельзя отожествлять съ послѣдовательными историческими эпохами», что «соціальная эволюція есть общее коллективное движеніе»—результатъ взаимодѣйствія отдѣльныхъ частныхъ движеній. Но отыскивая господствующій элементъ, опредѣляющій направленіе этого движенія, онъ находитъ его въ сознаніи и поэтому подчиняетъ исторію общества исторіи человѣческаго ума. Съ той же точки зрѣнія Флинтъ отвергаетъ предложенное Литтрѐ въ видѣ поправки къ закону трехъ состояній дѣленіе исторіи на четыре основныхъ эпохи: эпоху потребностей, эпоху нравственности, эпоху искусства и эпоху науки. Классификація Литтрѐ ничѣмъ не отличается отъ Сенъ-Симоновской, построенной по типу періодовъ индивидуальной жизни и обнимающей: во 1-хъ, періодъ дѣтства, характеризующійся склонностью къ постройкамъ и ручному труду; во 2-хъ, періодъ юности, отличающійся эстетическими стремленіями; въ 3-хъ, періодъ зрѣлости, характеризующійся воинственнымъ настроеніемъ и, наконецъ, въ 4-хъ, періодъ старости, находящій отдохновеніе въ наукѣ.

Подобно Сенъ-Симону, Контъ дѣлитъ исторію цивилизаціи

на періоды органическіе и критическіе, но онъ не кладетъ этого дѣленія въ основу своей философіи исторіи; кромѣ того, онъ допускаетъ въ извѣстныхъ размѣрахъ возможность регресса въ общественной жизни. «Порядокъ и прогрессъ,—съ точки зрѣнія древности казавшіеся явленіями абсолютно-непримиримыми,—теперь, по самой природѣ современной цивилизаціи, становятся все въ бо̀льшей и бо̀льшей степени двумя одинаково важными условіями общественной жизни... Ихъ нельзя отдѣлить одинъ отъ другого, какъ нельзя въ біологіи раздѣлить понятія организаціи и жизни, изъ которыхъ они, какъ показываетъ наука, и вытекаютъ». И однакоже «идеи порядка и прогресса въ *настоящее время* раздѣлены глубокою пропастью. Въ теченіе послѣдняго полу-вѣка, когда ясно обнаружился смыслъ революціоннаго кризиса, переживаемаго современнымъ обществомъ, духъ *реакціи* лежалъ въ основѣ всѣхъ великихъ попытокъ, направленныхъ на сохраненіе порядка, и съ другой стороны всѣ великія прогрессивныя движенія совершались подъ знаменемъ отрицательныхъ доктринъ». Эти замѣчанія примѣнимы «ко *всѣмъ* народамъ Европы, дезорганизація которыхъ совершалась совмѣстно и даже одновременно»... «Современное положеніе становится понятнымъ только тогда, если видѣть въ немъ слѣдствіе и завершающій моментъ борьбы, обнимающей уже цѣлыхъ три столѣтія и имѣющей цѣлью постепенное разложеніе старой политической системы».

Такимъ образомъ, Ог. Контъ, подобно Сенъ-Симону, разсматриваетъ XVI, XVII и XVIII вв. какъ періодъ критическій, по крайней мѣрѣ въ исторіи европейской, а средніе вѣка—какъ періодъ органическій. Итакъ, именно тѣ вѣка, когда создались современныя государства и—что еще важнѣе—современное понятіе о государствѣ, представляютъ періодъ разложенія, а не періодъ органическій... Средніе же вѣка, въ которыхъ дѣйствительно порядокъ не отдѣлялся отъ прогресса по той простой причинѣ, что самое понятіе о прогрессѣ было почти абсолютно утрачено,—средніе вѣка представляютъ періодъ органическій! Ошибка заключалась уже въ самомъ принципѣ подраздѣленія: всякое общественное состояніе предполагаетъ извѣстную организацію, извѣстное равновѣсіе, котораго не могутъ нарушить общественныя перемѣны—необходимое условіе соціальнаго прогресса и регресса. *Соціальная система* существуетъ даже среди первобытныхъ ордъ, разъ онѣ соединены въ общество. Задача соціологіи состоитъ только въ томъ, чтобы опредѣлить, какая изъ двухъ организацій совершеннѣе. Общественные кризисы всегда заключены въ опредѣленныхъ границахъ, за которыми устанавливается новое равновѣсіе. Абсолютно-критической эпохи обще-

ственной жизни не существуетъ: эти термины содержатъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе.

Тѣмъ не менѣе указанія Конта на относительныя историческія заслуги среднихъ вѣковъ заслуживаютъ вниманія. Сходный взглядъ на значеніе среднихъ вѣковъ былъ впрочемъ распространенъ тогда въ романтической и отчасти—реакціонной литературѣ. Не слѣдуетъ забывать, что уже въ началѣ XIX вѣка Шеллингъ и его послѣдователи, особенно Генрихъ Стеффенсъ (1773—1845), возвеличивали средніе вѣка. Средніе вѣка подверглись идеализаціи, и поклонники ихъ, въ томъ числѣ Ог. Контъ, заимствовали у нихъ свой идеалъ общественнаго строя, подчиненнаго умственному руководству, носящему въ значительной степени жреческій характеръ,—являющійся сколкомъ съ средневѣкового папства.

Исходя изъ этой узкой точки зрѣнія, Контъ полагаетъ, что всѣ сдѣланныя послѣ 1789 года попытки преобразованія политическихъ учрежденій имѣли своею цѣлью только ускореніе разложенія послѣднихъ. Прежде чѣмъ практически преобразовать общество, необходимо дать ему мораль, и это должно быть сдѣлано положительной философіей. Замѣчаніе это правильно, поскольку имѣется въ виду методическое преобразованіе общества, совершаемое его сознательными координирующими центрами. Эти реформы должны быть методичны и совершаться подъ руководствомъ общей философской теоріи. Но оно совершенно не примѣнимо къ глубокимъ явленіямъ преобразованія обществъ, совершающимся во всѣхъ обществахъ, представляющимъ результатъ ихъ автоматической и безсознательной жизни подъ вліяніемъ различныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ общественныхъ факторовъ.

Самъ Контъ удачно объяснилъ, какимъ образомъ въ прогрессѣ идей и знаній стали видѣть мѣрило общественнаго прогресса, и это должно было бы предохранить его какъ отъ идолопоклонства передъ средними вѣками, такъ и отъ присвоенія представителямъ ума и нравственности руководящей преобразовательной роли въ человѣческомъ обществѣ.

«Положительный духъ, говоритъ онъ, по своей природѣ всегда прогрессивенъ, такъ какъ онъ безустанно увеличиваетъ сумму нашихъ знаній и устанавливаетъ между ними болѣе точную связь. Обычные примѣры неоспоримаго прогресса всегда заимствуются въ наше время изъ различныхъ положительныхъ наукъ. Съ соціальной точки зрѣнія, раціональная идея прогресса, т. е. непрерывнаго развитія съ постояннымъ и неуклоннымъ стремленіемъ къ опредѣленной цѣли могла возникнуть только благодаря *незамѣтному вліянію* положительной философіи».

Такимъ образомъ, по убѣжденію Конта сознательная идея прогресса принадлежитъ самому послѣднему времени. Изъ этого

одного вытекаетъ уже слѣдствіе, что прогрессивное развитіе обществъ принадлежитъ въ большей своей части области Безсознательнаго. Хотя онъ не высказывается категорически на этотъ счетъ, но изъ теоріи его вытекаетъ, что самый *фактъ* прогресса науки предполагаетъ непрерывное развитіе, такъ какъ, по его мнѣнію, общественный прогрессъ въ совокупности опредѣляется прогрессомъ знаній, идей и взглядовъ, который, по его мнѣнію, непрерывенъ. Несмотря на то, что въ идеалѣ по крайней мѣрѣ онъ признаетъ, такимъ образомъ, законъ непрерывности, тѣмъ не менѣе въ исторіи отдѣльныхъ цивилизацій онъ открываетъ существованіе критическихъ періодовъ разложенія и періодовъ регресса. Существованіе послѣднихъ не противорѣчитъ впрочемъ его теоріи, такъ какъ по взгляду Конта, къ которому мы еще вернемся, разложеніе старыхъ соціальныхъ формъ само по себѣ представляетъ одно изъ условій прогресса; точно то же приложимо и къ регрессу этихъ формъ. Контъ ясно высказывается на этотъ счетъ, говоря о *необходимомъ* упадкѣ грекоримской цивилизаціи: «Этотъ упадокъ, который, если разсматривать всю соціальную исторію, представляетъ несомнѣнный прогрессъ, въ качествѣ необходимой подготовительной ступени къ болѣе совершенному позднѣйшему строю, — не могъ быть оцѣненъ съ этой точки зрѣнія древними, не имѣвшими возможности подозрѣвать даже, что возникнетъ подобный, болѣе совершенный строй». Но вѣдь та же точка зрѣнія приложима къ тремъ послѣднимъ вѣкамъ, которые Контъ предаетъ анаѳемѣ!

До Конта и нѣкоторое время послѣ него, въ сочиненіяхъ Кэтле и Дрэпера господствуетъ біологическій, индивидуалистическій взглядъ на общество. Общественную эволюцію отождествляютъ съ различными періодами индивидуальной жизни. Контъ разсматриваетъ прогрессъ, какъ развитіе порядка, т. е. организаціи. Для насъ интересна эта основная его идея, тогда какъ самое представленіе его объ этой грядущей организаціи для насъ представляетъ мало интереса. Впослѣдствіи ту же идею будетъ развивать Стюартъ Милль въ «представительномъ правленіи», а великіе историки Бокль и Гротъ приложатъ методъ и теорію учителя къ изученію древнихъ и новыхъ вѣковъ.

За исключеніемъ этого органическаго взгляда на общество, который впрочемъ развивала уже и нѣмецкая метафизика и намѣтилъ уже Аристотель, ученіе Ог. Конта о непрерывномъ и закономѣрномъ прогрессѣ примыкаетъ къ взглядамъ Кондорсэ и Тюрго, также усматривавшихъ въ прогрессѣ человѣческихъ знаній мѣрило общественнаго прогресса. Подобно Канту, Ог. Контъ считаетъ, что данное состояніе общества обусловлено предше-

ствующимъ состояніемъ, съ которымъ оно связано, какъ слѣдствіе съ причиной, и этотъ законъ соціальной непрерывности прилагается имъ къ соціальной динамикѣ: «Всякое изъ послѣдовательныхъ состояній общества представляетъ необходимый результатъ предшествующаго состоянія и двигатель настоящаго»— это положеніе обще всѣмъ научнымъ соціальнымъ теоріямъ и въ связи съ успѣхами біологіи и психологіи, начиная съ Ог. Конта, производитъ переворотъ въ философіи XIX вѣка. Этотъ переворотъ былъ впрочемъ подготовленъ метафизикой, которая въ послѣднее время принуждена была—подобно тому какъ нѣкогда богословіе—уступать по частямъ прежнюю свою область наукѣ, по мѣрѣ того какъ наиболѣе сложныя отрасли человѣческаго знанія становились на строго-научную почву.

Интересна также въ системѣ Конта его лѣстница человѣческаго прогресса,—теорія субъективная, выведенная, какъ и соціологическое его ученіе, изъ ошибочной теоріи человѣческихъ способностей. Тѣмъ не менѣе эта лѣстница даетъ въ общихъ чертахъ вѣрную, хотя и крайне несовершенную еще классификацію общественнаго прогресса въ области матеріальной, физической, умственной и нравственной.

Послѣ неудачи революціоннаго движенія во Франціи и въ Европѣ философія, какъ мы видѣли, впадаетъ въ пессимизмъ или придаетъ новый обликъ остаткамъ старыхъ системъ, гибнущихъ среди общаго равнодушія. Возникаютъ странныя амальгамы философскихъ ученій, носящія соціалистическую окраску, причемъ создателями ихъ являются сильные діалектики, на которыхъ въ очень слабой степени отразилось вліяніе метафизики— Прудонъ и Эм. де-Жирарденъ.

«Философія прогресса» Прудона (1853), въ которой онъ сводитъ прогрессъ на движеніе, представляетъ одно изъ наименѣе удачныхъ произведеній великаго мыслителя, очистившаго соціалистическія теоріи отъ всякихъ утопій и поставившаго ихъ на прочную почву внимательнаго наблюденія общественной дѣйствительности. Оставаясь въ качествѣ философа и теоретика далеко позади Конта, Прудонъ несравненно счастливѣе послѣдняго въ приложеніи своей теоріи, и что еще важнѣе—ведетъ энергическую борьбу противъ «абсолютнаго», которую Контъ велъ только въ области философіи. Прудонъ распространяетъ эту борьбу на всѣ отрасли общественной жизни. Онъ борется не только противъ первыхъ и конечныхъ причинъ въ философіи, онъ сражается противъ абсолютнаго также въ области политической экономіи и политики. Политическій строй Конта все еще носилъ властный, іерархическій характеръ. Съ точки зрѣнія Прудона, болѣе

отвѣчающей современнымъ общественнымъ условіямъ, политическій строй представляетъ собой только функцію организованнаго общества, служащую интересамъ послѣдняго. И такое представленіе являлось уже крупнымъ шагомъ впередъ во взглядахъ на политическую власть и общественный строй. Мы должны поэтому отмѣтить его въ нашемъ очеркѣ. По Прудону

«прогрессъ въ *чистомъ*, не эмпирическомъ смыслѣ слова, обозначаетъ собой движеніе идеи, *процессъ*, врожденное, самопроизвольное, неудержимое и неистребимое движеніе, являющееся для духа тѣмъ же, чѣмъ является тяготѣніе для матеріи (я исхожу здѣсь изъ общераспространеннаго представленія, будто духъ и матерія, разсматриваемая безъ движенія, представляютъ собой нѣчто), и проявляющееся главнымъ образомъ въ развитіи обществъ, — въ исторіи. Такъ какъ сущность духа есть движеніе, то отсюда слѣдуетъ, что истина, т. е. реальность, въ природѣ и въ цивилизаціи, представляетъ явленіе историческое, подвержена прогрессу, эволюціи, метаморфозамъ. Вѣчны и неизмѣнны только *законы* этого движенія, изученіе которыхъ представляетъ объектъ логики и математики. Обычно,—среди толпы ученыхъ и невѣждъ,—подъ прогрессомъ понимаютъ только успѣхи утилитарные и матеріальные. Накопленіе изобрѣтеній, умноженіе машинъ, ростъ общаго благосостоянія, — пожалуй еще распространеніе просвѣщенія и прогрессъ методовъ, — однимъ словомъ, ростъ матеріальнаго богатства и причастность все увеличивающагося круга людей къ наслажденіямъ матеріальнымъ и умственнымъ,—къ этому сводится приблизительно, по ихъ мнѣнію, прогрессъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что все это входитъ въ область прогресса, и философія была бы безполезна и близорука, если бы она оставила безъ вниманія *улучшеніе физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ условій жизни самаго многочисленнаго и бѣднѣйшаго класса населенія* (такъ гласитъ формула Сенъ-Симона), но все это въ совокупности даетъ только крайне ограниченное представленіе о прогрессѣ, представляетъ его символъ, образъ, болѣе того — продуктъ; съ философской точки зрѣнія такая идея прогресса не имѣетъ никакой цѣнности».

Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Прудонъ часто облекаетъ въ метафизическую рамку свои идеи вполнѣ положительнаго характера. Метафизика является у него, впрочемъ, въ роли артистическаго орнамента и напоминаетъ современныя украшенія, заимствующія свои формы у древней миѳологіи и въ то же время служащія только невиннымъ выраженіемъ современнаго вкуса и моды. Но въ данномъ случаѣ благодаря метафизической формулѣ тонкій діалектикъ упустилъ изъ виду, что прогрессъ — сложное понятіе и сложный фактъ, что частные успѣхи въ различныхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности представляютъ не *продуктъ*, а составные факторы сложнаго цѣлаго, въ общемъ именуемаго прогрессомъ. Примыкая къ эволюціоннымъ біологическимъ теоріямъ, которыя впослѣдствіи преобразовали соціологію, Прудонъ прибавлетъ:

«Прогрессъ есть утвержденіе всеобщаго движенія, а слѣдовательно — отрицаніе всякой неподвижной формы и формулы, всякаго ученія о вѣч-

ности, неподвижности, непогрѣшимости какого бы то ни было существа, отрицаніе всякаго вѣчнаго порядка, не исключая даже порядка мірового,— отрицаніе всякаго субъекта или объекта, эмпирическаго или трансцендентальнаго, который не подвергался бы измѣненіямъ».

Но и въ этой формѣ его воззрѣніе сохраняетъ примѣсь абсолютнаго; изгоняя абсолютное изъ статики, онъ переноситъ его въ динамику и забываетъ, что въ самихъ измѣненіяхъ существуетъ извѣстный порядокъ и соподчиненность. Въ соціальной области, въ виду того, что историческій опытъ доказываетъ несовмѣстимость принциповъ власти и прогресса, онъ требуетъ постановки экономической точки зрѣнія—идеи синтетической и положительной—на мѣсто политической: «результатомъ такой перемѣны будетъ замѣна механизма политической власти организаціей экономическихъ силъ».

Идея эта, при всей своей глубинѣ, формулирована невѣрно: организація экономическихъ силъ не требуетъ *уничтоженія* механизма политической *власти*, а только превращенія послѣдней въ *функцію*, т. е. сокращенія размѣровъ абсолютизма въ экономической и политической области, рядомъ съ прогрессивнымъ ослабленіемъ его въ области философскихъ вѣрованій. Кромѣ того, Прудонъ исповѣдывалъ оптимизмъ — тотъ мужественный оптимизмъ, который является однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ союзниковъ бойца. Онъ полагалъ, что прогрессъ съ настоящаго времени вполнѣ обезпеченъ. Нѣтъ ни варваровъ, ни новыхъ мистическихъ ученій, которые могли бы возродить къ жизни феодализмъ или клерикализмъ. Политическая экономія и представительство интересовъ, которое займетъ мѣсто всеобщей подачи голосовъ, вывело насъ изъ круга, въ которомъ прежде вращалось человѣчество. Можно только пожелать, чтобы предсказаніе Прудона исполнилось. Не будемъ однако же забывать, что возникновеніе новаго, экономическаго феодализма даже помимо всякихъ варваровъ и новыхъ мистическихъ ученій въ состояніи подвергнуть опасности всѣ величайшія соціальныя пріобрѣтенія прогресса новаго времени. Въ Римѣ возникъ феодализмъ еще задолго до нашествія варваровъ и до христіанства. Послѣдніе были только союзниками глубокой экономической эволюціи. Оптимизмъ Прудона стоитъ въ тѣсной связи съ содержащимися въ его міровоззрѣніи остатками метафизики. Нѣкоторое родство связываетъ его съ Гераклитомъ и Гегелемъ: философія прогресса, кладя въ свою основу движеніе, примиряетъ всѣ системы, показывая, что всякое положеніе содержитъ въ себѣ истину, съ тѣмъ однако же условіемъ, что въ противоположномъ положеніи также содержится истина. То и другое примиряется въ общемъ синтезѣ.

Почти одновременно съ Прудономъ написалъ обстоятельное сочиненіе о прогрессѣ Жавари (1820—1856), ученикъ Кузена, отклоняющійся однакоже отъ послѣдняго въ частныхъ выводахъ. При посредствѣ философіи Гегеля онъ примиряетъ метафизику и доктринерство Кузена съ философіей Прудона. Это одна изъ послѣднихъ попытокъ связать настоящее съ прошедшимъ. Новыя ученія и вѣрованія стояли уже только въ формальной связи съ старой философіей, содержаніе цѣликомъ измѣнилось.

Въ 1864 году Одиссей Баро выпустилъ въ свѣтъ «Письма о философіи исторіи». Это — блестяще написанное, но лишенное всякаго научнаго значенія произведеніе, содержащее въ себѣ нѣсколько громкихъ, эффектныхъ, но недоказанныхъ формулъ, въ такомъ родѣ: «Міръ колеблется между двумя системами обществъ: обществами простыми и сложными, естественными національностями и искусственными аггломератами; между народами, имѣющими границы и лишенными таковыхъ, между системой маленькихъ государствъ и великихъ имперій». Эти системы періодически чередуются, и историческій прогрессъ сводится въ общемъ къ періодическому возврату тѣхъ же идей. Книжка представляетъ интересъ историческій и психологическій, только какъ одно изъ свидѣтельствъ безсодержательности экономической и политической реакціи эпохи. Опять отрицался прогрессъ, и опять всплыла на поверхность идея о круговомъ движеніи, которая въ области экономической и политической давала оправданіе всякимъ подлостямъ, крестовымъ походамъ подъ знаменемъ національной идеи и завоевательнымъ войнамъ.

«Теорія прогресса» Феррона, первый томъ которой вышелъ въ 1867 году, представляетъ трудъ болѣе добросовѣстный и ученый. Теорія Феррона представляетъ комбинацію ученія Вико, по которому исторія распадается на фазы: божественную, героическую и человѣческую, съ ученіемъ Сенъ-Симона о чередованіи критическихъ и органическихъ періодовъ.

Что касается «Философіи исторіи» Фр. Лорана (1870), то мы имѣемъ здѣсь передъ собой, какъ справедливо замѣчаетъ Флинтъ, — теодицею. Капитальнымъ недостаткомъ ея является полное незнакомство автора съ природой и требованіями научнаго метода. Въ своемъ восемнадцати-томномъ трудѣ онъ совершенно игнорируетъ эволюцію экономическую, эстетическую и научную, и этого пробѣла не въ состояніи заполнить его теорія объ имманентности Бога въ исторіи. Бельгійскій философъ не можетъ, вдобавокъ, несмотря на долгія и старательныя свои усилія, примирить эту старую гипотезу съ другой, не менѣе древней гипотезой — о человѣческой свободѣ. Теорія прогресса Ло-

рана, вышедшая въ свѣтъ послѣ «Соціальной физики» (1837) его соотечественника Кэтле *), представляетъ прекрасный примѣръ философскаго регресса, не смотря на демократическія тенденціи Лорана, писателя скорѣе плодовитаго, чѣмъ глубокаго. Это—свободомыслящій Боссюэтъ, лишенный величія и краснорѣчія послѣдняго и не находящій оправданія въ условіяхъ эпохи, такъ какъ онъ писалъ не во времена Людовика XIV и не въ XVII вѣкѣ. Его упорное трудолюбіе и эрудиція доставятъ однакоже вѣроятно нѣкоторую долговѣчность его компиляціи. Вѣра Лорана въ прогрессъ религіозный, нравственный и особенно въ прогрессъ международныхъ отношеній предвѣщаетъ близкое окончаніе временъ второй имперіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что книга Лорана воскресила много надеждъ, укрѣпила многихъ малодушныхъ. Съ философской точки зрѣнія ученіе объ имманентности Бога въ исторіи человѣчества предвѣщаетъ самоуправленіе человѣчества въ предѣлахъ, создаваемыхъ его структурой и условіями окружающей среды.

Выходъ въ свѣтъ «Происхожденія видовъ» Ч. Дарвина въ 1859 году, дальнѣйшіе труды его самого и его школы, затѣмъ успѣхи физіологической психологіи во второй половинѣ XIX вѣка оказали благодѣтельное и рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе соціологіи. Любопытнымъ доказательствомъ взаимодѣйствія всѣхъ наукъ другъ на друга является тотъ фактъ, что естественный подборъ и начало наслѣдственности не только были подмѣчены въ соціальной жизни, но и легли въ основу юридической практики и обычнаго права задолго до того, какъ они были признаны основными законами біологіи. До этихъ поръ біологія и психологія являлись слабыми мѣстами въ системѣ положительной философіи. Рѣшительные успѣхи этихъ двухъ наукъ упрочили зданіе, воздвигнутое Ог. Контомъ, и доказали правильность общаго его плана. Ученіе объ измѣнчивости, наслѣдственности и эволюціи занимали уже подобающее мѣсто въ философіи Конта; но теорія естественнаго подбора, дающая общее объясненіе происхожденія видовъ, у него еще отсутствовала. Съ другой стороны, въ соціологіи послѣдователи Дарвина съ ихъ преувеличеніями и узкими утвержденіями, представляющими результатъ вывода, а не наблюденія, прилагали законъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе въ интересахъ эгоистическаго индивидуализма, выводя его изъ области безсознательной жизни и распространяя на жизнь общественныхъ организмовъ. Эта ошибочная точка зрѣнія не могла не наложить отпечатка на представленія объ общественномъ прогрессѣ и регрессѣ. Въ дальнѣй-

---

*) *Ad. Quetelet*, de physique sociale, I изд.--1837, II—1869.

шемъ нашемъ историческомъ обзорѣ мы встрѣтимъ нѣкоторыя изъ этихъ теорій, отмѣтимъ послѣдніе остатки метафизики въ соціологіи и изложимъ содержаніе болѣе важныхъ трудовъ, посвященныхъ описанію дѣйствительной исторической эволюціи и ея законамъ.

Мы можемъ однакоже теперь же отмѣтить, что ни новая біологія, ни психологія ни въ чемъ не подорвали силы основныхъ принциповъ положительной философіи и въ особенности ея методовъ. Напротивъ того, мы можемъ утверждать, что всѣ будущіе успѣхи соціологіи будутъ навѣрное совершаться въ томъ же направленіи, съ все бо̀льшей и бо̀льшей непрерывностью. Исключеніе могутъ представить только эпохи общественнаго регресса, когда одновременно будетъ совершаться регрессъ вѣрованій и ученій.

Дж. Стюартъ Милль (1809—1874) и по вопросу о прогрессѣ, какъ и въ политической экономіи, политикѣ и философіи вообще, занимаетъ переходное мѣсто между новыми, возникающими и исчезающими старыми теоріями. Въ его лицѣ политическая экономія примыкаетъ къ соціализму, въ наукѣ о правленіи выдвигается на первый планъ самоуправленіе при помощи народнаго представительства, а англійская философія, сохраняя свои оригинальныя черты, частью самостоятельно, частью подъ вліяніемъ Ог. Конта превращается въ научную философію.

Взгляды Стюарта Милля на прогрессъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, напоминаютъ взгляды Тюрго, Кондорсэ и Конта. Милль также исходитъ изъ субъективнаго на самомъ дѣлѣ представленія, что идеи и мнѣнія управляютъ обществами, а не общества создаютъ свои вѣрованія, вносящія только извѣстную правильность въ нѣкоторыя стороны дѣятельности первыхъ. По мнѣнію Милля, исторія и законы человѣческой природы согласно доказываютъ, что среди дѣятелей соціальнаго прогресса главное мѣсто занимаютъ умозрительныя способности человѣка, воплощающіяся въ особенно сильной степени въ извѣстныхъ личностяхъ. Вліяніе этого дѣятеля есть опредѣляющая причина общественнаго прогресса: «всѣ прочія черты нашей природы, содѣйствующія прогрессу, стоятъ въ зависимости отъ этого принципа и заимствуютъ отъ него средства для осуществленія своей роли...» Политеизмъ, іудаизмъ, христіанство, протестантизмъ, критическая философія новаго времени и положительная наука—вотъ главные факторы общественнаго строя въ каждую изъ соотвѣтствующихъ эпохъ. Само же общество является только въ отдаленной степени орудіемъ образованія этихъ факторовъ, изъ которыхъ каждый—по скольку вообще можно отыски-

вать ихъ причину—представляетъ собой продуктъ не практической жизни эпохи, а предшествующаго строя мнѣній и вѣрованій («Система Логики»). Стюартъ Милль вѣритъ также въ безграничный прогрессъ, въ постепенное исчезновеніе нищеты, невѣжества, порока и страданій.

На долю А. Р. Уоллэса выпала честь совмѣстнаго съ Дарвиномъ преобразованія біологіи. Но Уоллэсъ обладалъ меньшей философской глубиной, и его произведенія носятъ на себѣ черты переходнаго времени, когда наука, освобождающаяся отъ метафизики и имѣющая своимъ назначеніемъ окончательно ее вытѣснить, все еще находится подъ вліяніемъ метафизики. По Уоллэсу, географическое распредѣленіе видовъ стоитъ въ связи съ геологическими измѣненіями. Разновидности естественно стремятся удалиться отъ первоначальнаго типа. Доктринеры борьбы за существованіе крайне ошибочно поняли принципъ естественнаго подбора въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ изложенъ Дарвиномъ и Уоллэсомъ. Уоллэсъ удачно отмѣчаетъ черты, отличающія человѣка цивилизованнаго отъ первобытнаго и животныхъ: это—общественная жизнь, кооперація, солидарность, раздѣленіе труда, коллективныя учрежденія, дѣлающія возможнымъ и обезпечивающія сохраненіе слабыхъ, и развивающія нравственныя и умственныя качества, не вопреки законамъ естественнаго подбора, но въ полномъ согласіи съ ними, такъ какъ они обезпечиваютъ извѣстныя выгоды за народами, обладающими этими качествами. Человѣкъ, особенно въ обществѣ, лучше противодѣйствуетъ видоизмѣняющимъ вліяніемъ среды, что̀ позволило ему сохранить почти въ неизмѣненномъ видѣ его физическую организацію; подборъ проявляется у него, главнымъ образомъ, въ области умственной, нравственной и общественной. Человѣческія расы произошли повидимому отъ одного вида и возникли въ тѣ отдаленныя эпохи, когда человѣкъ, подобно животнымъ, подвергался видоизмѣняющему вліянію среды. Въ будущемъ видоизмѣненію будутъ подвергаться у человѣка преимущественно голова и лицо, форма которыхъ стоитъ въ тѣсной связи со степенью умственнаго развитія, затѣмъ волоса, общія пропорціи тѣла и степень устойчивости организма по отношенію къ болѣзнямъ. Во всякомъ случаѣ подборъ никогда не приведетъ къ абсолютному совершенству, а только къ относительному.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи у Уоллэса начинаетъ выступать метафизика, ищущая себѣ оправданія въ томъ, что наука не въ состояніи въ настоящее время объяснить нѣкоторыхъ явленій. Извѣстный общественный строй предполагаетъ соподчиненность всѣхъ его частей, и даже люди науки не въ состояніи избѣгнуть

общаго закона всѣхъ вѣрованій, требующаго, чтобы послѣднія представляли одно—связанное или не связанное логически—цѣлое. Не избѣжалъ этого и Уоллэсъ. Находя, что естественнаго подбора недостаточно, чтобы объяснить нѣкоторые изъ замѣченныхъ имъ фактовъ, напр. развитіе мозга у дикаря, превышающее его потребности, отсутствіе волосъ на бо̀льшей части тѣла, утрату способности хватанія нижними конечностями, строеніе гортани и даже умственное и нравственное совершенствованіе—Уоллэсъ полагаетъ, что эти непонятные для него факты объяснимы только въ томъ случаѣ, если приписать ихъ первой, разумной, провидящей, высшей причинѣ. Тогда какъ, исходя изъ тѣхъ же научныхъ данныхъ, Геккель приходитъ къ научному монизму, Уоллэса они приводятъ къ дуализму: переходъ отъ явленій физіологическихъ къ явленіямъ мысли представляется ему невозможнымъ. Впрочемъ въ то же время онъ отожествляетъ матерію и силу и приходитъ къ выводу, что весь матеріальный міръ сводится къ силамъ или къ силѣ, и что эту силу можно въ свою очередь отожествить съ волей; «такимъ образомъ вселенная не только зависитъ отъ воли высшаго или верховнаго разума, но міръ есть эта самая воля». Самъ того не подозрѣвая, Уоллэсъ возвращается слѣдовательно къ Шопенгауэру. Этотъ эпизодъ въ исторіи великой научной реформы, однимъ изъ иниціаторовъ которой онъ былъ, имѣетъ только историческое значеніе.

Вначалѣ мы указали, на какой широкой точкѣ зрѣнія стоялъ Уоллэсъ, прилагая принципъ естественнаго подбора къ общественнымъ явленіямъ. Въ противоположность Уоллэсу, Бэджготъ, прилагая дарвиновскую теорію къ соціологіи, обнаруживаетъ узость мысли и упускаетъ изъ виду тѣ особенности соціальной жизни, благодаря которымъ естественный подборъ укрѣпляетъ альтруистическія чувства въ обществѣ. Эта банальная, животная точка зрѣнія выступила впрочемъ на первый планъ въ произведеніяхъ цѣлой литературной школы, которая изъ великой теоріи Дарвина усвоила себѣ только представленіе о борьбѣ за существованіе и примѣнила эту формулу къ общественной жизни и даже къ искусству, отсѣкая отъ послѣдняго то, что̀ составляло его величіе и красоту.

Бэджготъ устанавливаетъ три основныхъ закона развитія обществъ:

1) Во всякій данный моментъ болѣе сильныя націи стремятся получить преобладаніе надъ прочими, а при извѣстныхъ частныхъ условіяхъ сильнѣйшія націи стремятся также стать лучшими націями.

2) Во всякой націи, взятой въ отдѣльности, тотъ типъ или тѣ

типы характера, которые въ данной мѣстности или въ данную эпоху являются наиболѣе привлекательными, стремятся получить преобладаніе, и наиболѣе привлекательный характеръ, за нѣкоторыми исключеніями, мы считаемъ лучшимъ характеромъ.

3) Интенсивность этого соперничества между націями и типами характера при большей части историческихъ условій не усиливалась внѣшними моментами; при нѣкоторыхъ условіяхъ однакоже,—и такія условія преобладаютъ въ настоящее время въ наиболѣе вліятельной части міра—интенсивность того и другого была усилена внѣшними моментами.

Несмотря на ихъ догматичность и кажущуюся глубину, формулы эти лишены внутренней цѣнности. Никто никогда не сомнѣвался, что сильнѣйшіе и лучшіе характеры и группы стремятся къ преобладанію. Вопросъ въ томъ, какіе изъ этихъ типовъ и группъ являются лучшими и самыми сильными,—въ чемъ состоитъ мѣрило прогресса?

Переходя къ рѣшенію этого вопроса, Бэджготъ только распространяетъ условія животнаго естественнаго подбора на явленія умственной и даже общественной жизни. «Прогрессъ военнаго искусства, по его мнѣнію, представляетъ замѣчательнѣйшій фактъ человѣческой исторіи». Что касается всего остального, то «цивилизація древнихъ можетъ во многихъ отношеніяхъ выдержать сравненіе съ цивилизаціей новаго времени; можно даже привести убѣдительные доводы въ пользу превосходства первой».

«Одно изъ предварительныхъ условій, необходимыхъ для того, чтобы одна нація получила перевѣсъ надъ прочими, состоитъ въ переходѣ отъ перваго періода цивилизаціи ко второму, отъ періода нуждающагося главнымъ образомъ въ постоянствѣ къ періоду нуждающемуся главнымъ образомъ въ измѣнчивости». Римъ подъ толстымъ слоемъ своего права сохранялъ зародышъ измѣнчивости; если бы связующіе элементы въ немъ слишкомъ ослабли, ему угрожало бы паденіе. Обѣ эти черты должны проявляться въ военномъ могуществѣ. Еврейскій народъ погибъ отъ того, что легальная основа его жизни и присущая ему способность къ измѣнчивости, имѣя прогрессивный характеръ, въ то же время не воплощались въ военной силѣ. Превосходство тевтоновъ, грековъ и римлянъ объясняется тѣмъ, что существовавшія у нихъ народныя собранія поддерживали принципъ измѣнчивости рядомъ съ военной дисциплиной. Доказательствомъ прогресса является тотъ фактъ, что низшіе народы, которые нѣсколько столѣтій тому назадъ могли жить бокъ-о-бокъ съ нами, теперь вытѣсняются нами Подобно Г. Спенсеру, Бэджготъ разсматриваетъ прогрессъ какъ все болѣе и болѣе совершенное приспо-

собленіе къ средѣ. Но является ли въ самомъ дѣлѣ главнѣйшимъ факторомъ этого приспособленія военное искусство? Нѣтъ ли другихъ, болѣе глубокихъ причинъ прогресса и упадка обществъ? Какъ и въ финансовой наукѣ, Бэджготъ ограничивается разсмотрѣніемъ поверхностныхъ явленій. Его соціологическое сочиненіе, какъ и трудъ его о Ломбардъ-стритѣ, не даютъ того, что́ обѣщаютъ ихъ заглавія. Книга Бэджгота любопытна только какъ свидѣтельство вліянія, которое оказали новыя біологическія теоріи на соціальную науку. Къ сожалѣнію, всякій вновь вводимый элементъ всегда стремится присвоить себѣ полную гегемонію. Съ теченіемъ времени различные элементы классифицируются, всякій элементъ и всякая идея получаютъ свое мѣсто. То же случилось и съ принципомъ естественнаго подбора. Сдѣланы были попытки вывести изъ него всю соціальную науку, не понявши даже этого принципа во всемъ его объемѣ. Перестали даже наблюдать, такъ какъ нашли, что несравненно легче разсуждать.

Отъ послѣдняго упрека совершенно свободенъ С. Г. Сомнеръ-Мэнъ. Это—наблюдатель изъ великой школы Монтескье, представителями которой въ текущемъ столѣтіи были Ог. Тьерри, Фюстель-де-Куланжъ, Момсенъ и др. Авторъ многочисленныхъ замѣчательныхъ трудовъ въ области права и политики грѣшитъ въ другомъ направленіи. Конечно, онъ—эволюціонистъ и, за исключеніемъ развѣ Эм. де Лавелэ, больше кого бы то ни было своими трудами о первобытныхъ общественныхъ формахъ повліялъ на преобразованіе нашихъ понятій объ основныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Но Мэна слишкомъ мало коснулись успѣхи, достигнутые въ наше время біологіей и психологіей. Онъ не проникаетъ въ глубь общественныхъ явленій, не идетъ, въ сущности, далѣе учрежденій политическихъ. Главное, что̀ его поражаетъ, это—энергія законодательной дѣятельности въ теченіе послѣдняго полувѣка, т. е. со времени великой англійской избирательной реформы 1832 года. Эта энергія законодательной дѣятельности съ выгодой для страны замѣняетъ дѣятельность революціонную; это въ сущности—непрерывная революція. Но явленіе это не имѣетъ всеобщаго характера. Культъ перемѣнъ ограничивается ничтожной частью человѣческаго рода и новѣйшимъ временемъ. Несравненно болѣе общимъ, преобладающимъ фактомъ является, напротивъ того, постоянство обычаевъ, привычекъ, манеръ, даже модъ, «такъ что мы склонны иногда думать, что мода проходитъ черезъ циклы формъ, безпрестанно повторяющихся». Что касается современнаго научнаго прогресса, Мэнъ признаетъ его безспорнымъ. Но наука не вліяетъ необходимымъ образомъ на законодательство. Послѣднее проявляется

главнымъ образомъ при народномъ правленіи, но законодательство не всемогуще. Подобно тому, какъ органическая жизнь можетъ существовать только при извѣстныхъ степеняхъ температуры, такъ и человѣческое общество можетъ подвергаться законодательныхъ перемѣнамъ только до извѣстныхъ предѣловъ. Руссо и Сійэса во Франціи, Іеремію Бентама въ Англіи Мэнъ считаетъ радикальными сторонниками предоставленія законодательной власти демократіи. Это не совсѣмъ точно, особенно относительно Руссо, который въ принципѣ не признавалъ представительнаго режима. Кромѣ того, Мэнъ останавливается на поверхности исторіи, приписывая индивидуальнымъ факторамъ такія перемѣны, глубокія причины которыхъ лежатъ въ экономической и нравственной организаціи обществъ. Вполнѣ естественно, что дѣятельность законодательства энергичнѣе не только въ демократическомъ, но даже либеральномъ обществѣ, чѣмъ въ олигархіи и абсолютной монархіи; и если въ первомъ больше разсуждаютъ и законодательство играетъ болѣе видную роль, то это происходитъ отъ того, что центры координаціи, въ которыхъ совершается коллективная мозговая работа, стали необходимыми органами благодаря высшей сложности структуры и дѣятельности общества. Ни Руссо, ни другіе мыслители не виноваты въ этомъ. Они могли только наблюдать и вносить извѣстную правильность въ необходимымъ образомъ совершавшееся преобразованіе и прогрессъ. Отмѣтимъ кстати, что Бентамъ отрицалъ существованіе естественныхъ правъ, и что критеріемъ и цѣлью прогресса онъ считалъ счастіе возможно бо̀льшаго числа людей. Поэтому и верховную власть онъ долженъ былъ предоставить возможно бо́льшему числу людей. Но если идеи благопріятствовали развитію демократическихъ учрежденій, то въ свою очередь эти идеи возникли благодаря совокупности условій, образующихъ общественную жизнь и вызывавшихъ потребность въ демократическихъ учрежденіяхъ еще прежде, чѣмъ эта потребность вылилась въ теорію. Въ забвеніи глубокихъ причинъ соціальныхъ преобразованій, забвеніи, зависящемъ отъ недостаточнаго знакомства Мэна съ естественными науками, лежитъ слабая сторона трудовъ этого выдающагося соціолога. Въ настоящее время невозможна никакая теорія прогресса, не опирающаяся на данныхъ физическихъ и естественныхъ наукъ. Если бы Мэнъ имѣлъ хотя бы самое смутное представленіе объ организмѣ, онъ не писалъ бы, что «нормальное или естественное состояніе человѣчества (насколько вообще можно говорить объ естественномъ состояніи) ни въ коемъ случаѣ не есть состояніе прогресса; это—состояніе устойчивости, а не неустойчивости.

«Неподвижность общества—правило, подвижность—исключеніе». Великій юристъ, подобно Лавелэ не считавшій возможнымъ разсматривать общество какъ организмъ, не могъ поэтому возвысится до представленія о неустойчивомъ равновѣсіи, которое и есть—жизнь.

Не обладая обширными юридическими и политическими познаніями Мэна, Б. Киддъ *) болѣе близокъ къ научному духу эпохи. Онъ прилагаетъ къ соціологіи принципъ естественнаго подбора, но отводитъ слишкомъ мало мѣста, даже въ исторіи возникновенія первыхъ цивилизацій, общественному чувству, оказывавшему во многихъ случаяхъ сильное вліяніе на развитіе и сохраненіе обществъ. Прогрессъ съ первыхъ дней исторіи до настоящаго дня Киддъ разсматриваетъ, какъ результатъ подбора и вымиранія слабѣйшихъ. Подборъ—всеобщій законъ, прогрессъ—необходимое его слѣдствіе. Подборъ соціологическій отличается только тѣмъ, что среди человѣчества подборъ совершается между членами одного и того же вида: *прогрессъ однихъ достигается благодаря регрессу другихъ*. Мы, напротивъ того, убѣждены, что прогрессъ одного благопріятствуетъ прогрессу другихъ, и только случайно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, регрессъ однихъ благопріятствуетъ общественному развитію. Киддъ полагаетъ, что количество регрессировавшихъ формъ въ сравненіи съ количествомъ прогрессировавшихъ неизмѣримо велико. Онъ отмѣчаетъ впрочемъ, что въ исторіи человѣчества мы встрѣчаемся съ двумя новыми элементами или силами, не находимыми въ органическомъ мірѣ: съ разумомъ и общественнымъ чувствомъ. Тѣмъ не менѣе, война, соперничество на военномъ поприщѣ сызначала были факторомъ прогресса. Является однакоже вопросъ, какъ могло бы происходить это соперничество безъ успѣховъ промышленности, обезпечивающихъ военное превосходство, да и не является ли сама война проявленіемъ въ самой грубой формѣ инстинкта общественнаго самосохраненія, опирающагося на общественное чувство? Общественная организація, говоритъ Киддъ, была слѣдствіемъ тѣхъ выгодъ, которыя она давала въ борьбѣ за существованіе. Правильнѣе было бы сказать, что преимущества, доставленныя ею въ борьбѣ за существованіе, были результатомъ тѣхъ выгодъ, которыя доставляла общественная организація: дедуктивный методъ, прилагаемый авторомъ къ соціологіи, представляетъ, какъ видитъ читатель,—нѣсколько опасное орудіе. Такимъ образомъ, Киддъ распространяетъ принципъ естественнаго подбора въ самомъ узкомъ его смыслѣ не только на первобытныя

*) Benj. Kidd, *Social evolution*, London 1894.

общества, но и на древнія цивилизаціи, средніе вѣка и новѣйшее время: всюду, гдѣ высшая раса приходитъ въ соприкосновеніе съ низшей, результатъ получается тотъ же. Въ настоящее время напр. въ Соединенныхъ Штатахъ орудія подбора измѣнились, но законъ подбора дѣйствуетъ съ тою же неизмѣнной силой въ отношеніяхъ между бѣлыми и черными. То же имѣетъ мѣсто въ классовой борьбѣ, напр. въ Англіи. Цивилизація укрѣплялась всегда въ сѣверныхъ странахъ, потому что на сѣверѣ благодаря борьбѣ съ природой сложились самыя энергическія націи. Англичане и русскіе въ настоящее время владѣютъ почти половиною поверхности земного шара; страны, занимаемыя этими двумя народами, расположены къ сѣверу отъ 50° параллели. Въ рукахъ англичанъ промышленность является такимъ же успѣшнымъ, смертоноснымъ орудіемъ, какъ мечъ. Авторъ упускаетъ изъ виду, что греки, римляне и англичане умѣли не только истреблять другіе народы, но и ассимилировать ихъ и сливаться съ ними, что неограниченная конкурренція представляетъ варварскую форму промышленной организаціи, и что всегда и вездѣ соціальныя и естественныя условія ее ограничиваютъ. Теорія Кидда напоминаетъ старинное экономическое ученіе, по которому одинъ народъ могъ обогащаться, только благодаря обѣднѣнію другого; первое и необходимое условіе прогресса, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что всѣ индивиды и народы не могутъ одинаково преуспѣвать. Вмѣстѣ съ Новиковымъ *) онъ вѣритъ, что разумъ представляетъ отличительное свойство человѣка, что разумъ станетъ главнымъ орудіемъ подбора; но не сведется ли борьба за существованіе, хотя бы даже ученая, все къ тому же истребленію? Киддъ—индивидуалистъ, но индивидуализмъ его—смягченный: интересы индивида и разумъ требуютъ подчиненія обществу. Кооперація—постоянный факторъ общественной жизни, но наибольшаго могущества достигаетъ то общество, въ которомъ общественная координація достигнута рядомъ съ возможно высшимъ развитіемъ личности. Наиболѣе передовыя общества—тѣ, въ которыхъ естественный подборъ успѣшно совершается среди самого общества.

Онъ полагаетъ, что основной принципъ, вытекающій изъ исторіи цивилизаціи, состоитъ въ томъ, что интересы личности и общества не тождественны. Общественный организмъ имѣетъ и болѣе долгую жизнь и пользуется другими условіями развитія. Его интересы выше интересовъ извѣстнаго класса и даже выше интересовъ всѣхъ индивидовъ одного поколѣнія. Часто они даже выше

---

*) La lutte entre les races Paris, Alcan.

интересовъ цѣлаго ряда поколѣній. Основной принципъ эволюціонизма состоитъ въ томъ, что когда мы имѣемъ дѣло съ прогрессивно развивающимся рядомъ явленій, высшіе интересы должны получить перевѣсъ. Интересы индивида и общества въ настоящее время противорѣчатъ другъ другу, они существенно непримиримы. Ни одна философская система никогда не могла и не можетъ вывести теоріи поведенія личности, исходя изъ «природы вещей». Безсиленъ въ этомъ отношеніи и положительный методъ. Неудачей окончились попытки всевозможныхъ системъ отыскать въ природѣ вещей всеобщую и раціональную санкцію поведенія личности среди прогрессирующаго общества, — задача эта противорѣчитъ основнымъ условіямъ общественной жизни. Въ отвѣтъ на это можно отвѣтить Кидду, что неудача постигала только поиски за абсолютными началами поведенія; относительное же примиреніе интересовъ личности и общества всегда достигалось не только въ области коллективныхъ вѣрованій, но и въ самой общественной жизни, въ которой индивидъ существуетъ всегда рядомъ съ общественной группой, участвуя въ качествѣ безсознательнаго или сознательнаго дѣятеля въ служеніи цѣлому. Если бы не существовало такого соотношенія и примиренія групповыхъ и индивидуальныхъ интересовъ, то ни общественная, ни индивидуальная жизнь не вышли бы изъ первобытныхъ формъ животной жизни. Вѣдь Киддъ самъ признаетъ, что общественное чувство составляетъ одну изъ особенностей человѣческой личности, и такимъ образомъ абсолютнаго антагонизма между личностью и обществомъ не существуетъ. Отсюда не слѣдуетъ, однакоже, что интересы личности и общества роковымъ образомъ и сызначала гармонически согласованы, а только что, согласуя ихъ все лучше и лучше, человѣчество можетъ низвести этотъ антагонизмъ до степени, соотвѣтствующей интересамъ какъ общества, такъ и отдѣльныхъ его членовъ. Индивиды и общество, подобно клѣткамъ человѣческаго тѣла и всему человѣческому организму, связаны общими отношеніями, тождественными интересами и извѣстнымъ соотношеніемъ, благодаря которому только ихъ союзъ и представляетъ собой организмъ. Киддъ только отчасти правъ, когда утверждаетъ, что «благо возможно бо̀льшаго числа людей» обнимаетъ собой также благо не существующихъ еще поколѣній, къ которому живущіе въ данное время индивиды абсолютно равнодушны. Если иногда въ исторіи человѣчества и случается, что интересы грядущихъ поколѣній получаютъ перевѣсъ, то происходитъ это фактически такимъ образомъ, что существующее поколѣніе въ своемъ предвидѣніи будущаго приноситъ въ жертву свои непосредственныя выгоды высшимъ интересамъ. Уже это

указываетъ на постоянно совершающееся въ обществѣ согласованіе интересовъ, устанавливающее традиціонную связь не только между прошедшимъ и настоящимъ, но и между настоящимъ и будущимъ. Отчего же такъ несовершенны наблюденія Кидда? Оттого что онъ не освободился вполнѣ отъ теологическихъ вліяній, а изъ ученія объ естественномъ подборѣ извлекъ только то, чѣмъ можетъ воспользоваться ищущая абсолютнаго метафизика. По мнѣнію Кидда, роль религіи состоитъ именно въ томъ, что она подчиняетъ разумъ и индивидуальные интересы интересамъ коллективнымъ. Религія, такимъ образомъ, является центральнымъ факторомъ прогресса, мѣриломъ роста и упадка обществъ. Первая стадія цивилизаціи характеризуется строемъ, при которомъ масса общества лишена возможности бороться за свое существованіе на равныхъ условіяхъ съ классомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ власть и эксплоатирующимъ низшіе классы. Современный прогрессъ—это исторія эманципаціи личностей и народовъ. Впервые въ исторіи всѣ члены общества получаютъ возможность на равныхъ условіяхъ бороться за свое существованіе. Тонъ этому движенію дала реформа XVI вѣка, стоящая въ тѣсной связи съ духомъ первобытнаго христіанства. Личность была освобождена ею. Англо-саксонская раса оказывается наиболѣе приспособленной къ этимъ высшимъ условіямъ цивилизаціи; исходъ борьбы при этихъ условіяхъ можетъ быть и съ той и съ другой стороны предусмотрѣнъ, и общественная эволюція получаетъ характеръ правильнаго, органическаго развитія, тогда какъ въ латинскихъ странахъ, надъ которыми тяготѣетъ духъ римской церкви, основанной на авторитетѣ, — общественное развитіе достигается при помощи революцій. Превосходство англо-саксонской расы зависитъ отъ нравственнаго ея характера, начала котораго слѣдуетъ искать въ христіанствѣ. Англія воскресила Индію и Египетъ. Что касается тропическихъ странъ, въ которыхъ не могутъ жить расы умѣренныхъ поясовъ, то онѣ должны быть предоставлены цвѣтнымъ расамъ, подъ условіемъ подчиненія послѣднихъ руководству цивилизованныхъ народовъ. Таковъ смыслъ совершающагося въ настоящее время въ Африкѣ дѣлежа «областей вліянія». Замѣчаніе это отчасти справедливое, но Киддъ преувеличиваетъ вліяніе христіанства на судьбы англо-саксонской расы: рядъ другихъ причинъ — географическихъ и экономическихъ — позволилъ этой расѣ занимать въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ передовое мѣсто въ ряду цивилизованныхъ народовъ. Самоуправленіе тамъ возникло и окрѣпло раньше, чѣмъ на континентѣ. Отсюда этотъ правильный ходъ общественной жизни, обезпечивающій болѣе быстрое разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ, тяготѣю-

щихъ въ настоящее время надъ Англіей, какъ и надъ другими народами. Подъ вліяніемъ новыхъ научныхъ доктринъ и подъема рабочаго класса, англійская политическая экономія стала на соціологическую почву. Достаточно прочесть сочиненія Маршалля, Т. Роджерса и Ингрэма, чтобы представить себѣ, какой успѣхъ совершили экономическія идеи въ теченіе одного вѣка. Англія представляетъ собой страну, можетъ быть болѣе другихъ подготовленную для преобразованія института поземельной собственности, т. е. одного изъ наиболѣе неподвижныхъ институтовъ, въ высшей степени рѣдко мѣнявшаго свою форму на всемъ протяженіи человѣческой исторіи. Это народъ, эволюція котораго отличается рѣдкой энергіей и въ сравненіе съ нимъ можетъ идти развѣ римскій народъ, отличавшійся однакоже несравненно меньшей сложностью структуры и жизни.

Точно также и въ Германіи подъ вліяніемъ новыхъ біологическихъ и психологическихъ ученій преобразуются представленія о прогрессѣ. Какъ это почти всегда происходитъ, успѣхи частныхъ наукъ прежде всего утилизируются метафизическими школами, надѣющимися при помощи такой прививки обновить свои системы. На дѣлѣ однакоже эти попытки ассимиляціи и сліянія ведутъ въ концѣ концовъ къ полному преобразованію метафизики и поглощенію ея общей научной философіей. Такъ происходило дѣло и происходитъ до настоящаго времени въ Германіи, гдѣ гегелевская школа, благодаря эволюціонному идеализму ея основателя, была лучше другихъ подготовлена къ воспріятію новыхъ идей. Развивающаяся Идея Гегеля, воплощающаяся въ послѣдовательныхъ цивилизаціяхъ, въ связи съ дарвиновской теоріей, приводитъ къ созданію (трудами Клемма, Кольба, Лацаруса, Штейнталя) психологіи народовъ, Völkerpsychologie, т. е. коллективной психологіи, образующей естественный и прямой переходъ къ соціологіи. Къ сожалѣнію на прогрессивное развитіе соціальной науки продолжаютъ оказывать вредное вліяніе старинныя онтологическія представленія. Раса превращается въ нѣчто абсолютное, въ органъ извѣстной идеи, тогда какъ въ дѣйствительности расы представляютъ вторичныя образованія, рѣдко сохраняющія чистоту и все болѣе и болѣе подчиняющіяся высшимъ общественнымъ формамъ, какъ это имѣетъ мѣсто напр. въ Соединенныхъ Штатахъ и большихъ космополитическихъ центрахъ вродѣ Лондона, Парижа, Константинополя. Такова была точка зрѣнія Іодля*), а также Геккеля (во многихъ мѣстахъ его произведеній). Геккель просто прилагаетъ къ человѣческому обществу законы есте-

*) Jodl, Die Culturgeschichte, ihre Entwicklung u. ihr Problem, Halle, 1878.

ственнаго подбора, дѣйствующіе среди животныхъ видовъ, оставляя безъ вниманія кооперацію и высшія черты общественности, характеризующія человѣка.

Гербартъ образуетъ связующее звено между Гегелемъ и новой школой; онъ сторонникъ не стараго идеализма, а психологической доктрины. Законовъ исторіи слѣдуетъ искать въ законахъ умственной дѣятельности индивида. Общество представляетъ собой не организмъ, а аггрегатъ индивидовъ; при этихъ условіяхъ исторія сливается съ Völkerpsychologie. Трудно только понять, какой интересъ можетъ представлять коллективная психологія, если она тождественна съ индивидуальной психологіей. Гербартъ вѣритъ въ безграничный прогрессъ въ будущемъ, но въ то же время отводитъ видное мѣсто въ исторіи случаю. Человѣчество въ настоящее время только организуется; въ будущемъ Гербартъ предвидитъ образованіе конфедераціи изъ мирныхъ государствъ.

Эрнестъ де-Ласо ближе Гербарта къ старой теологико-метафизической философіи, но его представленія объ обществѣ и точнѣе и глубже взглядовъ Гербарта. Психологія народовъ въ его рукахъ становится дѣйствительной коллективной психологіей, рѣзко отличающейся отъ психологіи индивидуальной. Исходной точкой его воззрѣній является идея Бога. Мы увидимъ далѣе, съ какимъ трудомъ нѣмецкая философія переходитъ къ основамъ чисто-научнымъ. Родъ человѣческій можно сравнить съ однимъ индивидомъ, имѣющимъ одну природу, одну жизнь, одно тѣло, одну душу, одну волю и одинъ разумъ. Онъ развивается, подраздѣляясь на націи и племена, изъ которыхъ каждое проходитъ подобно всему человѣчеству черезъ стадіи дѣтства, юности, зрѣлаго возраста, старости и смерти. Точно такъ же развиваются всѣ органическія созданія человѣка—языки, религіи, искусства, науки, городскія общины и государства. Въ періодѣ развитія жизнь развивается, идя снутри кнаружи и снизу вверхъ. Въ періодѣ упадка она стягивается снаружи кнутри и сверху внизъ. Такимъ образомъ, ходъ общественнаго прогресса представляетъ восходящую лѣстницу, на послѣдовательныхъ ступеняхъ которой стоятъ: крестьянинъ, гражданинъ, солдатъ, священникъ, благородный, государь. *Регрессъ и разложеніе совершаются въ обратномъ порядкѣ.* Мы имѣемъ здѣсь передъ собой въ грубой и смутной формѣ формулу регресса обществъ, о которой мы будемъ говорить впослѣдствіи подробнѣе. Въ дальнѣйшемъ теорія прогресса Ласо не представляетъ ничего оригинальнаго. Бэконъ до него уже высказалъ, и Ласо раздѣляетъ его идею, что «въ юномъ возрастѣ государства процвѣтаетъ военное искусство, въ зрѣломъ— наука, въ теченіе извѣстнаго періода процвѣтающая вмѣстѣ съ

военнымъ искусствомъ, въ періодѣ же упадка процвѣтаютъ механическія искусства и торговля». Въ видѣ примѣровъ Ласо ссылается на Грецію, Римъ и Германію, но Ласо не замѣчаетъ, что если это наступленіе мирной эры промышленности и торговли совпадаетъ съ разложеніемъ прежнихъ государственныхъ формъ, то это свидѣтельствуетъ не объ упадкѣ, а о прогрессѣ цивилизаціи, какъ выяснили уже раньше Сенъ-Симонъ и Ог. Контъ и какъ выяснитъ впослѣдствіи Г. Спенсеръ. Точно также расцвѣтъ науки являлся въ глазахъ Ласо признакомъ приближающагося упадка: теорія слѣдуетъ всегда за практикой, и когда народамъ угрожаетъ близкій конецъ, они начинаютъ давать себѣ сознательный отчетъ въ своей дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ его озабочиваютъ судьбы Германіи. Война есть явленіе божественное и всемірное, источникъ всякаго прогресса. Впрочемъ, Демокритъ еще раньше сказалъ: πόλεμος πατὴρ παντων (война—родитель всего).

По данной Ласо формулѣ религіознаго прогресса за восточнымъ пантеизмомъ слѣдуетъ греко-римскій политеизмъ, затѣмъ еврейскій и арабскій монотеизмъ, наконецъ христіанское ученіе о троичности божества, представляющее религію всемірную. Его формула политическаго прогресса представляетъ копію формулы Гегеля: на востокѣ свободенъ одинъ, въ Греціи и Римѣ—нѣкоторые, наконецъ въ германскомъ мірѣ—всѣ.

Порядокъ возникновенія и послѣдовательности правительственныхъ формъ и политическихъ учрежденій изложенъ имъ не точно и поверхностно. Послѣдовательно возникаютъ: монархія, деспотизмъ, аристократія, олигархія, демократія и охлократія. Ласо похищаетъ у Аристотеля мысль, что вторая, четвертая и шестая формы представляютъ искаженный видъ трехъ другихъ формъ. Охлократія ведетъ къ всеобщей анархіи.

Искусства возникаютъ въ слѣдующемъ порядкѣ: пластическія искусства—архитектура, скульптура, живопись, затѣмъ—выразительныя искусства: музыка, поэзія, проза.

Религія порождаетъ сомнѣніе, изъ котораго возникаетъ философія. Послѣдняя приводитъ къ субъективному отчаянію или къ примиренію съ религіей. Жизнь народа можетъ быть насильственно прекращена народомъ болѣе сильнымъ. Многіе народы въ силу неблагопріятныхъ окружающихъ условій не пережили своего дѣтства, во всѣ времена народы, подобно индивидамъ, умираютъ отъ старости. Всякій народъ при рожденіи приноситъ съ собой на свѣтъ извѣстную сумму жизненной энергіи, развитіе которой проявляется въ образованіи языка, въ религіозномъ прогрессѣ, въ политическихъ учрежденіяхъ, въ военныхъ успѣхахъ, въ самостоятельной морали, эстетикѣ и метафизикѣ; затѣмъ

ихъ жизненная энергія исчерпывается, начинается упадокъ, кончающійся полнымъ разложеніемъ. Ласо замѣчаетъ въ Европѣ и *даже* въ Германіи слѣды начинающагося истощенія; онъ не приходитъ однакоже отъ этого къ абсолютному пессимизму и черпаетъ въ христіанствѣ надежды на будущее.

Лацарусъ, Лотце и Штейнталь слѣдуютъ въ бо̀льшей или меньшей степени психологическимъ теоріямъ Гербарта. Книга Лацаруса объ «Идеяхъ въ исторіи», равно какъ его этюдъ о «конденсаціи мысли», посвященные сравнительной психологіи, отличаются глубиною мысли. Психологія утрачиваетъ здѣсь индивидуальный характеръ и становится соціологической. Несмотря на почтенный свой возрастъ, Лацарусъ до сихъ поръ состоитъ приватъ-доцентомъ. Его философія считается при берлинскомъ дворѣ недостаточно благочестивой. Психологія Лацаруса имѣетъ много общаго съ психологіей Фулье. Онъ раздѣляетъ идеи на двѣ группы: идеи образовательныя и идеи представительныя. Только послѣднія воспроизводятъ дѣйствительность. Первыя же—къ числу ихъ относятся идеи эстетическія и нравственныя—предвосхищаютъ дѣйствительность и преобразуютъ ее; онѣ создаютъ идеальные типы и являются двигателями исторіи. Пока онѣ не выступаютъ на сцену, не существуетъ ни исторіи, ни прогресса. Это—способности, возникающія естественнымъ путемъ въ исторіи путемъ душевнаго развитія. Прогрессъ этотъ совершается въ индивидахъ. Способнѣйшіе изъ нихъ становятся вождями современниковъ; прогрессъ проявляется въ идеальныхъ твореніяхъ и оригинальныхъ изобрѣтеніяхъ этихъ высшихъ существъ, но преимущественно—въ соціальныхъ учрежденіяхъ, благодаря которымъ масса человѣчества становится причастной къ прогрессу; соціальныя учрежденія являются также проводниками, конденсаторами и аккумуляторами прогресса. Такимъ образомъ, хотя Лацарусъ въ своей исторической психологіи исходитъ изъ индивидуалистической точки зрѣнія, однакоже онъ приходитъ къ признанію соціальныхъ учрежденій за органы, стоящіе на службѣ общества. Будутъ ли эти органы—индивиды вродѣ шаха или султана, или группы индивидовъ, дѣйствующія въ парламентскомъ строѣ, во всякомъ случаѣ, это—органы соціальные, дѣятельность которыхъ въ нѣкоторой степени отлична отъ дѣятельности индивидуальной.

Въ «Микрокосмосѣ» и «Полемическихъ статьяхъ», опубликованныхъ въ 1857 году, Лотце кладетъ въ основу своей теоріи вселенной ученіе о нематеріальныхъ монадахъ. Онъ примыкаетъ такимъ образомъ къ идеализму, но удачно сливаетъ съ нимъ психологическія теоріи Гербарта. Въ то же время онъ остается

физіологомъ, а труды его, вышедшіе въ свѣтъ послѣ Дарвиновскаго «Происхожденія видовъ», особенно его «Мысли о естественной исторіи и исторіи человѣческаго рода—антропологическій опытъ» представляютъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ попытокъ связать психологію съ соціологіей. Онъ пытается въ этомъ трудѣ, пользуясь достигнутыми въ теченіе вѣка научными успѣхами, сдѣлать то же, что̀ нѣкогда сдѣлалъ Гердеръ. Восьмая книга его труда посвящена прогрессу. Законы природы, по взгляду Лотце, не противорѣчатъ ни творческому акту, ни непрерывной дѣятельности божества, и отсюда онъ выводитъ положеніе, что духъ содержится въ природѣ и возникаетъ въ ней естественнымъ путемъ. Это положеніе опредѣляетъ собой и соціологическую точку зрѣнія Лотце. Онъ признаетъ пять видовъ человѣческаго развитія: развитіе умственное, промышленное, эстетическое, религіозное и политическое. Всѣ эти виды развитія, будучи совершенно отличны одинъ отъ другого, прирождены и совершаются одновременно, хотя и могутъ проявляться въ одной странѣ съ бо̀льшей интенсивностью, чѣмъ въ другой. Отвергая въ той же главѣ идеализмъ, Лотце, тѣмъ не менѣе, подобно Ог. Конту признаетъ зависимость всѣхъ прочихъ видовъ развитія отъ развитія умственнаго. Въ послѣднемъ онъ отмѣчаетъ существованіе трехъ фазъ въ зависимости отъ послѣдовательнаго преобладанія воображенія, рефлексіи и научнаго метода. Этотъ законъ трехъ фазъ совпадаетъ съ закономъ трехъ состояній основателя положительной философіи, такъ какъ воображеніе соотвѣтствуетъ періоду миѳологическому, рефлексія—періоду умозрительному или метафизическому, научный методъ—періоду положительной философіи. Изслѣдуя затѣмъ ходъ развитія различныхъ отраслей человѣческой дѣятельности, Лотце разсматриваетъ грабежъ и завоеваніе какъ первоначальныя, насильственныя формы труда. Послѣдовательныя фазы художественнаго развитія сводятся къ восточному искусству—характеризующемуся стремленіемъ къ гигантскому, къ еврейскому — отличительной чертой котораго является возвышенность, къ греческому — характеризующемуся красотой, къ римскому — характеризующемуся изяществомъ и достоинствомъ, средневѣковому — отличающемуся выразительностью и силой воображенія, и наконецъ новому—характеризующемуся изобрѣтательностью и духомъ критики. Такимъ же произвольнымъ характеромъ отличаются формулы, подъ которыя Лотце подводитъ религіозное развитіе человѣчества. Всѣ великія религіи возникли въ Азіи; восточный умъ разсматриваетъ вселенную, какъ цѣлое, въ которомъ всякая часть занимаетъ заранѣе предопредѣленное мѣсто. Западный умъ, напротивъ того, открываетъ

во вселенной всеобщіе законы, она представляетъ для него подлежащую разрѣшенію задачу. Первобытная фаза религіознаго развитія есть фетишизмъ; за нимъ слѣдуютъ религіи Египта, Индіи, Персіи и Греціи, общей и основной чертой которыхъ является элементъ космологическій, тогда какъ въ іудаизмѣ и исламѣ преобладаетъ элементъ нравственный. Излагая ходъ политическаго развитія и описавъ различные типы общественнаго строя, Лотце приходитъ къ заключенію, что первобытной формой общественнаго союза является семья, но что семейная общественная организація не идетъ далѣе самыхъ варварскихъ періодовъ исторіи. Въ общемъ Лотце не сумѣлъ отрѣшиться отъ метафизики. Если онъ отличается большей эрудиціей, чѣмъ Гердеръ, то этимъ онъ обязанъ эпохѣ, въ которой онъ писалъ,— трудъ его по широтѣ взгляда значительно уступаетъ труду его предшественника.

У Конрада Германа мы встрѣчаемъ то же органическое представленіе объ обществѣ, которое мы нашли выше у метафизиковъ вродѣ Краузе. Аналогія между обществомъ и индивидомъ, имѣющая вначалѣ характеръ формальный, принимаетъ болѣе реальный характеръ въ трудахъ П. Лиліенфельда и А. Шэффле.

Въ 1849 году Германъ издаетъ «Введеніе въ философію исторіи», въ 1850—«Двѣнадцать лекцій о философіи исторіи», а позднѣе—«Философію исторіи». Онъ замѣчаетъ, что успѣхи философіи, въ противоположность успѣхамъ науки, совершаются «скачками, а не мелкими шажками». Замѣчаніе это справедливо въ томъ отношеніи, что научный прогрессъ непрерывенъ, тогда какъ философіи и религіи, координирующія въ извѣстный моментъ всѣ знанія или всѣ вѣрованія общества, существуютъ только до тѣхъ поръ, пока сохраняетъ силу эта координація. Тѣмъ не менѣе, послѣдняя достигается не внезапно и не скачками. Уже то изслѣдованіе, которому посвящена настоящая книга, приводитъ къ обратному заключенію. Новыя коллективныя вѣрованія заступаютъ мѣсто старыхъ спустя значительные промежутки времени, но переходъ отъ однихъ къ другимъ совершается постепенно. Будутъ ли шаги, при помощи которыхъ совершается переходъ, велики или малы,—переходы всегда существуютъ. Хотя Германъ и объявляетъ себя прямымъ ученикомъ Гегеля, тѣмъ не менѣе онъ не считаетъ прогрессъ непрерывнымъ процессомъ діалектической прямолинейной эволюціи. Тогда какъ по Гегелю—такъ же разсматриваетъ историческій процессъ и Г. Спенсеръ—исторія исходитъ изъ единства и путемъ органической эволюціи приводитъ къ дифференцировкѣ, Германъ считаетъ исторію чѣмъ то вродѣ произведенія искусства: она начи-

нается съ многообразія, которое приводится къ единству. Точка зрѣнія его—телеологическая. Исторія не есть идея, самостоятельно развивающаяся, она есть произведеніе свободнаго и творческаго ума, приведшаго въ дѣйствіе и скомбинировавшаго множество факторовъ для того, чтобы создать существа, способныя къ нравственному совершенствованію и достойныя другой, болѣе совершенной жизни. Если Германъ и облекаетъ свое представленіе въ метафизическую форму, то дѣлаемый имъ выводъ вполнѣ согласуется съ выводами положительной соціологіи. Если онъ замѣчаетъ всюду соотвѣтствіе между средствами и цѣлью, то зависитъ это отъ того, что въ соціальномъ тѣлѣ дѣйствительно имѣетъ мѣсто приспособленіе всѣхъ частныхъ факторовъ въ интересахъ всей системы и достигается опредѣленное соотношеніе между ними. Затѣмъ Германъ анализируетъ содержимое цивилизаціи и сводитъ его къ составнымъ элементамъ. Соціальныя явленія онъ распредѣляетъ по четыремъ разрядамъ: явленія религіи, науки, искусства и промышленности, соотвѣтствующія четыремъ сферамъ объективной дѣятельности: добру, истинѣ, красотѣ и пользѣ. Соотвѣтствующія четыре сферы цивилизаціи: мораль, языкъ, эстетика, законъ. Такъ какъ общественная жизнь протекаетъ въ двухъ формахъ—мирной и насильственной, то отсюда получаются еще два разряда соціальныхъ явленій: торговля и война. Такимъ образомъ, анализъ приводитъ къ десяти составнымъ элементамъ цивилизаціи: религіи, наукѣ, искусству, промышленности, языку, закону, морали, эстетикѣ, торговлѣ и войнѣ. Этимъ элементамъ соотвѣтствуютъ десять типовъ общественнаго развитія. По мнѣнію Германа, данный имъ анализъ представляетъ собой всеобщій историческій законъ.

Четыре основныхъ разряда общественныхъ явленій слѣдуютъ другъ за другомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: искусство, религія, промышленность, наука. Порядокъ этотъ представляетъ психологическую необходимость. Индивидуальная жизнь и исторія слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же ходомъ, несмотря на различную ихъ продолжительность. Представителями перечисленныхъ основныхъ разрядовъ въ области соціальныхъ типовъ являются: перваго—Греція, второго—германо-христіанскій міръ, третьяго—Англія, послѣдняго—Германія. Германія является представительницей старости міра и науки. Почти вся соціологическая философія Германіи въ теченіе цѣлаго вѣка одержима страхомъ или, вѣрнѣе, суевѣріемъ, такъ прекрасно воплощеннымъ въ Фаустѣ Гётевскомъ и легендарномъ, будто мудрость и наука соотвѣтствуютъ періоду старости въ индивидуальной жизни. Это индивидуалистическое представленіе имѣло основаніе въ древности, когда старость пред-

ставляла собой опытъ и традицію. Отсюда это воззрѣніе перешло въ новѣйшія теоріи, тогда какъ оно утратило теперь всякое основаніе: наука обладаетъ передаточными органами, отчасти индивидуальнаго, но главнымъ образомъ коллективнаго характера, обезпечивающими ей все въ бо̀льшей и бо̀льшей степени непрерывное обновленіе и развитіе. Германъ самъ соглашается, что законъ его примѣнимъ только къ Европѣ, но по его мнѣнію только европейская исторія и есть исторія. Только здѣсь развитіе совершается непрерывно, проходя черезъ рядъ ступеней. Такая постановка вопроса противорѣчитъ самому представленію нашему о законѣ. Законъ непрерывности—съ прогрессомъ или безъ него—есть законъ всеобщій.

По поводу соціологической философіи Гумпловича можно сказать только то, что эта одна изъ послѣднихъ попытокъ метафизики втиснуть данныя естественныхъ наукъ въ узкія и субъективныя теоріи. Въ своей «Борьбѣ расъ» авторъ даетъ конечный, по его мнѣнію, метафизическій синтезъ, утверждая единство природы и духа и слѣдовательно отрицая свободу и независимость послѣдняго (свое воззрѣніе авторъ называетъ «реализмомъ»). Прогресса по его мнѣнію не существуетъ. Все сводится къ борьбѣ расъ; одно частное общественное явленіе даетъ ему ключъ къ пониманію всей философіи исторіи. Все объясняется словомъ «борьба» и сводится къ нему. Исходъ борьбы всюду одинаковъ: болѣе могущественная нація естественно преуспѣваетъ, господство ея всегда и всюду оказываетъ цивилизующее вліяніе. Она ассимилируетъ продукты чужой почвы, вводитъ раздѣленіе труда, благопріятствуетъ умственной культурѣ, содѣйствуетъ образованію расъ. И всегда наступаетъ конецъ: цивилизація подавляется варварствомъ, пріобрѣтающимъ бо̀льшую силу. Затѣмъ возобновляется тотъ же процессъ, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ, среди обществъ болѣе высокаго порядка. Каковы же результаты этого процесса? «Одни торжествуютъ и увѣряютъ, что это—*прогрессъ*; другіе стонутъ и заявляютъ, что это—*движеніе назадъ и упадокъ*. Въ сущности же это—ни то, ни другое, а вѣчное одно и то же...» Такая точка зрѣнія значительно облегчила бы труды нашихъ историковъ. Извиненіемъ автору можетъ служить то обстоятельство, что живя въ исторической средѣ, потрясаемой борьбою расъ, онъ поддался вліянію послѣдней. Его воззрѣнія только подтверждаютъ общій законъ, находящій себѣ приложеніе во всей области соціальныхъ ученій и вѣрованій, законъ соотвѣтствія между личностью и ея средой.

Несравненно болѣе важное значеніе не только съ научной точки зрѣнія, но и какъ попытки той конечной координаціи,

которая, связавъ данныя общественныхъ, біологическихъ, естественныхъ наукъ и психологію, должна дать концу нашего вѣка общую положительную философію, имѣютъ труды П. фонъ-Лиліенфельда и Шэффле.

Шэффле отмѣчаетъ пять стадій цивилизаціи, характеризующихся органическими признаками:

1) стадія племенъ въ узкомъ смыслѣ этого слова;

2) стадія средневѣковая съ общественной организаціей классовъ и промысловъ;

3) стадія городской жизни, общественной организаціи буржуазіи и городовъ. Это — вѣка *политическіе* въ этимологическомъ, узкомъ смыслѣ послѣдняго слова;

4) стадія общественной организаціи странъ и территорій;

5) современная стадія образованія большихъ государствъ и международнаго сближенія.

Съ этической точки зрѣнія основа всѣхъ этихъ стадій тожественна. Всѣ онѣ имѣютъ объективною цѣлью сохраненіе и улучшеніе положенія какъ общества, такъ и всѣхъ индивидовъ безъ исключенія. Субъективная цѣль ихъ—доставленіе счастья путемъ сохраненія индивида и выполненія общественныхъ функцій.

Идеалъ нашего вѣка, практическій и техническій духъ послѣдняго несравненно оригинальнѣе, разнообразнѣе и возвышеннѣе, чѣмъ соотвѣтствующіе элементы предшествующихъ вѣковъ. Подобно многимъ другимъ вѣкамъ и нашъ вѣкъ представляетъ арену борьбы за существованіе и естественнаго подбора. Послѣдній совершается въ наше время съ меньшей грубостью, съ меньшимъ насиліемъ и хитростью, но съ несравненно большей интенсивностью.

Въ общественномъ организмѣ процессъ подбора совершается не такъ, какъ въ органическомъ мірѣ. Общественное развитіе обусловливается и опредѣляется вліяніемъ *идей*, получающихъ все большую ясность и становящихся все болѣе могущественными, а также вліяніемъ техническаго и практическаго опыта, достигающаго все большаго совершенства. Источникомъ соціальнаго прогресса является не самъ общественный подборъ, а *духъ*, волнующій эпохи и народы. Подборъ только облегчаетъ *движеніе впередъ* или *назадъ*, въ однихъ случаяхъ усиливая движеніе, въ другихъ—треніе.

Въ основѣ общественнаго, какъ и органическаго, развитія лежитъ приспособленіе и видоизмѣненіе, вызванныя борьбой за существованіе и передающіяся путемъ наслѣдственности. Факторами общественнаго подбора являются такимъ образомъ: видоизмѣненіе, приспособленіе и наслѣдственность. Приспособленіе

совершается при помощи воспитанія, обученія и профессіональной практики. Что касается наслѣдственности, то физіологическое воспроизведеніе далеко не является единственнымъ ея факторомъ. Новыя идеи передаются при помощи обученія, практики и пропаганды, такъ что соціальная наслѣдственность имѣетъ несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ наслѣдственность индивидуальная. Прогрессивная наслѣдственность получаетъ такимъ образомъ въ обществѣ перевѣсъ надъ консервативной.

Соціальная борьба за существованіе не имѣетъ грубо-зоологическаго характера. Она вынуждаетъ къ ассоціаціи. Право и мораль должны поэтому носить общественный характеръ. Это приспособленіе необходимо для одержанія побѣды надъ природой и врагами — внутренними и внѣшними. Мирное состояніе предотвращаетъ не борьбу вообще, а борьбу, основанную на произволѣ. Даже право и мораль могутъ получить дѣйствительную силу только съ помощью борьбы, они—продуктъ эволюціи.

Ростъ населенія, вообще говоря, совпадаетъ съ лучшимъ пользованіемъ благопріятными для существованія элементами. Поэтому, вообще говоря, въ тѣхъ странахъ, гдѣ населеніе уменьшается, мы имѣемъ дѣло съ упадкомъ. Раздѣленіе труда въ обществѣ есть несомнѣнный прогрессъ. Существуетъ также непосредственное соотношеніе между развитіемъ политической организаціи и расширеніемъ территоріи. Высшія формы развитія имѣютъ причиной или слѣдствіемъ бóльшее расширеніе территоріи и болѣе прочную структуру составныхъ частей.

Внѣшнія границы территоріи и внутреннія ея подраздѣленія представляютъ измѣнчивые для различныхъ стадій цивилизаціи историческіе элементы. Эти элементы имѣютъ опредѣленный характеръ. Существуетъ пять круговъ или сферъ территоріальнаго подраздѣленія общественныхъ союзовъ: отдѣльныя общества, округи, области, провинціи и государства. Этимъ территоріальнымъ подраздѣленіямъ соотвѣтствуютъ слѣдующіе органическіе общественные типы: роды, феодальный строй, города, страны, національности и международные союзы. Съ политическимъ прогрессомъ низшія стадіи послѣдовательно подчиняются высшимъ. Вообще говоря, территоріальное развитіе идетъ быстрѣе развитія соціальнаго и политическаго.

Можно ли предвидѣть шестую стадію? Да. Прогрессивно будетъ возрастать число союзовъ между государствами. Съ большей легкостью это будетъ осуществляться у молодыхъ народовъ. Колоніи ускореннымъ темпомъ, съ большей интенсивностью и на большемъ пространствѣ воспроизводятъ стадіи, пройденныя ци-

вилизаціей. Въ нихъ исторія родовая (филогенезисъ) воспроизводится исторіей индивидуальной (при помощи онтогенезиса) *).

Трудъ Шэффле отличается двумя крупными достоинствами. Во-первыхъ, въ основѣ соціологіи Шэффле лежитъ реальное органическое представленіе объ общественной структурѣ; во-вторыхъ, несмотря на то, что Шэффле отводитъ преобладающую роль *идеямъ, одушевляющимъ общество* въ данную эпоху, эти идеи являются для него повидимому символомъ, обозначающимъ совокупность условій, опредѣляющихъ общественную динамику. Онъ признаетъ за экономическимъ факторомъ присущее ему важное значеніе, чѣмъ и отличается отъ предшествующихъ философовъ и соціологовъ. Его критическое изслѣдованіе, посвященное соціализму и коллективизму, извѣстное подъ именемъ «Квинтэсенція соціализма», отличается такимъ безпристрастіемъ, что переведено было на нѣсколько языковъ, причемъ въ изданіи переводовъ нерѣдко принимали участіе сами соціалисты.

П. фонъ-Лиліенфельдъ является въ меньшей мѣрѣ, сравнительно съ Шэффле, экономистомъ. Но его философія имѣетъ такой размахъ, что съ одной стороны она граничитъ съ теологіей, съ другой — съ метафизикой и положительной философіей, охватывая ихъ, *повидимому*, въ грандіозномъ синтезѣ, точно также какъ человѣчество содержитъ въ себѣ еще до сихъ поръ всѣ эти теченія въ дѣйствительности.

Общественный организмъ онъ разсматриваетъ какъ дѣйствительный организмъ, въ которомъ общественная организація соотвѣтствуетъ высшимъ нервнымъ центрамъ. Теорія Лиліенфельда, какъ и теорія Тарда, носитъ психологическій характеръ. Ошибка Лиліенфельда, какъ и другихъ представителей школы психологической, біологической и предшествующихъ физической и механической школъ, состоитъ въ томъ, что онъ отчасти упустилъ изъ виду, что соціальные организмы представляютъ собой сложную совокупность явленій, включая сюда и явленія физическаго порядка, безъ принятія въ разсчетъ которыхъ они остаются совершенно непонятны. Вслѣдствіе этого Лиліенфельдъ дѣлаетъ ошибочный на нашъ взглядъ выводъ, что умственный элементъ въ соціологіи имѣетъ руководящую роль, тогда какъ въ дѣйствительности онъ играетъ такую роль только въ сознательной жизни обществъ. Во всѣхъ же другихъ областяхъ своихъ общественная жизнь носитъ безсознательный, органическій характеръ и стоитъ въ прямой связи со всей окружающей природой. Общество—это

---

*) *Bau und Leben des socialen Körpers*, 1868—74 и въ *Deutsche Kern- und Zeitfragen*, 1894.

не только совокупность мозговъ, но и совокупность тѣлъ, стоящихъ въ зависимости отъ окружающей природы; это — не академія наукъ, а *часть вселенной, организованная въ формѣ общества.*

Сдѣлавъ эту оговорку, мы должны признать теорію прогресса Лиліенфельда одной изъ замѣчательнѣйшихъ частей его соціальной философіи *). Теоріи прогресса посвящены двѣ главы, изъ которыхъ въ одной изложены законы остановки общественнаго развитія, въ другой—законы прогресса. Содержаніе этихъ главъ вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ природѣ прогрессъ обусловленъ:

Съ точки зрѣнія индивида, разсматриваемаго какъ органическое цѣлое—дѣйствіемъ всѣхъ силъ, его составляющихъ, дѣйствующихъ одновременно и вызывающихъ усиленіе индивидуальной дѣятельности;

Съ физической точки зрѣнія—поглощеніемъ большаго количества пищевыхъ веществъ, вызывающихъ повышеніе энергіи всѣхъ функцій.

Съ морфологической точки зрѣнія — развитіемъ структуры, идущимъ рядомъ съ болѣе интенсивнымъ и разнообразнымъ отправленіемъ органовъ.

Что касается общества, то *политическій прогрессъ* состоитъ въ усиленіи могущества и расширеніи политической свободы; *прогрессъ экономическій* — въ ростѣ собственности и расширеніи экономической свободы; *прогрессъ юридическій* — въ упроченіи права и расширеніи законной свободы.

Итакъ, прогрессивная общественная эволюція характеризуется ростомъ могущества, законности, собственности и расширеніемъ политической, юридической и экономической свободы.

Слова: право, собственность, могущество, свобода имѣютъ относительный смыслъ. Они обозначаютъ для даннаго общества и данной общественной группы совокупность силъ, опредѣляющихъ ея органическое единство. Собственностью мы называемъ совокупность цѣнныхъ предметовъ, принадлежащихъ индивиду, семьѣ, корпораціямъ, учрежденіямъ или государству. Правомъ— опредѣленную организацію общества или общественныхъ группъ, разграничивающую сферы дѣятельности: индивидуальную, корпоративную, національную. Властью — подчиненіе одной личности или общественной группы другой личности или общественной

---

*) Gedanken üb. die Socialwissenschaft der Zukunft. Mitau, 6 томовъ 1873—81 (т. II, главы X и XIII).

группѣ, подчиненіе, дѣлающее возможнымъ единство семьи, класса, корпораціи, учрежденія или народа.

Существенная часть теоріи прогресса и регресса Лиліенфельда дана въ томъ отдѣлѣ его труда, гдѣ онъ сближаетъ соціологію съ физіологіей вообще и съ ученіемъ о центральной нервной системѣ. Келликеръ установилъ, что въ большинствѣ случаевъ клѣтки только временно сохраняютъ свое первоначальное состояніе: онѣ или сливаются съ другими клѣтками, образуя такимъ образомъ болѣе сложные тканевые элементы; или видоизмѣняются и превращаются въ высшія формы, или же наконецъ онѣ продолжаютъ существовать въ качествѣ клѣтокъ до того момента, когда—раньше или позже, иногда въ самый моментъ смерти организма,—онѣ умираютъ случайно или естественно. Приблизительно такъ-же идетъ развитіе соціальныхъ организмовъ: послѣдніе, подобно животнымъ организмамъ, не только подлежатъ дѣйствію естественнаго подбора, борьбы за существованіе, законовъ приспособленія, наслѣдственности и расхожденія признаковъ, но также и законовъ, управляющихъ развитіемъ клѣтокъ въ отдѣльномъ организмѣ.

Убѣдительное доказательство этого даетъ намъ разсмотрѣніе развитія человѣка съ эмбріологической точки зрѣнія. Если бы человѣкъ развивался въ качествѣ простой особи даннаго зоологическаго вида, то высшіе нервные центры должны были бы быть у всѣхъ тождественны и достигать приблизительно одинаковой высоты развитія. Во всякомъ случаѣ различія въ психологическомъ и нравственномъ складѣ должны были бы имѣть главной причиной дѣйствіе окружающей физической среды. Между тѣмъ, какъ указываетъ Лиліенфельдъ, дѣло происходитъ совершенно иначе. Въ общественныхъ организмахъ, какъ и среди клѣтокъ даннаго организма, мы замѣчаемъ громадныя различія съ точки зрѣнія спеціализаціи и развитія высшихъ нервныхъ центровъ.

Точно также въ обществѣ индивидъ подлежитъ не только дѣйствію закона расхожденія признаковъ, но и дѣйствію закона задержки развитія: въ области индивидуальнаго развитія слабый подчиняется болѣе сильному, стоящій въ неблагопріятныхъ условіяхъ—личности привиллегированной.

Процессъ задержки развитія сопровождается рядомъ явленій, извѣстныхъ подъ именемъ катапластическихъ. Тутъ могутъ имѣть мѣсто два случая: въ развитіи индивидовъ, живущихъ общественной жизнью, можетъ произойти или простая остановка развитія или же настоящій регрессъ (cataplasis). Личности или цѣлыя племена либо остаются на достигнутомъ ими уровнѣ физическаго, психическаго и этическаго развитія, либо, достигнувъ

извѣстной стадіи культуры, идутъ назадъ, истощаются и падаютъ. Для объясненія этихъ фактовъ предложены двѣ, діаметрально противоположныя теоріи: одна—эволюціонная теорія—предполагаетъ, что человѣчество развивается прогрессивно, переходя послѣдовательно отъ низшихъ стадій культуры къ высшимъ. Другая допускаетъ, что первобытные люди стояли на сравнительно высокой ступени развитія, и что теперешніе дикари переживаютъ состояніе упадка сравнительно съ культурой ихъ предковъ.

Сторонники послѣдней теоріи указываютъ, что въ предполагаемомъ ими регрессѣ нѣтъ ничего невозможнаго: даже въ настоящее время, на нашихъ глазахъ происходитъ упадокъ и гибель отдѣльныхъ личностей и націй. У многихъ народовъ мы встрѣчаемъ вѣру въ начальный золотой вѣкъ и въ происхожденіе ихъ отъ существъ, отличавшихся высшими умственными и нравственными качествами. Наконецъ часто у народовъ, стоящихъ на крайне низкомъ уровнѣ цивилизаціи, мы встрѣчаемъ иногда сравнительно развитой языкъ.

По поводу этихъ теорій можно сказать, что если относительно того или другого частнаго случая и не всегда возможно опредѣлить, представляютъ ли они одинъ изъ стадіевъ прогрессивнаго или регрессивнаго движенія, то несомнѣнно однакоже, что человѣчество съ начала своей жизни развивалось прогрессивно. Явленія катапластическія не только не лишаютъ силы эволюціонную теорію въ примѣненіи къ человѣчеству, но напротивъ того подтверждаютъ ее. Случаи задержки развитія встрѣчаются во всей органической природѣ, включая сюда и человѣка, разсматриваемаго съ индивидуальной точки зрѣнія.

Катапластическія явленія не всегда возвращаютъ общество къ начальному его состоянію; часто оно спускается только до извѣстнаго низшаго уровня развитія. Поразительный примѣръ такого относительнаго регресса представляютъ испанцы, переселившіеся въ Аргентинскую республику, португальцы въ Бразиліи и на западно-африканскомъ берегу. Подобно Тэйлору, Лиліенфельдъ полагаетъ, что низшія расы легче подвергаются регрессу сравнительно съ высшими и что регрессъ проявляется съ особенной силой въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ пришли въ соприкосновеніе съ выше стоящими народами. Въ подтвержденіе этого положенія можно привести индійцевъ сѣверной Америки и негровъ западной Африки въ области Мономотапа.

Экономическія, политическія и юридическія условія,—вообще всѣ условія общественной жизни оказываютъ прямо или косвенно вліяніе на развитіе, остановку развитія и регрессъ человѣка. Факторомъ физическаго и умственнаго расцвѣта или увяданія

народовъ является также физическая среда и производство, распредѣленіе и потребленіе богатствъ, играющія въ общественномъ организмѣ ту же роль, какую въ индивидуальномъ играетъ межклѣточное вещество. Трудно опредѣлить, какой изъ этихъ элементовъ—главный. Но каковы бы ни были результаты ихъ вліянія, нѣтъ возможности изолировать человѣка и разсматривать его какъ отдѣльный элементъ общественной организаціи. Индивидъ такъ тѣсно связанъ съ жизнью общества, не только настоящей, но также прошедшей и будущей, что мы можемъ разсматривать его только какъ клѣтку общественнаго организма, все равно—станемъ ли мы на практическую или научную почву.

Такимъ образомъ, соціологія Лиліенфельда даетъ философскую основу и оправданіе для научнаго и практическаго соціализма. Не слѣдуетъ однако же упускать изъ виду, что личность, въ качествѣ индивида или члена извѣстной соціальной группы, можетъ вліять на общественную жизнь, содѣйствуя извѣстнымъ общественнымъ стремленіямъ или задерживая ихъ. Высокая сложность общественныхъ организмовъ обусловливаетъ и высокую степень ихъ пластичности. Лиліенфельдъ повидимому совершенно упускаетъ это изъ виду.

Въ особой главѣ, озаглавленной «Законы общественнаго прогресса и регресса», Лиліенфельдъ исходитъ изъ положенія, что въ обществѣ, какъ и въ природѣ, всякое измѣненіе складывается изъ дѣйствія и противодѣйствія. Прогрессъ или регрессъ получаются въ зависимости отъ того, сильнѣе ли дѣйствіе сравнительно съ противодѣйствіемъ или слабѣе.

Въ органическомъ мірѣ прогрессъ характеризуется увеличеніемъ дифференціаціи частей и усиленіемъ интеграціи цѣлаго въ троякомъ отношеніи: физіологическомъ, морфологическомъ и тектологическомъ. Это совпадаетъ съ слѣдующимъ положеніемъ Спенсера: «эволюція есть интеграція матеріи, сопровождаемая разсѣяніемъ движенія, вслѣдствіе чего матерія переходитъ отъ неопредѣленной, несвязной однородности къ опредѣленной и связной разнородности, причемъ подобному же преобразованію подвергается и сохраненное движеніе». Ту же мысль высказалъ, говоря о человѣческомъ обществѣ, Гете: «всѣ эпохи упадка и разложенія имѣютъ субъективный характеръ, тогда какъ всѣ эпохи прогресса характеризуется объективными стремленіями». Гете правъ, замѣчаетъ Лиліенфельдъ, когда онъ говоритъ, что всякая дѣятельность силы физической или психической можетъ проявляться только въ дѣйствіяхъ внѣшняго характера, а всякая интеграція формы—только въ усиленіи внутренняго напряженія. Но для того, чтобы сила могла проявляться въ болѣе

энергичныхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, она должна быть предварительно накоплена внутри.

Субъективныя историческія эпохи соотвѣтствуютъ явленіямъ интеграціи силъ въ природѣ. Объективныя—это періоды обнаруженія въ различной формѣ въ видѣ внѣшнихъ дѣйствій силъ, накопленныхъ интеграціей. Субъективныя эпохи характеризуются богатствомъ внутренней жизни, объективныя—богатствомъ внѣшнихъ проявленій. Въ концѣ концовъ внутренній источникъ силы исчерпывается. Разнообразіе формъ, богатство жизни уступаютъ мѣсто упадку и истощенію. Тогда наступаетъ реакція и возобновляется процессъ интеграціи силъ; за эпохой блеска слѣдуетъ блѣдный и тихій историческій періодъ, бѣдный внѣшними проявленіями, въ теченіе котораго физическія, психическія и нравственныя силы достигаютъ все высшаго и высшаго потенціала; тогда разорвавъ субъективную оболочку, ставшую слишкомъ тѣсной, онѣ опять проявляются въ внѣшнихъ актахъ. Во всякій изъ этихъ моментовъ дѣятельности и реакціи физическія и общественныя силы устремляются по новымъ путямъ, такъ что прогрессивному движенію соотвѣтствуетъ высшій потенціалъ внутри и дифференціація дѣятельности извнѣ, регрессивному движенію—обратное.

Эта грандіозная идея, подчиняющая одному основному закону міръ матеріальный и общественный, совпадаетъ съ взглядами Г. Спенсера. Но, какъ мы говорили уже въ другомъ мѣстѣ, на этой ступени обобщенія исчезаютъ спеціальныя особенности *соціологической* задачи: законы общественные сливаются съ наиболѣе общими физическими законами. Лиліенфельдъ возвращаетъ насъ къ старой теоріи цикловъ, но совершенно преобразованной въ научныхъ основахъ. Его періоды объективные и субъективные соотвѣтствуютъ органическимъ и критическимъ періодамъ Сенъ-Симона. Мы полагаемъ, кромѣ того, что его классификація носитъ слишкомъ дедуктивный характеръ: въ общественной жизни явленія интеграціи и дезинтеграціи идутъ всегда рядомъ. Важенъ въ теоріи Лиліенфельда его взглядъ, что законъ общественнаго регресса представляетъ обратную формулу закона прогресса, но данное имъ объясненіе и доказательство неудовлетворительны. Любопытно, что въ Германіи и Англіи Лиліенфельдъ и Г. Спенсеръ приходятъ въ области соціологіи и общей философіи почти къ тождественнымъ выводамъ. По нашему мнѣнію, тотъ и другой придали слишкомъ много значенія систематическому дѣленію индивидуальной и общественной жизни на періоды субъективные и объективные. Прогрессъ и регрессъ обществъ всегда—состоянія положительныя, въ которыхъ тотъ и другой элементъ всегда

существуютъ вмѣстѣ. Въ соціологіи смѣна періодовъ интеграціи и дезинтеграціи не необходима по крайней мѣрѣ для обществъ высшаго типа, существованіе которыхъ на неопредѣленное время обезпечено постояннымъ обновленіемъ входящихъ въ ихъ составъ единицъ и учрежденій. Это непрерывное обновленіе приметъ еще болѣе правильный характеръ въ великихъ обществахъ будущаго: договорныя узы, которыя соединятъ ихъ, сообщатъ имъ болѣе гибкую и допускающую болѣе правильный прогрессъ структуру. Смѣна періодовъ органическаго и критическаго, консервативнаго и революціоннаго, эпохъ интеграціи и дезинтеграціи (формула эта отчасти соотвѣтствуетъ фактамъ, наблюдаемымъ въ дѣйствительности) имѣетъ мѣсто только въ обществахъ съ деспотическимъ и замкнутымъ строемъ: этотъ строй можетъ быть преобразованъ только путемъ разрушенія его.

По указаннымъ и другимъ еще мотивамъ мы не можемъ слѣдовательно признать формулу Лиліенфельда вполнѣ точной. Но подобно формулѣ Г. Спенсера она ближе къ истинѣ, чѣмъ формула Сенъ-Симона и Вико.

Переходя къ формамъ правленія, Лиліенфельдъ говоритъ, что «строй демократическій, аристократическій, олигархическій, монархическій и республиканскій представляютъ собою только различные типы организаціи, развивающіеся и фиксирующіеся путемъ внутренняго и внѣшняго приспособленія къ индивидуальному характеру народа и внѣшнимъ условіямъ». Общество принадлежитъ къ демократическому типу, если индивиды и соціальныя группы не отдѣлены другъ отъ друга пропастью, основанной на кровномъ родствѣ. Поэтому не только республика, но и государства деспотическія и монархическія могутъ принадлежать къ демократическому типу.

Въ обществѣ аристократическомъ принципъ кровнаго родства обнаруживается съ бо̀льшей силой, и между различными слоями общества устанавливаются рѣзкія границы, основанныя на происхожденіи. Если эти отличія таковы, что совершенно отдѣляютъ одинъ общественный слой отъ другого, то возникаетъ кастовое устройство. Дѣленіе на касты, равно какъ аристократическій и демократическій общественный строй могутъ встрѣчаться при самыхъ разнообразныхъ типахъ правленія.

Если присмотрѣться къ послѣднимъ, то легко замѣтить, что они соотвѣтствуютъ различнымъ группировкамъ клѣтокъ съ различнымъ численнымъ отношеніемъ клѣтокъ соматическихъ и производительныхъ. Преобладаніе первыхъ приводитъ къ аристократическому, вторыхъ—къ демократическому строю.

Политическая организація общества видоизмѣняется въ зави-

симости отъ того, преобладаетъ ли принципъ родства или рефлекторной дѣятельности. Часто она переходитъ отъ одного типа къ другому, и переходъ этотъ въ человѣческомъ обществѣ совершается съ несравненно бо̀льшей легкостью, чѣмъ въ природѣ. Можетъ ли какой-либо изъ типовъ политической организаціи во всѣхъ случаяхъ быть причиной прогресса или регресса? Исторія учитъ, что прогрессъ и регрессъ встрѣчаются при всевозможныхъ формахъ правленія, во всякія эпохи, у самыхъ разнообразныхъ расъ и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, по Лиліенфельду, бо́льшая или меньшая степень дифференціаціи и интеграціи общественныхъ силъ зависитъ не отъ формы правленія, а отъ дѣйствія и противодѣйствія, оказываемаго другъ относительно друга этими силами. Доказательствомъ можетъ служить то, что всѣ типы политической организаціи существовали у первобытныхъ народовъ и встрѣчаются еще въ настоящее время у дикарей.

Если бы теорія Лиліенфельда была абсолютно точна, то политическаго прогресса не существовало бы, форма правленія оставалась бы безразлична. Вѣрно то, что политическій факторъ не есть опредѣляющій факторъ общественнаго прогресса и регресса. Прогрессъ и регрессъ зависятъ отъ взаимодѣйствія общественныхъ силъ. Но если это такъ — а на этотъ счетъ мы держимся тѣхъ же взглядовъ, что и замѣчательный русскій соціологъ — то въ то же время существуетъ соотношеніе между политическими формами и другими общественными учрежденіями. Форма правленія прогрессируетъ и регрессируетъ одновременно съ другими общественными формами, и если замѣчается путаница понятій на этотъ счетъ, то зависитъ это отъ того, что подъ демократическими, аристократическими и другими подобными ярлыками иногда подносится товаръ, не имѣющій съ ними ничего общаго.

Лиліенфельдъ указываетъ затѣмъ, что существуетъ большая аналогія между развитіемъ организмовъ въ природѣ и развитіемъ общественныхъ группъ. Въ обоихъ случаяхъ клѣтки, если онѣ имѣются въ достаточномъ количествѣ, стремятся сгруппироваться въ слои и слиться другъ съ другомъ. Въ организмѣ соціальномъ однакоже индивиды дѣйствуютъ другъ на друга при помощи рефлексовъ непосредственно или косвенно. Поэтому здѣсь группировка клѣтокъ не приводитъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ природѣ, къ наслоенію механическому, пластическому, имѣющему форму листка или пластинки, а вызываетъ одновременность вибрацій, движеній, дѣятельности въ опредѣленномъ направленія у различныхъ индивидовъ. Это въ особенности приложимо къ общей соціальной динамикѣ.

Затѣмъ авторъ разбираетъ теоріи развитія человѣчества Платона, Аристотеля, Вико, Гегеля, Руссо, Ог. Конта, Бокля, Гельвальда и Гердера. Онъ приходитъ къ заключенію, что лучшую, единственную единицу для измѣренія прогресса составляетъ индивидъ, «средній человѣкъ» не съ статистической точки зрѣнія Кэтле, а съ эмбріологической, для которой при данномъ общественномъ состояніи, данной національности и расѣ мы имѣемъ безчисленное множество наблюденій какъ въ психической, такъ и въ физической сферѣ.

Съ этой точки зрѣнія законъ общественнаго прогресса можно формулировать слѣдующимъ образомъ: чѣмъ логичнѣе организованы извѣстная общественная группа, корпорація, государство, тѣмъ выше и вѣрнѣе ихъ прогрессивное развитіе; чѣмъ въ бо́льшей степени общественныя силы, опредѣляющія послѣднее, носятъ характеръ силъ неорганическихъ, тѣмъ меньше степень совершенства, которой оно можетъ достигнуть.

Мы можемъ пока принять эту формулу. Но если характеризующимъ моментомъ прогресса является степень организаціи данной общественной группы, то не слѣдуетъ ли отсюда, что мѣриломъ прогресса является не индивидъ, а сама общественная организація? Выводъ этотъ будетъ еще естественнѣе, если мы согласимся съ Лиліенфельдомъ, что статистика, изучающая именно индивидовъ и общественные факторы, независимо отъ ихъ органической координаціи, является только вспомогательной наукой по отношенію къ соціологіи,—наукой, могущей только опровергать или подтверждать законы, открываемые соціологіей.

Органическія и эволюціонныя теоріи нѣмецкой философіи и соціологіи такимъ образомъ давно уже подготовили почву для реформы старой метафизической политической экономіи. Именно въ Германіи политическая экономія превращается въ отрасль общей политики, становится государственной наукой, разсматривающей экономическія явленія въ связи съ совокупностью жизненныхъ явленій соціальнаго организма. Рошеръ, Шмоллеръ, Вагнеръ являются представителями катедеръ-соціализма, можно сказать оффиціально сросшагося съ германской имперіей, тогда какъ въ Лассалѣ и особенно въ Марксѣ воплотились теченія демократическія и революціонныя. Но и Лассаль и Марксъ опираются на историческій методъ, оба они—эволюціонисты, оба желали бы воспользоваться правительствомъ для реформы государства, причемъ преобразованіе, предлагаемое марксистами, носитъ въ экономической сферѣ радикальный характеръ. Преобразовательные планы катедеръ-соціалистовъ носятъ менѣе абсолютный характеръ; но благодаря тому, что въ ихъ глазахъ политическая

экономія есть наука государственная, соціальныя воззрѣнія катедеръ-соціалистовъ имѣютъ болѣе цѣльный характеръ, хотя идеалъ ихъ носитъ нѣсколько неопредѣленный характеръ.

Экономическій матеріализмъ выступилъ на историческую сцену уже давно, еще въ «Баснѣ о пчелахъ» Мандевилля (1706), котораго Марксъ ставитъ въ число предшественниковъ Адама Смита.

По Марксу, опредѣляющимъ моментомъ всякаго общественнаго развитія является экономическій строй, которому первое подчинено. Общій экономическій строй въ свою очередь подчиненъ формѣ и развитію производства. Умственный и нравственный строй общества зависитъ отъ экономическаго строя, который въ свою очередь опредѣляется организаціей производства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что частныя соціальныя явленія и органы подчинены болѣе общимъ, но Марксъ и его школа не принимаютъ въ должной мѣрѣ во вниманіе, во-первыхъ—закона взаимодѣйствія общественныхъ силъ, во-вторыхъ, того, что высшіе соціальные центры координаціи методически вторгаются въ организацію и функціонированіе экономическаго строя, такъ что общественная эволюція и направленіе, въ которомъ она совершается, имѣютъ отчасти характеръ сознательный и разумный.

Важнымъ моментомъ въ исторіи теорій прогресса является то обстоятельство, что съ возникновеніемъ соціализма и особенно благодаря трудамъ К. Маркса объясненія общественныхъ явленій перестаютъ искать въ законахъ астрономіи, физики и механики, какъ то имѣло мѣсто вначалѣ, а также въ законахъ молекулярной химіи, біологіи и психологіи, какъ то имѣло мѣсто впослѣдствіи: явленія, имѣющія, по крайней мѣрѣ отчасти, спеціальный характеръ, получаютъ и объясненіе отчасти спеціальное, извлеченное изъ области соціологической, и при томъ изъ той части соціологіи, которая посвящена основному моменту общественной жизни — питанію общества. Впослѣдствіи придется только установить связь между философіей политической экономіи и философіями другихъ общественныхъ наукъ, чтобы соціологія овладѣла наконецъ всецѣло всей своей областью и своимъ самостоятельнымъ методомъ.

Исходя изъ своего динамическаго воззрѣнія на производство и экономическую жизнь вообще, Марксъ различаетъ три главныхъ періода въ исторіи человѣчества: періодъ древній, феодальный и буржуазный. Послѣдній состоитъ изъ начальной переходной эпохи, когда трудъ и капиталъ соединены въ формѣ мелкой промышленности, и изъ слѣдующей капиталистической эпохи, когда господство крупной промышленности отдѣлило трудъ отъ капитала. Грядущій періодъ будетъ представлять *необходимый* про-

дуктъ предшествующихъ періодовъ и будетъ характеризоваться обобществленіемъ орудій труда.

Сознательному элементу, разумной коллективной волѣ — другими словами, научному детерминизму, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ фатализмомъ — отведена въ этой теоріи ничтожная роль. Ученіе Маркса является прямой реакціей противъ стараго гегелевскаго эволюціонизма, въ силу котораго идея воплощается въ дѣйствительности. У Маркса, напротивъ того, дѣйствительность опредѣляетъ развитіе идей, и однакоже въ общемъ развитіе дѣйствительности представляетъ нѣчто весьма схожее съ развитіемъ мысли.

Марксъ не признаетъ существованія абстрактныхъ экономическихъ законовъ, приложимыхъ ко всѣмъ формамъ цивилизацій; не существуетъ также абстрактныхъ и всеобщихъ соціологическихъ законовъ, а слѣдовательно и соціологіи. Различные соціологическіе законы дѣйствуютъ въ различные историческіе періоды; съ жизнью одного періода прекращается и дѣйствіе законовъ этого періода. Общественные организмы отличаются одинъ отъ другого настолько же, насколько растительные организмы отъ животныхъ. Всякій общественный организмъ имѣетъ свои законы; болѣе того, законы мѣняются даже въ одномъ и томъ же организмѣ, если измѣняется хотя бы одинъ органъ. Такъ напр. законъ народонаселенія получаетъ различную формулировку въ различныя экономическіе періоды. Послѣднее наблюденіе справедливо, но отсюда вытекаетъ не отсутствіе абстрактныхъ соціологическихъ законовъ, а только то, что законъ народонаселенія не есть абстрактный законъ. Тутъ полезно напомнить указаніе Лиліенфельда, что статистика является только вспомогательной наукой по отношенію къ соціологіи.

Діалектика и дедукція, несмотря на многочисленныя содержащіяся въ трудахъ Маркса строго-научныя наведенія, играетъ въ его методѣ болѣе значительную роль, чѣмъ думалъ онъ самъ. Онъ полагаетъ что «движеніе мысли, въ противоположность взгляду Гегеля, есть только отраженіе движенія дѣйствительности, перенесенное и помѣщенное въ человѣческомъ мозгу». Идеалъ существуетъ, но и идеалъ есть продуктъ дѣйствительности. Если методъ Маркса является по формѣ и изложенію дедуктивнымъ и діалектическимъ, то какъ методъ изслѣдованія онъ, подобно методу Прудона, отличается замѣчательнымъ объективизмомъ и научностью.

Итакъ, по теоріи Маркса прогрессъ представляетъ собой необходимое историческое развитіе; всякій періодъ несетъ въ себѣ зародышъ своего собственнаго разложенія, заключаетъ въ себѣ

противорѣчіе. Капиталъ въ его теперешней формѣ хоронитъ самъ себя, является «собственнымъ своимъ могильщикомъ». Мы имѣемъ тутъ стало быть гегелевскій тезисъ, антитезисъ и синтезъ. Кромѣ того, Гегель заявлялъ, что всякій великій періодъ восточной цивилизаціи, греко-римской, германской — осуществляетъ свою особую идею и слѣдовательно подчиненъ, какъ это находитъ и Марксъ, своимъ спеціальнымъ законамъ. Между тѣмъ уже одинъ тотъ фактъ, что во всѣ періоды общественный строй вообще и экономическій въ частности подчинены организаціи производства, какъ это полагаетъ Марксъ, — представляетъ собой абстрактный соціологическій законъ.

Марксъ ошибается также въ своемъ допущеніи, что историческое развитіе должно *необходимо* привести къ обобществленію орудій производства. «Обобществленіе орудій производства» — неудачная формула для справедливой въ сущности идеи. Въ самомъ дѣлѣ, общественные органы всегда состоятъ на службѣ общества, даже когда функція ихъ осуществляется кастами, классами или отдѣльными личностями. Рѣчь можетъ идти только о совершенномъ и несовершенномъ обобществленіи, зачаточномъ или развитомъ. Точка зрѣнія, на которую мы сейчасъ стали, носитъ формальный характеръ, но она получаетъ особенную важность въ виду того, что въ теоріи Маркса обобществленныя общества противополагаются не обобществленнымъ, и такимъ образомъ опять выступаетъ на сцену противопоставленіе неорганическихъ или критическихъ періодовъ органическимъ, не имѣющее въ дѣйствительности никакого основанія. Всякое общество представляетъ собой организмъ, находящійся въ состояніи равновѣсія,—но равновѣсія *неустойчиваго*—во всѣ моменты своего существованія. Общества, подобно животнымъ видамъ, отличаются другъ отъ друга только по степени организаціи.

Историческое развитіе, характеризующееся въ капиталистическомъ періодѣ концентраціей земельной собственности, торговли, промышленности и орудій обмѣна, можетъ одинаково привести къ разложенію современнаго государства въ интересахъ новаго феодализма, какъ и къ болѣе полному обобществленію. Новый феодализмъ обрисовывается уже въ настоящее время, съ неменьшей по крайней мѣрѣ ясностью, чѣмъ въ древнее время. Римская имперія — правда при несравненно болѣе простыхъ условіяхъ, чѣмъ наши—естественно перешла отъ крупной поземельной собственности къ феодализму. Мы не желаемъ разочаровывать реформаторовъ, но хотимъ только указать на ошибочность идеалистическаго оптимизма, лежащаго въ основѣ теоріи Маркса. Этотъ оптимизмъ укрѣпилъ вѣру его сторонниковъ въ

лучшее будущее; но въ дальнѣйшемъ оно можетъ стать опаснымъ и во всякомъ случаѣ онъ не наученъ. Вѣра, будто благодаря одному развитію капиталистической централизаціи получится исходъ изъ опаснаго положенія, будто излишекъ зла принесетъ съ собой и цѣлебное средство противъ него — экспропріацію— является въ сущности суевѣріемъ. Устраненіе общественныхъ несправедливостей зависитъ отъ положительныхъ условій несравненно болѣе сложныхъ, и разрѣшеніе соціальныхъ затрудненій въ благопріятномъ смыслѣ станетъ невозможнымъ, когда болѣзнь приметъ острый характеръ. Можетъ получиться умственная, политическая и нравственная придавленность, которая способна— по крайней мѣрѣ временно—повести къ общему регрессу. Подобный исходъ представляется особенно вѣроятнымъ, если долгія войны будутъ въ свою очередь содѣйствовать общему упадку.

Болѣе счастливый исходъ, чѣмъ тотъ, который имѣлъ мѣсто въ концѣ римской имперіи и части среднихъ вѣковъ, можетъ быть достигнутъ только благодаря нашему постоянному, энергическому и сознательному воздѣйствію на общественную жизнь. Въ этомъ смыслѣ, практическія указанія, данныя Марксомъ, получаютъ особенную цѣнность. Они предполагаютъ сознательное противодѣйствіе вреднымъ экономическимъ моментамъ, представляющимъ въ значительной части результатъ безсознательной эволюціи. Концентрація капитала, идущая рука объ руку съ развитіемъ механическаго труда, создала благодаря самой концентраціи коллективную рабочую силу. Но эта рабочая концентрація носитъ фиктивный и инертный характеръ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ организована, а организація эта можетъ идти рядомъ только съ соотвѣтствующимъ видоизмѣненіемъ другихъ соціальныхъ органовъ. Это уяснили себѣ вполнѣ отчетливо въ послѣднее время французскіе критики Маркса, установившіе положеніе, что общественная реформа должна носить цѣльный характеръ.

Въ 1840 году Родбертусъ опредѣлилъ капиталъ, какъ «накопленную сумму неоплаченнаго труда или прибавочной стоимости». До Лассаля и Маркса онъ замѣтилъ, что въ капиталистическомъ обществѣ заработная плата въ сравненіи съ производительностью труда уменьшается. Такимъ образомъ блестящіе матеріальные успѣхи, которыми кичится XIX вѣкъ, видя въ нихъ доказательство своего превосходства, привели въ сущ-

ности только къ грозному антагонизму, къ тезису и антитезису, сливающимися въ гегелевскомъ и марксовскомъ синтезѣ при помощи діалектики.

Ученіе Маркса въ Бельгіи и Франціи подверглось преобразованію отчасти подъ вліяніемъ прежнихъ соціалистическихъ теорій, изъ числа которыхъ заслуживаетъ вниманія теорія Колинса (1783—1859).

Философскія воззрѣнія этого страннаго бельгійскаго реформатора носятъ характеръ метафизическій и ретроградный. Богъ— это всемірный и безличный Разумъ; души безсмертны и проходятъ черезъ рядъ существованій въ другихъ мірахъ. Человѣческая исторія дѣлится на три періода. Втеченіе перваго господствуетъ невѣжество, гнетъ надъ свободой изслѣдованія, принципъ власти въ политикѣ, семьѣ и религіи; повиновеніе стало долгомъ. Во второмъ періодѣ народъ пріобрѣтаетъ верховную власть; аристократія превращается въ буржуазію, невѣжество продолжается, но гнетъ надъ свободой изслѣдованія устраненъ. Третій періодъ характеризуется полной дезорганизаціей, свободой изслѣдованія, скептицизмомъ, матеріализмомъ, незнаніемъ соціальныхъ законовъ; безнравственность растетъ параллельно съ умственнымъ прогрессомъ, точно также какъ рядомъ съ ростомъ богатства возрастаетъ пауперизмъ.

Здѣсь Родбертусъ, Марксъ, Лассаль, Колинсъ сходятся въ основныхъ началахъ своей экономической критики. Но съ этого момента, по теоріи Колинса, обществу предстоитъ альтернатива: или возвратъ къ божественному праву, невозможный благодаря свободѣ изслѣдованія, или же общественная реорганизація на основаніи принциповъ разума, научнаго и безличнаго. Рѣшеніе будетъ достигнуто въ послѣднемъ направленіи. Конечный періодъ исторіи будетъ длиться втеченіе всего дальнѣйшаго существованія человѣчества на землѣ. Какимъ образомъ осуществится это торжество безличнаго разума? Здѣсь соціализмъ встрѣчается опять съ коммунизмомъ Маркса и при содѣйствіи французскихъ теоретиковъ, Видаля и Пекёра, даетъ начало такъ называемому коллективизму, основные принципы котораго состоятъ въ коллективномъ владѣніи землей и капиталомъ, созданнымъ трудомъ предшествующихъ поколѣній, въ доступности для всѣхъ науки, въ обезпеченіи обществомъ существованія неспособныхъ къ труду, какъ того требовалъ Колинсъ.

Отъ усвоенія соціализмомъ положительнаго метода будетъ зависѣть реформаторское вліяніе его въ будущемъ. Въ противномъ случаѣ безсознательный элементъ получитъ верхъ въ исторіи, и новый общественный строй найдетъ временно равновѣсіе въ организаціи, можетъ быть, низшей, чѣмъ теперешняя. Во всякомъ случаѣ идеализмъ философскій и экономическій не можетъ въ настоящее время имѣть вліянія: ясный французскій умъ далъ себѣ отчетъ въ этомъ. Ж. Жоресъ въ прекрасной диссертаціи своей «Les origines du socialisme allemand» (1892) тонко замѣчаетъ, что «въ глубокихъ тайникахъ матеріалистическаго соціализма живетъ до сихъ поръ духъ нѣмецкаго идеализма». Марксъ истолковалъ англійскую политическую экономію при помощи нѣмецкой діалектики. Но событія не вытекаютъ изъ идей, и развитіе философіи столь же мало обусловлено умственнымъ развитіемъ, какъ и ростъ индивида. Соціальная динамика есть сложная органическая динамика, въ которой психическіе факторы, сознательные и даже безсознательные, играютъ извѣстную, но не преобладающую роль. Во всякомъ случаѣ, съ того момента, какъ этотъ вопросъ сталъ предметомъ научнаго изученія и постановка его утратила метафизическій характеръ, ни матеріализмъ, ни идеализмъ не могутъ разсчитывать на абсолютное господство въ соціальной наукѣ; они перестали быть опасны.

Во Франціи представленіе объ органическомъ развитіи обществъ усвоено даже послѣдними посредниками между метафизикой и наукой. Такъ напр. Вашро говоритъ: «истиннымъ символомъ человѣческаго прогресса является органическое развитіе живого существа, живущаго однакоже не жизнью эфемерной, проходящей черезъ всѣ фазы обреченнаго смерти существованія, а жизнью вѣчной и неистощимой, переживающей всякія частныя формы, замѣщающей одряхлѣвшіе органы органами новыми, болѣе сильными и болѣе жизненными; являясь съ каждымъ моментомъ болѣе полной, болѣе прекрасной и болѣе богатой, поднимаясь черезъ низшія формы къ высшимъ, черезъ низшую организацію къ болѣе совершенной, она все болѣе и болѣе приближается къ абсолютному типу, никогда его не достигая». Такимъ образомъ положительная идея входитъ въ міросозерцаніе даже послѣднихъ метафизиковъ. Только форма сохраняетъ у нихъ метафизическій обликъ, и метафизика вырождается въ полурелигіозную поэзію, возвращаясь такимъ образомъ къ своей ко-

лыбели, какъ о томъ свидѣтельствуетъ лирическій энтузіазмъ Вашро и глубокомысленные стихи его талантливѣйшаго ученика Фулье:

Всякій прогрессъ, въ сущности,—неудача.
Но даже неудача полезна; человѣкъ волнуется, возбуждаемый заблужденіемъ,
Но его заблужденіе приноситъ пользу человѣческому роду;
Изъ нашихъ иллюзій возникаетъ истина.
Всякій человѣкъ въ отдѣльности—игрушка мечты,
И однакоже мечта эта современемъ превращается въ реальность.
Дѣло, котораго я не исполнилъ, будетъ сдѣлано безъ меня.
Истощенный, усталый я падаю въ то мгновеніе,
Когда поднимается заря, которую я тщетно призывалъ изъ глубины небесъ.
Но въ то же мгновенье другой
Открываетъ далѣе на востокѣ новую зарю,
Отъ которой блѣднѣетъ моя заря и затмеваются ея лучи!

Это представленіе объ органическомъ — прогрессивномъ или регрессивномъ, но всегда непрерывномъ—развитіи, которое наконецъ усвоено общей философіей и соціологіей XIX вѣка, предполагаетъ отрицаніе всего абсолютнаго. Нѣтъ ничего менѣе абсолютнаго, чѣмъ жизнь, чѣмъ организмъ; всѣ функціи, всѣ органы служатъ цѣлому, не исключены изъ этого даже высшіе органы и функціи. Въ приложеніи къ общественной жизни это представленіе создаетъ несокрушимую основу для реформаторскихъ ученій; оно объясняетъ, почему нѣкоторые успѣхи, повидимому грандіозные, не необходимо представляютъ еще прогрессъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ справедливо замѣтилъ д-ръ Піожеръ, извѣстное изобрѣтеніе, извѣстный общественный успѣхъ становятся орудіями прогресса только тогда, когда они фиксированы обществомъ и претворены въ его органическую составную часть. Въ противномъ случаѣ они играютъ роль простого нароста, который, вродѣ напр. открытія машинъ, можетъ только стать причиной разстройствъ въ организмѣ.

Поэтому положительное ученіе о прогрессѣ должно прежде всего усвоить себѣ наблюдательный и экспериментальный методъ, которые одни только и могутъ сдѣлать возможной формулировку законовъ относительно прогресса и регресса обществъ. Наука насчитываетъ не мало терпѣливыхъ наблюдателей, дѣйствовавшихъ въ этомъ направленіи. Отъ одного изъ нихъ, именно отъ Эд. Б. Тэйлора, мы заимствуемъ теперь послѣднія данныя, которыми всего лучше будетъ заключить нашъ историческій очеркъ развитія вѣрованій и теорій относительно прогресса. Кромѣ того, эти данныя позволятъ намъ выяснить нѣкоторые элементы вопроса, интересовавшаго человѣческую мысль съ древнѣйшихъ временъ.

Ученый и осмотрительный авторъ «Первобытной цивилизаціи» посвящаетъ двѣ первыхъ главы своей книги «наукѣ о цивили-

зацiи» и «развитiю цивилизацiи». Онъ устанавливаетъ два соціологическихъ закона: «съ одной стороны, существуетъ почти постоянное однообразіе, которое можно разсматривать какъ однообразное слѣдствіе однообразныхъ причинъ; съ другой стороны—соотвѣтствіе извѣстныхъ ступеней цивилизацiи извѣстнымъ эволюціоннымъ періодамъ, изъ которыхъ каждый можно разсматривать какъ продуктъ предшествующей эпохи, имѣющій въ то же время назначеніемъ подготовить будущую эпоху». Первому закону я далъ названіе *закона однородности* и, не будучи еще знакомъ тогда съ трудомъ Тэйлора, указалъ, что онъ имѣетъ такую же важность, какъ законъ непрерывности и законъ соотвѣтствія жизни и структуры. Натуралисты могутъ еще разсматривать теорію происхожденія видовъ путемъ преемственнаго развитія (филiацiи) какъ гипотезу, но для исторіи цивилизацiи это—пунктъ твердо установленный; развитіе ея совершается въ прогрессивномъ направленіи. «Исторія, замѣчаетъ Тэйлоръ, даетъ намъ ряды фактовъ, одно расположеніе которыхъ показываетъ намъ, что они слѣдовали другъ за другомъ въ извѣстномъ частномъ порядкѣ развитія, что возвращеніе и обратный путь для нихъ невозможны. Такъ напр., если взять искусство счета, то факты приводятъ повидимому къ заключенію, что дикія племена дошли до теперешняго своего состоянія въ этомъ отношеніи, научаясь новому, а не забывая извѣстное старое, поднимаясь къ состоянію болѣе совершенному, а не спускаясь внизъ отъ болѣе высокаго состоянія культуры». Однакоже Тэйлоръ самъ отмѣчаетъ случаи соціальнаго регресса. Онъ указываетъ также на другія явленія, представляющія интересъ для нашего изслѣдованія. Подобно тому, какъ наблюдаются явленія *переживанія*, такъ наблюдаются и явленія *возрожденія:* «часто устарѣлыя идеи и покинутые обычаи воскресаютъ къ крайнему изумленію общества, считавшаго ихъ давно уже угасшими; въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ возрожденіемъ, а не переживаніемъ стараго». Примѣромъ можетъ служить современный спиритизмъ. «Прогрессъ, упадокъ, переживаніе, видоизмѣненіе—вотъ формы, въ которыя сплетаются части сложной сѣти, именуемой цивилизацiей».

Не будучи метафизикомъ, Тэйлоръ не провозглашаетъ безграничнаго совершенствованія закономъ. Но наблюденія его даютъ ему возможность заключить, что, «несмотря на случаи упадка, въ ходѣ развитія человѣчества отъ первобытныхъ временъ до нашего времени замѣчается одно господствующее теченіе, приведшее насъ отъ дикаго состоянія къ состоянію цивилизацiи».

Тутъ однакоже мы встрѣчаемся съ узломъ вопроса. Представляетъ ли развитіе цивилизацiи прогрессъ или регрессъ?

Нужно мѣрило, критерій. «Главные критеріи, лежащіе въ основѣ классификаціи, сводятся къ слѣдующему: присутствіе и отсутствіе, большее или меньшее развитіе промышленной техники, главнымъ образомъ—техники обработки металловъ, производства домашнихъ орудій и сосудовъ,—развитіе земледѣлія и архитектуры, распространеніе научныхъ знаній, отчетливость нравственныхъ принциповъ, характеръ религіозныхъ вѣрованій и церемоній, высота общественной и политической организаціи». Эта совокупность признаковъ представляется мнѣ слишкомъ расплывчатой для того, чтобы ее можно было положить въ основу классификаціи; мѣрило должно отличаться единствомъ, однообразіемъ. Послѣдній признакъ, въ которомъ авторъ самъ повидимому объединяетъ всѣ прочіе перечисленные имъ элементы—экономическіе, художественные, научные и нравственные, — кажется мнѣ и наиболѣе опредѣленнымъ и наиболѣе точнымъ. Именно степень организаціи обществъ, разсматриваемыхъ или въ совокупности или съ точки зрѣніи каждаго изъ ихъ спеціальныхъ органовъ, взятаго въ отдѣльности, даетъ мѣру относительнаго совершенства или несовершенства этихъ обществъ или этихъ органовъ; все же прочее—развитіе или сумма богатства, народонаселенія, искусствъ, знаній—не является сама по себѣ прогрессомъ, а представляетъ только условія, благопріятствующія послѣднему: организація и прогрессъ — синонимы, они замѣняютъ другъ друга, какъ деньги замѣняютъ товаръ. Народы можно распредѣлить въ восходящій культурный рядъ, напр. австралійцы, таитяне, ацтеки, китайцы, итальянцы. Рядъ этотъ можетъ быть пополненъ переходными ступенями.

Прогрессъ въ различныхъ областяхъ цивилизаціи совершается не одновременно. Такъ напр., распространеніе христіанства характеризуется, по Тэйлору, умственнымъ упадкомъ съ одной стороны, съ другой—нравственнымъ прогрессомъ. Точно также совѣты вождей и старшинъ у нѣкоторыхъ дикарей предпочтительнѣе деспотизма нѣкоторыхъ современныхъ великихъ націй. Тутъ ясно сказывается несовершенство сложнаго критерія, принятаго авторомъ. Христіанство представляетъ собой ученіе, далеко не охватывающее всего общественнаго строя эпохи. Точно также организація народныхъ совѣтовъ у дикарей въ общемъ принадлежитъ весьма несовершенному даже съ политической точки зрѣнія общественному строю. Истинное мѣрило должно быть приложимо ко всѣмъ частямъ соціальнаго тѣла, цѣнность которыхъ желательно опредѣлить; такимъ мѣриломъ является—степень организаціи.

Тэйлоръ совершенно справедливо замѣчаетъ,—но это приложимо только къ оцѣнкѣ составныхъ элементовъ общественныхъ

организмовъ,—что для измѣренія высоты цивилизаціи нуженъ полный ея *инвентарь, статья за статьей.* Частныя изслѣдованія такого рода однакоже до сихъ поръ еще крайне неудовлетворительны. Кромѣ того, подобная статистика, напр. въ области политической экономіи, не имѣла бы рѣшающаго значенія, напр. въ томъ случаѣ, когда ростъ производства идетъ рядомъ съ усиленіемъ нищеты. Такимъ образомъ, все приводитъ насъ опять къ выводу, что для человѣческихъ обществъ, какъ и для животныхъ видовъ, степень организаціи является мѣриломъ совершенства.

Тэйлоръ посвящаетъ свое изслѣдованіе исключительно наукамъ, искусствамъ и обычаямъ, и говоритъ, что «принятымъ имъ мѣриломъ прогресса или упадка является не идеальное добро или зло, а движеніе по лѣстницѣ, поднимающейся отъ современнаго состоянія дикарей къ варварству и цивилизаціи». Методъ его положительный, въ выводахъ его нѣтъ и слѣда метафизики. Формулируемые имъ законы извлечены изъ данныхъ наблюденія и опыта. Но методъ подлежитъ совершенствованію, и въ этой способности къ совершенствованію и заключается достоинство научнаго метода. Если Тэйлоръ и устанавливаетъ лѣстницу развитія, то онъ не говоритъ ничего о мѣрѣ разстоянія между ея ступенями, а такъ какъ намъ предстоитъ измѣрить высоту цивилизаціи, то необходимо установить постоянное соотношеніе между этими ступенями. Въ этомъ смыслѣ въ методъ Тэйлора должны быть внесены поправки.

Понятно, что Тэйлоръ не могъ прійти къ сколько-нибудь отчетливой классификаціи различныхъ соціальныхъ типовъ. Его выводъ носитъ слишкомъ общій и расплывчатый характеръ: «Дикое состояніе во многихъ отношеніяхъ представляетъ собой первобытное состояніе человѣчества, изъ котораго вышла культура благодаря вліянію причинъ, донынѣ дѣйствующихъ. Поэтому-то и наблюдается фактъ первостепенной важности, что прогрессъ въ общемъ преобладалъ надъ регрессомъ. Насколько исторія можетъ служить для насъ критеріемъ, прогрессъ есть фактъ господствующій, вырожденіе—фактъ второстепенный». Это положеніе можетъ быть принято, если мы будемъ разсматривать человѣчество вообще, и особенно если мы будемъ сравнивать начальный и конечный періоды цивилизаціи. Но формула эта не вполнѣ соотвѣтствуетъ какъ состоянію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ обществъ, такъ и нѣкоторымъ состояніямъ цивилизаціи вообще, которыя не пережили только состояніе упадка, а погибли окончательно. Необходимо принять въ разсчетъ эти ограниченія.

Тэйлоръ справедливо замѣчаетъ, «что прогрессивное движеніе цивилизаціи, распространяясь, становится независимымъ отъ

судьбы тѣхъ, которые дали ему начало». Слѣдуетъ однакоже оговорить, что въ общемъ прогрессъ цивилизаціи соотвѣтствуетъ ея распространенію; верхушки цивилизаціи однакоже значительно отстоятъ отъ средняго уровня и въ особенности отъ низшихъ слоевъ, бывшихъ колыбелью прогресса и тѣмъ не менѣе нерѣдко впадавшихъ потомъ въ застой.

Нѣтъ примѣра, прибавляетъ Тэйлоръ, чтобы цивилизованный народъ естественнымъ путемъ вернулся къ дикому состоянію; несчастное населеніе нашихъ большихъ городовъ, которое часто сравниваютъ съ дикарями, нельзя приводить въ подтвержденіе подобнаго возврата: «положеніе его представляетъ нѣчто худшее, чѣмъ состояніе дикарей; это—нарушенное состояніе равновѣсія цивилизаціи». Я привѣтствую отъ души это вѣрное опредѣленіе, тѣмъ болѣе, что съ научной точки зрѣнія оно подтверждаетъ правильность предложеннаго мною мѣрила цивилизаціи. Что̀ означаютъ слова «нарушеніе равновѣсія» въ примѣненіи къ организмамъ? Переходъ къ другому, низшему состоянію равновѣсія, къ низшей степени организаціи. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что въ обоихъ сравниваемыхъ случаяхъ существуетъ значительное различіе въ нравственномъ и умственномъ отношеніи: «существенная цѣль жизни дикаря—добыть отъ природы средства къ существованію; совершенно обратное мы замѣчаемъ въ жизни пролетарія; дикарь независимъ отъ цивилизованной жизни, пролетарій отъ нея зависитъ. Точно также факты, приводимые въ доказательство вырожденія ирландцевъ и жителей Гебридскихъ о-вовъ, говорятъ скорѣе о переживаніяхъ». Выводъ изъ этого можно сдѣлать только одинъ,—что нельзя сравнивать *одинъ элементъ* англійской цивилизаціи, пролетаріатъ, съ цѣлымъ общественнымъ строемъ, извѣстнымъ подъ именемъ дикаго состоянія, что сравнивать можно только извѣстный спеціальный органъ съ другимъ спеціальнымъ органомъ того же порядка или извѣстный общій строй съ другимъ общимъ строемъ.

Тэйлоръ отмѣчаетъ также случаи регресса, когда цивилизованные люди, покинувшіе свою среду, принимаютъ обычаи дикарей. Регрессивныя отклоненія замѣчаются также среди смѣшанныхъ расъ; затѣмъ цивилизованныя личности, затерявшіяся среди дикихъ племенъ и усвоившія ихъ привычки, вносятъ мало измѣненій въ жизнь дикарей, а дѣти ихъ превращаются въ дикихъ. Тэйлоръ указываетъ однакоже, что эти случаи не доказываютъ возможности превращенія высшей стадіи цивилизаціи въ низшую. На нашъ взглядъ, подобные индивидуальные случаи имѣютъ весьма отдаленное одношеніе къ соціологіи. Ни общество высшаго типа, изъ котораго эти люди ушли, ни низшее общество, къ которому

они примкнули, не измѣнились въ своей структурѣ вслѣдствіе эмиграціи или иммиграціи нѣсколькихъ личностей. Происходитъ совершенно иное, когда эмиграція имѣетъ непрерывный и массовый характеръ.

По Тэйлору вырожденіе совершается съ бо̀льшей интенсивсивностью въ низшихъ цивилизаціяхъ сравнительно съ высшими, Это—законъ возрастающей устойчивости прогрессивныхъ обществъ-о которомъ мы будемъ говорить далѣе. На первый взглядъ кажется, что законъ этотъ противорѣчитъ другому закону, что высшія формы менѣе устойчивы сравнительно съ низшими. Но противорѣчіе здѣсь только кажущееся. *Въ одномъ и томъ же строѣ* низшія формы, представляющія продуктъ долгой наслѣдственности, естественно устойчивѣе формъ высшихъ, недавно возникшихъ и недостаточно еще организовавшихся; кромѣ того, послѣднія въ качествѣ надстройки, защищаютъ первыя. Въ Африкѣ въ новѣйшее время наблюдается быстрый регрессъ, благодаря, вѣроятно, чужеземнымъ вліяніямъ. Вильсонъ, сравнивая могущественныя негритянскія царства Западной Африки XVI и XVII вв. съ современными маленькими общинами, утратившими почти всякое воспоминаніе о прежней болѣе высокой организаціи, приписываетъ этотъ упадокъ вліянію торговли рабами. Точно также на юго-востокѣ старинныя описанія царства Мономотапа и развалины зданій изъ тесанаго камня (но безъ известковой кладки) указываютъ, что уровень цивилизаціи нѣкогда былъ въ той мѣстности выше, чѣмъ теперь.

Шарльвуа въ XVIII вѣкѣ замѣчаетъ, что ирокезы раньше строили хижины лучше другихъ индѣйскихъ племенъ и лучше ирокезовъ его времени; раньше на ихъ хижинахъ бывали рѣзныя фигуры и грубый орнаментъ. Когда деревни ихъ во время войны были выжжены, они не возстановили уже своихъ хижинъ въ прежнемъ видѣ. Вырожденіе индѣйцевъ Сіу — строго установленный фактъ. Послѣ несчастныхъ войнъ число ихъ уменьшилось, они покинули осѣдлыя жилища и земледѣліе и опять превратились въ охотниковъ-номадовъ, единственнымъ богатствомъ которыхъ являются табуны лошадей. Послѣднихъ они обмѣниваютъ ежегодно на хлѣбъ, бобы, тыквы и европейскія издѣлія, а затѣмъ возвращаются къ себѣ, въ преріи.

Тэйлоръ приводитъ затѣмъ указаніе Мильтона и Чидля на быстрое вырожденіе остатковъ племени Шушванъ въ Скалистыхъ Горахъ. У нихъ нѣтъ уже ни лошадей, ни собакъ, живутъ они подъ грубыми навѣсами изъ коры или рогожи и вымираютъ съ каждымъ днемъ. То же можно сказать объ индѣйцахъ племени Диггеръ въ сѣв. Америкѣ и объ южно-африканскихъ бушменахъ.

Это—несомнѣнные случаи соціальнаго вырожденія; встрѣчаются они преимущественно на сравнительно невысокихъ уровняхъ цивилизаціи; подобныя общества также и погибаютъ быстрѣе, чѣмъ другія общества, поставленныя, разумѣется, въ тѣ же условія. Въ самомъ дѣлѣ первобытное общество можетъ жить вѣка въ состояніи застоя, если оно не сталкивается съ внѣшними силами, тогда какъ болѣе культурное общество можетъ быть быстро уничтожено при подобномъ столкновеніи; при равныхъ однакоже условіяхъ, народъ болѣе культурный имѣетъ меньше шансовъ регрессировать и вымереть, чѣмъ народъ отсталый. По тѣмъ же причинамъ среди пролетаріата наблюдается сравнительно высокая болѣзненность и смертность.

Такимъ образомъ, сохранившіяся у низшихъ расъ легенды о прежней, болѣе счастливой жизни могутъ, если допустить мѣстное вырожденіе, соотвѣтствовать дѣйствительности. Такъ напр., Скулькрафтъ сообщаетъ, что индѣйцы-алгонквины разсказываютъ о бывшемъ золотомъ вѣкѣ, когда законы были совершеннѣе, вожди были лучше, а нравы отличались меньшей грубостью. Камчадалы также вѣрятъ, что міръ идетъ къ упадку, что число людей и достоинства ихъ уменьшаются, и что пищи на землѣ стало меньше, — и они имѣютъ полное основаніе такъ думать. Легенды о золотомъ вѣкѣ и потерянномъ раѣ не всюду являются продуктомъ иллюзіи вродѣ той, которая побуждаетъ стариковъ думать, что въ старину все было лучше. Субъективно и они имѣютъ достаточно основаній для подобнаго убѣжденія, являющагося во всякомъ случаѣ иллюзіей чувствъ и ума.

Какъ бы то ни было, Тэйлоръ придаетъ всѣмъ случаямъ вырожденія второстепенное значеніе и сравниваетъ ихъ съ явленіями обнаженія горныхъ породъ въ геологіи. «Повидимому, говоритъ онъ, не констатированъ ни одинъ случай возвращенія къ дикому состоянію народа арійской расы. Цыгане отчасти, конечно—арійской крови, но ихъ приниженное состояніе не есть состояніе дикости... На Цейлонѣ однакоже наблюдается дикое племя, говорящее на арійскомъ нарѣчіи. Это—дикая вѣтвь племени Ведда или охотниковъ, остатки которой живутъ еще до сихъ поръ въ лѣсахъ». Анатомическая организація ихъ указываетъ на первобытный арійскій типъ. Орангъ-Самимба, грубое племя, живущее на Малайскомъ полуостровѣ, не знакомо ни съ земледѣліемъ, ни съ мореходствомъ; между тѣмъ они утверждаютъ, что происходятъ отъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе малайцевъ, которые такъ страдали отъ пиратовъ, что бросили земледѣліе и отказались отъ культурныхъ привычекъ, а также перестали водить домашнюю птицу, чтобы крикъ ея не выдалъ ихъ присутствія. Передъ нами

случай атрофіи нѣкоторыхъ высшихъ соціальныхъ органовъ, вслѣдствіе того, что выгоднымъ оказалось прекращеніе ихъ функцій. Подобное же явленіе имѣетъ мѣсто съ крылатыми животными видами, которые, будучи изолированы на островахъ, мало-по-малу въ силу подбора начинаютъ производить безкрылыя разновидности. Атрофія является здѣсь полезной для сохраненія вида, такъ какъ крылатыя особи въ бо̀льшей мѣрѣ подвергаются опасности погибнуть въ морѣ.

«Если, замѣчаетъ далѣе Тэйлоръ, среди извѣстной расы нѣкоторыя вѣтви стоятъ выше другихъ въ культурномъ отношеніи, то зависитъ это чаще отъ прогресса однихъ, чѣмъ отъ регресса другихъ. Но прогрессъ чаще зависитъ въ этихъ случаяхъ отъ чужеземнаго вліянія, чѣмъ отъ внутренняго развитіи. Цивилизація—это растеніе, распространеніе котораго въ значительной мѣрѣ превосходитъ его развитіе». Тэйлоръ заключаетъ, что среди арійской и семитической расъ прогрессъ, повидимому, былъ непрерывенъ; точно также непрерывно протекалъ онъ, если не считать отдѣльныхъ историческихъ эпизодовъ, во всемірной исторіи.

«Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что за тысячи лѣтъ извѣстнаго намъ историческаго ихъ существованія ни арійская, ни семитическая раса не дали ни одного дикаго отростка; этотъ фактъ, подтверждаемый исторіей языка, сильно говоритъ противъ возможности того, чтобы когда-либо совершился возвратъ къ дикому состоянію... Представимъ себѣ ходъ цивилизаціи, какъ движеніе отдѣльнаго человѣка. Мы видимъ, что онъ то двигается медленными шагами, то останавливается, то направляется на тропинки, приводящія его назадъ къ тому же мѣсту, изъ котораго онъ задолго передъ тѣмъ вышелъ. Но уклонился ли онъ съ настоящаго пути или нѣтъ, все время онъ идетъ впередъ. Если онъ пытается пятиться, его походка принимаетъ особый характеръ, она становится слабой, колеблющейся: она противорѣчитъ устройству его тѣла, его ноги устроены не такъ, чтобы ему удобно было пятиться назадъ. Вотъ почему онъ шатается. Типомъ движенія человѣка является—движеніе впередъ, прогрессъ».

Мы взяли ученый трудъ Тэйлора какъ образчикъ многихъ трудовъ подобнаго рода. Метафизики въ нихъ мы уже не находимъ; авторы ихъ только формулируютъ общіе выводы, терпѣливо извлекаютъ законы изъ наблюденій, предпринятыхъ безъ предвзятой мысли и собираемыхъ методически. Таковъ великій научный переворотъ, совершившійся во второй половинѣ XIX вѣка. Создалась, какъ вѣнецъ всѣхъ прочихъ абстрактныхъ наукъ, положительная соціологія, а изъ совокупности частныхъ законовъ каждой изъ этихъ наукъ мы начинаемъ извлекать всеобщіе за-

коны, научную философію, которая именно благодаря своей научности можетъ объединить однимъ убѣжденіемъ всѣ вѣтви человѣческаго рода по мѣрѣ того, какъ будетъ прогрессировать цивилизація. Первобытныя вѣрованія исключаютъ другъ друга, метафизическія ученія противорѣчатъ другъ другу; только наука и философія наукъ достаточно широки для того, чтобы соединить въ общемъ убѣжденіи все человѣчество не только въ лицѣ современныхъ поколѣній, но и въ лицѣ поколѣній прошедшихъ и будущихъ.

Медленное образованіе положительнаго представленія о прогрессѣ, эволюцію котораго мы прослѣдили, само по себѣ является уже примѣромъ развитія въ теченіе вѣковъ все болѣе и болѣе яснаго и широкаго коллективнаго сознанія. Грубѣйшія суевѣрія, вѣра въ фетишей, въ злыхъ или добрыхъ духовъ, наконецъ въ духовъ, соединяющихъ въ себѣ доброту и злобу, вмѣшательсгво ихъ въ человѣческую жизнь, — вотъ къ чему сводятся первыя попытки объяснить и различить добро и зло. Эти грубыя представленія были необходимы: только они могли регулировать поведеніе въ средѣ первобытныхъ обществъ. Необходимо было установить сходство и различіе между фактами, имѣющими благодѣтельное и вредное вліяніе, и дать имъ какое-нибудь объясненіе, чтобы явилась возможность выяснить самое понятіе прогресса и сдѣлать прогрессъ возможнымъ. Религіи, устанавливая іерархическія различія между душами усопшихъ, внесли въ представленія больше порядка и единства; въ концѣ концовъ единое и разумное руководительство было принято, какъ объясненіе соціальной динамики. По мѣрѣ успѣховъ разума, мѣсто теософій заняли абстрактныя сущности, совершился естественный переходъ отъ религій къ метафизикѣ. По мѣрѣ того, какъ науки становились на болѣе прочную почву, начиная съ простѣйшихъ и наиболѣе общихъ, для объясненія общественной жизни были пущены въ ходъ гипотезы математическія, астрономическія, физическія; когда (въ концѣ XVIII в.) химія сдѣлалась точной наукой, она дала теоретическія основы для индивидуалистическихъ ученій. Въ XIX вѣкѣ громадные успѣхи біологіи и психологіи сообщили наконецъ наукѣ болѣе сложной, но состоящей съ ними въ тѣсномъ родствѣ, видъ, болѣе соотвѣтствующій ея содержанію: общества разсматриваются, какъ организмы, а прогрессъ — какъ совершенствованіе организаціи или порядка.

Мы присутствовали при длинныхъ спорахъ, при временныхъ рѣшеніяхъ, которыя, слѣдуя другъ за другомъ безъ перерывовъ и представляя замѣчательную однородность на всемъ протяженіи исторіи философіи, содѣйствовали возникновенію чисто научной

теоріи прогресса и регресса. Коллективное сознаніе, все болѣе и болѣе объединяющее различныя отдѣльныя общества, сформировалось такъ же, какъ формировались представленія, охватывавш!я болѣе ограниченную область, обнимавшія какую-нибудь мѣстную цивилизацію—отдѣльныя великія общества вродѣ римской имперіи, или маленькія вродѣ греческой общины. Эти послѣднія въ свою очередь формировались такъ же, какъ формируется индивидуальное представленіе. Всѣ эти представленія представляютъ собой аггрегатъ опытовъ, послѣдовательно интегрировавшихся и наслоившихся, причемъ болѣе древнія пріобрѣтенія образуютъ самые глубокіе слои. Научная философія представляетъ послѣднюю форму интеграціи сознаній индивидуальнаго, мѣстнаго, національнаго и международнаго въ одно общее сознаніе; послѣдовательное развитіе ея идетъ параллельно съ прогрессомъ цивилизаціи во всѣхъ ея областяхъ. Единство сознанія, обнаруживающееся въ исторіи развитія соціальныхъ ученій, является лучшимъ доказательствомъ того, что единство и непрерывность точно такъ же существуютъ въ коллективномъ сознаніи, какъ и въ сознаніи индивидуальномъ. Разногласія, волновавшія различныя церкви и школы по вопросу о прогрессѣ, напоминаютъ внутреннюю борьбу, происходящую въ насъ самихъ, прежде чѣмъ мы выберемъ опредѣленный путь, остановимся на опредѣленномъ рѣшеніи. Всегда и всюду, въ обществахъ точно такъ же какъ въ индивидахъ, одна господствующая мысль получаетъ наконецъ перевѣсъ и властно предписываетъ извѣстный образъ дѣйствій. Мы видѣли, какая мысль получила перевѣсъ въ исторіи цивилизаціи. Съ настоящаго времени философія наукъ, занявъ мѣсто первобытныхъ вѣрованій и метафизики, или вѣрнѣе возвысившись надъ ними, будетъ вносить свѣтъ въ сознаніе, какъ индивидуальное, такъ и всего человѣчества,

Намъ предстоитъ теперь не въ сознаніи только, но въ цѣльной и дѣятельной жизни обществъ отыскать законы ихъ прогресса и регресса.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ПРОГРЕССЪ И РЕГРЕССЪ ОБЩЕСТВЪ.

ГЛАВА I.

Соціальная динамика.

Отношенія и законы, открываемые соціологіей путемъ наблюденія и классификаціи общественныхъ явленій, не носятъ характера только статическихъ. Формы, органы и системы органовъ, въ которыхъ эти отношенія и законы воплощаются во времени и въ пространствѣ, не только комбинируются и укладываются въ нѣчто цѣлое, всѣ части котораго тѣсно связаны между собой и стоятъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Эти комбинаціи, этотъ укладъ, эта общая структура соотвѣтствуютъ частнымъ функціямъ, приспособленнымъ къ интересамъ, цѣлямъ, функціямъ, носящимъ одновременно частный и общій характеръ. Общества обладаютъ извѣстной структурой, и структура эта живетъ.

Выраженія «структура» и «жизнь» болѣе, чѣмъ «статика и динамика», соотвѣтствуютъ состояніямъ покоя и движенія общественныхъ организмовъ, болѣе обширныхъ, сложныхъ и долговѣчныхъ, чѣмъ организмы біологическіе, къ которымъ они стоятъ въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ къ тѣламъ неорганическимъ.

Законы связности, соотношенія, непрерывности, солидарности, однородности и равновѣсія имѣютъ соотвѣтствующіе функціональные эквиваленты въ области коллективной динамики.

Функція неотдѣлима отъ органа, совокупная дѣятельность организма—отъ общей его структуры. Государство (подъ этимъ словомъ я понимаю всякую общественную организацію) представляетъ не только рядъ отношеній одновременныхъ и существующихъ, но и рядъ отношеній послѣдовательныхъ. Хотя эти двѣ

стороны организаціи—существующій порядокъ и развитіе—тѣсно связаны между собой, однако же ихъ можно изучать отдѣльно, какъ изучаются морфологія и физіологія. Не слѣдуетъ однако же никогда упускать изъ виду, что всякое измѣненіе въ общественной жизни стоитъ всегда въ связи съ измѣненіемъ соціальной структуры или, по крайней мѣрѣ, стремится привести къ такому измѣненію. Эти измѣненія могутъ представлять или простое развитіе, или прогрессъ или регрессъ, эволюцію или инволюцію. Во всякомъ случаѣ, соотвѣтствіе или стремленіе къ соотвѣтствію между структурой и жизнью представляетъ законъ постоянный.

Прогрессъ и регрессъ—сложные факты и понятія. Они содержатъ въ себѣ нѣчто бо́льшее, чѣмъ простое развитіе и, особенно, чѣмъ простое измѣненіе. Прогрессъ и регрессъ—частные и болѣе сложные случаи измѣнчивости, общей всѣмъ организмамъ и неорганическимъ тѣламъ. Превращенія въ соціальномъ организмѣ выражены даже несравненно рѣзче, чѣмъ въ органической природѣ, включая сюда человѣка. Это естественно вытекаетъ уже изъ законовъ измѣнчивости. Однородный и занимающій мало пространства аггрегатъ, напр. атомъ, въ несравненно меньшей степени подверженъ перемѣнамъ, чѣмъ однородное же, но занимающее больше пространства тѣло. Въ послѣднемъ дѣйствіе одной какой-нибудь причины вызоветъ не одинъ какой-нибудь, а многочисленные и разнообразные результаты, въ зависимости отъ того, напр., подѣйствуетъ ли она на поверхностные или глубокіе, средніе или верхніе отдѣлы тѣла. Измѣнчивость станетъ еще значительнѣе, если причина будетъ дѣйствовать на аггрегатъ, не только протяженный въ пространствѣ, но и болѣе или менѣе разнородный, дифференцированный. Когда дифференціація — какъ это имѣетъ мѣсто у высшихъ животныхъ, включая сюда человѣка— достигаетъ очень высокой степени, то реакціи и перемѣны, вызванныя внѣшними воздѣйствіями, принимаютъ еще болѣе значительные размѣры. По этой именно причинѣ степень или интенсивность жизни всегда соотвѣтствуетъ сложности структуры. Понятно поэтому, въ виду приведенныхъ общихъ законовъ, что общества, по измѣнчивости своей, превосходятъ всѣ прочія тѣла природы, органическія и не органическія, и что измѣнчивость эта тѣмъ значительнѣе, чѣмъ значительнѣе дифференціація среди общества. Другія вліянія: естественный подборъ, приспособленіе и особенно коллективныя традиціи, подражаніе и наслѣдственность, конечно, задерживаютъ нѣсколько и противодѣйствуютъ этому стремленію обществъ къ преобразованію. Тѣмъ не менѣе, общество остается подчиненнымъ общимъ законамъ, управляющимъ измѣнчивостью.

Уже одинъ фактъ соціальныхъ превращеній самъ по себѣ доказываетъ, что явленія коллективной жизни необходимо представляютъ рядъ одновременный и послѣдовательный въ одно и то же время; современное состояніе всегда обусловлено предшествующимъ состояніемъ и обусловливаетъ въ свою очередь будущее, которое оно несетъ въ своемъ чревѣ; въ свое время взаимныя и непрерывныя дѣйствія и противодѣйствія извнѣ и изнутри вызовутъ срочные роды, причемъ срокъ, въ который они наступятъ, представляетъ бо́льшую, но столь же опредѣленную величину, какъ при родахъ физіологическихъ.

Въ нашихъ этюдахъ, посвященныхъ общей структурѣ обществъ, мы установили, что коллективные организмы въ общемъ не только развиваются, но и совершенствуются: во 1-хъ, путемъ наростанія ихъ массы, т. е. роста территоріи и населенія; во 2-хъ, путемъ все увеличивающейся дифференціаціи частей этой массы; въ 3-хъ, путемъ прогрессивной и органической координаціи дифференцированныхъ такимъ образомъ частей.

Эти законы прогресса структуры могутъ, согласно вышесказанному, быть приложены также и къ законамъ развитія функцій и жизни, стоящихъ или по крайней мѣрѣ стремящихся стать въ точное соотвѣтствіе къ структурѣ.

Прогрессъ соціальной жизни, — если только въ ней существуетъ прогрессъ, — долженъ поэтому идти параллельно прогрессу общественной структуры. Что касается послѣдняго, то онъ подчиненъ общимъ законамъ превращенія и измѣнчивости, приводящимъ насъ къ общимъ научнымъ основамъ всѣхъ нашихъ знаній и всѣхъ явленій: наблюденію и существованію элементовъ сходства и различія, сосуществованія и послѣдовательности.

Въ «Соціологическихъ законахъ» я указалъ на сложность дѣйствій и противодѣйствій, обнаруживаемыхъ общественными явленіями другъ по отношенію къ другу. Динамическія комбинаціи, могущія возникнуть въ соціальной ткани, не уступаютъ по сложности только безконечной путаницѣ статическихъ отношеній, особенно въ обществахъ болѣе развитыхъ и болѣе сложныхъ. Мы можемъ однако же — отвлекаясь отъ случаевъ наиболѣе частныхъ — составить себѣ достаточно ясное представленіе о соціальной жизни и извлечь изъ нея нѣсколько общихъ законовъ по вопросу о прогрессѣ и регрессѣ — вопросу, столь несовершенно еще разрѣшенному и однако же представляющему для насъ живой, даже жгучій интересъ.

Законъ взаимодѣйствія жизненныхъ явленій общественныхъ организмовъ, на основаніи безчисленныхъ наблюденій, доставленныхъ намъ соціальными науками и главною областью на-

блюденія и эксперимента въ сферѣ общественныхъ явленій — исторіей, можетъ быть формулированъ — по необходимости пока еще только приблизительно и въ общихъ чертахъ, въ зависимости отъ современнаго несовершенства соціологіи—въ слѣдующихъ десяти правилахъ:

1) Общественныя дѣйствія и противодѣйствія стоятъ въ опредѣленномъ отношеніи къ степени простоты и общности соотвѣтствующихъ явленій и функцій. Такъ, дѣйствія и противодѣйствія экономическаго характера отличаются бо̀льшей простотой и общностью сравнительно съ дѣйствіями и противодѣйствіями нравственнаго, юридическаго и политическаго порядка.

2) Явленія и функціи болѣе простыя и болѣе общія оказываютъ болѣе простое и общее вліяніе на явленія и функціи, болѣе сложныя и болѣе частныя.

3) Явленія и функціи, непосредственно предшествующія, оказываютъ наиболѣе непосредственное и прямое воздѣйствіе на явленія и функціи, непосредственно за ними слѣдующія.

4) Дѣйствія и противодѣйствія между явленіями и функціями различныхъ классовъ, не слѣдующихъ другъ за другомъ непосредственно, носятъ менѣе прямой и непосредственный характеръ, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда существуетъ прямая связь между классами.

5) Легче всего наступаетъ ассоціація между однородными явленіями одного и того же класса.

6) За сдѣланными выше оговорками, всѣ явленія и всѣ функціи взаимно реагируютъ другъ на друга.

7) Болѣе частныя и высшія явленія и функціи реагируютъ на явленія и функціи низшаго порядка, болѣе простыя и болѣе общія.

8) Ихъ вліяніе достигаетъ наибольшей силы въ тѣхъ случаяхъ, когда они дѣйствуютъ на явленія и функціи наиболѣе простыя и наиболѣе общія.

9) Въ общемъ вліяніе ихъ—только слабое и косвенное.

10) Высшія явленія и функціи можно различать не только во всей совокупности классовъ общественныхъ явленій, но и въ каждомъ отдѣльномъ классѣ; являясь наиболѣе поздними по происхожденію, они въ то же время наиболѣе поверхностны, наиболѣе измѣнчивы, наименѣе устойчивы. Напротивъ того, низшія, болѣе простыя и болѣе общія явленія и функціи являются въ то же время наиболѣе древними, глубже всего претворенными въ организаціи общественнаго организма (интегрированными) наиболѣе устойчивыми. Поэтому онѣ труднѣе другихъ поддаются

видоизмѣненію, но за то видоизмѣненіе ихъ даетъ наибольшіе результаты.

Нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ различныхъ классовъ общественныхъ явленій, познакомятъ насъ въ болѣе конкретной формѣ съ дѣйствіемъ этихъ наиболѣе общихъ законовъ соціальной динамики и позволятъ намъ сдѣлать нѣсколько выводовъ по вопросу объ общественномъ прогрессѣ и регрессѣ.

Разсмотримъ сначала прямое или косвенное воздѣйствіе экономическаго фактора на другіе соціальные факторы. Не говоря уже о томъ, что послѣдніе и логически и естественно стоятъ къ первому въ отношеніи преемственности, представляя въ дѣйствительности надстройку къ нему, преобладающее преобразующее вліяніе экономическаго фактора доказывается всѣмъ историческимъ и политическимъ опытомъ. Выдающуюся роль его признавали всѣ соціологи, начиная съ Аристотеля и кончая Ог. Контомъ, Кэтле и Герб. Спенсеромъ. По одному изъ наиболѣе изумительныхъ противорѣчій метафизики и даже первые позитивисты признали за мнѣніями, идеями или чувствами руководящую роль въ общественной жизни. Всѣ политическіе писатели съ древности до нашихъ дней наблюдали, что равенство въ экономической сферѣ необходимо совпадаетъ съ равенствомъ во всѣхъ другихъ сферахъ общественной жизни,—въ области семейныхъ отношеній, въ области функцій художественныхъ, научныхъ и нравственныхъ, въ пониманіи и осуществленіи права и, наконецъ, въ области политической. Историческая эволюція Египта, Китая, Индіи, Персіи, Греціи и Рима, — если мы ограничимся только великими древними цивилизаціями—самымъ очевиднымъ образомъ подтверждаетъ этотъ общій законъ. Разсмотримъ его въ приложеніи къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ.

Таблица, помѣщенная въ моихъ «Соціологическихъ законахъ», доказываетъ неопровержимымъ образомъ постоянное вліяніе размѣровъ заработной платы на число незаконныхъ рожденій, а также слѣдовательно и на смертность незаконнорожденныхъ дѣтей. Такъ какъ эти недочеты общественной жизни правильно соотвѣтствуютъ размѣрамъ заработной платы среди даннаго рабочаго населенія, то послѣдніе и слѣдуетъ считать главной ихъ причиной, нѣкоторыя же колебанія въ правильности этихъ сопутствующихъ измѣненій зависятъ отъ причинъ второстепенныхъ. Такимъ образомъ, экономическія отношенія вліяютъ на ростъ народонаселенія въ видѣ двухъ элементовъ этого роста—рождаемости и смертности, затѣмъ на брачность, а слѣдовательно на семью, нравственность и преступность, какъ это доказываютъ данныя относительно количества дѣтоубійствъ, помѣщенныя въ названной книгѣ.

Въ Римѣ во времена имперіи колоны различныхъ имѣній могли вступать въ бракъ между собою, но супруговъ могли разлучить, если имѣнія принадлежали разнымъ владѣльцамъ. На словахъ и по закону, дѣти, происшедшія отъ такого брака, были свободными людьми, какъ и родители ихъ, но эта юридическая свобода въ дѣйствительности не существовала: на дѣлѣ и родители и дѣти были на-вѣки прикрѣплены къ землѣ. Экономическій факторъ такимъ образомъ преобразовывалъ и семью, и частное и публичное право; благодаря его вліянію законъ превращался въ мертвую букву. Развѣ не то же имѣетъ мѣсто теперь по отношенію къ принципу свободы труда? Всякое законодательство, провозглашающее этотъ принципъ, стоитъ въ противорѣчіи съ экономическими фактами, доказывающими, что капиталъ до сихъ поръ господствуетъ надъ производствомъ и трудомъ вмѣсто того, чтобы стоять въ подчиненіи къ нимъ. Еще очевиднѣе ту же истину подтверждаетъ указаніе знаменитаго Іеринга, что въ Римѣ нѣсколько ростовщиковъ располагали сотнями голосовъ избирателей. Развѣ то же не имѣетъ мѣста и теперь?

Во II и III вв. послѣ Р. Х. римское право достигло высшей ступени своего развитія, но въ дѣйствительности для массы гражданъ не существовало ни свободы, ни права. Возникаетъ колонатъ, крупная собственность вытѣснила мелкую. Если колонъ сдѣлается несостоятельнымъ должникомъ, останется ли онъ, согласно публичному праву, свободнымъ гражданиномъ? Нѣтъ, функціональный экономическій законъ подчинитъ себѣ публичное право. Въ указѣ императора Константина, отъ 332 года, говорится: «Что касается колоновъ, дѣлающихъ попытку бѣжать, то владѣлецъ долженъ надѣть имъ на ноги кандалы, какъ на рабовъ... Тотъ, у кого окажется колонъ, принадлежащій другому, обязанъ не только возвратить его, но и уплатить поголовный налогъ за время, втеченіе котораго онъ его у себя держалъ.

Динамическое воздѣйствіе экономической жизни на политическую жизнь и на право носитъ постоянный и всеобщій характеръ. Въ кельтской Галліи, по словамъ Цезаря, плебеи, ставшіе несостоятельными должниками, *добровольно* отдавали себя въ рабство, чтобы избѣжать нищеты; точно такъ-же наши рабочіе *свободно* соглашаются на длинный рабочій день за ничтожную плату.

Лавелэ справедливо поэтому полагалъ, что причины, обусловливающія преобразованіе формъ правленія, главнымъ образомъ лежатъ въ экономической области, и что «первою изъ этихъ причинъ является характеръ распредѣленія собственности». Подтвержденіемъ можетъ служить между прочимъ исторія королевской власти въ Западной Европѣ. Получивъ въ свои руки большіе

домены и правильные, крупные доходы, она, опираясь на постоянное войско, сокрушила феодализмъ.

Въ настоящее время европейскій общественный строй имѣетъ характеръ демократіи, если принимать въ разсчетъ только представительную и избирательную систему. Но экономическая борьба классовъ до сихъ поръ не привела еще къ экономической эмансипаціи массъ. Если экономическое положеніе послѣднихъ не измѣнится въ короткое время къ лучшему, то не подлежитъ сомнѣнію, что и политическія формы утратятъ свою обманчивую внѣшность, наступитъ общественный регрессъ и воскреснетъ болѣе или менѣе аристократическое и деспотическое публичное право. Если благопріятное измѣненіе общественнаго строя, напр. установка политическаго равенства, не сопровождается въ скоромъ времени соотвѣтствующимъ преобразованіемъ остальной структуры, то частное преобразованіе всегда недолговѣчно и скоро приспособляется къ симметріи цѣлаго.

Экономическая жизнь непосредственно вліяетъ на всѣ элементы роста народонаселенія, т. е. на сохраненіе и воспроизведеніе человѣческаго рода. Особенно сильно вліяетъ она на аффективную жизнь и вліяніе ея непосредственно сказывается на организаціи семейнаго строя. Менѣе непосредственно вліяетъ она на дѣятельность художественную и эмоціональную, еще менѣе— на дѣятельность научную, и вліяніе ея становится крайне слабымъ и косвеннымъ по отношенію къ строю нравственному, юридическому и политическому—въ полномъ соотвѣтствіи съ нашимъ закономъ іерархической классификаціи семи классовъ общественныхъ явленій.

Точно также семейный строй оказываетъ непосредственное вліяніе на эстетическую дѣятельность и косвенное—на дальнѣйшія, высшія и болѣе частныя функціи. У воинственныхъ племенъ, среди которыхъ женщины и слабыя существа вообще стоятъ въ томъ же положеніи, что плѣнники, и разсматриваются, какъ низшія существа, культъ красоты естественно уступаетъ мѣсто культу мышечной силы; даже добродѣтель (virtus) становится монополіей мужчины. Воинъ въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ или разукрашенный искусственно считается тамъ болѣе красивымъ, чѣмъ представительницы слабаго пола и стоитъ выше послѣднихъ во всѣхъ другихъ соціальныхъ отношеніяхъ.

Искусства вліяютъ непосредственно на умственную жизнь общества. «Съ полнымъ основаніемъ изящную литературу называютъ старшей сестрой науки, замѣчаетъ Клодъ Бернаръ въ своей вступительной академической рѣчи; можно считать зако-

номъ умственной эволюціи народовъ, что поэты и философы являются у нихъ всегда раньше науки. Въ этомъ прогрессивномъ развитіи человѣчества поэзія, философія и наука представляютъ три фазы нашего умственнаго развитія, проходящаго послѣдовательно черезъ стадіи преобладанія чувства, разума и опыта». Подъ философіей знаменитый физіологъ разумѣетъ здѣсь метафизику, исходящую изъ разсужденій субъективныхъ и дедуктивныхъ. Въ нашемъ «Введеніи въ соціологію» мы указали,—какъ это признавалъ уже Платонъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ,—что метафизика есть дочь искусства и поэзіи. Напротивъ того, положительная философія можетъ возникнуть только послѣ того, какъ сформировались всѣ науки, влючая сюда соціологію—синтетическую философію всѣхъ частныхъ соціальныхъ наукъ.

Незачѣмъ еще разъ повторять, что художественная жизнь подвергается съ своей стороны косвенному воздѣйствію экономическаго строя; при посредствѣ промышленности, искусство стоитъ въ тѣсной связи съ совокупностью нашей экономической жизни. Точно также косвенно, при посредствѣ толчка, сообщаемаго имъ жизни душевной и особенно коллективнымъ вѣрованіямъ, искусство косвенно вліяетъ на высшіе и болѣе сложные элементы общественной жизни. Въ настоящемъ очеркѣ насъ интересуютъ только тѣ элементы общественной жизни, которые прямо и непосредственно вліяютъ на эволюцію и регрессъ обществъ; полный подробный анализъ взаимодѣйствія различныхъ сторонъ общественной жизни мы дадимъ въ другомъ мѣстѣ.

Вѣрованія религіозныя, метафизическія или научныя непосредственно вліяютъ на общественную нравственность. Это было прекрасно подмѣчено величайшимъ политическимъ геніемъ франкской монархіи. Въ знаменитомъ своемъ рескриптѣ объ учрежденіи школъ, Карлъ В. пишетъ: «Quamvis enim melius est facere quam nosse, prius tamen est nosse quam facere (хотя лучше хорошо дѣйствовать, чѣмъ знать, тѣмъ не менѣе необходимо знать, прежде чѣмъ дѣйствовать)». Наука выясняетъ и направляетъ наше поведеніе, она сообщаетъ послѣднему ту идеальную высшую форму, на которой оно возвышается до понятія о законѣ и нравственности.

Спустя десять приблизительно вѣковъ философія, въ лицѣ безсмертнаго Имм. Канта, формулировала тотъ же динамическій законъ въ слѣдующихъ словахъ: «Отсюда слѣдуетъ, что нравственное воспитаніе человѣка должно начинаться не съ улучшенія его нравовъ, а путемъ обновленія его образа мышленія и образованія у него характера; съ этого и слѣдуетъ начинать, хотя обыкно-

венно поступаютъ иначе и борются исключительно противъ пороковъ, не касаясь совершенно ихъ общаго источника».

Такъ напр. борьба противъ алкоголизма при помощи моральныхъ увѣщаній можетъ по необходимости и всегда давать только ничтожные результаты; успѣхъ ея будетъ обезпеченъ только тогда, когда явится болѣе научное и правильное представленіе объ общественной жизни, когда окрѣпнетъ сознаніе, что нравственному преобразованію должно предшествовать коренное преобразованіе умственное, которое въ свою очередь можетъ быть достигнуто только благодаря прогрессивному устраненію экономическаго неравенства и нищеты.

Въ свою очередь общественная нравственность вліяетъ на право, а юридическія представленія непосредственно преобразуютъ воззрѣнія и учрежденія политическія. Одинъ изъ самыхъ ученыхъ и глубокихъ французскихъ юристовъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ результатъ своихъ долголѣтнихъ изслѣдованій: «Для меня, говоритъ Віолле, несомнѣнно, что развитіе права должно не предшествовать, а слѣдовать за экономической эволюціей, выражаясь измѣненіями въ обычаяхъ и нравахъ». Извѣстный русскій соціологъ Новиковъ формулируетъ тотъ же динамическій законъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Организація семьи и собственности регулируется у всѣхъ народовъ обычаями столь укоренившимися, что она противостоитъ всякимъ нападеніямъ, какъ твердыя горныя породы противостоятъ дѣйствію волнъ. Въ XVIII вѣкѣ полагали, что законодатель съ доброй волей можетъ совершенно преобразовать общественную организацію. Съ тѣхъ поръ мы утратили эту наивную вѣру. Мы знаемъ, что недостаточно издать законъ, чтобы онъ исполнялся; мы знаемъ, какъ опасно касаться этихъ основныхъ элементовъ права, за которые народы держатся съ непреодолимой силой, оттого что они кажутся имъ соотвѣтствующими природѣ вещей. Европейскіе судьи въ азіатскихъ владѣніяхъ часто принуждены примѣнять законы, внушающіе имъ омерзѣніе, такъ какъ эти законы отвѣчаютъ міровоззрѣнію народа. Конечно, прилагаютъ старанія, чтобы видоизмѣнить это законодательство, но какъ извѣстно въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ дѣйствовать осторожно и безъ насилія. Нуженъ былъ большой запасъ мужества со стороны лорда Бентинка, чтобы отмѣнить въ Бенгаліи ужасный обычай сожженія вдовъ. Мы понимаемъ въ настоящее время, что нападеніе съ фронта на основное народное право свидѣтельствуетъ о не особенно высокой тактикѣ. Слѣдуетъ обойти позицію, подѣйствовать предварительно на понятія,

превращающіяся въ нравы и затѣмъ въ законы. Начинать съ послѣднихъ значило бы напрасно тратить усилія».

Несмотря на слишкомъ абсолютный выводъ, дѣлаемый Новиковымъ, слова его подтверждаютъ въ значительной части установленный нами законъ соціальной динамики. Утверждать вслѣдъ за Ог. Контомъ и Г. Спенсеромъ, что предварительно слѣдуетъ дѣйствовать на мнѣнія или чувства, значитъ или ничего не говорить или вводить въ соціологію идеализмъ. Слова Новикова содержатъ въ себѣ почти тавтологію: всякое соціальное явленіе, всякій соціальный актъ уже въ силу основныхъ началъ общественной организаціи предполагаютъ участіе эмоціональной и умственной дѣятельности какъ со стороны дѣйствующихъ, такъ и со стороны страдательныхъ, пассивныхъ лицъ; въ самомъ дѣлѣ, всякій общественный элементъ содержитъ въ себѣ, кромѣ физической среды, человѣческія личности, одаренныя сознаніемъ. Контъ и Спенсеръ не рѣшаютъ вопроса, они только перемѣщаютъ составные его элементы и придаютъ имъ другой внѣшній видъ. Придерживаясь ихъ точки зрѣнія, пришлось бы только спросить, вліяютъ ли политическія идеи и эмоціи на идеи и эмоціи юридическія и т. д. Что касается Новикова, то выводъ его носитъ слишкомъ абсолютный характеръ вслѣдствіе того, что онъ упустилъ изъ виду, что рядомъ съ безсознательными законами соціологической динамики существуютъ и другіе законы, регулирующіе методическое вмѣшательство общества въ его организацію. Такъ напр. при помощи своихъ представительныхъ и обсуждающихъ органовъ общество можетъ преобразовать въ выгодномъ для него направленіи свою экономическую организацію и такимъ образомъ сдѣлать возможнымъ проявленіе естественнаго закона, въ силу котораго за преобразованіемъ экономическихъ факторовъ слѣдуетъ преобразованіе соціальныхъ факторовъ болѣе частныхъ и болѣе сложныхъ въ соотвѣтствіи съ ихъ положеніемъ въ іерархическомъ классификаціонномъ ряду.

Приведенные выше факты, какъ бы они ни были изолированы и недостаточны въ качествѣ полнаго, научнаго обоснованія, позволяютъ намъ однакоже установить, хотя бы въ формѣ гипотетическаго положенія, могущаго руководить дальнѣйшими изслѣдованіями, слѣдующій первый общій законъ общественой жизни:

Общественныя функціи прямо и косвенно вліяютъ другъ на друга согласно естественному и іерархическому порядку возрастающей сложности и частности различныхъ классовъ явленій, къ которымъ онѣ относятся.

Въ такомъ простѣйшемъ и наиболѣе общемъ видѣ можно фор-

мулировать законъ взаимодѣйствія факторовъ общественной жизни, отвлекаясь отъ безчисленныхъ формъ взаимодѣйствія побочныхъ и болѣе сложныхъ. Въ такомъ видѣ онъ вытекаетъ изъ многочисленныхъ согласующихся между собой наблюденій, которыя я имѣлъ возможность собрать за долгіе годы своихъ изслѣдованій, а также изъ работъ спеціалистовъ, изучавшихъ частныя соціальныя науки. Я только координировалъ ихъ выводы, чтобы извлечь изъ нихъ законъ, обобщеніе.

Тѣмъ не менѣе, дѣятельность общественнаго организма не идетъ только сверху внизъ, отъ простого къ сложному, отъ общаго къ частному, хотя это и путь наиболѣе постоянный, наиболѣе удобный и наиболѣе самопроизвольный въ томъ смыслѣ, что онъ требуетъ наименьшихъ сознательныхъ усилій и могъ бы даже быть названъ безсознательнымъ, сравнительно съ тѣмъ направленіемъ общественной дѣятельности, которымъ мы займемся далѣе. Наиболѣе частныя, сложныя и высшія функціи реагируютъ въ свою очередь—сверху внизъ. Это также вытекаетъ изъ многочисленныхъ согласующихся между собой наблюденій. Приведемъ нѣсколько примѣровъ не въ качествѣ доказательства, а только для иллюстраціи, въ интересахъ выясненія вопроса и облегченія дальнѣйшихъ изслѣдованій. Впослѣдствіи нами будетъ дано подробное изложеніе соціальной динамики; здѣсь же мы касаемся только того, что̀ необходимо для уясненія вопроса объ общественномъ прогрессѣ и регрессѣ.

Функція политическая—высшая регулирующая функція коллективной жизни — вліяетъ прямо на функцію непосредственно низшую, право, и косвенно на всѣ прочія функціи въ порядкѣ возрастающей общности ихъ и простоты, т. е. сверху внизъ. Любопытнымъ подтвержденіемъ этого закона является прекращеніе дѣйствія во время войны прогрессивныхъ завоеваній общественной жизни. Такъ напр. въ Римѣ народные трибуны, находясь при арміи, лишены были всякой власти. Городъ имѣлъ внутреннюю мирную организацію, трибунатъ былъ завоеваніемъ плебеевъ, имѣвшимъ цѣлью мирное упорядоченіе отношеній между классами; но внѣ города трибуны лишены были всякой власти. Въ арміи имѣется одна только власть, въ арміи соціальное тѣло превращается въ іерархически-централизованный организмъ съ одной головой. Въ арміи, т. е. органѣ той политической функціи, которая имѣетъ назначеніемъ нападеніе или защиту въ интересахъ развитія или сохраненія соціальной группы, плебеи опять становятся подчиненными. Права ихъ не гарантируются уже трибунатомъ, какъ въ городѣ, гдѣ господствуетъ мирный режимъ.

Суровость военнаго суда, особенно въ военное время и у воинственныхъ народовъ, также подтверждаетъ непосредственное вліяніе политической функціи на право и косвенное—на нравственность и нравы; несомнѣнно также вредное вліяніе войны на науки, искусства, семейную жизнь. 1 іюля 1894 года, какъ сообщаетъ газета «Réforme» отъ того же числа, во Франціи одинъ солдатъ, убившій кабатчика, жену котораго онъ предварительно оскорбилъ въ пьяномъ видѣ, былъ приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію, тогда какъ того же числа другой солдатъ въ Алжирѣ, оскорбившій своего начальника, былъ приговоренъ къ смерти.

Экономическая жизнь арміи даже въ мирное время стремится облечься въ формы экономической жизни мало-культурныхъ народовъ. Армія живетъ не собственнымъ трудомъ, а или контрибуціей съ завоеванной страны или на счетъ налога на общественный трудъ, и эти расходы играютъ немаловажную роль въ нашихъ экономическихъ кризисахъ. Военный строй преобразуетъ также семейную жизнь: въ Бельгіи до сихъ поръ еще военный, даже находясь въ отпуску, не можетъ жениться безъ разрѣшенія министра. Формы судопроизводства въ военномъ судѣ имѣютъ болѣе суровый характеръ, участіе присяжныхъ здѣсь не допускается *). Курьезный образчикъ регрессивнаго вліянія встрѣчается въ области монетнаго дѣла: это—выпускъ въ осажденныхъ городахъ особой осадной монеты, донельзя напоминающей грубую монету первобытныхъ временъ.

Законодательство и право непосредственно реагируютъ на нравственность и нравы, координируя напр. и регулируя нѣкоторые акты жизни частной или публичной, вслѣдствіе спеціальнаго своего характера или поздняго происхожденія не получившіе еще, или не получившіе въ достаточной степени или не могущіе никогда получить организаціи и интегрироваться благодаря одной только морали, т. е. безъ точно опредѣленной санкціи. Косвенно законодательство и право могутъ вліять въ хорошую или дурную сторону на науки и искусство, содѣйствовать распаденію, сохраненію или усовершенствованію семейныхъ учрежденій, содѣйствовать или задерживать по крайней мѣрѣ отчасти нѣкоторыя естественныя тенденціи экономической

---

*) До сихъ поръ еще нерѣдко приводятъ въ качествѣ образчиковъ героизма и гражданскихъ добродѣтелей древнихъ случаи, когда военачальники убивали своихъ собственныхъ дѣтей за проступки противъ военной дисциплины. Эти добродѣтели давно минувшаго времени служатъ лучшимъ доказательствомъ регрессивнаго вліянія войны.

жизни, напр. тенденцію къ возникновенію монополій при режимѣ свободной конкурренціи.

Нравственность, непосредственно опирающаяся на научное міровоззрѣніе, въ свою очередь реагируетъ на науку, указывая ей напр. цѣли болѣе высокія, чѣмъ тѣ, которыя до сихъ поръ имѣются въ виду нашими университетами. Она ставитъ наукѣ задачею подготовлять не узкихъ спеціалистовъ только, а людей въ высшемъ и наиболѣе широкомъ значеніи этого слова, т. е. существа общественныя съ характеромъ благороднымъ и твердымъ, со стремленіями не эгоистичными, а направленными на благо человѣчества, съ политическимъ идеаломъ, имѣющимъ въ виду осуществленіе справедливости въ основныхъ областяхъ общественной жизни: въ области отношеній семейныхъ, половыхъ и экономическихъ.

Наука нспосредственно реагируетъ на искусство. Хотя теорія порождается практикой, тѣмъ не менѣе первая постоянно обновляетъ и совершенствуетъ послѣднюю. Искусства въ собственномъ смыслѣ слова прогрессируютъ и падаютъ въ связи съ прогрессомъ или регрессомъ наукъ и открытій.

Прогрессъ въ области эстетической среди массы общества несомнѣнно облагораживаетъ и укрѣпляетъ половыя и семейныя отношенія. Точно также послѣднія при посредствѣ чувства долга, отвѣтственности, любви къ слабымъ вносятъ облагораживающій моментъ въ тѣ элементы экономической жизни и особенно въ нѣкоторыя области труда, которыя сами по себѣ непріятны и тяжелы.

Такимъ образомъ общественная жизнь представляетъ синтезъ воздѣйствій и противодѣйствій, опредѣляемыхъ сосуществованіемъ и сочетаніемъ безчисленныхъ элементовъ общественной жизни. Естественная и іерархическая классификація послѣднихъ позволяетъ намъ формулировать это взаимодѣйствіе въ видѣ двухъ общихъ законовъ, подтверждаемыхъ наблюденіемъ и опытомъ. Выше мы формулировали первый законъ; второй законъ можетъ быть изложенъ въ слѣдующемъ видѣ:

Общественныя функціи прямо и косвенно реагируютъ другъ на друга въ естественномъ и іерархическомъ порядкѣ убывающей сложности и частности различныхъ классовъ явленій, къ которымъ онѣ относятся.

Дѣйствія и противодѣйствія, описанныя нами, представляютъ результатъ естественной, самопроизвольной общественной эволюціи. Въ извѣстномъ смыслѣ и особенно въ противоположеніи съ тѣми общественными явленіями, которыя будутъ разсмотрѣны далѣе, это—акты преимущественно рефлекторные, хотя единицы,

входящія въ составъ общества, всегда одарены и чувствительностью и сознаніемъ. Эти дѣйствія и противодѣйствія, эти движенія въ опредѣленномъ направленіи возникаютъ уже благодаря одному факту наличности производящихъ факторовъ,—какъ совершаются движенія тѣлъ въ пространствѣ, какъ протекаютъ явленія жизни органической и даже психической. Движенія эти происходятъ—желаютъ ли того индивиды или нѣтъ. Такъ напр. недостатокъ или изобиліе иностранныхъ векселей въ извѣстныхъ центрахъ международнаго рынка благопріятствуетъ обмѣну или затрудняетъ его, и эта легкость или трудность обмѣна является простымъ результатомъ динамической механики въ экономической области. Точно также структура и направленіе развитія, сообщенныя первоначально обществу, представляютъ результатъ одновременной дѣятельности общественныхъ силъ, въ значительной части безсознательныхъ. Точно также прогрессъ этой структуры и всегда строго соотвѣтствующей послѣдней жизнедѣятельности долженъ совершаться въ направленіи, опредѣляемомъ совокупностью факторовъ, входящихъ въ составъ внутренней и внѣшней общественной среды.

Существуетъ однако же цѣлый рядъ соціальныхъ актовъ, спеціальнаго и высшаго характера, стоящихъ въ связи съ благороднѣйшими и наиболѣе характерными особенностями человѣческаго рода и его общественной жизни. Конечно, индивидуальные организмы въ жизненныхъ своихъ проявленіяхъ, не исключая высшихъ функцій, подчинены наиболѣе простымъ и общимъ условіямъ жизни органической, главнымъ образомъ—условіямъ питанія. Статика и динамика питанія регулируетъ мозговую дѣятельность. Наука указываетъ, какого рода пища болѣе соотвѣтствуетъ умственному, какая—мышечному труду. Но именно потому, что человѣкъ—въ силу самыхъ условій своего органическаго существованія—располагаетъ сознаніемъ и способенъ къ научной дѣятельности, именно поэтому онъ можетъ систематически и методически, путемъ разумнаго и разсчитаннаго вмѣшательства высшихъ психическихъ своихъ функцій регулировать условія своего мышечнаго и мозговаго питанія, доставляя каждому органу своего тѣла матеріалы, необходимые для его сохраненія и развитія.

Общества, представляя собой организмы высшаго порядка, состоящіе изъ единицъ, одаренныхъ такими же свойствами, естественно обладаютъ тою же способностью. Болѣе того, систематическое и методическое воздѣйствіе на собственную организацію съ ихъ стороны и легче осуществимо, и можетъ проявляться успѣшнѣе вслѣдствіе того, что общество въ виду величины своей

и сложности представляетъ, какъ мы видѣли уже, массу болѣе пластичную и измѣнчивую. Кромѣ того орудія коллективнаго воздѣйствія несравненно громаднѣе, могущественнѣе и приспособленнѣе къ его цѣлямъ, чѣмъ орудія воздѣйствія индивидуальнаго. Каково же будетъ это методическое воздѣйствіе обществъ на ихъ жизнедѣятельность? Очевидно, это будетъ воздѣйствіе сознательное.

Ог. Контъ высказалъ то же самое въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Всякій разъ, когда намъ удается осуществить какой-нибудь крупный актъ, это становится возможнымъ только потому, что знакомство съ законами природы позволяетъ намъ ввести въ рядъ производящихъ причинъ нѣкоторые видоизмѣняющіе элементы; какъ бы ни были послѣдніе слабы сами по себѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ этого бываетъ достаточно, чтобы окончательный результатъ дѣйствія цѣлой суммы внѣшнихъ причинъ получился желательный».

При посредствѣ какихъ же общественныхъ факторовъ и на какіе общественные факторы слѣдуетъ дѣйствовать, чтобы методически и систематически вводить въ общественную жизнь видоизмѣненія, желаемыя коллективной волей и указанныя коллективнымъ сознаніемъ? Такъ какъ эти видоизмѣненія будутъ результатомъ дѣятельности сознательнаго органа, то слѣдуетъ конечно выбирать органы высшіе и наиболѣе энергичные. Всякій соціальный органъ и всякая система соціальныхъ органовъ обладаютъ своей особой чувствительностью и своимъ особымъ сознаніемъ. Такъ, особенно въ обществахъ высшаго порядка, экономическая жизнь обладаетъ высшими органами, имѣющими назначеніемъ методически регулировать обращеніе, производство и потребленіе богатствъ. Тамъ имѣются напр. земледѣльческіе совѣты, совѣты промышленности и труда, торговыя палаты. Имѣются даже регуляторные механизмы болѣе частные, вродѣ заводскихъ совѣтовъ. Вверху имѣются высшіе совѣты для каждой изъ крупныхъ вѣтвей экономической жизни. А раньше или позже установится центральное представительство экономическихъ интересовъ, которое будетъ имѣть своимъ назначеніемъ координировать всю экономическую жизнь въ совокупности. То же имѣетъ или можетъ имѣть мѣсто во всѣхъ прочихъ областяхъ общественной дѣятельности.

Выводъ изъ этого можно сдѣлать слѣдующій:

1. Во всякой спеціальной области общественной жизни наиболѣе подходящимъ и успѣшнымъ органомъ сознательнаго вмѣшательства будетъ тотъ органъ, который регулируетъ сознательныя желанія въ этой спеціальной области.

2. Въ іерархическомъ ряду общественныхъ функцій и органовъ наиболѣе подходящимъ, сознательнымъ и методическимъ регуляторомъ каждой функціи будетъ органъ непосредственно высшій.

3. Наконецъ для всей совокупности общественной жизни механизмомъ, регулирующимъ и видоизмѣняющимъ par excellence, будетъ высшій органъ всего ряда — центральный политическій механизмъ, посвященный представительству, обсужденію и осуществленію общихъ коллективныхъ интересовъ. Этотъ механизмъ соотвѣтствуетъ высшимъ нервнымъ центрамъ индивидуальныхъ организмовъ.

Но на какіе же факторы, на какія функціи и органы должны дѣйствовать эти регулирующіе и видоизмѣняющіе аппараты? Точнѣе говоря, какіе элементы общественной жизни наиболѣе измѣнчивы, перемѣны въ какихъ элементахъ приведутъ къ болѣе важнымъ и болѣе широкимъ послѣдствіямъ и результатамъ?

Намъ извѣстно, что наиболѣе измѣнчивыми изъ соціальныхъ факторовъ являются наиболѣе сложные, наиболѣе частные, наиболѣе поверхностные. Такимъ образомъ сознательная преобразовательная общественная дѣятельность можетъ до нѣкоторой степени совершаться въ порядкѣ убывающей сложности и частности соціальныхъ явленій и органовъ, т. е. сверху внизъ. Не подлежитъ въ самомъ дѣлѣ сомнѣнію, что центральный представительный, обсуждающій и исполнительный аппаратъ легко можетъ реформировать какъ самый правительственный строй, такъ и законодательство и право, т. е. свою собственную структуру и структуру непосредственно предшествующихъ ему соціальныхъ факторовъ. Но въ качествѣ частаго и всюду встрѣчаемаго явленія опытъ показываетъ, что законы крайне слабо вліяютъ на наши этическія представленія и нравы; еще менѣе, если возможно, они вліяютъ на научную и художественную жизнь и почти совершенно безсильны преобразовать семейныя отношенія. Отъ чего зависитъ это безсиліе? Оттого, что, какъ мы видѣли выше, экономическій общественный строй является общимъ опредѣляющимъ моментомъ для всѣхъ соціальныхъ надстроекъ, для всѣхъ болѣе частныхъ и высшихъ формъ общественной жизни. Поэтому законы научной или методической политики можно формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Слѣдуетъ всякой отдѣльной соціальной функціи, а въ предѣлахъ послѣдней—также всякой спеціальной ея вѣтви—предоставить самоуправленіе, относительную автономію. Области труда, торговли, промышленности, земледѣлія будутъ преобразовываться и совершенствоваться тѣмъ въ большей степени, чѣмъ самостоя-

тельнѣе будетъ ихъ самоуправленіе, распространенное на самыя частныя ихъ вѣтви. То же относится къ области семейныхъ отношеній, искусства и науки.

2. Въ качествѣ видоизмѣняющаго и регулирующаго органа для каждой функціи долженъ являться органъ непосредственно высшій, такъ чтобы въ концѣ концовъ совокупная дѣятельность общества соотвѣтствовала законамъ взаимной зависимости и соподчиненности, соединяющимъ всѣ его части.

3. Наконецъ высшему центральному аппарату общества, его политическимъ органамъ, предстоитъ оказывать необходимое и непосредственное—единственно успѣшное—регулирующее и видоизмѣняющее воздѣйствіе на простѣйшія и самыя общія функціи,—функціи, измѣненіе которыхъ влечетъ за собой, какъ мы выше видѣли, преобразованіе всѣхъ прочихъ элементовъ.

Такъ какъ наиболѣе общія, простыя и основныя общественныя явленія суть явленія экономическія, то основнымъ правиломъ сознательной научной политики будетъ дѣйствовать, насколько возможно, прямо или косвенно, на организацію этихъ явленій, видоизмѣняя ихъ согласно потребностямъ и желаніямъ коллективной воли. Дѣйствуя такимъ образомъ, методическая политика будетъ, подобно раціональному врачебному искусству, сообразоваться съ естественными законами общественной жизни. Разъ экономическій факторъ будетъ преобразованъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ политическаго аппарата, всѣ прочія общественныя функціи преобразуются одна вслѣдъ за другой согласно ранѣе формулированнымъ законамъ.

Что касается органовъ политическихъ, то сознательнаго воздѣйствія съ ихъ стороны можно ожидать только тогда, какъ экономическій строй и всѣ другія функціи общественной жизни будутъ обладать спеціальными регулирующими органами, тѣсно соединенными при посредствѣ промежуточныхъ центровъ съ центральнымъ механизмомъ, гдѣ всѣ общественныя потребности и желанія будутъ точно представлены, а потому будутъ обсуждаться и приняты въ разсчетъ, прежде чѣмъ состоится окончательное рѣшеніе, имѣющее перейти въ общественный актъ.

Такъ какъ экономическія функціи, будучи самыми простыми и общими, съ трудомъ поддаются частымъ перестановкамъ и новымъ сочетаніямъ, такъ какъ съ другой стороны именно на нихъ приходится дѣйствовать, чтобы сообщить правильный и вѣрный ходъ преобразованію общественнаго строя въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ его функціяхъ,—то отсюда слѣдуетъ, что законодательные органы все менѣе и менѣе будутъ разбрасываться въ праздныхъ

попыткахъ чрезмѣрнаго и безпорядочнаго законодательства, превращающаго наши сборники законовъ въ предметъ насмѣшки для будущихъ поколѣній. Поверхностныхъ перемѣнъ станетъ меньше, глубокія перемѣны будутъ происходить медленно, такъ какъ это соотвѣтствуетъ ихъ природѣ; но онѣ примутъ правильно-прогрессивный характеръ.

Прибавлю, что по моему мнѣнію функція экономическаго обращенія является наиболѣе общей и простой изъ экономическихъ функцій, и что слѣдовательно главной задачей научной политики будетъ введеніе видоизмѣняющихъ моментовъ въ это обращеніе и особенно въ одинъ изъ главныхъ органовъ послѣдняго, монетную систему, которая подобно кровеобращенію поддерживаетъ жизнь всего организма и доставляетъ матеріалы для его развитія. Вопросъ этотъ подробнѣе будетъ разсмотрѣнъ нами въ другомъ мѣстѣ. [1]).

Въ общемъ роль положительной политики нѣсколько напоминаетъ врачебную терапію, которая—за исключеніемъ случаевъ частныхъ и мѣстныхъ заболѣваній—дѣйствуетъ на общее кровеобращеніе съ цѣлью повліять непосредственно на опредѣленныя болѣзненныя условія.

Предыдущій нашъ анализъ эволюціи самого понятія о прогрессѣ, а также наши замѣчанія по поводу общей соціальной динамики позволяютъ намъ теперь дать по крайней мѣрѣ приблизительный отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ состоитъ общественный прогрессъ.

ГЛАВА II.

Общественныя превращенія.

Прогрессъ, въ противоположность тому, что утверждалъ вслѣдъ за многими метафизиками Прудонъ въ своей «Философіи прогресса», не тождественъ съ простымъ движеніемъ. Въ жизни народовъ содержится нѣчто большее, чѣмъ только взаимныя дѣйствія и противодѣйствія. Послѣднія представляютъ исходную ступень общественной жизни, какъ раздражительность представляетъ исходную ступень высшихъ формъ чувствительности. Идея

---

[1]) Лоріа въ своемъ превосходномъ трудѣ объ «экономическихъ основахъ политическихъ учрежденій» подвергъ этотъ выводъ энергической критикѣ. Но онъ не убѣдилъ меня.

прогресса представляетъ скорѣе сумму частныхъ идей, чѣмъ одну идею; анализомъ ее можно разложить на составныя идеи. Это синтезъ, достигаемый путемъ сознательнаго или безсознательнаго сліянія простыхъ образовъ.

Память фиксировала, накопляла и передавала эти образы; умъ обобщилъ ихъ въ центральной формулѣ; такимъ образомъ получилась абстрактная идея прогресса. Языкъ былъ орудіемъ этого прогрессивнаго обобщенія, слово служило идеальнымъ образомъ, являлось замѣстителемъ идеи. Слово потому и вызываетъ у насъ рядъ идей и образовъ, что оно является соціальнымъ обозначеніемъ, фирмой извѣстной ассоціаціи идей и образовъ. Существо, лишенное языка, не можетъ дойти до идеи о прогрессѣ; оно можетъ мыслить, составлять простыя сужденія, но не можетъ имѣть общей идеи; послѣдняя представляетъ собой отвлеченіе, знакомъ котораго является слово. Именно потому что прогрессъ представляетъ собой сложное понятіе, сумму унаслѣдованныхъ и передаваемыхъ другъ отъ друга идей, онъ превратился въ вѣрованіе, какъ нѣкогда это имѣло мѣсто съ грѣхопаденіемъ.

Прогрессъ представляетъ частный случай общественной видоизмѣняемости, подчиненной законамъ общей соціальной динамики. Когда мы говоримъ: «прогрессъ», то имѣемъ въ виду возникновеніе и ростъ настоящаго состоянія, связаннаго съ состояніемъ прошлымъ, и возникновеніе и ростъ будущаго состоянія, связаннаго съ прошлымъ и настоящимъ. Детерминизмъ, имѣющій не научный и логическій характеръ только, а—органическій, проявляется въ преемственности общественныхъ явленій, ихъ органовъ и частныхъ обществъ. Но ни развитіе, ни преемственность сами по себѣ не предполагаютъ еще прогресса; развитіе безъ роста можетъ быть регрессивнымъ, преемственность можетъ вести къ вырожденію. Развитіе и преемственность предполагаютъ только непрерывную послѣдовательность происходящихъ одно отъ другого соціальныхъ состояній, съ тѣмъ важнымъ дополненіемъ однакоже, что послѣдовательность носитъ не случайный характеръ, а совершается въ извѣстномъ опредѣленномъ порядкѣ, такъ что предыдущее состояніе составляетъ причину или условіе слѣдующаго состоянія. Это послѣдовательное развитіе становится прогрессивнымъ только тогда, когда въ результатѣ его получается усовершенствованіе. Прогрессъ не есть только простое развитіе организаціи, онъ есть улучшеніе ея; онъ совершенствуетъ одновременно структуру и жизнедѣятельность обществъ, устанавливая болѣе полное соотвѣтствіе между внутренней ихъ средой и окружающими условіями. Франкл. Гиддингсъ правъ, говоря что характерной чертой прогресса является

усиленіе значенія силъ психическихъ. Точно также Фулье въ «Современной наукѣ объ обществѣ» (переведена на русскій языкъ) справедливо замѣчаетъ, что прогрессъ характеризуется преобладаніемъ договорныхъ формъ, не встрѣчающихся совершенно у первобытныхъ народовъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ прогрессъ сводится не только къ росту, но и къ улучшенію организаціи и дѣятельности общественной структуры.

Послѣдовательное развитіе становится прогрессомъ только въ томъ случаѣ, если результатомъ его является усовершенствованіе общественной организаціи, благодаря которому новый общественный строй представляетъ разновидность высшую сравнительно съ породившимъ его строемъ. Это превосходство проявляется въ структурѣ бо̀льшаго объема и—что еще важнѣе—болѣе дифференцированной и болѣе координированной—и въ соотвѣтствующемъ измѣненіи жизнедѣятельности соціальнаго организма.

Такимъ образомъ, общественныя превращенія не только подчинены законамъ общей соціальной динамики, но вмѣстѣ съ нею представляютъ частный случай закона измѣняемости всѣхъ существъ. Эта измѣняемость, опредѣляемая у послѣднихъ всей совокупностью внутреннихъ и внѣшнихъ условій, можетъ вести къ развитію и преемственности въ благопріятномъ или неблагопріятномъ направленіи, къ прогрессу или регрессу. Въ какомъ бы направленіи ни совершалось движеніе общества, всегда оно представляетъ развитіе правильное и непрерывное; прогрессомъ оно становится тогда, когда въ структурѣ и жизнедѣятельности общества получается измѣненіе выгодное.

Общественныя превращенія подчинены законамъ динамики обществъ и выше мы видѣли, что превращенія эти въ качествѣ самопроизвольнаго процесса должны совершаться прямо или косвенно въ направленіи снизу вверхъ, отъ простѣйшихъ и наиболѣе общихъ функцій къ функціямъ наиболѣе сложнымъ и частнымъ; совершаясь въ этомъ направленіи, общественное превращеніе достигаетъ наибольшей энергіи и силы. При другой формѣ самопроизвольнаго общественнаго превращенія перемѣны совершаются сверху внизъ, отъ функцій самыхъ сложныхъ и частныхъ къ самымъ простымъ и общимъ. Несмотря на перемѣны, возникающія при этомъ въ поверхностныхъ формахъ совокупной общественной жизни и отдѣльныхъ крупныхъ ея подраздѣленій, общественное превращеніе совершается здѣсь съ несравненно меньшей энергіей, да и указанныя перемѣны скорѣе — кажущіяся, чѣмъ дѣйствительныя.

Методическая или научная политика дѣйствуетъ, сообразуясь съ этими естественными законами. Преобразовательная ея роль

будетъ тѣмъ крупнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ непосредственнѣе она будетъ вліять на экономическій строй общества. Введеніе благотворнаго видоизмѣняющаго элемента въ питательную жизнь общества и особенно въ систему экономическаго обращенія естественно приведетъ къ видоизмѣненію всего организма. Это согласованіе самопроизвольныхъ стремленій общественной жизни съ одной стороны и разумнаго воздѣйствія съ другой представляютъ наиболѣе вѣрный двигатель всякаго прогресса.

Правда, экономическія явленія труднѣе всего поддаются видоизмѣненію, изъ всѣхъ общественныхъ явленій отличаются наибольшей естественной неподвижностью. Прогрессъ въ этой области всегда будетъ медленъ и незамѣтенъ; впрочемъ, медленность здѣсь только—кажущаяся, какъ кажущеюся является и быстрота поверхностныхъ перемѣнъ, совершающихся въ обратномъ направленіи,—перемѣнъ непрочныхъ и неустойчивыхъ. Въ дѣйствительности, общественныя перемѣны, распространяющіяся или самопроизвольно снизу вверхъ или зависящія отъ методическаго воздѣйствія на низшія формы—медленны, постепенны и вѣрны. Перемѣны же распространяющіяся сверху внизъ, безъ метода, дѣйствующія только на поверхностныя явленія,—хотя и носятъ также отчасти естественный и научный характеръ—*кажутся* быстрыми, крупными и прочными, на дѣлѣ же ходъ прогресса въ этомъ случаѣ слабъ, извилистъ и непроченъ: рѣдко прогрессъ достигаетъ здѣсь глубокихъ формъ общественной жизни и сильнѣйшихъ ея проявленій, большей же частью онъ только волнуетъ ея поверхность.

Это различеніе перемѣнъ кажущихся отъ перемѣнъ дѣйствительныхъ въ высшей степени важно въ соціологіи, такъ какъ въ соотвѣтствіи съ объемомъ и сложностью изучаемыхъ ею явленій, видоизмѣняемость соціальныхъ функцій и органовъ достигаетъ особенно большой высоты. Самыя высокія, самыя поверхностныя, а слѣдовательно и самыя позднія, недавно пріобрѣтенныя и сформировавшіяся общественныя явленія и функціи являются въ то же время въ соотвѣтствіи съ общими законами измѣнчивости и наиболѣе чувствительными, наиболѣе измѣнчивыми, наиболѣе хрупкими, точно также какъ соціальный организмъ въ цѣломъ и въ каждой изъ своихъ частей является по тѣмъ же причинамъ болѣе измѣнчивымъ, чѣмъ организмы біологическіе, и послѣдніе—чѣмъ неорганическія тѣла.

Это—законъ общій. Точно также въ центральной нервной системѣ человѣка центры спинного и продолговатаго мозга находятся въ устойчивомъ равновѣсіи, дѣйствуютъ автоматически. Напротивъ, центры гангліональныхъ (узловатыхъ) массъ и кор-

коваго вещества относительно неустойчивы; они представляютъ собой послѣднее пріобрѣтеніе нервной системы и вещество ихъ отличается высокою степенью молекулярной подвижности. Съ одной стороны замѣчается полная приспособленность спинного и средняго мозга къ условіямъ ихъ дѣятельности, съ другой приспособленность становится меньше уже въ глазныхъ буграхъ и достигаетъ минимума въ центрахъ мозговой коры. Тоже явленіе наблюдается и въ жизни знаменитѣйшихъ соціальныхъ реформаторовъ; являясь высшими и наиболѣе поздними продуктами своей эпохи, они оказывались наименѣе приспособленными къ ея условіямъ и жизнь ихъ проходила среди непрерывныхъ страданій, вознаграждавшихся предвидѣніемъ будущаго строя.

Кромѣ того, поверхностныя формы (въ индивидуальномъ ли организмѣ или соціальномъ) сравнительно съ болѣе простыми менѣе необходимы для жизни даннаго организма или даннаго общества; такъ напр. позднѣе всего развившіеся корковые центры менѣе необходимы для сохраненія жизни особи или вида, чѣмъ напр. органы питанія и размноженія.

Такимъ образомъ тѣ органы соціальнаго тѣла, которые наиболѣе подвержены воздѣйствіямъ какъ со стороны внутренней соціальной среды, такъ и со стороны внѣшней общественной и физической среды, по необходимости наиболѣе измѣнчивы, тѣмъ болѣе, что и по происхожденію они являются наиболѣе поздними, наименѣе интегрированными въ соціальномъ тѣлѣ. Напротивъ, основныя, глубокія низшія общественныя функціи и органы лучше защищены противъ наружныхъ и внутреннихъ воздѣйствій, они отличаются большей устойчивостью, превращенія ихъ совершаются медленнѣе.

Исторія постоянно даетъ подтвержденія этого закона, или вѣрнѣе этотъ общій законъ природы, приложенный къ соціологическимъ явленіямъ, находитъ себѣ подтвержденіе въ исторіи. Приведемъ въ видѣ иллюстраціи нѣсколько примѣровъ.

Великій юристъ Іерингъ замѣчаетъ, что для признанія частной самостоятельности сына въ исторіи римскаго права потребовался несравненно болѣе долгій періодъ времени, чѣмъ для политической эманципаціи плебеевъ. И въ настоящее время въ Европѣ процессъ политической эманципаціи народа въ парламентскихъ странахъ сдѣлалъ большіе успѣхи, чѣмъ процессъ эманципаціи экономической и умственной.

Замѣна республики имперіей, какъ замѣчаетъ и Іерингъ и Фюстель-де-Куланжъ, совсѣмъ не была такой полной и радикальной революціей, какъ думаютъ нѣкоторые историки. Произошло только перемѣщеніе власти; законы измѣнились очень мало, нрав-

ственность и нравы—еще меньше; самопроизвольная экономическая эволюція въ сторону образованія крупной поземельной собственности и закрѣпощенія прежнихъ мелкихъ владѣльцевъ—нѣкогда свободныхъ гражданъ, продолжалась. Въ результатѣ получилось слѣдующее:

Измѣненіе политической формы;
Ничтожное измѣненіе законодательства;
Почти полное отсутствіе измѣненій въ нравственности и нравахъ.
Сохраненіе въ неизмѣненномъ видѣ основной тенденціи экономической жизни.

Исторія всѣхъ цивилизацій, включая сюда цивилизацію римскую и новѣйшую, даетъ постоянныя и поучительныя подтвержденія того неизмѣннаго закона, что перевороты въ области религіозныхъ и философскихъ представленій совершались несравненно рѣже, чѣмъ въ области нравовъ, хотя и въ послѣдней преобразованія имѣютъ крайне медленный характеръ. Народы несравненно рѣже мѣняютъ своихъ боговъ и свое міровоззрѣніе, чѣмъ формы правительства и законодательства. Всѣ философскія и религіозныя теоріи можно свести къ какой-нибудь дюжинѣ типовъ. Какъ долго и незамѣтно подготовлялось и возникало христіанство? Какъ медленно совершалось его распространеніе и ростъ!

Преобразованія семейныхъ формъ наряду съ преобразованіями въ экономической области—въ области собственности и обращенія—встрѣчаются всего рѣже; ихъ исторія сводится всего въ какой-нибудь полудюжинѣ характерныхъ формъ.

Лучшимъ доказательствомъ медленности и длительнаго характера переворотовъ, совершавшихся въ области основныхъ общественныхъ функцій и формъ, является трудность съ точностью опредѣлить время, когда совершились эти перевороты. Напротивъ того, перемѣны въ политической области, въ законодательствѣ и правѣ обыкновенно соотвѣтствуютъ точно опредѣленнымъ хронологическимъ моментамъ, сохраненнымъ для насъ исторіей. Въ какой день, въ какомъ году, даже въ какомъ вѣкѣ родовая собственность смѣнила собой общее владѣніе всего племени, частная собственность—родовую, крупная поземельная собственность съ колонатомъ и крѣпостнымъ правомъ—мелкую? Только отъ времени до времени гражданское и публичное право зарегистровываютъ нѣкоторые изъ совершившихся уже экономическихъ фактовъ; то же можно сказать и о семьѣ. Точно также какъ исторіи вѣрованій мы не можемъ с точность опредѣлить

моментъ, когда идолопоклонство смѣнило собой первобытные фетишизмъ и спиритизмъ, когда политеизмъ заступилъ мѣсто идолопоклонства собственно, монотеизмъ—политеизма и т. д. Напротивъ того, измѣненія въ политическомъ режимѣ, появленіе законовъ, кодексовъ, военные подвиги и смѣна министерствъ могутъ быть съ точностью отмѣчены и отмѣчаются дѣйствительно не только благодаря иллюзіи, заставляющей придавать имъ чрезмѣрное значеніе, но потому еще, что будучи поверхностными эти перемѣны и чаще встрѣчаются, совершаются втеченіе короткаго времени и легче доступны наблюденію.

Опредѣленіе хронологическаго момента для крупныхъ и глубокихъ соціальныхъ эволюцій имѣетъ столь же мало значенія и столь же невозможно, какъ для образованія міровъ и отложенія геологическихъ пластовъ.

Съ изложенными выше законами стоятъ въ связи нѣкоторые важные вопросы, напр. относительно продолжительности существованія обществъ. Знакомясь съ этимъ вопросомъ, мы естественно перейдемъ отъ общественныхъ превращеній вообще, съ чѣмъ мы выше знакомились, къ изученію факторовъ этого превращенія. Вопросъ о продолжительности существованія обществъ въ высшей степени сложенъ, и мы коснемся его только отчасти, поскольку онъ стоитъ въ непосредственной связи съ общественными превращеніями.

Уже Кэтле видѣлъ всю важность этого вопроса, но его соціальная динамика носила преимущественно математическій и механическій характеръ и къ несчастію Кэтле ввелъ въ нее свою теорію среднихъ величинъ. Кромѣ того, онъ въ формѣ слишкомъ общей—сближалъ жизнь народовъ и государствъ съ жизнью индивидуальныхъ организмовъ. По его мнѣнію, «всѣ организованныя существа проходятъ въ своемъ существованіи черезъ циклъ, состоящій всюду почти изъ тождественныхъ фазъ. Этотъ циклъ для каждаго изъ этихъ организмовъ въ отдѣльности болѣе или менѣе длиненъ и повидимому не стоитъ въ прямомъ отношеніи ни къ величинѣ ихъ, ни къ какому либо другому изъ ихъ физическихъ качествъ. То же происходитъ и въ жизни народовъ. Продолжительность ихъ существованія различна. Одни приносятъ съ собой при рожденіи зародышъ близкаго разложенія; другіе напротивъ того одарены могучимъ сложеніемъ и противостоятъ всѣмъ разлагающимъ условіямъ. Если однакоже разсматривать жизнь народовъ съ общей точки зрѣнія, то можно замѣтить, что она имѣетъ среднюю продолжительность, которую и можно опредѣлить». Нѣсколько произвольно опредѣляя затѣмъ продолжительность существованія—въ

качествѣ націй—ассирійцевъ, египтянъ, евреевъ, грековъ и римлянъ, Кэтле находитъ, что средняя продолжительность существованія пяти достигшихъ наибольшей извѣстности въ исторіи государствъ равняется 1461 году. Кэтле проводитъ затѣмъ различіе между государствами и націями и находитъ, что первыя необходимо имѣютъ болѣе кратковременное существованіе, не больше трети національнаго существованія. Въ «Соціальной физикѣ» онъ выражаетъ свое убѣжденіе, что государства, подобно входящимъ въ ихъ составъ индивидамъ, рождаются, ростутъ и умираютъ; средняя продолжительность существованія государствъ меньше средней продолжительности существованія націй: такъ, еврейскій народъ пережилъ гибель еврейскаго государства. Въ общемъ, «соціальное тѣло (человѣчество) подобно индивидамъ и государствамъ живетъ своей особой жизнью и проходитъ черезъ свои особыя фазы развитія».

Блунчли видитъ причину смерти государствъ въ законѣ, общемъ для всѣхъ организмовъ: «время развиваетъ и время пожираетъ ихъ». Лавелэ справедливо замѣчаетъ, что это—не объясненіе, а простое констатированіе факта; остается объяснить, почему организмы умираютъ. Лавелэ находитъ, что общества нельзя сближать съ организмами, вродѣ растенія, животнаго. Во всякомъ поколѣніи общества обновляются цѣликомъ, «онѣ состоятъ такимъ образомъ изъ силъ, всегда молодыхъ». Это—другая ошибка, для обнаруженія которой достаточно перелистать статистику народонаселенія: во всякій моментъ, во всякій періодъ своей жизни общественный организмъ состоитъ изъ молодыхъ, зрѣлыхъ и нѣкотораго числа старыхъ единицъ. Во всякій моментъ развитія общественнаго организма мы встрѣчаемъ слѣдовательно въ его средѣ прошедшее, настоящее и будущее одновременно; такимъ образомъ обезпечено органически-непрерывное существованіе общества. Лавелэ указываетъ далѣе, что продолжительная анархія, эмиграція, завоеваніе представляютъ только видоизмѣненія общественнаго организма, а не смерть его. Замѣчаніе это въ приложеніи къ отдѣльнымъ обществамъ носитъ слишкомъ абсолютный характеръ; впрочемъ, «смерть» и «видоизмѣненіе или превращеніе»—термины, не противорѣчащіе другъ другу. Мы не можемъ поэтому согласиться съ выводомъ Лавелэ: «Если я вижу мертвыя государства, то только тамъ, гдѣ пустыня заняла мѣсто процвѣтавшаго нѣкогда народа, какъ то было на берегахъ Тигра и Евфрата». Дальнѣйшее его замѣчаніе: «эта смерть народовъ вызвана экономическими причинами», справедливо, но выражено въ слишкомъ абсолютной формѣ.

Успѣхи современной біологіи позволяютъ намъ въ настоящее время составить себѣ болѣе точное представленіе объ условіяхъ, опредѣляющихъ продолжительность жизни организмовъ вообще. Кромѣ того, успѣхи соціологіи, раскрывая спеціальные отличительные признаки организмовъ общественныхъ, позволяютъ намъ установить различія—если не качественныя, то по крайней мѣрѣ количественныя—во всѣхъ болѣе важныхъ отношеніяхъ между организмами вообще и организмами высшаго порядка — общественными.

Продолжительность жизни общества, какъ видно изъ современныхъ данныхъ біологіи и соціологіи, стоитъ въ тѣсной связи съ общими законами измѣнчивости, зависящими въ свою очередь отъ объема общественнаго организма и сложности его структуры.

Продолжительность жизни организмовъ вообще представляетъ элементъ въ высшей степени измѣнчивый. Измѣнчивость его зависитъ не только отъ внутреннихъ физіологическихъ условій, но и отъ условій внѣшней среды. Жизнь, какъ прекрасно опредѣляетъ ее Спенсеръ, есть соотвѣтствіе между внутренними и внѣшними условіями. Продолжительность жизни измѣняется параллельно съ измѣненіемъ организаціи вида, а также съ искусственными или естественными перемѣнами въ окружающей средѣ. Главнымъ элементомъ, обусловливающимъ продолжительность жизни, является приспособленность или неприспособленность къ условіямъ существованія.

Продолжительность жизни есть свойство организма; подобно всѣмъ другимъ органическимъ свойствамъ, она подвергается у индивидовъ колебаніямъ въ благопріятномъ и неблагопріятномъ направленіи. Колебанія выгодныя передаются и фиксируются наслѣдственностью и такимъ образомъ въ человѣческихъ расахъ возникаютъ высшія разновидности. У человѣка и прочихъ животныхъ превращенія, совершающіяся въ организмѣ, приводятъ естественно къ старческому упадку и смерти. Бурдахъ, Биша, Кусмауль прекрасно описали этотъ процессъ старческаго измѣненія тканей, который, усиливаясь съ возрастомъ, вредно отзывается на ихъ дѣятельности и ведетъ прямо или косвенно или къ нормальной смерти, или къ гибели вслѣдствіе безсилія организма противостоять въ данный моментъ дѣйствію вредныхъ вліяній, хотя бы и ничтожныхъ въ общемъ.

Это измѣненіе тканей представляетъ результатъ изнашиванія входящихъ въ ихъ составъ клѣточекъ, само же изнашиваніе представляетъ естественный результатъ дѣятельности послѣднихъ. Изнашиваніе клѣтокъ дѣлаетъ ихъ неспособными размножаться въ количествѣ необходимомъ для постояннаго обновленія тканей и по-

строенныхъ изъ этихъ тканей органовъ. Клѣтка не только получаетъ питаніе, но сама активно питается; причина ея изнашиванія можетъ такимъ образомъ лежать въ ослабленіи ея питанія, ослабленіи, уменьшающемъ или задерживающемъ ея дѣятельность и способность къ размноженію.

Соціальные организмы подлежатъ тому же закону зависимости ихъ жизнедѣятельности отъ питанія или истощенія составляющихъ ихъ индивидуальныхъ единицъ; уже болѣе двадцати столѣтій какъ это единогласно признается всѣми изслѣдователями въ области соціальныхъ наукъ.

Организмы въ общемъ такимъ образомъ обладаютъ существованіемъ естественно ограниченнымъ не только въ пространствѣ, но и во времени. Они могутъ достигнуть только извѣстныхъ размѣровъ, и точно также умираютъ, достигнувъ извѣстнаго возраста. У большинства кромѣ того естественные размѣры достигаются задолго до смерти. Послѣдняя наступаетъ постепенно, а нормальная жизнь, т. е. полная дѣятельность организма прекращается задолго до окончательной ея остановки.

Отчего организмъ одного вида отличается отъ организма другого вида по объему и продолжительности своего существованія? Отвѣтъ на это можетъ быть одинъ: тѣ или другіе размѣры, та или другая продолжительность жизни благопріятны или неблагопріятны для сохраненія вида. Подборъ и наслѣдственность закрѣпили для даннаго вида извѣстные средніе размѣры тѣла, извѣстную среднюю продолжительность жизни, колеблющіеся въ болѣе или менѣе узкихъ границахъ (Вейсманъ).

Ограниченіе существованія организмовъ пространствомъ и временемъ не является такимъ образомъ закономъ абсолютнымъ и постояннымъ, присущимъ самой сущности роста и жизни. Послѣднее предположеніе — метафизическая гипотеза, ничего не объясняющая. Въ дѣйствительности же смерть организмовъ представляетъ результатъ приспособленія къ условіямъ существованія высшихъ многоклѣточныхъ организмовъ, достигающихъ извѣстнаго структурнаго развитія, несовмѣстимаго съ безсмертіемъ индивида. Напротивъ того, среди одноклѣточныхъ организмовъ естественной смерти не существуетъ; ихъ ростъ ведетъ къ дѣленію, вслѣдствіе котораго получаются два тождественныхъ существа, изъ которыхъ ни то, ни другое нельзя назвать болѣе молодымъ или болѣе старымъ. Миріады этихъ организмовъ всѣ одинаково молоды и стары, возрастъ ихъ тождественъ съ возрастомъ вида. Жизнь ихъ имѣетъ безграничную продолжительность въ прошломъ и будущемъ благодаря непрекращающемуся дѣленію. Итакъ есте-

ственная смерть представляетъ собой явленіе приспособленія, выгодное для многоклѣточныхъ организмовъ. Продолжительность жизни приспособляется къ условіямъ существованія: она короче или дольше въ зависимости отъ условій существованія вида; она представляетъ результатъ непрерывнаго приспособленія внутренней организаціи къ условіямъ внѣшней среды.

Это объясненіе жизни и смерти, даваемое Вейсманомъ, приложимо и къ клѣткамъ организма, умирающимъ, какъ показалъ Вирховъ, естественной смертью, и къ обществамъ. Спенсеръ замѣчаетъ однакоже, что теорія Вейсмана упускаетъ изъ виду всеобщій законъ эволюціи, не только органической, но и неорганической и надъ-органической, законъ, предполагающій необходимость смерти, законъ въ силу котораго измѣненія всякаго аггрегата приводятъ наконецъ неизбѣжно къ состоянію равновѣсія. Умираютъ не только организмы, но и солнца и планеты. Процессъ интеграціи, лежащій въ основѣ всякой эволюціи, продолжается до тѣхъ поръ, пока не получится состояніе, не поддающееся никакимъ уже болѣе преобразованіямъ, массовымъ или молекулярнымъ, состояніе равновѣсія между силами аггрегата и силами противодѣйствующими. Что касается безсмертія одноклѣточныхъ организмовъ, то, какъ справедливо замѣчаетъ Спенсеръ, гипотеза эта не доказана и столь же мало можетъ быть доказана, какъ гипотеза объ обновляющемъ дѣйствіи сліянія клѣтокъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что съ точки зрѣнія всемірнаго закона интеграціи и дезинтеграціи долженъ наступить моментъ разложенія неорганическихъ аггрегатовъ и смерти организмовъ. Жизнь человѣчества подчинена общимъ условіямъ жизни; человѣческій родъ возникъ въ опредѣленный моментъ и можетъ прекратить свое существованіе, когда условія среды окажутся враждебными послѣднему. Но въ этихъ предѣлахъ, создаваемыхъ біологическими и физическими законами, стоящими выше законовъ соціологическихъ, невозможно указать какой либо границы для прогресса человѣческаго рода, какъ въ отношеніи роста его массы, такъ и въ отношеніи дифференціаціи и интеграціи его частей. Если нельзя сказать, что способность его къ приспособленію безгранична, то во всякомъ случаѣ границъ ея нельзя опредѣлить. Спенсеръ полагаетъ, что соціальная эволюція имѣетъ предѣлы, которыхъ она не можетъ перейти, но этотъ взглядъ имѣетъ у него слишкомъ абсолютный характеръ. Источникъ его ошибки лежитъ, кажется, въ томъ, что онъ проводитъ слишкомъ полную аналогію между организмомъ соціальнымъ и организмами индивидуальными. Прогрессъ, по его мнѣнію, состоитъ въ приспособленіи все болѣе и болѣе совершенномъ индивида къ окру-

жающей физической средѣ. Общество является однимъ изъ средствъ, служащихъ для болѣе совершеннаго осуществленія такого приспособленія. Но, думаетъ Спенсеръ, навѣрное настанетъ время, когда все наше общественное устройство окажется въ полномъ и точномъ соотвѣтствіи съ окружающей средой. Эволюція, такимъ образомъ, имѣетъ по необходимости ограниченный характеръ. Не говоря уже о томъ, что возможность полнаго и абсолютнаго приспособленія къ физической средѣ гипотетична, Спенсеръ упускаетъ изъ виду, что приспособленіе не ограничивается исключительно физической областью. Столь же важное значеніе имѣетъ приспособленіе индивида къ его соціальной средѣ и къ всемірной соціальной средѣ, и приспособленіе всякаго общества въ отдѣльности ко всѣмъ прочимъ. Тутъ трудно указать границы для возможнаго прогресса, такъ какъ отдѣльныя общественныя группы и человѣчество въ цѣломъ играютъ роль среды другъ относительно друга.

Общества среди всѣхъ организмовъ являются организмами наиболѣе сложными. Они подчинены всеобщимъ законамъ физическаго и органическаго міра. Они не являются неизбѣжно смертными или безсмертными, точно также какъ не являются они необходимо большими или малыми, сильными или слабыми. Ихъ ростъ, равно какъ продолжительность и интенсивность ихъ жизни измѣняются въ связи со степенью ихъ соотвѣтствія окружающимъ условіямъ, со степенью ихъ приспособленія,—короче говоря, со степенью ихъ организаціи. Понятно поэтому, что въ качествѣ единицъ низшаго порядка, зачаточныя общества раньше достигаютъ предѣльной своей формы, раньше осуществляютъ свой структурный типъ. Этотъ фактъ является столь же естественнымъ, какъ ранняя возмужалость дѣтей у дикихъ и полу-цивилизованныхъ народовъ и высокая смертность среди низшихъ и бѣднѣйшихъ общественныхъ группъ человѣческаго рода.

Съ другой стороны, по теоріи Вейсмана, общество въ высшей степени однородное, съ строемъ въ высшей степени простымъ слѣдовало бы разсматривать какъ относительно безсмертное. Противорѣчіе тутъ только кажущееся. Дѣйствительно, нѣкоторыя первобытныя общества этого рода столь же стары, вѣроятно, какъ само человѣчество. По Тэйлору, состояніе современныхъ дикарей въ общемъ соотвѣтствуетъ состоянію доисторическихъ народовъ, изучаемыхъ археологіей. У тѣхъ и у другихъ встрѣчаются общія черты, представляющія, повидимому, остатокъ первобытнаго состоянія человѣческаго рода. Эта гипотеза кажется ему наиболѣе вѣроятной. Эти первобытныя общества поддерживали свое существованіе и сохранились до сихъ поръ благодаря простому вос-

произведенію составныхъ своихъ единицъ и они могутъ пребывать въ томъ же состояніи первобытной простоты, подобно одноклѣточнымъ организмамъ, до тѣхъ поръ, пока какая нибудь случайность — и случайность въ высшей степени простая — не повлечетъ за собой быстрой ихъ гибели. Сложныя общества могутъ поэтому при извѣстныхъ обстоятельствахъ быть менѣе долговѣчны, чѣмъ общества простыя, но жизнь простого общества зависитъ отъ простыхъ и общихъ, жизнь сложнаго общества — отъ частныхъ и сложныхъ причинъ.

Во время пелопонесской войны аѳиняне осадили и взяли Мелосъ. Всѣ взрослые граждане были умерщвлены, дѣти и женщины были обращены въ рабство и переведены со всѣмъ движимымъ имуществомъ въ Аѳины. Отъ Мелоса остались развалины. Отчего подобное полное разрушеніе было возможно? Оттого что Мелосъ представлялъ маленькую территорію съ 22.000 жителей. Между тѣмъ Мелосъ, несмотря на малые свои размѣры, принадлежалъ къ числу обществъ относительно сложныхъ. Полное уничтоженіе тѣхъ или другихъ обществъ было въ древности частымъ явленіемъ. Точно также часто это имѣло мѣсто и въ еще большей степени имѣетъ мѣсто теперь среди африканскихъ первобытныхъ народовъ. Между тѣмъ, почти нельзя себѣ представить возможности разрушенія такого сложнаго общественнаго организма, какъ напр. Франція. Народъ, который присоединилъ бы ее къ себѣ, или перевелъ къ себѣ ея населеніе или поселился бы во Франціи, въ сущности самъ былъ бы присоединенъ къ ней и офранцуженъ. Во всякомъ случаѣ, происшедшая перемѣна носила бы такой сложный характеръ, что задѣты были бы интересы всего міра. Отчего? Оттого что Франція представляетъ собой не простое государство, не національную даже только единицу, а международную; Франція—часть организаціи несравненно болѣе сложной, чѣмъ она сама.

Если сложныя общества иногда менѣе долговѣчны, чѣмъ общества простыя, то зависитъ это отъ исключительныхъ условій. Продолжительность существованія сложныхъ обществъ, какъ и сложныхъ организмовъ, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе они приспособляются къ условіямъ все болѣе и болѣе частнаго характера. Ихъ жизнь и ростъ прогрессируютъ и удлиняются, какъ удлиняется и прогрессируетъ жизнь человѣческаго индивида, но въ болѣе широкихъ размѣрахъ—соотвѣтственно большей массѣ, бо̀льшей пластичности, сложности, а слѣдовательно и большей измѣнчивости и приспособляемости обществъ. Эти свойства соціальныхъ организмовъ, различныя условія ихъ структуры и жизни не позволяютъ прилагать къ изученію статической или дина-

мической стороны ихъ жизни теорію среднихъ величинъ, какъ то пытался сдѣлать Кэтле. Изслѣдованія въ этомъ направленіи могутъ быть полезны только въ томъ случаѣ, если они будутъ посвящены статистическому анализу элементарныхъ соціальныхъ явленій и притомъ при условіи выбора сравниваемыхъ между собой государствъ и народовъ и строгаго ихъ разграниченія. Несравненно меньше дадутъ они при изученіи спеціальныхъ органическихъ учрежденій и въ особенности общей структуры и жизни обществъ.

Точно также какъ прогрессъ обществъ стоитъ въ прямомъ отношеніи къ *массѣ*, *дифференціаціи и координаціи соціальныхъ элементовъ и органовъ*, такъ относительно продолжительности жизни обществъ можно формулировать слѣдующее положеніе: *продолжительность жизни обществъ стоитъ въ прямомъ отношеніи къ ихъ организаціи.*

Вышесказанное облегчаетъ для насъ возможность составленія себѣ правильнаго понятія о природѣ тѣхъ явленій, которыя мы обозначаемъ общимъ именемъ прогресса и регресса. Эти явленія носятъ одновременно характеръ измѣненій структурныхъ и функціональныхъ, органическихъ и жизненныхъ. Понятно вслѣдствіе этого, что ростъ и упадокъ жизни вообще, включая сюда жизнь соціальную, всегда и необходимо стоятъ въ связи съ ростомъ и упадкомъ организаціи, включая сюда и организацію соціальную. Мы видѣли также, что перемѣны, опредѣляемыя развитіемъ предшествующихъ отношеній и стоящія съ ними въ преемственной связи, представляютъ явленіе болѣе сложное, чѣмъ простыя перемѣны, и что прогрессъ или регрессъ, т. е. усовершенствованія или ухудшенія въ развитіи, представляютъ явленіе еще болѣе сложное, чѣмъ простая преемственность отношеній.

Въ общемъ послѣдовательныя явленія,—а сюда относятся явленія прогрессивныя и регрессивныя,—сложнѣе явленій одновременныхъ; доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что многія животныя въ состояніи констатировать одновременно совершающіяся перемѣны, и только люди повидимому подмѣчаютъ послѣдовательныя перемѣны, пользуются ими и развиваютъ ихъ, превращая ихъ въ источникъ постепеннаго коллективнаго прогресса.

Итакъ, прогрессъ представляется намъ чѣмъ-то болѣе сложнымъ, чѣмъ простая дифференціація или переходъ отъ однороднаго къ разнородному, которую Спенсеръ превозглашаетъ общимъ закономъ міра какъ физическаго, такъ и общественнаго. Намъ онъ представляется какъ совершенствованіе структуры и жизни во всѣхъ организмахъ, включая сюда и организмы соціальные. Дифференціація—если въ ней видѣть прогрессъ—должна

была бы представлять не простое только развитіе, а улучшеніе организаціи.

Выше и въ другомъ мѣстѣ я показалъ, что дифференціація эта будетъ носить прогрессивный характеръ только въ томъ случаѣ, если она дополняется соотвѣтствующей, также прогрессивной, координаціей дифференцированныхъ частей. Такимъ образомъ, даже съ структурной точки зрѣнія дифференціація будетъ представлять только одну сторону явленій прогресса; но тоже относится и къ функціональной сторонѣ общественной жизни. Прогрессъ послѣдней сводится не только къ расширенію и спеціализаціи общественныхъ функцій, но и къ внесенію въ коллективную жизнь все большей и большей координаціи при помощи центровъ, достигающихъ все большей высоты.

Понятно поэтому, что по смѣлой, но слишкомъ односторонней теоріи Спенсера какъ общій, такъ и соціальный регрессъ состоятъ въ возвращеніи къ все болѣе и болѣе однороднымъ первоначальнымъ формамъ. «Соціальныя метаморфозы, говоритъ Спенсеръ, открываютъ намъ, насколько мы можемъ слѣдить за ними, общія истины, согласующіяся съ истинами, получаемыми при сравненіи біологическихъ типовъ. Въ организмахъ соціальныхъ, какъ и въ организмахъ индивидуальныхъ, структура приспособляется къ функціи. Въ тѣхъ и другихъ, если обстоятельства вызываютъ основное измѣненіе въ характерѣ дѣятельности, мало-по-малу совершается основное измѣненіе въ формѣ структуры. Въ обоихъ случаяхъ *получается возвратъ къ первоначальному типу, если происходитъ возвратъ къ первоначальнымъ функціямъ*». Первоначальнымъ типомъ является, конечно, общественная структура менѣе дифференцированная и болѣе однородная.

Напомнивъ о выше сдѣланныхъ оговоркахъ и предоставляя себѣ право въ слѣдующей главѣ подвергнуть этотъ законъ болѣе подробному разбору, мы можемъ пока принять эту формулу, какъ выраженіе одной изъ интереснѣйшихъ сторонъ соціальныхъ превращеній. Послѣднія могутъ слѣдовательно проявляться въ двухъ направленіяхъ — въ формѣ прогресса или регресса. Для опредѣленія самаго *направленія* этихъ превращеній достаточно уже знакомства съ одной эволюціей, такъ какъ поступательное и попятное движеніе совершаются по одному пути или по крайней мѣрѣ по путямъ параллельнымъ. Такимъ образомъ прогрессъ и регрессъ представляютъ одинъ рядъ состояній или движеній, развитіе впередъ или назадъ. Въ обоихъ случаяхъ, въ прогрессивномъ движеніи точно такъ же, какъ и въ регрессивномъ, послѣдующее состояніе необходимо опредѣляется предшествующимъ. Впрочемъ мы должны замѣтить, что на характеръ регрес-

сивнаго движенія вліяетъ предшествующая прогрессивная эволюція, тогда какъ на послѣднюю вліяетъ только она сама или вызывающія ее причины. Прогрессивное движеніе имѣетъ слѣдовательно болѣе свободный и независимый характеръ, и наблюденіе повидимому подтверждаетъ этотъ выводъ.

Во всякомъ случаѣ, очевидно, что дифференціація и ростъ самой соціальной массы составляютъ прогрессъ только потому, что и то и другое предполагаютъ соотвѣтствующее совершенствованіе организаціи. Точно также возвратъ къ низшимъ формамъ, характеризующимся большей однородностью и уменьшеніемъ соціальной массы, является регрессомъ только потому, что то и другое предполагаетъ упадокъ организаціи. Съ этими оговорками и съ такимъ объясненіемъ, законъ, предложенный Спенсеромъ, можно временно принять въ качествѣ общаго закона. Но въ примѣненіи къ соціологіи онъ нуждается въ спеціальныхъ разъясненіяхъ, которыя, лишивъ его нѣкоторой доли простоты, сообщатъ ему бо̀льшую научную точность.

Въ предыдущей главѣ мы указали, что жизнь общества всегда находится въ соотвѣтствіи съ общественной структурой, по крайней мѣрѣ проявляетъ постоянное и необходимое стремленіе къ такому соотвѣтствію. Мы указали далѣе, что прогрессъ структуры представляетъ собой не простое развитіе, а органическую дифференціацію, приводящую къ болѣе совершенной организаціи, если дифференцированныя части координируются все лучше и лучше въ центрахъ, достигающихъ все высшаго развитія. Въ этомъ отношеніи общественная жизнь не отличается ничѣмъ отъ жизни психической или даже просто органической. Совокупность нашей питательной жизни подчинена нервной системѣ и, можетъ быть, высшему спеціальному регуляторному центру, дѣлающему возможнымъ вліяніе на эту функцію внушенія. Точно также существуютъ особые центры для функцій аффективныхъ и психическихъ. Прогрессъ соціальной жизни стоитъ въ соотвѣтствіи съ прогрессивнымъ образованіемъ центровъ коллективной организаціи, являющихся координаціонными центрами для различныхъ спеціальныхъ функцій, совокупность которыхъ составляетъ соціальную жизнь. Прогрессъ соціальной жизни соотносителенъ съ этимъ прогрессомъ организаціи. Выше изложенные нами законы естественнаго и методическаго взаимодѣйствія между соціальными функціями и явленіями представляютъ необходимое слѣдствіе существованія органической іерархіи регуляторныхъ центровъ, въ которыхъ воплощается взаимная органическая и функціональная зависимость всѣхъ соціальныхъ фактовъ. Возникновеніе спеціальныхъ и высшихъ координаціонныхъ центровъ

представляетъ, слѣдовательно, одну изъ важнѣйшихъ, характеристическихъ чертъ прогресса, постепенное разложеніе ихъ— одну изъ характерныхъ чертъ регресса. Тутъ лишній разъ подтверждается законъ соотвѣтствія между прогрессомъ соціальной жизни и прогрессомъ общественной структуры.

Прогрессъ и регрессъ обществъ были бы непонятны и необъяснимы безъ предварительнаго изложенія общихъ условій соціальной динамики; они представляютъ частные случаи общественнаго трансформизма и общественной жизни, такъ что намъ достаточно было объяснить главные законы общественной динамики, чтобы выяснить сущность прогресса и подготовить читателей къ правильному пониманію регрессивной эволюціи. Прилагая полученные нами выводы къ еще болѣе частному случаю— вопросу о продолжительности жизни обществъ, которую можно разсматривать какъ одно изъ мѣрилъ прогресса, мы дали выше законъ долговѣчности человѣческихъ обществъ.

Мы имѣемъ возможность дать естественное объясненіе еще другому элементу прогресса. Мы видѣли, съ какой крайней медленностью идея прогресса проникала въ вѣрованія не только положительныя, но также метафизическія и религіозныя. Эта медленность соотвѣтствуетъ условіямъ эволюціи нашего ума и человѣческихъ обществъ, она имѣетъ основанія субъективныя и объективныя. На извѣстныхъ низшихъ стадіяхъ ни въ умственномъ строѣ, ни въ соціальной структурѣ обществъ не содержится прогресса, ни въ качествѣ понятія, ни въ качествѣ факта. Идея прогресса выяснялась все болѣе и болѣе по мѣрѣ постепеннаго возникновенія наукъ. Науки самыя простыя и общія, впервые дифференцировавшіяся въ качествѣ точныхъ и абстрактныхъ наукъ: математика, статическая и динамическая механика, астрономія и физика пріучали человѣческую мысль въ болѣе развитыхъ обществахъ, гдѣ онѣ развились, къ понятіямъ постоянства, равновѣсія, порядка, необходимости и даже фатализма, лежащихъ въ основѣ явленій, изучаемыхъ этими науками. Высшія науки: химія, біологія психологія и особенно соціальныя науки съ свойственнымъ послѣднимъ методомъ изслѣдованія — историческимъ, уже много позднѣе выяснили не динамическій только, но также органическій и жизненный характеръ нѣкоторыхъ разрядовъ явленій. Исторія въ особенности пролила много свѣта на непрерывный процессъ возникновенія коллективной жизни и коллективныхъ формъ. Со своей стороны она обнаружила даже обратное вліяніе на общее представленіе о природѣ. Соціологія преобразовала біологію, а послѣдняя—геологію, послѣ того какъ науки эти развились въ обратномъ порядкѣ. Гипотеза Мальтуса

повліяла на взгляды Дарвина, которые въ свою очередь преобразовали представленія Ляйелля. Постепенно въ науку, а при посредствѣ послѣдней также въ коллективное сознаніе проникали представленія сначала о простой перемѣнѣ, вродѣ первоначальнаго грѣхопаденія, затѣмъ о циклахъ развитія, затѣмъ о послѣдовательности, о развитіи, о правильномъ, постоянномъ, непрерывномъ и необходимомъ порядкѣ и эволюціи,—наконецъ представленіе о прогрессѣ, т. е. совершенствованіи, получающемся не только вслѣдствіе самопроизвольнаго развитія, но и подъ вліяніемъ методическаго сознательнаго воздѣйствія. Такимъ образомъ, образованіе и іерархическая дифференцировка частныхъ наукъ—теологіи, зоологіи, антропологіи, физіологіи и физіологической психологіи радикально преобразовали въ 19-мъ вѣкѣ философію, т. е. общее представленіе о мірѣ неорганическомъ, органическомъ и соціальномъ. Исторія міроздапія и въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ и въ цѣломъ превратилась въ естественную исторію, послѣдній отдѣлъ которой представляетъ соціологія.

Итакъ положительное представленіе о прогрессѣ возникло медленно и поздно. Эта медленная субъективная эволюція стоитъ въ тѣсномъ соотвѣтствіи съ эволюціей общественной структуры. Болѣе того, это—одинъ изъ наиболѣе яркихъ примѣровъ того общаго и постояннаго закона соотносительности и взаимодѣйствія, который во всѣ моменты, во всѣхъ частяхъ пространства соединяетъ всѣ частныя соціальныя формы и виды соціальной дѣятельности въ одну общую структуру и одну общую жизнь.

Въ зачаточныхъ и небольшихъ обществахъ перемѣны очень слабы, очень рѣдки и очень медленны. Современные путешественники, посѣтившіе нѣкоторыя дикія племена, съ давнихъ временъ благодаря своему естественному положенію живущія въ изолированномъ видѣ, нашли ихъ въ томъ же состояніи, какое описано было прежними путешественниками, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошли цѣлые вѣка. Въ теченіе того же періода времени цивилизованные народы, особенно въ Западной Европѣ, пережили рядъ крупныхъ соціальныхъ перемѣнъ, совершавшихся съ громадной сравнительно быстротой. Всякому случалось наблюдать, насколько меньше измѣненія во всѣхъ сторонахъ общественной жизни, совершающіяся въ маленькомъ городѣ, стоящемъ внѣ большихъ путей сообщенія, сравнительно съ большими городами. Постоянство формъ и проявленій общественной дѣятельности несравненно значительнѣе въ маленькомъ и простомъ обществѣ, чѣмъ въ большомъ и сложномъ. По той же причинѣ первобытныя формы сохраняются съ бо̀льшей устойчивостью въ старинныхъ учрежденіяхъ, не устраненныхъ еще изъ

современнаго общественнаго строя и производящихъ архаической своей структурой странное впечатлѣніе по контрасту съ широтой и интенсивностью формъ и жизни остальныхъ элементовъ общественнаго строя. Эти архаизмы поражаютъ всего болѣе въ такихъ передовыхъ странахъ, какъ напр. Англія. Контрастъ между судейскими париками и всѣмъ строемъ англійской жизни настолько великъ, что могъ бы послужить подтвержденіемъ теоріи Спенсера о происхожденіи смѣха.

Преобладаніе наслѣдственности надъ измѣнчивостью, т. е. преобладаніе фактора, не только служащаго передаточнымъ органомъ для соціальныхъ формъ, но также фиксирующаго ихъ и дѣлающаго ихъ неподвижными, надъ факторомъ, видоизмѣняющимъ ихъ, является однимъ изъ отличительныхъ признаковъ болѣе медленнаго темпа общественной жизни. Въ Греціи наслѣдственность занятій предписывалась закономъ только въ нѣкоторыхъ государствахъ и въ немногихъ случаяхъ, стоявшихъ въ связи съ религіозными обрядами и старинными формами общественной жизни; такъ напр. въ Спартѣ наслѣдственными были профессіи поваровъ и флейтщиковъ. Эти установленія были остаткомъ предшествующаго состоянія, когда въ силу обычая всѣ профессіи были наслѣдственными. Впрочемъ даже въ періодѣ кодификаціи, благодаря нравамъ, наслѣдственность занятій во всѣхъ областяхъ ремесленнаго труда была фактомъ болѣе общимъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ.

Въ принципахъ монархическаго строя, въ области магистратуры и культа мы найдемъ множество подобныхъ же явленій,— въ особенности, въ области процедуры и церемоніала. Еще интереснѣе въ этомъ отношеніи явленія изъ области эволюціи права и собственности. Они доказываютъ, что существуютъ различія въ темпѣ развитія соціальныхъ функцій въ зависимости отъ высоты организаціи общества и совершенства самихъ этихъ частныхъ функцій. Ясно проявляется это въ области права: публичное право, уголовное и гражданское судопроизводство, различные институты частнаго права развиваются не равномѣрно. Право семейственное и законы о наслѣдствѣ, столь тѣсно связанные между собою въ нѣкоторыхъ частяхъ, менѣе измѣнчивы и медленнѣе развиваются сравнительно съ вещнымъ правомъ вообще. Законы о недвижимой собственности менѣе измѣнчивы сравнительно съ законами о движимой собственности, изъ послѣднихъ торговое право является наиболѣе гибкимъ и развивается всего быстрѣе. Это положеніе доказано было Іерингомъ для римскаго права; оно примѣнимо къ эволюціи права во всѣхъ странахъ и справедливость его констатирована также недавно для Россіи.

Въ свою очередь развитіе права совершается медленнѣе чѣмъ развитіе политическихъ учрежденій; право является менѣе измѣнчивымъ, развитіе его совершается сравнительно незамѣтно. Типическіе періоды его длиннѣе и носятъ менѣе опредѣленный характеръ. Поэтому большинство попытокъ дать хронологію исторіи права носятъ искусственный характеръ и заключаютъ въ себѣ много ошибокъ. Съ большимъ еще основанімъ то же положеніе примѣнимо къ области нравственности, нравовъ, вѣрованій, семейной и особенно экономической жизни. Чѣмъ глубже проникаемъ мы во внутренніе слои общественной жизни, тѣмъ болѣе выступаютъ передъ нами простыя, общія, древнія формы и тѣмъ труднѣе опредѣлить хронологическіе моменты движеній и перемѣнъ. Точно также общества, взятыя въ цѣломъ, прогрессируютъ болѣе или менѣе быстро въ зависимости отъ высоты ихъ организаціи.

Віоллэ въ своей «Исторіи французскаго гражданскаго права» отмѣчаетъ, что «вводъ во владѣніе до самаго конца всюду считался необходимымъ для феодальныхъ владѣній или леновъ (помѣстій) по обычному праву въ нѣкоторыхъ странахъ онъ вышелъ изъ употребленія по отношенію къ аллодамъ (вотчинамъ), хотя это же право считало его необходимымъ для другихъ имуществъ». Отчего обычай ввода во владѣніе исчезъ для аллодовъ и сохранился для феодальной собственности? Оттого что аллодіальный строй былъ болѣе либераленъ и менѣе архаиченъ, чѣмъ феодальный строй. Мы имѣемъ и другой примѣръ того же рода. Въ 1441 году Карлъ VII разрѣшилъ выкупъ всѣхъ рентъ, обезпеченныхъ домами въ Парижѣ, а въ 1553 году Генрихъ II распространилъ эту реформу на всѣ города королевства. Исключены были только ренты, должныя церкви, такъ какъ церковныя имущества считались неотчуждаемыми, подобно тому какъ не подлежало раздѣлу и отчужденію имѣніе древнихъ общинъ. Въ области владѣній церкви, института древняго, реформы совершались менѣе быстро, чѣмъ въ области владѣній болѣе поздняго происхожденія. Учредительное Собраніе отмѣнило привиллегію церкви, стоявшую въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ новымъ французскимъ общественнымъ строемъ и распространило реформу, первоначально касавшуюся только недвижимыхъ имуществъ Парижа и городовъ, на сельскую недвижимую собственность.

Всѣ эти проявленія жизнедѣятельности обществъ,—имѣющія отношеніе или къ прогрессу, или къ частнымъ условіямъ послѣдняго вродѣ продолжительности жизни обществъ или болѣе или менѣе ускореннаго ея темпа,—вытекаютъ изъ общихъ законовъ измѣнчивости. Принципъ, лежащій въ основѣ ихъ всѣхъ, состоитъ

въ томъ, что масса бо̀льшаго объема и болѣе сложная въ бо̀льшей степени подвержена измѣненіямъ, чѣмъ масса меньшаго объема и болѣе однородная. Маленькія однородныя зачаточныя общества видоизмѣняются очень мало, въ высшей степени медленно, отличаются высокой и неравномѣрной смертностью. Они мало знакомы съ своимъ прошлымъ и очень рѣдко заглядываютъ въ свое будущее. Въ дѣйствительности у нихъ нѣтъ ни прошлаго, ни будущаго,—то и другое тождественно съ ихъ настоящимъ состояніемъ; какъ идея прогресса, такъ и самый прогрессъ представляютъ недосягаемыя для нихъ высоты.

Изученіе условій продолжительности существованія общества и быстроты развитія соціальной жизни позволяетъ намъ такимъ образомъ формулировать слѣдующіе три закона общественныхъ превращеній:

1. Соціальный прогрессъ стоитъ въ прямомъ отношеніи къ массѣ соціальнаго тѣла, къ дифференціаціи этой массы и координаціи дифференцированныхъ частей, т. е. къ степени совершенства соціальной структуры;

2. продолжительность жизни обществъ стоитъ въ прямомъ отношеніи къ ихъ организаціи;

3. быстрота прогресса обществъ стоитъ въ прямомъ отношеніи къ высотѣ ихъ организаціи.

Эти три закона соотвѣтствуютъ наиболѣе общему закону измѣнчивости вообще, въ силу котораго измѣнчивость соціальныхъ организмовъ, какъ и организмовъ вообще, стоитъ въ прямомъ отношеніи къ ихъ массѣ, дифференціаціи и координаціи. Общественный прогрессъ представляетъ такимъ образомъ, частный случай общей измѣнчивости: какъ это понялъ уже Ог. Контъ, порядокъ и прогрессъ представляютъ двѣ стороны одного и того же явленія, статическіе и динамическіе, структурные и функціональные элементы котораго находятъ себѣ соотвѣтствующее выраженіе въ словѣ «организація».

ГЛАВА III.

Регрессъ въ біологіи и соціологіи.

Исторія эволюціи вѣрованій и теорій относительно прогресса и регресса обществъ показала намъ, что рѣшеніе относящихся сюда вопросовъ тѣсно связано съ рѣшеніемъ тѣхъ же вопросовъ

въ области біологіи и психологіи. Естественная исторія обществъ представляетъ вѣдь въ сущности только продолженіе—болѣе сложное—естественной исторіи мірозданія вообще. Общественная жизнь отличается отъ жизни вообще спеціальными условіями. Тѣмъ не менѣе, только самые общіе законы могутъ стать исходной точкой для объясненія послѣднихъ. Въ свою очередь, законы жизни вообще могутъ быть сведены на законы неорганическаго міра. Но такъ какъ мы имѣемъ здѣсь въ виду дать не *основныя понятія* й желаемъ объяснить трудности, а не упростить дѣло, отвлекаясь отъ нихъ,—то для нашей цѣли достаточно будетъ указать на связь интересующихъ насъ вопросовъ съ наиболѣе близкими къ нимъ явленіями въ области біологіи и психологіи.

Незачѣмъ доказывать тѣсную связь, существующую между соціологіей и обѣими названными науками. Достаточнымъ подтвержденіемъ ея является уже тотъ фактъ, что исходной точкой для ученія Дарвина была теорія экономическая и нравственная, что представленія Ламарка о наслѣдственности, задолго до того, какъ они были имъ формулированы, входили въ составъ соціальныхъ вѣрованій и лежали въ основѣ общественныхъ учрежденій, и что—съ другой стороны—біологическія и психологическія теоріи Дарвина и Герб. Спенсера привели къ соотвѣтствующему преобразованію соціологіи. Это преобразованіе было результатомъ длиннаго ряда успѣховъ, осуществленныхъ съ глубочайшей древности религіей, метафизикой и, наконецъ, философіей исторіи, въ которой, къ счастью, растворилась метафизика. Италія, Франція, Германія и Англія, каждая изъ этихъ странъ со времени эпохи Возрожденія и реформаціи внесла крупные вклады въ эту великую эволюцію общественной науки.

Характерной чертой XIX вѣка, несмотря на нѣкоторыя его неудачи въ области философіи и частныхъ наукъ, является несомнѣнное торжество положительныхъ ученій надъ метафизическими системами и громадные успѣхи біологіи и психологіи, приведшіе къ блестящему развитію соціологіи, совершающемуся на нашихъ глазахъ. Успѣхи философіи и психологіи внесли поправки и дополненія въ трудъ Ог. Конта, оказавшіяся необходимыми для того, чтобы соціологія стала на твердую научную почву.

Въ основѣ положительной философіи лежитъ охватывающій всѣ области нашихъ знаній научный детерминизмъ, а не слѣпой фатализмъ. Это часто упускали изъ вида крайніе дарвинисты, придавшіе великому закону естественнаго подбора абсолютный характеръ и въ такомъ видѣ распространившіе его на соціальную науку. Дѣйствіе закона естественнаго подбора не можетъ проявляться въ абсолютно одинаковой формѣ въ области біологіи и

соціологіи; выводить законы общественныхъ превращеній изъ біологическаго закона естественнаго подбора значило бы повторять ту же методологическую ошибку, какая допущена была Ог. Контомъ въ его «Traité de Sociologie positive». Ог. Контъ выводилъ здѣсь соціальные законы изъ природы человѣческихъ способностей и результаты этого метода должны были быть тѣмъ болѣе ошибочны, что наука о человѣкѣ, изъ которой исходилъ Контъ, отличалась еще крайнимъ несовершенствомъ. Главная ошибка крайнихъ дарвинистовъ состоитъ въ ложномъ методѣ. Біологическія основы у нихъ болѣе научны, но они до такой степени отожествляютъ біологію съ психологіей, что если бы они были правы — не было бы никакихъ основаній для выдѣленія соціологіи, въ качествѣ самостоятельной науки. Въ принципѣ естественнаго подбора нѣтъ ничего абсолютнаго. Напротивъ того, это—законъ, т. е. обобщеніе извѣстныхъ отношеній, обобщеніе по необходимости обусловленное, а не мистическое начало, въ качествѣ Deus ex machina прилагаемое цѣлой претендующей на научность литературной школой къ объясненію и даже оправданію всѣхъ явленій соціальной жизни. Если дарвинисты съ одной стороны заполнили громадные пробѣлы въ естественныхъ наукахъ, то съ другой—имъ необходимо отказаться отъ преждевременныхъ заключеній, ложно выведенныхъ изъ принципа естественнаго подбора и не провѣренныхъ соціологической индукціей.

Эти замѣчанія относятся преимущественно къ біологамъ Гэккелевской школы, упускающимъ изъ виду относительный характеръ, присущій принципу естественнаго подбора даже въ біологической области и забывающимъ, что согласіе общества, добываемое принудительно или возникающее договорнымъ путемъ, но во всякомъ случаѣ органическое и постоянное, представляетъ необходимую черту всякой общественной жизни. Съ другой стороны тѣ же заявленія могутъ быть направлены и по адресу соціоловъ вродѣ Спенсера, которые, признавая существованіе этой черты, не допускаютъ ея участія въ качествѣ дѣятельнаго и ограничительнаго момента въ борьбѣ за существованіе. Она вліяетъ, по ихъ мнѣнію, только на развитіе альтруистическихъ чувствъ, которыя по странному противорѣчію они стараются заглушить и подавить во всемъ, относящемся къ экономической и политической жизни обществъ, т. е. съ одной стороны къ наиболѣе общимъ, съ другой — къ высшимъ и наиболѣе сознательнымъ формамъ общественной дѣятельности. Эти теоретическія и методологическіе ошибки достигаютъ крайнихъ размѣровъ у Гумпловича, который лишенную всякаго содержанія формулу, непримѣнимую даже въ біологической области, положилъ въ основу философіи исторіи чело-

вѣчества и не возвысился надъ борьбой расъ, ссорящихся въ австрійской имперіи изъ-за словъ.

Необходимость примиренія псевдо-дарвиновскаго истолкованія закона естественнаго подбора съ положительнымъ методомъ и положительной философіей была ясно понята уже Уоллэсомъ, указавшимъ — какъ видѣли выше — съ полной опредѣленностью, въ какой значительной мѣрѣ кооперація и общественное чувство ограничиваютъ и ослабляютъ въ соціологической области дѣйствіе біологическаго закона естественнаго подбора. Дарвинъ самъ указалъ на относительный характеръ послѣдняго въ замѣчательномъ письмѣ своемъ къ знаменитому геологу Ляйэллю. Коснувшись интереснаго и въ то же время столь сложнаго вопроса о превосходствѣ или несовершенствѣ греко-римской цивилизаціи сравнительно съ послѣдующей, онъ говоритъ слѣдующее: «Размышляя о предметѣ нашего разговора, о высокой степени умственнаго развитія древнихъ грековъ, за которой не послѣдовало никакого прогресса или прогрессъ ничтожный, я пришелъ къ заключенію, что этотъ фактъ, представлявшійся намъ громадною трудностью, въ дѣйствительности вполнѣ согласуется съ нашими взглядами. Трудность была бы велика, если бы этотъ фактъ приходилось объяснить на основаніи Ламарковской теоріи необходимаго прогресса, *но съ моей теоріей зависимости прогресса отъ условій* онъ не стоитъ въ противорѣчіи и находится въ согласіи съ другими фактами прогресса тѣлесной структуры у животныхъ». Въ другомъ мѣстѣ Дарвинъ пишетъ: «Крупнѣйшее упущеніе въ моей книгѣ состоитъ въ томъ, что я не объяснилъ, отчего по моей теоріи прогрессъ всѣхъ формъ не необходимъ, и что даже въ настоящее время могутъ существовать организмы съ крайне простой организаціей».

Въ самомъ дѣлѣ существованіе по-сейчасъ простѣйшихъ организмовъ и дикихъ первобытныхъ обществъ не можетъ быть объяснено только естественнымъ подборомъ. При дѣйствіи послѣдняго только прогрессъ долженъ представлять явленіе постоянное и всеобщее, долженъ быть необходимъ не только для цивилизаціи, разсматриваемой въ цѣломъ, но и для отдѣльныхъ обществъ. Между тѣмъ, мы замѣчаемъ случаи общественнаго регресса и смерти не только въ зависимости отъ соперничества съ другими обществами, но и при отсутствіи всякаго соперничества

Ни общественный прогрессъ, ни общественный регрессъ, какъ говоритъ Дарвинъ въ полномъ согласіи съ научной философіей, не представляютъ собой чего-либо необходимаго, какъ не необходимы вообще жизнь и смерть органическихъ существъ. Прогрессъ и регрессъ представляютъ приспособленіе къ новымъ

условіямъ, къ новому положенію, лучшему или худшему. Новыя условія могутъ вызвать или развитіе и совершенствованіе, или остановку и регрессъ. Въ обоихъ случаяхъ приспособленіе выгодно, если не для прогресса, то для сохраненія вида. Естественный подборъ, опредѣляемый необходимостью приспособленія, фиксируетъ и при помощи наслѣдственности передаетъ видоизмѣненія, отвѣчающія новымъ условіямъ существованія.

Естественный подборъ является такимъ образомъ закономъ относительности и соотвѣтствія, какъ въ статическомъ, такъ и въ динамическомъ смыслѣ. Подобная постановка вопроса не устраняетъ возможности того, что на извѣстной стадіи исторической эволюціи общественная жизнь можетъ достигнуть такой ступени развитія, на которой непрерывность прогресса можетъ представляться почти необходимой. Но различіе между фатализмомъ—оптимистическимъ или пессимистическимъ—и научнымъ детерминизмомъ состоитъ въ томъ, что и въ послѣднемъ случаѣ, какъ и на предшествующихъ стадіяхъ общественной жизни, необходимость эта является относительной и обусловленной.

Эта положительная и относительная точка зрѣнія должна быть положена въ основу изученія явленій прогресса и регресса въ общественной жизни. Та же точка зрѣнія, какъ указалъ Дарвинъ, лежитъ и въ основѣ естественныхъ наукъ въ собственномъ смыслѣ слова. Если это такъ, то для выясненія общественнаго прогресса и регресса намъ слѣдовало бы изучить явленія интеграціи и дезинтеграціи въ мірѣ физическомъ, какъ въ области крупнѣйшихъ массовыхъ, такъ и въ области мельчайшихъ молекулярныхъ измѣненій. Но это изслѣдованіе относится скорѣе къ области общей философіи. Мы можемъ ограничиться аналогичными явленіями въ областяхъ, непосредственно предшествующихъ соціологіи—явленіями біологическими и психологическими.

Натуралисты, напр. Ламееръ, ученый профессоръ брюссельскаго университета, устанавливаютъ принципъ, что въ біологіи эволюція не можетъ протекать въ обратномъ направленіи. Въ доказательство они приводятъ слѣдующія два обобщенія цѣлаго ряда наблюденій:

1) Исчезнувшій видъ никогда не появляется вновь.

2) Признакъ, утраченный организмомъ, никогда не пріобрѣтается имъ опять, даже если существованіе его снова становится выгоднымъ. Такъ напр. киты—нѣкогда сухопутныя млекопитающія—поселившись въ морѣ, не пріобрѣли опять жабръ, которыми обладали ихъ предки—рыбы и которыя позволяли бы имъ дышать въ водѣ.

Первый аргументъ не доказываетъ невозможности обратнаго

теченія эволюціи. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдовало бы доказать, что видъ, исчезнувшій очевидно вслѣдствіе измѣненія или полнаго исчезновенія условій, опредѣлившихъ его появленіе и существованіе, не появился бы вновь, если бы возникли тѣ же условія въ какой либо части пространства и времени Вопросъ сводится слѣдовательно къ тому, могутъ-ли возстановиться тѣ же условія, и принадлежитъ къ тому же разряду вопросовъ, какъ вопросъ о возникновеніи человѣческой расы въ видѣ одной или нѣсколькихъ самостоятельно развившихся группъ — вопросъ, не допускающій исторической провѣрки.

Если бы поэтому мы и допустили, что въ области біологической морфологіи возвратъ къ старымъ формамъ невозможенъ, такъ какъ немыслимо возстановленіе прежнихъ условій, то распространить это положеніе на соціологію можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что старыя общественныя условія, опредѣлившія существованіе прежняго общественнаго типа, не могутъ быть возстановлены цѣликомъ или отчасти и привести къ образованію типа болѣе или менѣе аналогичнаго.

У китовъ, правда, не возникли вновь жабры; это доказываетъ только, что организація ихъ не идеальная, а унаслѣдованная, органически переданная. Организмъ человѣка также несовершененъ во многихъ отношеніяхъ. Но во всякомъ случаѣ, въ общемъ, китъ потерялъ структуру сухопутнаго млекопитающаго. Абсолютнаго соотвѣтствія не существуетъ, въ организаціи его мы находимъ «переживанія», имѣющіяся у многихъ организмовъ, а также, какъ мы увидимъ далѣе, находимыя и въ обществѣ.

Общее утвержденіе, что признакъ, утраченный организмомъ, не пріобрѣтается имъ вновь, даже когда онъ опять становится выгоднымъ, высказано въ слишкомъ абсолютной—даже по отношенію къ біологическимъ явленіямъ—формѣ. Во-первыхъ, когда можно утверждать, что признакъ окончательно утраченъ и что онъ не существуетъ въ скрытой формѣ, хотя бы въ видѣ зачатка, ожидающаго только благопріятныхъ условій для того, чтобы возникнуть вновь? Очевидно, если онъ *безусловно* утраченъ, то онъ не возникнетъ вновь. Но можетъ ли онъ когда-либо считаться *безусловно* утраченнымъ?

Физіологія какъ животныхъ, такъ и растеній доказываетъ, повидимому, противное. Если запустить на нѣсколько лѣтъ культуру плодовъ и овощей, они вырождаются, т. е. возвращаются къ естественному состоянію и послѣдовательно утрачиваютъ пріобрѣтенные было признаки. Подвергшись культурѣ опять, они прогрессивно снова пріобрѣтаютъ утраченные признаки.

Дарвинъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ разновидностей хризантема (златоцвѣта) наиболѣе частой является разновидность съ желтыми цвѣтами. Это его первоначальный цвѣтъ, и мы имѣемъ тутъ дѣло съ явленіемъ возврата, которое отмѣчаетъ собою возвращеніе къ первоначальному типу у помѣсей; тѣ же явленія возврата наблюдаются у троицына цвѣта, овощей, у одичалыхъ животныхъ и растеній, у домашней птицы и домашняго скота. У голубей Дарвинъ отмѣчаетъ возвратъ къ оперенію дикаго голубя и для куриныхъ вообще—къ окраскѣ первоначальнаго типа.

Что касается лошадей, то «сходство, обнаруживаемое различными породами въ смыслѣ масти, появленія яблокъ и полосъ на ногахъ, а также двойныхъ и тройныхъ полосъ на плечахъ, всѣ эти факты въ общемъ позволяютъ думать, что теперешнія породы произошли отъ одного первоначальнаго типа, болѣе или менѣе полосатаго, соловой масти, къ которой и обнаруживается иногда стремленіе возврата у нашихъ лошадей».

Въ общемъ изъ явленій, на которыя ссылается Ламееръ, для пониманія регрессивной эволюціи имѣетъ интересъ только тотъ сложный фактъ, что *исчезнувшій видъ* не появляется вновь. Но для этого имѣются достаточныя, извѣстныя намъ въ общемъ причины: для возвращенія исчезнувшаго вида требуется возстановленіе всей совокупности условій, благопріятствовавшихъ его появленію и существованію.

Если же ограничиться вторымъ положеніемъ Ламеера, что *признаки*, утраченные организмомъ, не пріобрѣтаются имъ болѣе вновь, то положеніе это оказывается не вполнѣ точнымъ даже въ примѣненіи къ растительному и животному міру; еще болѣе неточнымъ оказывается оно въ области психологіи.

При этомъ слѣдуетъ не упускать изъ виду факта капитальной важности, что во всякомъ случаѣ даже законовъ, оказавшихся вполнѣ точными въ біологіи, нельзя распространять апріорно и путемъ простого вывода—на соціологію. Организмы общественные несравненно сложнѣе и пластичнѣе, чѣмъ обыкновенные организмы. Біологія можетъ указать намъ только въ зародышѣ — и притомъ въ узкой и не гибкой формѣ—главныя очертанія законовъ общественнаго регресса.

Вейсманъ объясняетъ вырожденіе и упадокъ въ біологіи *обратнымъ ходомъ естественнаго подбора*. Когда органъ становится безполезнымъ, то для организма можетъ стать выгоднымъ, чтобы онъ сталъ меньше: такимъ образомъ достигается экономія въ питаніи, полезная для прочихъ органовъ; значительная величина безполезнаго органа становится помѣхой для роста всего организма. Спенсеръ замѣчаетъ, что это приложимо только къ

тѣмъ случаямъ, когда уменьшеніе органа благопріятствуетъ сохраненію и размноженію вида. Напримѣръ, если бы кэнгуру поселился въ гористой и поросшей кустарникомъ мѣстности, то его длинный хвостъ служилъ бы ему только помѣхой, уменьшеніе его размѣровъ было бы выгодно, и если бы пища имѣлась въ недостаточномъ количествѣ, то переживали бы только особи съ небольшимъ хвостомъ; кромѣ того, тутъ достигнута была бы значительная экономія въ питаніи. Но если бы напр. отсутствіе враговъ дѣлало излишнею значительную остроту слуха, то отсюда не слѣдуетъ, что въ борьбѣ за существованіе побѣдили бы кэнгуру съ маленькими ушами. Другой примѣръ. На уменьшеніе челюстей у домашнихъ породистыхъ собакъ вліяетъ не обратный естественный подборъ и не экономія питанія, а неупотребленіе. Гипотеза, по которой органъ, имѣвшій нѣкогда извѣстные размѣры, благодаря естественному подбору уменьшается въ объемѣ. когда онъ становится безполезнымъ или же потому что меньшій объемъ его столь же полезенъ и потому изъ случайныхъ видоизмѣненій удержится наименьшее и такимъ образомъ органъ будетъ правильно уменьшаться,—эта гипотеза недопустима. Другимъ примѣромъ являются слѣпыя рыбы и амфибіи, живущія въ темныхъ мѣстахъ и имѣющія зачаточные, скрытые подъ кожей глаза.

Эти справедливыя замѣчанія Спенсера еще болѣе ограничиваютъ роль естественнаго подбора, которому ошибочно приписываютъ абсолютный характеръ, указываютъ на важное значеніе употребленія и неупотребленія органовъ и даютъ намъ возможность составить себѣ болѣе вѣрное представленіе объ явленіяхъ прогресса и регресса въ соціологіи.

Обратныя измѣненія структуры въ біологіи естественно тѣмъ рѣже, чѣмъ къ болѣе древнимъ основнымъ формамъ мы переходимъ, формамъ, закрѣпленнымъ долгой наслѣдственной передачей и возникшимъ сотни вѣковъ тому назадъ. Въ этихъ случаяхъ обратныя измѣненія всего ничтожнѣе. Всего чаще явленія обратнаго развитія, какъ и прогресса, встрѣчаются въ организмахъ наиболѣе сложныхъ и особенно въ наименѣе фиксированныхъ, наиболѣе поздняго происхожденія формахъ этихъ организмовъ. Такъ напр. прогрессъ и регрессъ отчетливо выражаются въ строеніи черепа и головного мозга, явленія вырожденія можно наблюдать на этихъ органахъ въ рѣзкомъ видѣ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что законъ регресса въ біологіи представляетъ обратное выраженіе закона прогресса. Регрессивныя явленія, какъ говорятъ иногда, могутъ служить для повѣрки эволюціи. Ч. Дарвинъ помѣщаетъ человѣка рядомъ съ высшими обезьянами.

Если бы замѣчены были случаи регресса структуры, ведущіе отъ человѣка къ обезьянамъ, то этотъ фактъ послужилъ бы лишнимъ, сильнымъ доказательствомъ принципа эволюціи. Карлъ Фохтъ указалъ на существованіе идіотовъ—микроцефаловъ въ качествѣ типовъ регрессивныхъ.

Итакъ, первое важное обстоятельство, къ которому намъ придется вернуться, состоитъ въ томъ, что измѣненій какъ прогрессивныхъ, такъ и регрессивныхъ мы должны искать въ наиболѣе частныхъ формахъ структуры, въ формахъ наиболѣе поздняго происхожденія и наименѣе закрѣпленныхъ, такъ какъ онѣ являются наименѣе стойкими, наиболѣе подвижными, чувствительными и измѣнчивыми. «Общимъ повидимому закономъ организаціи является, справедливо замѣчаетъ Спенсеръ, то, что устойчивость частей пропорціональна ихъ древности; тогда какъ органы сравнительно недавняго происхожденія имѣютъ сравнительно слабые корни въ организмѣ и легко исчезаютъ, если условія не благопріятствуютъ ихъ сохраненію,—органы древняго происхожденія укоренены глубоко и исчезаютъ съ трудомъ. Представляя собой первобытные элементы типа и воспроизводясь въ качествѣ его частей съ временъ, обнимающихъ рядъ геологическихъ періодовъ, они отличаются сравнительнымъ постоянствомъ».

Мы получили такимъ образомъ, такъ сказать, механическое объясненіе закона регресса въ психологіи и соціологіи: регрессъ совершается въ направленіи наименьшаго сопротивленія; онъ ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ къ структурамъ болѣе древнимъ и болѣе стойкимъ.

Это приводитъ насъ къ второму важному наблюденію. Если въ біологіи отправленіе создаетъ органъ, то оно же разлагаетъ его незамѣтно и постепенно. Такимъ образомъ, прежде всего измѣненія обнаружатся въ отправленіяхъ и только впослѣдствіи въ организаціи. Послѣдняя можетъ при извѣстныхъ условіяхъ сохранять характеръ прежней структуры въ цѣломъ или частяхъ, когда функція уже видоизмѣнилась и стремится создать или даже создала уже себѣ новые органы. Развитіе и регрессъ такимъ образомъ явственнѣе можно наблюдать въ жизнедѣятельности, чѣмъ въ структурѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что возможно меньше ошибокъ, зависящихъ отъ сохраненія старыхъ формъ, функція которыхъ угасла, или отъ поздняго и недостаточно явственнаго еще образованія новыхъ органовъ, дѣятельность которыхъ совершается недостаточно еще выясненными путями.

Классическій примѣръ, заимствованный изъ области явленій жизни и смерти, даетъ намъ первое указаніе на законъ регресса организмовъ. Естественная смерть организма, въ самомъ дѣлѣ,

является наиболѣе рѣзкимъ случаемъ регресса, какой можно привести. И вотъ, говоря словами Галлера, мы замѣчаемъ, что центральный органъ кровеобращенія, сердце представляетъ organum primum vivens, ultimum moriens (органъ прежде всѣхъ начинающій жить, позднѣе всѣхъ умирающій). Органы продолжаютъ еще существовать, когда прекратились уже всѣ ихъ отправленія; разлагаются первыми наиболѣе нѣжные органы, и прежде всего нервная система, затѣмъ мышечная система, наконецъ костный скелетъ, наиболѣе фиксированный отдѣлъ, остовъ нашей организаціи, соединяющій насъ съ отдаленнѣйшими формами животнаго міра.

Параллелизмъ законовъ прогресса и регресса обнаружится еще явственнѣе въ явленіяхъ психо физіологическихъ.

«Если анэстезировать животныхъ, напр. лягушекъ, эфиромъ, продолжая неограниченное время дѣйствовать на нихъ парами эфира, то мы увидимъ, какъ послѣдовательно угасаютъ вслѣдъ за сознательной чувствительностью всѣ проявленіи безсознательной чувствительности въ кишечникѣ и железахъ. Наконецъ прекращается и мышечная раздражительность и столь оживленныя движенія мерцательныхъ рѣсничекъ, расположенныхъ въ видѣ щетинокъ на нѣкоторыхъ слизистыхъ оболочкахъ, напр. на слизистой оболочкѣ дыхательныхъ путей» (Клодъ Бернаръ).

Въ принципѣ всякая реакція или отвѣтъ на раздраженіе при прочихъ равныхъ условіяхъ пропорціональна раздраженію; движеніе соотвѣтствуетъ возбужденію. Но различныя клѣтки обнаруживаютъ различную возбуждаемость и измѣнчивость, состояніе равновѣсія въ нихъ болѣе или менѣе устойчиво. Организмы и органы очень стойкіе при равныхъ возбужденіяхъ обнаружатъ меньшую возбудимость, нестойкіе — бóльшую. Наиболѣе нѣжные, позднѣе другихъ развившіеся, обнаружатъ наибольшую измѣнчивость.

При обморокѣ потеря памяти и сознанія слѣдуетъ за прекращеніемъ кровеобращенія въ головномъ мозгу; послѣднее слѣдуетъ за прекращеніемъ общаго кровеобращенія и остановкой біеній сердца. Когда кровеобращеніе возстановляется, сердце опять начинаетъ биться и въ мозгъ опять начинаетъ поступать кровь, первыми возстановляются рефлексы, затѣмъ произвольныя движенія, наконецъ умственная дѣятельносгь. Прогрессъ идетъ въ направленіи обратномъ сравнительно съ регрессомъ.

Здѣсь въ регрессивной фазѣ совершается явленіе, съ которымъ мы встрѣтимся еще въ соціологіи. Когда органическое разстройство коснулось органовъ наиболѣе общихъ и существенныхъ, какъ напр. сердце въ біологіи, экономическое обращеніе въ соціологіи, прекращеніе и регрессъ высшихъ функцій совершается быстро. Въ этихъ случаяхъ, благодаря быстротѣ и одно-

временности измѣненій, трудно бываетъ различить, распространяется ли регрессъ сверху внизъ или снизу вверхъ. Въ приведенномъ нами случаѣ однако же очевидно, что остановка жизненныхъ отправленій влечетъ за собой остановку психической дѣятельности въ собственномъ смыслѣ слова. Мы касаемся здѣсь вопроса, который намъ придется затронуть далѣе, когда мы будемъ говорить о кажущихся и дѣйствительныхъ случаяхъ регресса.

При асфиксіи (задыханіи), первоначальныя явленія состоятъ въ явленіяхъ удушья и судорожныхъ движеніяхъ; втеченіи этой первой фазы умственная дѣятельность сохраняется въ неизмѣнномъ видѣ. Затѣмъ слѣдуетъ помраченіе зрѣнія, внѣшніе предметы перестаютъ восприниматься; позднѣе становятся смутными представленія или интеллектуальные образы этихъ предметовъ, наконецъ исчезаютъ память, умственная дѣятельность, сознаніе и чувство личности. Движенія имѣютъ характсръ рефлекторныхъ и конвульсивныхъ, какъ и среди умирающихъ обществъ. Сердце продолжаетъ биться, но сокращенія его посылаютъ мозгу черную, лишенную кислорода кровь, не могущую поддерживать психической дѣятельности.

Очевидно, слѣдуетъ различать нормальный регрессъ органической жизни съ естественнымъ ея концомъ—отъ частныхъ ненормальныхъ и случайныхъ поврежденій и отъ внезапной и насильственной смерти. Возникаетъ такимъ образомъ вопросъ о послѣдствіяхъ, вызываемыхъ органическимъ разстройствомъ среднихъ жизненныхъ факторовъ, занимающихъ не высшее и не низшее положеніе, а находящихся въ серединѣ ряда. Біологическій законъ въ данномъ случаѣ опять соотвѣтствуетъ закону развитія видовъ. Простой организмъ погибнетъ уже вслѣдствіе очень простой перемѣны въ окружающей средѣ, въ которой онъ приспособленъ только въ общихъ чертахъ. Напротивъ того,—если исключить случайности—сложный организмъ погибаетъ вслѣдствіе постепеннаго прекращенія высшихъ и частныхъ функцій, составляющихъ продолженіе его глубокихъ и основныхъ функцій и защиту для нихъ.

При смерти вслѣдствіе истощенія жизнь нервной системы и психическая дѣятельность продолжаются долгое время, несмотря на отсутствіе пищи. Безпозвоночныя и низшія позвоночныя могутъ оставаться цѣлые мѣсяцы безъ пищи. У высшихъ животныхъ смерть отъ голода наступаетъ не ранѣе четвертой и даже пятой и шестой недѣль. Послѣдній періодъ жизни характеризуется бредомъ и глубокимъ разстройствомъ всѣхъ умственныхъ способностей. Но бредъ въ свою очередь представляетъ одну изъ формъ душевной дѣятельности, такъ что умственная жизнь

длится до тѣхъ поръ, пока не прекратилось кровеобращеніе, и единственнымъ пищевымъ средствомъ, необходимымъ для жизни нервной клѣтки, является кислородъ. Поэтому при анеміи (малокровіи) центральная нервная система страдаетъ раньше сердца, мускуловъ и двигательныхъ нервовъ; точно тоже наблюдается при перенагрѣваніи тѣла. Факты эти указываютъ на повышенную чувствительность психическихъ нервныхъ центровъ.

Ш. Ришэ справедливо замѣчаетъ, что «цѣльное сознаніе, включая сюда вниманіе, усиліе, связь ощущеній и усилій прошлыхъ и настоящихъ, представляетъ наиболѣе хрупкій аппаратъ психической нервной системы. Яды, оставляющіе неповрежденными двигательные рефлекторные аппараты, психическіе рефлекторные аппараты и даже безсознательную идеацію уже въ слабыхъ дозахъ вызываютъ глубокое разстройство сознательной сферы и разрушаютъ единство личности, извращая ощущеніе усилія и помрачая память о послѣдовательныхъ или настоящихъ состояніяхъ сознанія».

Предыдущія замѣчанія относительно явленій біологическихъ и психо-физіологическихъ показываютъ намъ, что высшія функціи и аппараты являются въ то же время наиболѣе чувствительными, наиболѣе измѣнчивыми, наиболѣе подверженными гибели. Когда разстройство коснулось непосредственно какой нибудь основной функціи, напр. питанія, то оно отражается послѣдовательно на аппаратахъ все болѣе и болѣе сложныхъ; функціи послѣднихъ исчезаютъ послѣдними за исключеніемъ нѣкоторыхъ рефлекторныхъ и судорожныхъ чисто-органическихъ явленій. Когда непосредственно задѣты высшіе аппараты, а именно душевной жизни, регрессъ идетъ отъ наиболѣе частныхъ и высшихъ къ простѣйшимъ и низшимъ аппаратамъ; животная жизнь замираетъ послѣдней; регрессивный процессъ совершается по тому же типу, что и нормальная дезинтеграція организма, т. е. такъ-же какъ въ обычныхъ случаяхъ.

Во всякомъ случаѣ функціональному разстройству предшествуетъ, совершается одновременно съ нимъ или слѣдуетъ за нимъ соотвѣтствующее органическое разстройство. Внезапное прекращеніе функцій наиболѣе общихъ, напр. кровеобращенія, можетъ обусловить внезапное прекращеніе высшихъ функцій.

Въ общемъ возвратъ къ нормальной жизнедѣятельности совершается въ порядкѣ обратномъ исчезновенію физіологическихъ и психическихъ функцій. При нормальныхъ условіяхъ высшіе органы разрушаются быстрѣе простыхъ. Во всякомъ случаѣ органы переживаютъ свои функціи, но тогда они представляютъ только «кажущіеся» органы.

Психологи освѣтили еще обстоятельнѣе эти естественные законы упадка и дезинтеграціи и притомъ съ той стороны, которая приближаетъ ихъ къ соціологической проблемѣ. Ихъ наблюденія и побудили меня формулировать въ видѣ гипотезы соотвѣтствующій соціологическій законъ. Дальнѣйшія наблюденія подтвердили въ моихъ глазахъ правильность этого закона, и если прежде мы имѣли дѣло съ недостаточной индукціей, то теперь въ новомъ объясненіи и развитіи законъ прогресса и регресса примыкаетъ къ всеобщему закону измѣнчивости, въ силу котораго части, наиболѣе поверхностныя и подверженныя внѣшнимъ воздѣйствіямъ, обладаютъ также и наибольшей измѣнчивостью, точно такъ же какъ тѣла наибольшаго объема и наиболѣе дифференцированныя измѣнчивѣе тѣлъ простыхъ и малыхъ; впрочемъ, это—двѣ формулировки одного и того же закона.

По словамъ Рибо, Хьюхлингсъ Джексонъ «первый указалъ, что высшія, сложныя, частныя, произвольныя функціи нервной системы исчезаютъ первыми; что функціи низшія, простыя, общія, автоматическія исчезаютъ послѣдними». Онъ указываетъ далѣе, что ослабленіе памяти распространяется прежде всего на позднѣйшія событія. Новые факты перестаютъ запечатлѣваться въ нервныхъ центрахъ или тотчасъ же изглаживаются. Причиной такого ослабленія памяти является серьезное анатомическое разстройство: начало перерожденія нервныхъ клѣтокъ; онѣ атрофируются причемъ «новое умираетъ раньше стараго».

Впослѣдствіи потеря памяти распространяется на пріобрѣтенія умственныя, научныя, эстетическія, на знанія въ иностранныхъ языкахъ и т. д. Личныя воспоминанія изглаживаются все слабѣе по мѣрѣ того, какъ мы углубляемся въ прошлое; воспоминанія дѣтства исчезаютъ послѣдними. Анатомическая причина болѣзни лежитъ въ атрофіи, распространяющейся постепенно на мозговую кору, а затѣмъ на бѣлое вещество и ведущей къ перерожденію клѣтокъ, волоконъ и капилляровъ нервнаго вещества.

Аффективные элементы психической жизни исчезаютъ несравненно медленнѣе интеллектуальныхъ. Наиболѣе стойки элементы, ставшіе почти органическими, входящіе въ составъ ежедневной рутины, старыя привычки, ставшія автоматическими, и минимумъ сознательной памяти, низшая форма послѣдней, для чего достаточно сохранности мозговыхъ узловъ продолговатаго и спиннаго мозга.

Такимъ образомъ утрата памяти распространяется съ нестойкихъ элементовъ на стойкіе, съ частнаго на общее. Законъ этотъ подтверждается также явленіями обратнаго порядка: въ самомъ дѣлѣ возстановленіе памяти идетъ въ обратномъ направ-

ленiи: отъ стойкихъ элементовъ къ нестойкимъ, отъ общаго къ частному.

Въ письмѣ къ Л. Блэмфильду Ч. Дарвинъ пишетъ: «Я забылъ ваше имя... когда старѣешься, мысль обращается болѣе къ прошедшему, чѣмъ къ будущему». Въ самомъ дѣлѣ, образованіе новыхъ идей прекращается, идеи самаго поздняго происхожденія исчезаютъ и на поверхность выплываютъ старыя; воспоминаніе о старыхъ событіяхъ становится тогда поверхностнымъ и, стало быть, болѣе чувствительнымъ. Впечатлѣніе отъ имени менѣе рѣзко, чѣмъ отъ фамиліи, отъ фамиліи—менѣе рѣзко чѣмъ отъ образа, а отъ послѣдняго—чѣмъ отъ самой дѣйствительности. Забывъ имя и фамилію, мы узнаемъ еще изображеніе знакомаго лици; въ концѣ концовъ сохраняется способность узнавать только самое лицо. Не регрессомъ ли такого рода объясняется возвратъ въ старости нѣкоторыхъ великихъ умовъ къ вѣрованіямъ ихъ дѣтства?

Этотъ законъ представляетъ только частный случай болѣе простого біологическаго закона, въ силу котораго структуры, возникшія послѣдними какъ мы видѣли, вырождаются первыми, причемъ вырожденіе ихъ идетъ въ направленіи обратномъ ихъ прогрессивной эволюціи.

Тоже наблюдается въ области волевыхъ явленій. Умственные образы ощущеній вначалѣ бываютъ ярки и отчетливы, особенно если впечатлѣніе дѣйствовало долго и интенсивно, затѣмъ—если ощущеніе не пробуждается вновь и не повторяется—они блѣднѣютъ и исчезаютъ съ горизонта сознанія. Образъ пропадаетъ, причемъ при разложеніи своемъ онъ проходитъ въ обратномъ порядкѣ черезъ тѣ же стадіи, черезъ которыя онъ прошелъ при своемъ возникновеніи. Изъ ощущенія возникаетъ образъ, изъ образа—частная идея, изъ частныхъ идей—общая; регрессъ совершается въ обратномъ направленіи.

Въ «Болѣзняхъ воли» Рибо указываетъ, что «разложеніе идетъ всегда въ порядкѣ обратномъ сравнительно съ эволюціей... наиболѣе сложныя проявленія воли должны исчезнуть ранѣе простѣйшихъ, простѣйшія—раньше автоматическихъ». Можно установить въ видѣ закона, что «разложеніе идетъ отъ явленій, отличающихся наибольшей произвольностью и сложностью, къ явленіямъ наименѣе произвольнымъ и наиболѣе простымъ, т. е. автоматическимъ».

Въ «Психологіи вниманія» Рибо отмѣчаетъ, что при опьянѣніи сначала измѣняются движенія наиболѣе тонкія, начинается спутанность рѣчи, движенія пальцевъ становятся менѣе отчетливыми, потомъ только начинаютъ страдать полу-автоматическія движенія ходьбы и походка становится шаткой. Затѣмъ утрачивается способность сохранять равновѣсіе и въ сидячемъ поло-

женіи и человѣкъ падаетъ. Наконецъ утрачиваются и рефлексы: человѣкъ мертвецки-пьянъ. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ прекращаются дыхательныя движенія. Впрочемъ Тэнъ уже давно указалъ на психологическій законъ, въ силу котораго раньше другихъ образовавшіяся ассоціаціи идей разлагаются послѣдними.

Возьмемъ для примѣра функцію, стоящую въ связи одновременно съ біологіей, психологіей и отчасти съ соціологіей, — функцію рѣчи. Ог. Контъ далъ теорію ея въ своей соціальной статикѣ. Мы находимъ здѣсь тѣ же законы прогрессивной и регрессивной эволюціи. Память рѣчи и знаковъ исчезаетъ въ порядкѣ обратномъ ихъ возникновенію. Сначала исчезаютъ слова, служащія для обозначенія отвлеченныхъ понятій, затѣмъ— существительныя, имена собственныя и названія конкретныхъ предметовъ, затѣмъ глаголы, указывающіе на связь и отношеніе между предметами, наконецъ прилагательныя, подобно глаголамъ, обозначающія дѣйствія и качества предметовъ. Вслѣдъ за языкомъ словъ исчезаетъ языкъ эмоцій, образуемый восклицаніями и междометіями. Послѣднимъ исчезаетъ языкъ жестовъ, мимика.

Законъ образованія языка,—переходъ отъ жестовъ къ рѣчи и отъ послѣдней къ письму—представляетъ обратное выраженіе этого закона регресса. Точно также въ постепенной утратѣ способности письма у нѣкоторыхъ душевнобольныхъ, описанной Кусмаулемъ, можно наблюдать проявленіе того же закона.

Первыми исчезаютъ тѣ функціи, которыя послѣдними входятъ въ составъ механизма душевной жизни. Когда при поврежденіи мозга исчезаетъ способность распознавать цвѣта, то прежде всего исчезаетъ способность распознавать тотъ цвѣтъ, который мы научились дифференцировать послѣднимъ.

Д-ръ Даллеманъ, замѣчательный физіологъ, психологъ и соціологъ, согласенъ съ нами, что тотъ же законъ можетъ быть распространенъ на область соціологіи. Онъ указываетъ, что инстинктъ самосохраненія угасаетъ у личности послѣднимъ. Функція питанія, сближающая человѣка съ животнымъ міромъ, сохраняется даже у идіота, она переживаетъ даже функцію половую. Сознаніе исчезаетъ, когда присутствіе его безполезно, когда достигнуто автоматическое равновѣсіе жизненныхъ функцій. Д-ръ Даллеманъ отмѣчаетъ далѣе, что происхожденія идеи вырожденія въ томъ видѣ, въ какомъ мы вводимъ ее въ настоящее время въ соціологію, слѣдуетъ искать въ естественныхъ наукахъ. Она возникла во Франціи и Германіи еще въ XVIII вѣкѣ. Тогда уже сдѣланы были попытки установить, что душевныя болѣзни стоятъ всегда въ связи съ физическими страданіями мозга или внутреннихъ

органовъ. Знаменитый Морель въ срединѣ XIX в. указалъ, какое вліяніе недостатокъ пищи оказываетъ на вырожденіе видовъ.

Изученіе людей, утратившихъ душевное равновѣсіе, и дегенерантовъ (вырождающихся) подтверждаетъ общій законъ регресса. На верхушкѣ мы встрѣчаемъ людей, утратившихъ душевное равновѣсіе, но обладающихъ даже талантомъ, внизу—идіотовъ. Вырожденіе совершается однакоже безъ рѣзко опредѣленныхъ границъ, отъ нормальнаго состоянія спускаясь постепенно къ глубочайшимъ разстройствамъ. Точно также, какъ прогрессъ представляетъ собой наслѣдственно укрѣпляющуюся эволюцію, такъ и вырожденіе представляютъ собой наслѣдственный регрессъ. Какъ замѣчаетъ д-ръ Даллеманъ, «индивидуальный регрессъ, вырожденіе, ограничивающееся отдѣльными личностями, есть фактъ непрерывный и постоянный, даже среди развивающихся обществъ. Дегенеранты встрѣчаются одновременно въ качествѣ отставшихъ солдатъ побѣдоносной арміи и разсѣянныхъ остатковъ арміи разбитой. Даже среди развивающихся обществъ, частные случаи упадка входятъ въ составъ нормальнаго физіологическаго процесса». Послѣднее замѣчаніе представляетъ интересъ для пониманія явленій вырожденія и атрофіи нѣкоторыхъ соціальныхъ органовъ и даже цѣлыхъ обществъ, явленій, на которыхъ мы остановимся далѣе. Мы увидимъ, что регрессъ этихъ органовъ можетъ являться даже условіемъ прогресса.

Что касается причинъ вырожденія, то Дальи далъ слѣдующую ихъ классификацію:

A) Причины патологическія.	
B) Причины токсическія.	Національные яды: алкоголь, опіумъ, табакъ, гашишъ. Пищевые яды: пеллагра, спорынья. Профессіональные: газы въ копяхъ, свинецъ, мышьякъ.
C) Причины географическія и климатическія.	Недостаточная акклиматизація. Слишкомъ высокое положеніе мѣстности, малярія, зобъ, кретинизмъ. Холодъ, жаръ.
D) Причины общественныя.	Раздѣленіе труда; умственное перенапряженіе. Профессіи. Расовыя скрещиванія. Военный отборъ. Скопленіе жителей въ городахъ. Расовое безплодіе.

Д-ръ Даллеманъ исправилъ и дополнилъ эту таблицу.

Вырожденіе въ общемъ сводится къ утратѣ равновѣсія. Въ противоположность процессу организаціи это — дезорганизація. Существованіе дезорганизаціи предполагаетъ предшествующее нормальное состояніе—не первобытное и стойкое, въ этомъ состояла ошибка первыхъ теоретиковъ философіи исторіи — а послѣдовательно развившееся и неустойчивое. Что касается самаго равновѣсія, то оно—результатъ приспособленія; мы находимъ его во всѣхъ разрядахъ явленій, функцій и органовъ біологическихъ, душевныхъ и соціальныхъ. Равновѣсіе внутренней жизни и относительно внѣшней среды наблюдается также въ цѣлыхъ организмахъ.

Въ основѣ мы находимъ равновѣсіе растительной жизни, центрами которой являются спинной и продолговатый мозгъ; это—равновѣсіе автоматическое и устойчивое; далѣе—равновѣсіе аффективной жизни, регуляторами котораго являются узлы основанія мозга; равновѣсіе это—менѣе стойкое, лежащее на порогѣ сознанія. Наконецъ вверху мы находимъ равновѣсіе душевной жизни, центральнымъ органомъ которой является мозговая кора; она принадлежитъ области сознанія и въ качествѣ послѣдняго продукта эволюціи отличается наименьшей устойчивостью.

Утрата равновѣсія или дезорганизація начинается прежде всего съ идейной сферы, затѣмъ распространяется на жизнь эмоціональную, аффективную, половую и наконецъ на питаніе. Безплодіе является послѣднимъ звеномъ индивидуальнаго вырожденія, но, какъ мы говорили уже, оно предшествуетъ еще разстройству инстинкта питанія. Всякій изъ этихъ центровъ имѣетъ, кромѣ того, дополнительную функцію, являясь въ тоже время задерживающимъ факторомъ. Онъ задерживаетъ и умѣряетъ развитіе и точно также дѣйствуетъ на упадокъ. Причина этого почти механическая: центры эти являются тѣми пунктами, въ которыхъ встрѣчаются противодѣйствующія силы. Необходимо поэтому извѣстное время, чтобы регрессъ и прогрессъ сколько-нибудь ясно обозначились.

Всеобщая абулія (отсутствіе воли), захватывающая даже безсознательную сферу центровъ питанія, есть характеристическій признакъ вырожденія. Высшимъ проявленіемъ этой абуліи является автоматизмъ, а сама абулія стоитъ въ связи съ утратой памяти. Связь съ прошлымъ порвана, непрерывность исчезла, синтезъ отсутствуетъ, наступила общая *диссоціація*. Мы видѣли, что какъ во всѣхъ случаяхъ регресса, абулія распространяется съ мозговой коры на ниже-лежащіе центры. Эта индивидуальная диссоціація, проявляющаяся въ абуліи, нѣсколько аналогична съ состояніемъ самыхъ несчастныхъ общественныхъ слоевъ въ современныхъ циви-

лизованныхъ странахъ. Состояніе массы обездоленныхъ въ самыхъ передовыхъ обществахъ съ точки зрѣнія волевой энергіи приближается къ первобытному состоянію общества. Какъ дикари, такъ и обездоленные въ одинаковой мѣрѣ являются рабами судьбы, противъ которой они даже не помышляютъ реагировать и бороться.

Хотя нравственная жизнь—какъ впрочемъ и умственная—представляетъ уже элементъ соціальный, тѣмъ не менѣе можно изучать ея прогрессъ и регрессъ также съ индивидуальной точки зрѣнія. И съ этой точки зрѣнія можно замѣтить, что нравственное чувство исчезаетъ у личности однимъ изъ первыхъ, такъ какъ оно поздняго происхожденія, представляетъ элементъ болѣе сложный, чѣмъ умственная дѣятельность, и высшій, чѣмъ накопленіе научныхъ только знаній. У выдающихся ученыхъ, особенно ограничившихся узкой спеціальностью, нравственное чувство можетъ исчезнуть и даже совсѣмъ отсутствовать.

Нравственность предполагаетъ извѣстный идеалъ поведенія,—она стоитъ въ связи съ дѣятельностью воли и когда воля заболѣваетъ, извращается также нравственная жизнь и падаетъ, причемъ разложеніе идетъ начиная съ высшихъ ея формъ. Война напр. является для вооруженныхъ массъ синонимомъ исчезновенія воли, возвратомъ къ автоматической и пассивной покорности, и при ней наблюдается исчезновеніе высшихъ общественныхъ добродѣтелей—альтруизма и справедливости. Во время войны всякій, защищающій свое отечество и семью, не будучи одѣтымъ въ мундиръ, считается преступникомъ, подлежащимъ смертной казни.

Воля исчезаетъ и ослабѣваетъ различными путями. Разумная воля можетъ быть замѣнена чрезмѣрными импульсами, существующіе регуляторные органы не въ состояніи ихъ обуздать и умѣрить. Можетъ возникнуть напротивъ того слабость или даже полное отсутствіе импульсовъ: передъ нами тогда ослабленіе или отсутствіе воли, *абулія*; умственная дѣятельность сохраняется неповрежденной, но двигательные центры перестаютъ оказывать стимулирующее вліяніе и только въ исключительныхъ случаяхъ возникаютъ насильственные импульсы вслѣдствіе внѣшняго толчка. При этихъ условіяхъ, равно какъ при *парезѣ* воли,—слабости ея, возникающей вслѣдствіе сильныхъ потрясеній—регрессу подвергается поведеніе и высшія формы послѣдняго, опредѣляемыя нравственнымъ чувствомъ. Люди съ больной волей продолжаютъ правильно разсуждать, но дѣйствія ихъ не соотвѣтствуютъ ихъ умственному развитію; болѣзнь воли можетъ привести ихъ къ преступленію.

Среди наиболѣе цивилизованныхъ народовъ, у высшихъ расъ наблюдаются подобныя явленія нравственнаго вырожденія—явленія, въ значительной степени соціальнаго характера,—но наблюдае-

мыя у отдѣльныхъ личностей въ связи съ разстройствами воли. При умственномъ вырожденіи наблюдается возвратъ къ прежнимъ стадіямъ развитія не только индивида, но даже расы и вида. Нѣкоторыя формы умственнаго вырожденія представляютъ возвратъ къ животному состоянію и могли бы служить доказательствомъ нашего происхожденія отъ низшихъ видовъ. Лейкокъ приводитъ нѣсколько интересныхъ примѣровъ подобнаго вырожденія у высокоодаренныхъ въ умственномъ отношеніи людей, вызванныхъ заболѣваніями мозга. Ликантропія (состояніе, въ которомъ человѣкъ воображаетъ себя волкомъ или другимъ животнымъ и совершаетъ соотвѣтствующіе поступки) и вампиризмъ могутъ служить примѣрами подобнаго рода.

Такимъ образомъ, при разложеніи отдѣльной личности или въ періоды общественныхъ кризисовъ сначала исчезаетъ нравственное равновѣсіе, затѣмъ разстраивается воля. Возникаютъ чрезмѣрные импульсы, съ которыми не въ состояніи справиться слабая организація, и во время народныхъ волненій люди, въ высшей степени миролюбивые и человѣчные при нормальныхъ условіяхъ, совершаютъ рядъ насилій и жестокостей. Или же напротивъ того воля, предварительно обезсиленная у вырождающихся индивидовъ, классовъ и народовъ, не въ состояніи противостоять даже обычнымъ возбужденіямъ. Нравственная жизнь во всякомъ случаѣ тогда не регулируется волей и поведеніе становится автоматичнымъ.

Ознакомившись съ исторіей эволюціи ученій и вѣрованій объ общественномъ прогрессѣ и регрессѣ, въ связи съ аналогичными явленіями и законами въ біологіи и психологіи, наукахъ ближе всего стоящихъ къ соціологіи, мы можемъ теперь приступить къ разсмотрѣнію изученныхъ уже нами явленій въ томъ спеціальномъ ихъ видѣ, какой они носятъ въ соціологіи. Если справедливо, что общественное чувство есть спеціальный, высшій признакъ нѣкоторыхъ животныхъ видовъ, живущихъ группами, то мы не удивимся, если найдемъ, что законы общественнаго прогресса и регресса представляютъ только болѣе сложный и своеобразный случай приложенія тѣхъ законовъ, которые управляютъ эволюціей другихъ явленій природы. Въ то же время не слѣдуетъ однакоже упускать изъ виду, что соціальные организмы отчасти отличаются отъ организмовъ обыкновенныхъ, что они обладаютъ особыми признаками, не встрѣчающимися въ другихъ случаяхъ, хотя эти признаки и представляютъ результатъ высшей комбинаціи болѣе простыхъ элементовъ, изъ которыхъ основные принадлежатъ неорганическому міру.

ГЛАВА IV.

Мѣрило цивилизаціи.

Въ чѣмъ состоитъ мѣрило прогресса? На основаніи чего можно утверждать, что одна цивилизація выше другой? Этимъ вопросомъ намъ предстоитъ заняться, прежде чѣмъ перейти къ изученію регресса обществъ. Выводы, полученные нами, послужатъ въ то же время для повѣрки результатовъ, которые дастъ намъ изученіе послѣдняго вопроса.

Вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть разрѣшенъ только при посредствѣ аналитическаго метода. Забудемъ — по крайней мѣрѣ, на время—общія воззрѣнія на сущность прогресса и будемъ изучать это сложное и частное явленіе общественной жизни такъ же, какъ мы изучали самыя общества, т. е. анализируя и расчленяя его.

Напомнимъ здѣсь только, что, анализируя общество, мы нашли семь классовъ явленій, къ которымъ сводится общественная дѣятельность: отношенія экономическія, семейныя, явленія искусства, науки, отношенія юридическія, нравственныя и политическія. Этими явленіями исчерпываются всѣ виды общественной жизни, и каждый изъ названныхъ классовъ явленій, отличаясь отъ прочихъ, имѣетъ въ то же время общія, связующія ихъ другъ съ другомъ черты. Кромѣ того они располагаются въ іерархическомъ порядкѣ возрастающей сложности и частности, причемъ экономическія явленія являются наиболѣе простыми и общими, а политическія — наиболѣе сложными и частными; прочія же занимаютъ промежуточныя мѣста, указанныя нами выше.

Если довести соціологическій анализъ до крайнихъ предѣловъ, за которыми изслѣдователь выходитъ изъ области соціологіи и вступаетъ въ частныя области физіологіи, физическихъ и математическихъ наукъ, то мы придемъ къ двумъ простѣйшимъ соціологическимъ элементамъ, не разложимымъ на болѣе простые и представляющимъ матеріалъ всякаго общества и субстратъ всѣхъ общественныхъ явленій: территоріи и народонаселенію. Въ томъ широкомъ смыслѣ, который я придаю здѣсь этимъ словамъ, территорія обозначаетъ всю физическую и природную среду, включая сюда флору и фауну; народонаселеніе-же—всѣ человѣческія существа.

Такимъ образомъ соціологія можетъ и сначала даже должна у всѣхъ предшествующихъ, абстрактныхъ и конкретныхъ наукъ искать отвѣта на вопросъ, усовершенствовалась ли среда, которую мы обозначаемъ словомъ территорія. Въ случаѣ утвердительнаго

отвѣта, дальнѣйшіе вопросы будутъ состоять въ слѣдующемъ: было ли это совершествованіе правильнымъ и непрерывнымъ? прерывалось оно или нѣтъ переворотами и періодами регресса? предстоятъ ли новыя катастрофы и новые періоды регресса? Наконецъ, такъ какъ наша планета имѣла начало, то не обречена ли она и на конецъ, не предстоитъ ли періодъ разложенія послѣ періода образованія? Очевидно, указанныя условія эволюціи физической среды должны оказывать общее руководящее вліяніе на ходъ той частной эволюціи, которую переживаютъ общества, и теорія прогресса въ всякомъ случаѣ не можетъ имѣть того абсолютнаго характера, который она носила въ 18-мъ вѣкѣ и продолжаетъ носить до сихъ поръ подъ вліяніемъ какого то смутнаго, оффиціальнаго оптимизма.

Если, съ отвлеченной точки зрѣнія, сила никогда не пропадаетъ, то все-же не подлежитъ сомнѣнію, что въ отдаленномъ будущемъ нашей планетѣ предстоитъ подвергнуться дезинтеграціи, и этотъ регрессъ физическихъ условій неизбѣжно повлечетъ за собой регрессъ жизни и общества.

Далѣе біологическія науки и психологія, непосредственно предшествующія соціологіи, выяснятъ намъ—принимая въ разсчетъ общіе физическіе законы—совершенствовались ли анатомическіе, физіологическіе и психическіе признаки населенія, совершался ли здѣсь прогрессъ правильно, непрерывно и однообразно, прерывался ли онъ или нѣтъ медленно наступавшими или внезапными періодами регресса. Для этой цѣли антропологія въ особенности имѣетъ въ своемъ распоряженіи измѣрительные приборы, которые могутъ доставить точныя данныя для рѣшенія соціологическаго вопроса. Точно также доставлены будутъ данныя этнографіей и лингвистикой,—частными, воспомогательными науками антропологіи.

Въ «Общей структурѣ обществъ» мною будутъ указаны анатомическіе и психологическіе признаки, отличающіе высшіе типы человѣческаго вида отъ низшихъ. Какъ съ физической точки зрѣнія, такъ и съ антропологической существуютъ условія и отношенія, могущія служить общимъ мѣриломъ для обоихъ факторовъ общественной жизни: физической среды съ одной стороны, населенія—съ другой. Для среды такимъ мѣриломъ является степень интеграціи или дезинтеграціи; для второго—становящіяся все болѣе точными измѣреніе и оцѣнка физіологическихъ и психологическихъ признаковъ вида.

Всѣ представленія объ общественной жизни, включая сюда самыя грубыя, всегда покоились на общихъ представленіяхъ о физическомъ и органическомъ мірѣ. Невѣжественный австраліецъ

отличается въ этомъ отношеніи отъ образованнѣйшаго европейца только по степени общности и точности его воззрѣній. Методъ, которому мы должны слѣдовать, указанъ намъ тѣмъ методомъ, который естественно и постоянно прилагается человѣческимъ умомъ. Къ изученію частнаго случая жизни вообще—жизни общественной, и частнаго случая послѣдней—прогресса и регресса ея—необходимо приложить тѣ же правила и тотъ же методъ, по которымъ мы изучаемъ жизнь вообще. Намъ слѣдуетъ отыскать мѣрило и условія прогресса въ общихъ и первоначальныхъ факторахъ всякаго общества—человѣкѣ и его средѣ, въ пространствѣ и времени.

При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что среда и населеніе—по крайней мѣрѣ съ соціологической точки зрѣнія — не могутъ разсматриваться раздѣльно, такъ какъ именно тѣсная связь обоихъ этихъ элементовъ и образуетъ соціальное тѣло, лежитъ въ основѣ относящихся сюда явленій. Прогрессъ физической среды не имѣлъ бы никакого значенія, если бы между средой и живущими въ ней человѣческими существами не было соціальной связи. Совершенствованіе населенія въ силу естественнаго подбора или другихъ причинъ также не имѣло бы никакого значенія, если бы результатомъ его не была бо̀льшая приспособленность къ окружающей средѣ. Общее мѣрило прогресса среды и вида не можетъ быть получено изъ разсмотрѣнія этихъ элементовъ, взятыхъ въ отдѣльности. Они тѣсно сотканы въ обществѣ и мѣрило можетъ быть найдено только при совмѣстномъ ихъ изученіи. Но опредѣлить, выше или ниже извѣстное общество, т. е. сложный организмъ, чѣмъ другое общество, мы можемъ только въ томъ случаѣ, если разложимъ его на отдѣльные виды его дѣятельности, на отдѣльные органы; только послѣ подобнаго анализа мы можемъ высказать наше мнѣніе о цѣломъ. Необходимъ инвентарь по счастливому выраженію Тэйлора. Но тутъ мы наталкиваемся на существенное затрудненіе. Торговый или всякій другой инвентарь сводится къ балансу. Сравненіе періодическихъ балансовъ показываетъ, процвѣтаетъ ли дѣло или падаетъ. Положеніе тутъ ясно и никакихъ разногласій въ оцѣнкѣ его быть не можетъ. Но въ такомъ же ли мы положеніи, когда намъ предстоитъ оцѣнка живого организма, какимъ является общество? Какъ оцѣнить, какъ слагать и сравнивать разнородные элементы, входящіе въ общественную ткань? Мы присоединяемся ко взгляду П. Лиліенфельда: статистика можетъ быть только вспомогательной наукой соціологіи. Прогрессъ и регрессъ обществъ могутъ измѣряться только степенью совершенства ихъ органовъ, и—такъ какъ эти частныя мѣрила сами по себѣ еще недостаточны—всей совокупностью организаціи.

Всѣ соціальныя явленія имѣютъ нѣкоторые общіе имъ всѣмъ и другіе—свойственные имъ въ отдѣльности—признаки. Если мы не будемъ различать тѣхъ и другихъ, то какъ мы найдемъ общее мѣрило? Если же мы будемъ различать ихъ, то могутъ ли общіе факторы быть положены въ оцѣнку частныхъ? Въ чемъ состоитъ мѣрило высоты цивилизаціи, прогресса и упадка?

Исходя изъ дѣленія соціальныхъ явленій на семь классовъ, іерархически расположенныхъ въ порядкѣ возрастающей ихъ сложности и частности, мы замѣчаемъ, что наиболѣе общими явленіями, вытекающими наиболѣе просто и непосредственно изъ связи между средой и населеніемъ, являются отношенія экономическія и половыя. Ихъ мы находимъ въ отчетливой формѣ во всѣхъ обществахъ, тогда какъ другія явленія, болѣе частныя, если имѣются, то въ недостаточно ясной и смутной формѣ. Естественно поэтому начать изученіе съ этихъ двухъ категорій явленій, для того чтобы опредѣлить, могутъ ли отношенія экономическія или брачныя служить общимъ мѣриломъ цивилизаціи.

Развитіе экономическаго богатства представляетъ элементъ, важность котораго очевидна. При прочихъ равныхъ условіяхъ общество, занимающее большую территорію, располагающее значительнымъ богатствомъ и густымъ населеніемъ, очевидно, будетъ стоять выше другого общества, лишеннаго этихъ условій. Большіе размѣры массы сами по себѣ являются уже условіемъ прогресса. Но одного этого условія недостаточно. Описанное нами общество будетъ ниже другого общества, съ меньшей территоріей, менѣе богатаго и обладающаго меньшимъ населеніемъ, если въ послѣднемъ будутъ лучше организованы отношенія экономическія и брачныя, и особенно высшія формы общественной жизни—жизнь художественная, научная, нравственная, юридическая и политическая. Тотъ отдѣлъ общественной экономіи, который посвященъ статистикѣ, можетъ дать намъ оцѣнку и этихъ послѣднихъ элементовъ, но только съ количественной точки зрѣнія. Итакъ съ этой стороны затрудненій не представляется. Общество, богатство и населеніе котораго больше богатства и населенія другого общества, стоитъ выше послѣдняго; тотъ же критерій можетъ быть приложенъ къ сравнительной оцѣнкѣ различныхъ стадій развитія одного и того же общества, если различія эти обусловливаются внутреннимъ развитіемъ. Кромѣ того возможна статистическая разработка прочихъ, спеціальныхъ явленій общественной жизни, и если эти явленія будутъ однородны и сравнимы, то она можетъ доставить цѣнныя данныя для ихъ оцѣнки.

Австралійскіе и американскіе туземцы незамѣтно вымираютъ. Ихъ общественный строй, первобытный и зачаточный, также

подвергся регрессу; это не подлежитъ сомнѣнію. Такимъ образомъ, въ Америкѣ, населеніе которой достигло развитаго соціальнаго централизованнаго строя, напр. въ Перу, Мексикѣ, Юкатанѣ, Никарагуа, а также въ большихъ союзахъ сѣверныхъ племенъ, количество народонаселенія и его благосостояніе падали вмѣстѣ съ общественнымъ строемъ. Нѣчто подобное представляетъ намъ и древняя Грецiя. Въ Спартѣ и въ прочихъ частяхъ Греціи уменьшеніе народонаселенія и нищета бо̀льшей его части являлись свидѣтельствомъ регрессивной эволюціи. Уже въ началѣ своей исторической жизни Спарта вышла изъ первобытной общинной формы и въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ перешла къ режиму коллективной собственности клановъ (comai) и родовъ (phylai). Въ періодѣ царской власти возникли обширныя владѣнія царскія и жреческія. Первый дѣлежъ земли при помощи жеребьевки произошелъ, повидимому, во время нашествія дорянъ. Ликургъ въ свою очередь распредѣлилъ земельную собственность на 9,000 частей для дорянъ и тридцать тысячъ—для лаконянъ. Третій раздѣлъ имѣлъ мѣсто при Полидорѣ, послѣ завоеванія Мессеніи, около 700 г. до Р. Х. Втеченіи всего этого времени населеніе возрастало, доказательствомъ чему могла служить необходимость новаго дѣлежа земли.

Дальнѣйшая эволюція Спарты совершается при помощи войнъ, грабежа, роста недвижимой, а затѣмъ и движимой собственности, и неравенство возрастаетъ. При эфорѣ Эпидадеѣ издается законъ, разрѣшающій располагать своимъ имуществомъ при помощи дарственной передачи или завѣщанія. Съ этихъ поръ продажа имуществъ, запрещенная въ принципѣ, фактически совершается часто, прикрываясь легальными формами, какъ указываетъ Плутархъ въ своемъ жизнеописаніи Агиса и Клеомена. Рождаемость уменьшается несмотря на то, что ее стараются поддержать при помощи законодательства; отцы троихъ дѣтей освобождаются отъ военной службы, отцы четырехъ дѣтей—отъ государственныхъ налоговъ. Богатые принимаютъ мѣры для уменьшенія числа дѣтей; что касается бѣдныхъ, то у нихъ въ томъ же смыслѣ дѣйствуетъ нищета. Кромѣ того, народонаселеніе уменьшается отъ войнъ. Во времена Аристотеля имущественное неравенство достигаетъ въ Спартѣ ужасающихъ размѣровъ, и Аристотель упрекаетъ спартанскихъ законодателей за то, что они не приняли мѣръ для сохраненія равенства. Богатство стало монополіей нѣсколькихъ лицъ, обладавшихъ громаднымъ состояніемъ. Во времена Агиса III Лаконія стала собственностью сотни лицъ. Народонаселеніе уменьшается съ поразительной быстротой. Число людей, способныхъ носитъ оружіе, достигавшее первона-

чально десяти тысячъ, падаетъ до тысячи во времена Аристотеля и до 700 во времена Плутарха. Анархическій деспотизмъ богатаго класса былъ такъ великъ, что въ нѣкоторыхъ городахъ, по словамъ Аристотеля, богатые связали себя взаимно слѣдующимъ обѣтомъ: «Клянусь быть врагомъ народа и причинять ему по возможности больше зла». Впослѣдствіи спартанскіе цари стали на сторону народа противъ аристократіи. Но Агисъ III, желавшій произвести новый раздѣлъ имуществъ, былъ убитъ въ 238 г. до Р. Х. Онъ имѣлъ въ виду уничтожить всѣ долговыя обязательства и раздѣлить всю Лаконію на 19,500 участковъ, изъ которыхъ 15,000 предполагалось предоставить Лаконянамъ, 4500—спартіатамъ. Населеніе такимъ образомъ со временъ Ликурга уменьшилось на половину. Кромѣ того Агисъ III предполагалъ даровать этимъ 4500 спартіатамъ права полноправныхъ гражданъ, число которыхъ уменьшилось до 700. Царь Клеоменъ (238—221) осуществилъ планъ своего предшественника, но было уже слишкомъ поздно: онъ палъ жертвой войны. Послѣ него мы встрѣчаемъ въ Спартѣ только «тирановъ», отъ времени до времени ограбляющихъ богатыхъ; исторія Спарты кончается римскимъ завоеваніемъ.

Во всей Греціи народонаселеніе во времена Плутарха настолько уменьшилось, что она не могла выставить 3000 вооруженныхъ солдатъ, которыхъ выставила одна Мегара въ сраженіи при Платеѣ. Таково было положеніе Греціи во второй половинѣ перваго и началѣ второго вѣка послѣ Р. Х.

Тѣ же явленія наблюдаются въ послѣдніе годы римской республики, втеченіи императорскаго періода и значительной части среднихъ вѣковъ. Происходитъ, очевидно, регрессъ. Регрессируютъ не только учрежденія, имѣющія уступить мѣсто учрежденіямъ болѣе совершеннымъ. Регрессируютъ вообще цѣлыя общества и даже вся цивилизація, такъ какъ эти общества представляютъ собой высшій ея цвѣтъ. Разумѣется, устанавливается новое равновѣсіе, но равновѣсіе низшаго уровня.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, что статистика вообще и прежде всего статистика экономическая можетъ доставить цѣнные элементы для оцѣнки прогресса и регресса, но только въ томъ случаѣ, если—даже по отношенію къ тѣмъ спеціальнымъ областяхъ, которыхъ она касается—ея данныя приведены въ связь съ нашими свѣдѣніями объ учрежденіяхъ и дѣятельности этихъ учрежденій. Только при знакомствѣ со всей совокупностью общественнаго строя можно выяснить истинный смыслъ этихъ статистическихъ данныхъ, и эти послѣднія могутъ быть положены въ основу нашей оцѣнки прогресса и регресса. Авторы книгъ по полити-

ческой экономіи обыкновенно посвящаютъ главу вопросу о прогрессѣ; всѣ они признаютъ, что прогрессъ богатства, производства, потребленія, обращенія и т. д. не является самъ по себѣ мѣриломъ прогресса. Нѣсколько фактовъ еще болѣе уяснятъ вопросъ.

Число рожденій на тысячу жителей равнялось въ Бельгіи за періодъ времени отъ 1830 до 1890:

1831—40 33	1861—70 32
1841—50 30	1871—80 32
1851—60 30	1881—90 30

Что обозначаютъ эти цифры сами по себѣ? Если разсматривать тридцатилѣтніе періоды, то окажется, что средняя рождаемость въ оба періода была почти одинакова, равняясь въ первомъ 31,41, во второмъ—31,48. Факты эти могутъ стать для насъ болѣе ясными только въ связи съ другими фактами того же рода. Возьмемъ смертность за тотъ же періодъ времени на 1,000 жителей:

1831—40 26	1861—70 23
1841—50 24	1871—80 22
1851—60 22	1881—90 20

Теперь становится понятнымъ, что періоды слабой рождаемости и значительной смертности соотвѣтствуютъ періодамъ бѣдствій въ другихъ отношеніяхъ, напр. высокой цѣны хлѣба, низкаго уровня заработной платы. Факты эти пріобрѣтаютъ еще бо̀льшую ясность, когда мы замѣчаемъ, что періоды экономическаго упадка и ослабленія рождаемости соотвѣтствуютъ періодамъ упадка умственнаго, нравственнаго и политическаго, росту числа дѣтоубійствъ, усиленію преступности вообще, учащенію самоубійствъ, и даже появленію реакціонныхъ и консервативныхъ министерствъ. Впрочемъ, въ Бельгіи, какъ можно замѣтить, существуютъ постоянныя причины, стремящіяся понизить смертность и почти всегда получающія перевѣсъ надъ неблагопріятными условіями.

Рождаемость во Франціи уменьшается съ тревожной быстротой и спустилась уже ниже смертности. Если бы однакоже мы вздумали пользоваться однимъ этимъ критеріемъ, то пришли бы къ ошибочнымъ выводамъ. Средняя продолжительность жизни во Франціи увеличивается и равняется приблизительно сорока годамъ; средній возрастъ народонаселенія Франціи равняется 31 году.

Въ 1730 году число рожденій въ Лондонѣ равнялось 17,000, но изъ родившихся дѣтей въ первые два года жизни умирало

10,000, т. е. двѣ трети. Въ настоящее время умираетъ только пятая часть родившихся дѣтей (отношеніе $^{3}/_{15}$: $^{10}/_{15}$). То же явленіе наблюдается однакоже и у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, живущихъ въ здоровой мѣстности и располагающихъ въ достаточномъ количествѣ пищей. На основаніи такихъ данныхъ нельзя поэтому еще сказать, что *данное* общество прогрессируетъ. Д-ръ Бордье, д-ръ Даллемань и много другихъ писателей, работавшихъ въ области философіи исторіи, дѣлятъ исторію общества на нѣсколько фазъ въ зависимости отъ преобладанія тѣхъ или другихъ признаковъ: фазу «питательную», «чувственную», «психическую» и «научную». Однако и значительный уровень умственнаго развитія не является самъ по себѣ свидѣтельствомъ прогресса: во времена Аристотеля экономическая и политическая гибель греческаго общества была неизбѣжна.

Густота населенія есть также одинъ изъ факторовъ прогресса, но она можетъ также стать факторомъ нищеты и упадка. Въ Бельгіи, Голландіи, Англіи и Индіи густота населенія почти одинакова и равняется 200—100 челов. на квадратную версту. Можно ли сказать, что уровень развитія всѣхъ соотвѣтствующихъ народовъ выше уровня развитія Италіи, Германіи, Франціи, Швейцаріи, Австро-Венгріи, Даніи и Португаліи, въ которыхъ на кв. версту приходится всего 99—50 жителей.

Въ Парижѣ число дѣтей и стариковъ меньше сравнительно съ остальной Франціей. Самъ по себѣ взятый, этотъ фактъ представляется неблагопріятнымъ, но съ точки зрѣнія интенсивности парижской общественной жизни онъ пріобрѣтаетъ другое значеніе. Съ другой стороны средній возрастъ умершихъ равняется въ Парижѣ 30 годамъ 3 мѣсяцамъ и 14 днямъ, тогда какъ въ остальной Франціи онъ равняется 35 годамъ 10 мѣс. 9 днямъ. Преимущество на сторонѣ послѣдней тѣмъ значительнѣе, что для уроженцевъ Парижа средній возрастъ умершихъ равняется всего только 24 год. 3 мѣс. 11 днямъ. Предоставленные самимъ себѣ десять тысячъ парижскихъ уроженцевъ вымерли бы совсѣмъ въ 18-мъ поколѣніи.

На 1000 женщинъ, вступившихъ въ бракъ въ возрастѣ болѣе 15 лѣтъ, приходится въ годъ рожденій—за исключеніемъ мертворожденныхъ:

Въ Нидерландахъ.	208
» Англіи и Уэльсѣ	190
» Бельгіи	184
» Италіи.	184
» Франціи	115

Можно ли на основаніи этого сказать, что цивилизація Нидерландовъ стоитъ на вдвое высшемъ уровнѣ, чѣмъ цивилизація Франціи? Мѣрило это, очевидно, оказывается недостаточнымъ.

Въ 1786 году въ Великобританіи было 250,000 землевладѣльцевъ; въ настоящее время по Кэрду число ихъ равняется всего 180,000 [1]). Тѣмъ не менѣе, полагаютъ, что Англія за это время прогрессировала. Гдѣ же мѣрило прогресса? Искать ли его въ увеличеніи поземельнаго дохода, выросшаго въ Англіи съ $35^1/_2$ милл. фунтовъ стерлинговъ въ 1815 до 50 милл. — въ 1871 и почти 70 милліоновъ въ 1880? Но въ Ирландіи онъ также увеличился на 57 процентовъ за періодъ времени съ 1850 по 1880 годъ; прогрессируетъ ли Ирландія?

Во Франціи поземельный доходъ равнялся около 2 милліардовъ франковъ въ 1851 и $2^2/_3$ милліардамъ въ 1879, но ипотечный долгъ возросталъ въ ней въ слѣдующей прогрессіи:

1820	8	милліардовъ.
1832	11	»
1840	12	»
1868	16	»
1889	20	»

Возьмемъ теперь для четырехъ странъ, стоящихъ въ главѣ европейской цивилизаціи данныя относительно измѣненій уровня заработной платы и ренты.

Страны	Годы	Ростъ заработной платы	Ростъ ренты
Франція	1789—1866	100 проц.	150 проц.
Франція	1812—1872	30 »	75 »
Англія	1870—1751	14 »	100 »
Бельгія	1830—1856	10 »	45 »
Швейцарія	1805—1815	100 »	130 »

Не подлежитъ сомнѣнію, что съ абсолютной точки зрѣнія, а также съ точки зрѣнія классовъ, получающихъ высшую заработную плату и ренту, мы имѣемъ здѣсь прогрессъ. Но можно ли въ этомъ видѣть также прогрессъ общественный? Не существуетъ ли стремленія къ усиленію неравенства, не предстоитъ ли утрата равновѣсія? Радовался ли бы человѣкъ, если бы у него правая нога была вчетверо или впятеро сильнѣе и длиннѣе лѣвой?

Я могъ бы также разсмотрѣть то, что называютъ прогрессомъ въ другихъ областяхъ общественной жизни, въ области

---

[1]) Цифры относятся только къ пахатной землѣ.

искусства, наукъ, нравственности, права и политики и показать, что прогрессъ во всѣхъ этихъ областяхъ взятыхъ въ отдѣльности не можетъ служить мѣриломъ общественнаго прогресса. Приведемъ одинъ только примѣръ, заимствованный изъ области высшихъ соціальныхъ органовъ. Политическія учрежденія Аѳинъ, по замѣчанію Аристотеля, носили на себѣ печать равенства и демократическаго духа въ наиболѣе сильной степени именно тогда, когда во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ аѳинскій строй представлялъ только тѣнь демократіи и равенства.

Статистическія данныя, получаемыя при изученіи отдѣльныхъ соціальныхъ явленій или даже изолированныхъ разрядовъ явленій могутъ служить только намекомъ, предварительнымъ, часто ошибочнымъ указаніемъ на существованіе прогресса и регресса. Получить значеніе мѣрила цивилизаціи они могутъ только въ томъ случаѣ, если выяснены отношенія между всѣми этими факторами. Эти отношенія воплощаются въ органическихъ центрахъ общества, т. е. въ учрежденіяхъ, и притомъ особенно въ органическихъ центрахъ координаціи всѣхъ частныхъ учрежденій. Абстрактная статика и статистика имѣютъ дѣло только съ элементами соціальной ткани, а не съ органами и системами органовъ; къ соціологіи онѣ стоятъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ гистологія стоитъ къ біологіи. Чтобы опредѣлить значеніе одной какой нибудь клѣтки, нужно какъ при оцѣнкѣ значенія цѣлаго міра считаться съ цѣлымъ, въ составъ котораго она входитъ, и съ ея жизнедѣятельностью въ составѣ этого цѣлаго. Мѣриломъ,—если угодно монетной единицей—цивилизаціи долженъ быть сплавъ всѣхъ соціальныхъ элементовъ, взятыхъ въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, такъ какъ такой же сплавъ представляетъ и сама цивилизація.

Обязательный для насъ методъ сводится такимъ образомъ къ индуктивному и синтетическому естественно-научному методу. Слѣдуетъ начинать съ изученія эволюціи частныхъ соціальныхъ явленій каждаго класса, начиная съ наиболѣе общихъ явленій наиболѣе общаго класса; затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣть эти явленія въ ихъ взаимодѣйствіи, т. е. въ ихъ организаціи. Точно также послѣдовательно должны быть разсмотрѣны всѣ явленія и всѣ разряды явленій. Затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣть взаимодѣйствіе и комбинацію органовъ одного класса съ органами другого класса и потомъ органовъ всѣхъ классовъ и системъ органовъ, чтобы въ концѣ перейти къ оцѣнкѣ общества, взятаго въ цѣломъ, сравнительно съ другимъ обществомъ, также взятымъ въ цѣломъ, и цивилизацій, обнимающихъ рядъ частныхъ обществъ, съ цивилизаціями, обнимающими рядъ другихъ обществъ. Это пред-

варительное изученіе позволитъ намъ тогда сравнить различныя стадіи исторической жизни человѣчества съ точки зрѣнія прогресса. Мы такимъ образомъ сходимся съ Тэйлоромъ въ томъ, что для рѣшенія вопроса, прогрессировали ли непрерывно общества или нѣтъ, необходимъ инвентарь и балансъ всѣхъ соціальныхъ факторовъ. Относительно прошлаго этотъ инвентарь и балансъ всегда останутся болѣе или менѣе неполными; бо̀льше надеждъ можно возлагать на будущее благодаря существованію центральныхъ мѣстныхъ статистическихъ учрежденій и вѣроятному возникновенію международныхъ статистическихъ бюро, необходимость которыхъ сознается все болѣе и болѣе. Наше разногласіе съ англійскимъ соціологомъ состоитъ лишь въ томъ, что мы подобный инвентарь признаемъ только вспомогательнымъ оруді̀емъ соціологіи; мы не думаемъ, чтобы мѣрило цивилизаціи могло быть найдено путемъ простого сложенія соціальныхъ благъ и вычета соціальныхъ золъ. Полученный результатъ не могъ бы служить мѣриломъ цивилизаціи, такъ какъ прогрессъ состоитъ, какъ мы видѣли въ одной изъ предшествующихъ главъ, въ совершенствованіи организаціи, регрессъ-же—въ разложеніи послѣдней.

Необходимость методической классификаціи соціальныхъ явленій для систематизаціи нашихъ соціологическихъ знаній и для всякой соціологической теоріи; тотъ фактъ, что «общество» существуетъ только тогда, когда имѣется комбинація, живое взаимодѣйствіе элементарныхъ факторовъ, обозначаемыхъ словами «территорія» и «населеніе» и факторовъ производныхъ отъ этой комбинаціи и взаимодѣйствія,—все это доказываетъ, что каждое общество есть организмъ и что поэтому всякая оцѣнка, дѣлаемая на основаніи частныхъ условій его структуры и жизни, недостаточна для опредѣленія высоты и той и другой. Многочисленное населеніе можетъ развиться при благопріятныхъ условіяхъ среды и питанія, и однакоже соотвѣтствующее общество можетъ стоять ниже другого общества съ меньшимъ не только абсолютно, но и относительно населеніемъ и съ менѣе благопріятными условіями питанія. Цивилизація Китая, напр., не выше цивилизаціи Голландіи и Даніи.

Въ общественныхъ организмахъ, какъ въ организмахъ вообще, превосходство опредѣляется въ бо́льшей степени степенью совершенства структуры, чѣмъ объемомъ обоихъ составныхъ элементовъ. Такъ какъ функція неразрывно связана съ организаціей, такъ какъ прогрессъ есть нѣкоторое лучшее направленіе этой функціи, совпадающее съ улучшеніемъ организаціи, то прогрессъ функціи будетъ служить свидѣтельствомъ прогресса структуры и обратно. Во всякомъ случаѣ мѣрило для оцѣнки прогресса и

регресса обществъ будетъ сложное; въ составъ его входятъ различные элементы общественной жизни въ соотвѣтствіи съ ихъ важностью и взаимодѣйствіемъ; это—опредѣленное и постоянное отношеніе между всѣми измѣнчивыми элементами подлежащаго оцѣнкѣ общественнаго строя.

При прочихъ равныхъ условіяхъ Китай пришлось бы признать стоящимъ выше Даніи или Бельгіи, такъ какъ въ структуру его входитъ триста милліоновъ жителей, распредѣленныхъ на громадной территоріи. И однакоже Бельгія, Голландія, Данія настолько же выше Китая, настолько муравей и общество муравьевъ стоятъ выше монеры или кучи монеръ и насколько человѣкъ, несмотря на малый свой ростъ, выше слона. Отъ чего зависитъ это превосходство? Отъ превосходства организаціи. Уменьшеніе населенія или территоріи или обоихъ этихъ элементовъ вмѣстѣ взятыхъ для даннаго общества могутъ указывать на возможность регресса, но не являются еще доказательствомъ послѣдняго. Въ первобытномъ, воинственномъ обществѣ малочисленность дѣтей, женщинъ и стариковъ представляетъ преимущество въ борьбѣ за существованіе съ другими подобными же обществами; въ обществѣ мирномъ и промышленномъ тѣ же факты указываютъ на регрессъ. Поэтому и отношеніе соотвѣтствующихъ обществъ къ этимъ фактамъ будетъ различно. Въ одномъ будутъ приниматься мѣры для охраны этихъ категорій лицъ, въ другомъ будутъ уничтожать ихъ, въ крайнемъ случаѣ при помощи убійства: дожить до старости или родиться дѣвочкой составляетъ въ этихъ обществахъ преступленіе, наказуемое смертью.

Такимъ образомъ только путемъ изученія учрежденій и особенно совокупности учрежденій, т. е. цѣльной организаціи, можно опредѣлить высоту цивилизаціи, измѣрять прогрессъ или регрессъ. Ни абстрактная политическая экономія, ни какая-либо другая абстрактная общественная наука въ отдѣльности не могутъ доставить точнаго мѣрила. Это положеніе одинаково примѣнимо какъ къ коллективнымъ, такъ и къ индивидуальнымъ нравственности и счастью. Въ самомъ дѣлѣ, давно уже выражающаяся въ пословицахъ «мудрость народная»—болѣе или менѣе сознательный органъ коллективной мысли—высказала, что богатство не составляетъ еще счастья. Оно не составляетъ также достоинства и добродѣтели. Богатое общество, вродѣ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, можетъ имѣть общественную структуру, уступающую напр. строю Швейцаріи въ смыслѣ создаваемаго ею счастья и нравственныхъ качествъ.

Такимъ образомъ, исходной точкой всякаго изслѣдованія относительно прогресса и регресса обществъ должно быть изученіе

различныхъ разрядовъ соціальныхъ явленій и ихъ совокупности; изученіе это должно быть дополнено знакомствомъ съ структурой и эволюціей каждой изъ общественныхъ функцій, ихъ органовъ и системъ органовъ; но уровень цивилизаціи даннаго общества въ цѣломъ, его мѣсто въ ряду другихъ обществъ могутъ быть опредѣлены только на основаніи цѣльной организаціи. Общество представляетъ собой дѣйствительно организмъ и степень совершенства его спеціальныхъ органовъ, его система органовъ и цѣльной его организаціи опредѣляетъ конкретнымъ образомъ мѣсто каждаго общества въ іерархическомъ и естественномъ ряду обществъ. Такъ поступаетъ зоологія, которая для іерархической классификаціи видовъ изучаетъ отличительные признаки ихъ организаціи, начиная съ монеры и кончая высшимъ типомъ позвоночныхъ, Homo Sapiens.

Итакъ, элементами для оцѣнки прогресса или регресса человѣческаго вида въ цѣломъ, поскольку онъ образуетъ или по крайней мѣрѣ стремится образовать единое универсальное общество—человѣчество, будетъ общій инвентарь, о которомъ говорилось выше. Мѣриломъ же будетъ общій критерій, при составленіи котораго нужно имѣть въ виду всѣ органы, системы и отдѣльныя общества, короче говоря всѣ элементы, развитіе или исчезновеніе которыхъ можетъ содѣйствовать или мѣшать возникновенію одного международнаго строя и одной международной жизни. Послѣднимъ отдѣльныя общества будущаго будутъ подчинены также, какъ уже раньше на протяженіи всей человѣческой исторіи отдѣльныя лица и различныя общественныя группы—вначалѣ независимыя — послѣдовательно подчинялись все высшимъ и высшимъ центрамъ. Съ этой точки зрѣнія сравнивать человѣчество можно только съ нимъ самимъ, оно само только и можетъ быть своимъ мѣриломъ.

Аналогія между организмами общественными и обыкновенными не формальная только. Между ними существуетъ реальное сходство. Соціальныя явленія представляютъ естественное продолженіе, частный и болѣе сложный видъ явленій біологическихъ, включая сюда душевныя явленія. Методъ изученія общественнаго регресса въ концѣ концовъ ничѣмъ не отличается отъ методовъ и способовъ оцѣнки, которыми пользуются естественныя науки вообще. Послѣднія, какъ мы видѣли это выше на примѣрахъ, и дѣлаютъ для насъ болѣе доступнымъ пониманіе законовъ регресса въ обществѣ.

ГЛАВА V.

Прогрессъ въ соціологіи.

Въ началѣ нашего изслѣдованія мы указали, что прогрессъ представляетъ собой прежде всего — измѣненіе; далѣе мы выяснили, что прогрессъ предполагаетъ реальную непрерывность, причинную связь между состояніями предшествующимъ и послѣдующимъ. Такъ какъ общества представляютъ собой организмы, то эта непрерывность, замѣчаемая въ ихъ превращеніяхъ, сводится къ наслѣдственности, закрѣпляющей въ новыхъ формахъ старыя формы со всѣми добытыми пріобрѣтеніями или съ частью ихъ. Главными факторами этой измѣнчивости и наслѣдственной передачи въ обществахъ, какъ и въ другихъ организмахъ, являются естественное приспособленіе и естественный подборъ, а также—и притомъ въ бо̀льшей степени, чѣмъ въ другихъ организмахъ—подборъ и приспособленіе искусственные, сознательные и методическіе. Такимъ путемъ совершается переходъ отъ первобытной, рабской, основанной на принужденіи кооперації къ кооперації добровольной, покоящейся на взаимномъ согласіи, причемъ и то и другое представляютъ только различные виды одной и той же органической связи и съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ они интегрируются организмомъ, становятся безсознательными и автоматическими.

Естественный и искусственный подборъ представляютъ въ свою очередь пути, какими организмы приспособляются къ своей средѣ. Приспособленіе совершается либо непосредственно благодаря органическимъ измѣненіямъ, обусловливаемымъ измѣненіемъ функціи, стоящимъ въ связи съ условіями внѣшней или внутренней среды, либо косвенно путемъ регресса и устраненія личностей и соціальныхъ органовъ, обреченныхъ благодаря своему несовершенству на упадокъ и гибель.

Всякій прогрессъ предполагаетъ ростъ и, кромѣ того, измѣненіе, т. е. дифференціацію. Дифференціація въ свою очередь представляетъ собой одинъ изъ видовъ приспособленія, который является прогрессивнымъ именно потому, что это — дифференціація. Въ самомъ дѣлѣ, регрессъ въ сторону бо̀льшей однородности можетъ при извѣстныхъ условіяхъ быть полезенъ для организма, не составляя въ то же время прогресса: напр. возвращеніе къ низшему строю, наблюдаемое въ соціальномъ организмѣ во время войны. Ростъ и дифференціація передаются и закрѣпляются наслѣдственностью; подраженіе играетъ только второсте-

пенную роль. Подборъ одинаково можетъ вліять въ прогрессивномъ или регрессивномъ направленіи, такъ какъ онъ только закрѣпляетъ и производитъ формы, болѣе благопріятныя для сохраненія общества,—прогрессивныя или регрессивныя, безразлично. Обыкновенно это упускается изъ виду. Не подлежитъ сомнѣнію, что умственный, напр., прогрессъ совершался путемъ естественнаго подбора, что всѣ пріобрѣтенія въ этой области закрѣпляются и передаются по наслѣдству. На протяженіи ряда геологическихъ періодовъ за простыми организмами слѣдовали все болѣе и болѣе сложныя, такъ что прогрессъ—*когда прогрессъ имѣется*—сводится къ все большему и бо̀льшему усложненію и все болѣе совершенной координаціи. Но подборъ не ведетъ необходимо къ прогрессу, а только къ болѣе выгодному соотвѣтствію между организмами и ихъ средой. Въ средѣ, враждебной развитію, общественный подборъ, ведущій къ установкѣ военнаго и деспотическаго типа, можетъ быть выгоденъ, не обусловливая собой прогресса.

Смѣшеніе естественнаго подбора съ прогрессомъ не разъ имѣло мѣсто какъ въ психологіи и біологіи, такъ и въ соціологіи, причемъ естественному подбору приписывалось преувеличенное значеніе. Тогда какъ Уоллэсъ полагаетъ, что общая и мѣстная чувствительность кожи возникли благодаря естественному подбору, Спенсеръ отрицаетъ это. По Спенсеру возникновеніе нервной системы произошло не вслѣдствіе переживанія приспособленнѣйшаго, а вслѣдствіе непосредственнаго взаимодѣйствія между поверхностью организма и средой. Доказательствомъ можетъ служить то, что нервные центры возникаютъ поверхностно и только впослѣдствіи перемѣщаются вглубь организма.

Случайныя измѣненія могутъ также передаваться, будутъ ли они выгодны или нѣтъ—все равно; естественный подборъ благопріятствуетъ организмамъ, представляющимъ выгодныя измѣненія, хотя-бы они были регрессивны. Пріобрѣтенные признаки передаются только тогда, когда они интегрированы организмомъ; раньше имѣются только стремленія къ измѣненію въ извѣстномъ направленіи.

Ясное представленіе объ органической и общественной наслѣдственности создалось лишь весьма поздно. Вначалѣ съ ней естественно связывалось представленіе, какъ о факторѣ закрѣпляющемъ и накопляющемъ; только потомъ стали на нее смотрѣть преимущественно какъ на функцію динамическую, функцію передачи, могущую одинаково дѣйствовать въ благопріятномъ и неблагопріятномъ смыслѣ. Она накопляетъ ошибки предковъ такъ же, какъ и ихъ опытъ; все это вмѣстѣ она передаетъ потомству.

Что касается явленій регрессивной эволюціи, то полезно

напомнить, какъ мы указали выше, что регрессъ представляетъ собой дезинтеграцію и диссоціацію. Эпилепсія напр. представляетъ диссоціацію двигательныхъ центровъ, истерія—душевныхъ и двигательныхъ, невростенія—главнымъ образомъ центровъ кожи и представляетъ явленіе поверхностное, сравнительно съ общей диссоціацією, выражающейся въ ідіотизмѣ и слабоуміи. Мы видѣли, что при регрессѣ душевной жизни сначала поражается воля, потомъ умственная способность, затѣмъ чувствованія и наконецъ воспріятія. Чѣмъ болѣе существенный органъ задѣтъ, тѣмъ быстрѣе совершается вырожденіе. Существуетъ естественная іерархическая лѣстница фазъ вырожденія, какъ и прогресса. Атавизмъ есть случай регрессивной наслѣдственности. Во всякомъ случаѣ, будетъ ли наслѣдственность носить прогрессивный или регрессивный характеръ, въ обоихъ случаяхъ благодаря ей выпадаетъ часть сознательныхъ явленій жизни, уничтожаются или усиливаются функціи задерживающія и регуляторныя, облегчается или затрудняется иррадіація къ сосѣднимъ центрамъ, сокращается или удлиняется время реакціи на возбужденіе, усиливается или ослабляется реакція или соціальная дѣятельность. Въ общемъ она усиливаетъ рефлекторную жизнь, т. е. носитъ болѣе консервативный, чѣмъ обновляющій характеръ.

Въ соціологіи приходится также считаться съ біологическимъ закономъ, въ силу котораго онтогенезисъ (исторія индивида) воспроизводитъ филогенезисъ (исторія рода). Этотъ законъ является лишнимъ подтвержденіемъ эволюціи какъ біологической, такъ и соціальной. Въ развитіи зародышей высшихъ представителей данной группы наблюдается рядъ стадій, соотвѣтствующихъ взрослому состоянію низшихъ представителей той же группы. Объясняется этотъ фактъ законами наслѣдственности и измѣнчивости. Въ силу наслѣдственности признаки организма, соотвѣтствующіе каждой стадіи его жизни воспроизводятся у его потомковъ на тѣхъ же стадіяхъ. Благодаря измѣнчивости потомки никогда всецѣло не походятъ на предковъ. Отъ комбинаціи этихъ двухъ законовъ зависитъ, что непрерывная измѣнчивость даннаго первоначальнаго типа можетъ все усиливаться, причемъ пріобрѣтенныя измѣненія закрѣпляются наслѣдственностью, и далѣе, что всѣ унаслѣдованныя измѣненія предковъ воспроизводятся на послѣдовательныхъ стадіяхъ индивидуальнаго развитія,—стадіяхъ, соотвѣтствующихъ порядку, въ которомъ они возникали у предковъ. Но законъ этотъ, какъ и всѣ законы, не всегда проявляется рѣзко, въ дѣйствительности онъ часто искажается другими вліяніями. Воспроизведеніе предшествующихъ стадій всегда совершается въ сокращенномъ видѣ; кромѣ того, въ силу закона эко-

номіи природы переживаютъ лучше организованныя существа, тѣ которыя развиваются болѣе прямымъ путемъ; появленіе дополнительныхъ органическихъ признаковъ, полезныхъ зародышу или личинкѣ, можетъ еще болѣе видоизмѣнить дѣйствія закона.

Всѣ эти замѣчанія, всѣ эти общіе и частные законы, съ извѣстными оговорками, съ принятіемъ во вниманіе сложныхъ и частныхъ условій, могутъ быть приложены къ соціологіи. Сюда слѣдуетъ еще присоединить законъ гетерохроніи, установленный Спенсеромъ, въ силу котораго въ обществахъ болѣе развитыхъ могутъ дифференцироваться путемъ колонизаціи новые общественные типы, вводящіе на новой почвѣ сразу органы самаго частнаго и высшаго типа; точно также мозгъ человѣческаго зародыша достигаетъ значительнаго объема, несоотвѣтствующаго развитію всего организма и сравнительно рано.

Въ соціологіи, какъ и въ біологіи, возникаютъ измѣненія вслѣдствіе употребленія или неупотребленія органовъ — измѣненія функціональныя. Вообще говоря они чаще всего возможны въ области функцій, недавно пріобрѣтенныхъ, легко гибнущихъ отъ бездѣятельности. Общій законъ этихъ видоизмѣненій состоитъ въ томъ, что чѣмъ болѣе спеціализируются функціи, чѣмъ они выше и поверхностнѣе (superficieles), тѣмъ труднѣе ихъ передача. Онѣ наиболѣе подвержены всякимъ возмущающимъ вліяніямъ, являются наиболѣе хрупкими и податливыми именно въ силу поздняго ихъ возникновенія. Передача ихъ совершается вообще говоря не при тѣхъ условіяхъ, что передача старыхъ функцій, и это согласуется съ закономъ уменьшающейся устойчивости высшихъ функцій и органовъ. Приспособленіе къ новымъ условіямъ, какъ въ біологіи такъ и въ соціологіи, не обусловливаетъ необходимо прогресса; въ самомъ дѣлѣ условія могутъ становиться болѣе простыми и общими или болѣе сложными и частными. Такъ напр. истощеніе почвы требуетъ примѣненія дорогого искусственнаго удобренія, однако общество, въ которомъ подобный фактъ имѣетъ мѣсто, нельзя еще поэтому считать прогрессирующимъ сравнительно съ другимъ обществомъ, земля котораго обладаетъ естественнымъ плодородіемъ. Но если цивилизація *со всѣми добытыми въ другомъ мѣстѣ успѣхами* переносится въ среду до тѣхъ поръ недоступную и акклиматизируется въ ней, или путемъ видоизмѣненія самой среды или путемъ приспособленія къ ней, тогда передъ нами фактъ распространенія цивилизаціи путемъ приспособленія къ спеціальнымъ условіямъ—явленіе прогрессивное.

Въ концѣ своего этюда о «Недостаточности естественнаго подбора» Спенсеръ справедливо замѣчаетъ, что «точный отвѣтъ

на вопросъ, передаются ли наслѣдственно или нѣтъ пріобрѣтенные признаки, внесетъ поправки въ многія области не только біологіи и психологіи, но и воспитанія, морали и политики». Это замѣчаніе представляетъ прекрасную иллюстрацію закона взаимной зависимости общественныхъ функцій, а также регулирующаго вліянія науки на высшія общественныя функціи, указанныя знаменитымъ писателемъ. Онъ подтверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ заключительный выводъ всей первой части настоящаго труда, что науки, непосредственно предшествующія соціологіи—біологія и психологія—оказали вліяніе на образованіе нашихъ представленій объ общественномъ прогрессѣ и регрессѣ.

Оцѣнку роли естественнаго подбора и наслѣдственности въ соціологіи мы закончимъ слѣдующими словами Спенсера: «Естественный подборъ или переживаніе приспособленнѣйшаго одно только дѣйствуетъ въ мірѣ растеній и низшихъ животныхъ, отличающихся сравнительной пассивностью. Но по мѣрѣ того, какъ мы подымаемся къ высшимъ животнымъ типамъ, результаты естественнаго подбора все болѣе и болѣе сливаются съ результатами унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ признаковъ, такъ что у животныхъ съ сложной организаціей наслѣдственность становится важной, если не главной причиной эволюціи».

Такимъ образомъ на основаніи вышесказаннаго общественный прогрессъ представляетъ измѣненіе такого рода, что настоящее общественное состояніе является продолженіемъ состоянія предшествующаго, признаки котораго передаются ему по наслѣдству, плюсъ это измѣненіе, представляющее результатъ приспособленія предшествующаго состоянія къ новымъ условіямъ. Общество продолжаетъ существовать съ этимъ измѣненіемъ, такъ какъ оно выгодно и такъ какъ возникновеніе и развитіе его обусловлены естественнымъ подборомъ среди обществъ и искусственнымъ подборомъ, слѣдствіемъ относительнаго воздѣйствія самого общества на его собственную организацію. Но, какъ мы видѣли уже выше, соціальныя формы, оказывающіяся наиболѣе выгодными въ борьбѣ за существованіе, не обязательно прогрессивны; въ извѣстные моменты, напротивъ того, могутъ быть выгодны формы регрессивныя. Прогрессъ имѣется только тамъ, гдѣ наблюдается совершенствованіе общественной организаціи и жизни. Въ этомъ смыслѣ Спенсеръ, кажется, правъ, когда онъ находитъ простое дарвиновское объясненіе недостаточнымъ и полагаетъ, что мы напрасно забыли взгляды Ламарка, Гёте и Жоффруа Сентъ-Илера; дарвиновская школа въ этомъ отношеніи держится, впрочемъ, болѣе узкихъ и исключительныхъ взглядовъ, чѣмъ самъ Дарвинъ. Совершенствованіе животныхъ и обществъ

состоитъ въ приспособленіи къ все болѣе и болѣе частнымъ условіямъ среды; поэтому дѣятельность и бездѣятельность также, по крайней мѣрѣ отчасти, вліяютъ на организацію и дезорганизацію. Одного принципа естественнаго подбора недостаточно для объясненія прогресса; послѣдній обусловливаетъ только переживаніе наиболѣе выгодныхъ формъ и регрессивное упрощеніе можетъ быть выгоднымъ въ этомъ смыслѣ. Парижанинъ, напр., втеченіи двухъ мѣсяцевъ дачной жизни можетъ вернуться къ упрощеннымъ условіямъ существованія, чтобы освѣжить свою разстроенную нервную систему.

Во всякомъ случаѣ измѣненіе представляетъ первичное условіе прогресса или регресса. У живыхъ существъ и въ обществахъ—тоже живыхъ организмахъ, бо̀льшаго только объема и болѣе сложныхъ—измѣненія эти стоятъ въ соотвѣтствіи съ чувствительностью. Мы знаемъ на основаніи предыдущаго, что соціальные организмы—чувствительнѣйшіе изъ организмовъ, такъ какъ всѣ входящія въ составъ ихъ единицы въ большей или меньшей степени обладаютъ чувствительностью и сознаніемъ, что не имѣетъ мѣста въ организмахъ индивидуальныхъ.

Этой органической чувствительности соотвѣтствуетъ органическая подвижность. Въ біологической области, чѣмъ подвижнѣе части нашего тѣла, тѣмъ тоньше ихъ чувствительность. Напротивъ того мало подвижныя части нашего тѣла обладаютъ и тупой чувствительностью. То же можно наблюдать, сравнивая между собой два различныхъ организма, различныя части общества и сами общества.

Дюркгеймъ отмѣчаетъ крайнюю медленность, съ какой развивается уголовное право. По словамъ его, оно измѣняется медленнѣе, чѣмъ нравы, и представляетъ тотъ отдѣлъ положительнаго права, который всего труднѣе поддается измѣненію. Замѣчаніе Дюркгейма относительно наподвижности уголовнаго права справедливо. Невѣрна только его сравнительная оцѣнка: нравы измѣняются медленнѣе, чѣмъ нравственныя понятія, послѣднія—медленнѣе, чѣмъ право.

Въ низшихъ обществахъ мы находимъ почти только уголовное право. Правовыя нормы здѣсь неподвижны и неподвижность ихъ зависитъ отъ неподвижности формъ коллективнаго сознанія, которымъ право соотвѣтствуетъ. Впрочемъ, оно дѣйствуетъ въ области болѣе частныхъ явленій, чѣмъ нравственность и нравы и потому видоизмѣняется въ зависимости отъ болѣе частныхъ условій, тогда какъ преобразованіе нравственныхъ понятій и нравовъ возможно только при видоизмѣненіи общихъ основъ соціальной жизни.

Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ соціальнымъ явленіямъ,

входящимъ въ область матеріальной жизни, питанія обществъ, тѣмъ явственнѣе становится устойчивость, постоянство. Выше уже мы указали на соотвѣтствующій выводъ Віоллэ относительно юридическихъ формъ пріобрѣтенія имуществъ. Вначалѣ всякое пріобрѣтеніе совершалось при помощи захвата. Прошли тысячелѣтія прежде чѣмъ возникла мысль, что пріобрѣтать имущество можно также съ согласія владѣльца, но осуществленіе новаго порядка все-таки считали нужнымъ прикрывать фикціей или символомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ римской теоріи передачи имущества все еще замѣтно матеріальное представленіе о захватѣ. На мѣсто естественнаго факта захвата, уже исчезающаго, становится фикція захвата, такъ какъ не хватаетъ духа высказать, что имущество можетъ быть передано въ другія руки добровольно. Такимъ образомъ переходъ къ идеѣ о возможности иныхъ формъ пріобрѣтенія имущества совершается не рѣзко, и, какъ говоритъ Віоллэ, «втеченіи какого нибудь тысячелѣтія возникаетъ новая идея». Еще менѣе подвижны юридическія нормы собственности и ея формы.

Итакъ первый законъ соціальной измѣнчивости состоитъ въ томъ, что явленія наиболѣе частныя, наиболѣе поверхностныя, позднѣе другихъ возникшія, наиболѣе чувствительны и наиболѣе подвержены перемѣнамъ. Они же труднѣе всего передаются коллективной наслѣдственностью. Противовѣсомъ этому закону является то обстоятельство, что чѣмъ законченнѣе соціальная организація, тѣмъ труднѣе осуществимы въ ней перестановки. Это приложимо ко всѣмъ организмамъ и стоитъ въ связи съ другими законами наслѣдственности, стремящимися фиксировать виды и разновидности. Существенныя измѣненія въ организаціи стали почти невозможны у высшихъ позвоночныхъ, несмотря на то, что въ организаціи ихъ имѣются нѣкоторые невыгодные недостатки или во всякомъ случаѣ безполезные органы. Происходитъ это отъ того, что эти недостатки представляютъ результатъ долгой наслѣдственной эволюціи и для измѣненія того или другого изъ этихъ органовъ необходимо было бы видоизмѣненіе всей прочей организаціи; пришлось бы заставить организмъ пройти въ обратномъ направленіи весь пройденный имъ путь и поставить его на другой, считаемый имъ лучшимъ. Такъ смотритъ на вопросъ Де-Роберти, который полагаетъ, что прогрессъ часто выражается въ возвратѣ къ первобытнымъ формамъ, когда человѣчество признаетъ, что оно заблуждалось. Что подобные частичные возвраты существуютъ, не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе что соціальная организація пластичнѣе всякой другой. Тѣмъ не менѣе законъ возрастающей трудности общественныхъ

перестановокъ при законченной организаціи представляетъ одинъ изъ постоянныхъ законовъ общественной эволюціи.

Эта возрастающая трудность перестановокъ, по мѣрѣ того, какъ организація становится сложнѣе и законченнѣе, представляетъ несомнѣнный фактъ, несмотря на то, что общественные аггрегаты измѣнчивѣе организмовъ индивидуальныхъ. Общественные типы слѣдуетъ считать менѣе фиксированными, чѣмъ типы индивидуальные, но стремящимися фиксироваться. Это стремленіе къ фиксаціи естественно будетъ обнаруживаться всего сильнѣе въ явленіяхъ наиболѣе простыхъ, наиболѣе общихъ и въ соціальныхъ функціяхъ наиболѣе общихъ и древнихъ. Всякій новый придатокъ къ соціальной структурѣ является въ то же время шагомъ впередъ въ смыслѣ фиксаціи прежнихъ пріобрѣтеній.

Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что въ обществахъ законченность и совершенство типа трудно себѣ представить и что онѣ менѣе осуществимы, чѣмъ въ индивидуальныхъ организмахъ. Мы не можемъ предвидѣть остановки въ ихъ развитіи, зависящей отъ законченности послѣдняго, не можемъ главнымъ образомъ по двумъ причинамъ. Во первыхъ, масса и объемъ соціальныхъ явленій и входящихъ въ ихъ составъ единицъ такъ велики, что образованіе законченнаго соціальнаго типа, обнимающаго всю нашу планету и все ея населеніе, предполагаетъ эволюцію, продолжительность которой неопредѣлима. Во вторыхъ, каждое изъ существующихъ частныхъ обществъ и въ особенности всемірное общество, первые контуры котораго начинаютъ смутно обрисовываться уже въ настоящее время, могутъ образовать безчисленное множество комбинацій, окончательный результатъ которыхъ мы совершенно не можемъ предвидѣть, и съ трудомъ представляемъ себѣ даже ближайшія ихъ очертанія.

Впрочемъ, даже эти слова недостаточно еще характеризуютъ положеніе вопроса. Человѣчество находится еще въ дѣтскихъ пеленкахъ; координація его органовъ мыслима только въ отдаленнѣйшемъ будущемъ. «Человѣчества» въ качествѣ единаго типа даже еще не существуетъ, оно все еще остается обѣтованной землей и рано еще теперь говорить и безпокоиться о возможности остановки его роста и конца.

Спенсеръ говоритъ, что «дифференціація и ростъ общества пріостанавливаются, какъ у индивида, когда организмъ осуществилъ типъ, характеризующій его зрѣлость и предшествующій періоду упадка». Формула эта съ абстрактной точки зрѣнія вѣрна. Но мы не можемъ фиксировать эпохъ зрѣлости и упадка для обществъ будущаго и для всемірнаго человѣческаго общества. Мы можемъ опредѣлить ихъ только для отдѣльныхъ историческихъ

общественныхъ типовъ, уже угасшихъ, причемъ должны принимать во вниманіе, что для высшихъ историческихъ типовъ этотъ кажущійся упадокъ былъ только переходомъ отъ старыхъ формъ къ новымъ. Явленія перерывовъ въ существованіи, полной остановки развитія и окончательной смерти наблюдаются только, подобно явленіямъ регресса, среди первобытныхъ и рудиментарныхъ формъ общественной жизни. Чѣмъ съ болѣе обширными и развитыми формами мы имѣемъ дѣло, тѣмъ явственнѣе непрерывность существованія, устойчивость и правильность жизнедѣятельности во времени и устойчивость структуры въ пространствѣ.

Въ области біологическихъ и психологическихъ явленій тѣ органы, которые имѣютъ болѣе высокое функціональное значеніе, развиваются позднѣе. Организмы требуютъ тѣмъ бо̀льшаго времени для своего развитія, чѣмъ они крупнѣе и сложнѣе. Общества поэтому долговѣчнѣе индивидовъ; они предполагаютъ по меньшей мѣрѣ нѣсколько послѣдовательныхъ поколѣній. Извѣстныя соціальныя функціи могутъ возникнуть только при условіи сосуществованія или слѣдованія ряда индивидовъ. Высшія расы и общества достигаютъ позднѣе вершины своего умственнаго и соціальнаго развитія, чѣмъ низшія.

Этотъ законъ слѣдуетъ поставить въ связь съ закономъ ускоренія прогресса благодаря самому прогрессу, закономъ, о которомъ мы говорили уже выше и который отмѣченъ многими соціологами, въ томъ числѣ Новиковымъ. Этотъ законъ представляетъ только приложеніе къ соціологіи болѣе общаго закона физическаго, біологическаго и психологическаго. Всякая сила, дѣйствующая непрерывно, производитъ ускореніе движенія. Это наблюдается въ астрономіи, механикѣ и во всѣхъ естественныхъ наукахъ. Повторное упражненіе облегчаетъ функцію; благодаря этому нѣкоторыя дѣйствія вначалѣ сознательныя превращаются въ безсознательныя и рефлекторныя. Тотъ же законъ ускоренія наблюдается въ геологіи: слои первобытной эпохи достигаютъ толщины 25 верстъ, первичной—пяти, вторичной—пяти третичной—одного. Первобытные народы оказываются наиболѣе, консервативными. Сомалисы настоящаго времени ничѣмъ не отличаются отъ сомалисовъ, жившихъ 38 вѣковъ тому назадъ, съ чертами, нравами и одеждой которыхъ мы знакомы по барельефамъ. Въ египетскомъ искусствѣ на протяженіи двухъ тысячелѣтій мы не замѣчаемъ никакихъ перемѣнъ. Въ Греціи перемѣны совершаются быстрѣе, еще быстрѣе онѣ въ Италіи и въ новые вѣка. Между тѣмъ по абсолютной продолжительности эти цивилизаціи уступаютъ китайской и египетской. При условіяхъ

обратныхъ наблюдается законъ замедленія прогресса и законъ ускоренія регресса, если послѣдній непрерывенъ.

По Новикову, ритмы прогресивный и регресивный длиннѣе въ первобытныхъ обществахъ и короче—въ культурныхъ. Можно прибавить еще, что въ послѣднихъ они, кромѣ того, правильнѣе. То-же можно сказать объ измѣненіяхъ общихъ функцій сравнительно съ болѣе частными. Перегородки расовыя, лингвистическія, экономическія, смѣщаются съ трудомъ и незамѣтно; границы политическія измѣняются быстро.

Два вышеуказанныхъ закона слѣдуетъ еще поставить въ связь съ закономъ общей динамики, приложимымъ ко всѣмъ тѣламъ,—что на поверхности измѣненія многочисленнѣе, чѣмъ внутри массы. Такъ напр. въ области соціологическихъ явленій мы замѣчаемъ крайнюю измѣнчивость въ области промышленности, посвященной изготовленію предметовъ роскоши и моды, и въ области всѣхъ профессій, по мѣрѣ того какъ подымаемся къ болѣе и болѣе спеціальнымъ. Вдобавокъ, слѣдуетъ припомнить, что чѣмъ данная масса обширнѣе и сложнѣе, тѣмъ она измѣнчивѣе.

Непрерывность прогресса обезпечиваетъ стойкость сдѣланныхъ новыхъ пріобрѣтеній, т. е. прогресса. Этотъ законъ, содержащій въ себѣ много утѣшительнаго и ободряющаго, проявляется въ настоящее время между прочимъ въ послѣдовательномъ возникновеніи международныхъ учрежденій, регулирующихъ коллективную жизнь всего человѣческаго рода и подчиняющихъ все болѣе и болѣе интересы отдѣльныхъ современныхъ обществъ, королевствъ, имперій и республикъ интересамъ цѣлаго, имѣющаго высшіе органы отношеній и координаціи. Это возникновеніе большого единаго соціальнаго тѣла происходитъ и будетъ совершаться все энергичнѣе тѣмъ же путемъ, какимъ создались великія древнія цивилизаціи и современныя государства, причемъ однакоже мирныя средства будутъ преобладать надъ насильственными. Швейцарія, Соединенные Штаты и Англія со своими колоніями укажутъ на возможность распространенія федеративныхъ формъ, которыя позволятъ намъ подняться на стадію высшую, чѣмъ національности. Впрочемъ, и послѣднія представляютъ уже союзъ—правда, вообще говоря, осуществленный насильственно, но упроченный мирнымъ путемъ—самыхъ разнородныхъ элементовъ, Новиковъ правильно указываетъ, что одинъ изъ органовъ этого соціальнаго объединенія прошелъ уже черезъ сходныя фазы развитія: «Государства начали посылать другъ къ другу пословъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Затѣмъ посольства приняли характеръ постоянныхъ учрежденій. Это былъ громадный шагъ впередъ. Постоянный характеръ дипломатическаго представительства указы-

валъ на постоянство юридическихъ отношеній. Международные конгрессы теперь носятъ случайный характеръ, они сдѣлаются періодическими, какъ сдѣлались постоянными посольства. Послѣднее произошло не оттого, что люди стали лучше, но оттого, что нашли это выгоднымъ. Точно также законодательныя международныя учрежденія создадутся не въ силу любви къ ближнему, а вслѣдствіе заботы о собственныхъ своихъ интересахъ.

Прогрессивныя перемѣны въ смыслѣ расширенія, усиленія прочности, устойчивости и правильности общественныхъ отношеній наблюдаются въ различныхъ областяхъ національной и международной жизни,—особенно въ монетномъ дѣлѣ, въ организаціи банковъ, желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ сообщеній, почтъ, телеграфовъ, выставокъ, справочныхъ бюро и т. д. Всѣ эти учрежденія, ставши коллективными, правильными и прочными сначала въ отдѣльныхъ обществахъ, стремятся теперь объединить всю совокупность послѣднихъ. Такимъ образомъ послѣдовательно возникаютъ, начиная съ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными, формы этого великаго соціальнаго тѣла, для созданія котораго разсѣянные члены человѣческаго рода приносили сознательно или безсознательно матеріалы и усилія.

Этотъ процессъ созданія коллективной международной жизни подтверждаетъ законъ возрастающей чувствительности высшихъ, позднѣе всего пріобрѣтенныхъ формъ. Это формы наиболѣе подвижныя, но въ то же время наиболѣе доступныя регрессу. Благодаря ихъ высокой чувствительности, онѣ подымаютъ коллективное сознаніе на высшую ступень, такъ какъ въ нихъ отражаются новыя потребности, идеалы, колебанія, волненія и кризисы, естественно сопровождающіе переходъ отъ низшихъ, ставшихъ привычными соціальныхъ формъ къ высшимъ и непривычнымъ. Если въ настоящее время подчиненіе народовъ одному общему закону и одному общему вѣрованію не совершается уже путемъ систематическихъ кровавыхъ мѣръ, какъ распространялись католицизмъ и исламъ, тѣмъ не мѣнѣе, страданія, которыми сопровождается теперешняя перемѣна общественныхъ отношеній, быть можетъ, еще интенсивнѣе. Они все менѣе и менѣе поддаются распознаванію и лѣченію съ узко-мѣстной точки зрѣнія. Такъ, напр., отдѣльныя лица, государства и цѣлые материки испытываютъ на себѣ вліяніе монетныхъ кризисовъ, которые, проносясь подобно урагану, разрушаютъ на своемъ пути организаціи, на первый взглядъ прочныя и устойчивыя, и указываютъ на единство міровой жизни; уже эти пертурбаціи дѣлаютъ необходимымъ возникновеніе регулирующихъ учрежденій, высшихъ сравнительно съ органами теперешнихъ государствъ.

Тотъ фактъ, что прогрессъ ведетъ къ бо̀льшей прочности и правильности общественной жизни, что онъ закрѣпляетъ старыя формы, пополняя ихъ и совершенствуя присоединеніемъ къ нимъ новыхъ формъ,—представляетъ всего только одно изъ частныхъ проявленій законовъ эволюціи, прогрессивное теченіе которой выражается въ интеграціи, регрессивное — въ разложеніи. Во Франціи, напр., и въ другихъ государствахъ національное государственное устройство внесло правильность и порядокъ въ мѣстныя отношенія провинцій, связывая ихъ въ одно цѣлое и подчиняя этому цѣлому. Точно также въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ координированы были отношенія между отдѣльными штатами и кантонами, и точно также, если прогрессъ будетъ продолжаться, существующія международныя отношенія закрѣпятся соотвѣтствующими учрежденіями, которыя въ свою очередь будутъ становиться все болѣе и болѣе прочными, устойчивыми, правильными и постоянными. Этотъ прогрессъ сначала будетъ достигнутъ—какъ осуществляется онъ и теперь въ области международныхъ отношеній наиболѣе простыхъ и общихъ—въ области отношеній экономическихъ и брачныхъ. Единство человѣчества прежде всего возникнетъ на почвѣ экономической связи, обусловливаемой растущимъ дѣленіемъ труда и смѣшеніемъ расъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ Америкѣ, Австраліи и всѣхъ большихъ центрахъ цивилизаціи. Искусства и науки будутъ объединять все болѣе чувства и вѣрованія. Создастся на почвѣ одинаковыхъ убѣжденій общая мораль. Процессы наиболѣе частнаго характера, наименѣе вошедшія въ общее сознаніе, будутъ регулироваться международнымъ торговымъ, гражданскимъ правомъ и т. д. Создается одинъ международный типъ судопроизводства, общественной защиты и т. д. Наконецъ возникнутъ центральные органы представительства, обсужденія мѣръ и исполнительные. Въ этихъ органахъ въ сознательной формѣ будутъ обнаруживаться элементы, волнующіе коллективную мысль, но станутъ обнаруживаться въ смягченной и мирной формѣ, какъ они обнаруживаются въ соотвѣтствующихъ національныхъ органахъ, столь еще несовершенныхъ, а потому столь возбудимыхъ и чувствительныхъ.

Слѣдуетъ ли отсюда, что когда возникнутъ высшіе международные и политическіе органы, то будетъ достигнуто совершенство, законъ измѣнчивости перестанетъ дѣйствовать и наступитъ остановка развитія? Нѣтъ. Въ современныхъ нашихъ государствахъ организація высшихъ юридическихъ и политическихъ формъ не преграждаетъ пути къ дальнѣйшему прогрессу, какъ въ смыслѣ совершенствованія самихъ этихъ формъ, такъ и въ смыслѣ дальнѣйшей спеціализаціи и дифференціаціи, предѣлы

которыхъ неопредѣлимы и вызываютъ потребность все въ высшей и высшей координаціи. Точно также въ области международной организаціи невозможно еще предвидѣть границы органической дифференціаціи и необходимости все высшихъ и высшихъ координаціонныхъ центровъ.

Абсолютной остановки соціальнаго развитія нельзя себѣ представить. Стаціонарное состояніе мыслимо только въ качествѣ момента прогрессивнаго или регрессивнаго движенія, такъ какъ общественное движеніе необходимо и въ каждый данный моментъ приводитъ къ извѣстному измѣнчивому состоянію, равновѣсію; данное состояніе общества всегда представляетъ извѣстное состояніе равновѣсія общественной жизни.

Перейдемъ теперь къ общественнымъ явленіямъ регресса и разсмотримъ, дѣйствительно ли регрессъ совершается въ порядкѣ обратномъ прогрессу, какъ это мы гипотетически вывели изъ аналогичныхъ законовъ біологіи и психологіи.

ГЛАВА VI.

Регрессивныя явленія въ соціологіи.

Прогрессъ соціальнаго строя совершается, какъ мы знаемъ, параллельно прогрессу общественной жизнедѣятельности. Онъ характеризуется прежде всего ростомъ массы соціальнаго тѣла, т. е. территоріи или населенія или обоихъ вмѣстѣ, затѣмъ дифференціаціей частей и органовъ этой массы, наконецъ—прогрессивной координаціей дифференцированныхъ такимъ образомъ функцій и органовъ.

Соціальный регрессъ по нашей гипотезѣ совершается въ обратномъ порядкѣ. Такимъ образомъ онъ долженъ проявляться прежде всего въ разложеніи самыхъ частныхъ и высшихъ координаціонныхъ центровъ, кончая центрами наиболѣе общими и основными,—затѣмъ постепеннымъ возвратомъ къ старымъ формамъ однородности общественныхъ единицъ,—наконецъ уменьшеніемъ массы соціальнаго тѣла, территоріи или населенія или обоихъ вмѣстѣ.

Точно также въ противоположность тому, что̀ наблюдается при прогрессѣ, должны уменьшиться измѣнчивость, чувствительность, подвижность, интенсивность и продолжительность общественной жизни и структуры, равно какъ способность ихъ приспособляться къ измѣняющимся условіямъ. Что касается наслѣд-

ственности и естественнаго подбора, то они конечно будутъ продолжать дѣйствовать, но въ обратномъ смыслѣ.

Реакція естественная и самопроизвольная будетъ протекать, распространяясь правильно съ высшихъ ступеней іерархической лѣстницы соціальныхъ явленій книзу въ порядкѣ убывающей сложности и частности этихъ явленій. Реакція систематическая и сознательная будетъ достигать наиболѣе усиленныхъ результатовъ, если путемъ политическихъ мѣропріятій она будетъ разлагать экономическій строй и экономическую жизнь, что̀ можетъ имѣть результатомъ только крушеніе всѣхъ высшихъ частей общественнаго зданія. Напротивъ того, реакція, сознательная и безсознательная, распространяющаяся постепенно сверху внизъ, будетъ оказывать мало вліянія, совершаться крайне медленно, особенно вначалѣ, и пока причиненныя реакціей органическія поврежденія не глубоки, они доступны леченію. Здѣсь такъ же видоизмѣняющій элементъ, поврежденіе носитъ тѣмъ болѣе серьезный характеръ, чѣмъ болѣе глубоки тѣ общественные органы, которыхъ оно коснулось,—напр. органы питанія и брачной жизни.

Когда высшія учрежденія, наиболѣе чувствительные и наиболѣе подверженныя перемѣнамъ, послѣдовательно подверглись регрессу или исчезновенію, низшія и наиболѣе общія учрежденія, теперь непосредственно подлежащія дѣйствію видоизмѣняющихъ причинъ, должны въ свою очередь стать болѣе чувствительными и менѣе устойчивыми. Должно возникнуть все болѣе и болѣе распространяющееся состояніе неуравновѣшенности, приводящее къ конвульсивнымъ, эпилептическимъ, внезапнымъ, неупорядоченнымъ, насильственнымъ движеніямъ, могущимъ повлечь за собой смерть и разложеніе общества.

Напомнимъ также, что какъ и при изученіи явленій прогрессивныхъ, мы должны разсмотрѣть различныя стороны общественнаго регресса, начиная съ случаевъ наиболѣе простыхъ и общихъ и переходя методически къ случаямъ болѣе сложнымъ и частнымъ. Намъ придется вначалѣ изучить каждый классъ общественныхъ явленій въ отдѣльности и каждое изъ подраздѣленій этихъ классовъ. Но, какъ и при изученіи прогресса, мы получимъ, такимъ образомъ, только предварительныя указанія и намеки. Это изученіе придется дополнить изученіемъ отношеній между регрессивными явленіями во всѣхъ классахъ. То же должно быть сдѣлано относительно соціальныхъ функцій и органовъ каждаго изъ этихъ классовъ, ихъ системъ, аппаратовъ, наконецъ — относительно всей совокупности общественнаго строя и жизнедѣятельности, сначала въ сферѣ отдѣльныхъ обществъ, затѣмъ цѣлыхъ цивилизацій и наконецъ всего человѣчества.

Слѣдуетъ также провѣрить, исчезаетъ-ли при регрессѣ — какъ и при прогрессѣ—функція раньше органа или учрежденія, или же это бываетъ не всегда. Если бы это подтвердилось, то оказалось бы, что въ томъ и другомъ случаѣ измѣненіе—возникновеніе или исчезновеніе—функціи предшествуетъ измѣненію органа. Слѣдуетъ также различать—при изученіи прогрессивныхъ, какъ и регрессивныхъ явленій — функцію отъ органа, общую жизнедѣятельность отъ общаго строя. При старческомъ вырожденіи, общая организація, по крайней мѣрѣ, съ виду—если отвлечься отъ строенія тканей и состава клѣтокъ—не измѣняется; въ дѣйствительности возврата къ дѣтству нѣтъ, но жизнедѣятельность организма пріобрѣтаетъ дѣтскій характеръ вслѣдствіе послѣдовательнаго выпаденія высшихъ функцій. Соотвѣтствіе между видимой организаціей и дѣйствительной жизнью нарушается. Смерть является естественнымъ слѣдствіемъ этого возрастающаго нарушенія соотвѣтствія. Форма переживаетъ содержаніе, органъ — функцію. Стэнли Джевонсъ приводитъ слѣдующій аналогичный примѣръ: «Когда вѣсы для взвѣшиванія слитковъ металла, замѣнявшихъ монету, вышли уже изъ употребленія, при продажѣ нѣкоторыхъ предметовъ въ Римѣ сохранился обычай приносить ихъ въ качествѣ легальной формальности». Приведемъ другой еще болѣе поразительный примѣръ, заимствованный изъ сферы крупныхъ соціальныхъ отношеній. Номинально и юридически священная римская имперія прекратила свое существованіе только 6 августа 1806 г., въ дѣйствительности-же ея не было уже много вѣковъ. Существуетъ цѣлый рядъ подобныхъ соціальныхъ мумій, столь же древнихъ, какъ муміи египетскія. Во всякомъ частномъ случаѣ придется считаться съ послѣдовательнымъ ходомъ регресса.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, мы въ состояніи будемъ дать себѣ отчетъ въ томъ, можетъ-ли прогрессъ—согласно съ нѣкоторыми распространенными въ настоящее время теоріями—представлять возвратъ къ первобытнымъ формамъ. Далѣе не представляется ли этотъ возвратъ болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, и не является ли только регрессъ возвратомъ къ этимъ формамъ? Притомъ въ послѣднемъ случаѣ сходство получается не полное и абсолютное, а только условное, опредѣляемое въ силу закона однородности спеціальными данными условіями, причемъ воспроизводятся главнымъ образомъ общіе признаки соціальныхъ явленій, признаки же частные или совершенно не воспроизводятся или въ слабой степени.

Выше уже, говоря о прогрессѣ, мы установили, что ни статистика, ни то, что̀ Тэйлоръ называетъ инвентаремъ одного или

нѣсколькихъ разрядовъ общественныхъ явленій, не могутъ быть мѣриломъ общественнаго регресса; въ видѣ примѣровъ мы привели паденіе рождаемости во Франціи, ростъ ренты и т. д. Намъ незачѣмъ поэтому теперь возвращаться къ этому вопросу. Сказанное нами по поводу прогресса нѣсколькихъ разрядовъ общественныхъ явленій и всѣхъ разрядовъ вмѣстѣ взятыхъ приложимо очевидно и къ регрессу. Такъ какъ мѣриломъ прогресса является общественная организація, то очевидно къ регрессу должно прилагаться то же мѣрило, т. е. степень общественной дезорганизаціи.

Это упускаютъ изъ виду правовѣрные экономисты, когда они стараются выяснить, въ чемъ состоитъ прогрессъ экономической жизни. По словамъ Шарля Жида, «прогрессъ въ экономической области состоитъ въ безпрерывномъ уменьшеніи труда, необходимаго для производства данной работы». Человѣкъ можетъ благодаря прогрессу или уменьшать свой трудъ, производя то же богатство, или увеличивать богатство, сохраняя то же количество труда. По Ш. Жиду, человѣкъ всегда предпочиталъ вторую систему. Мы однако видѣли—и это констатировано уже давно—что ростъ богатства можетъ совершаться параллельно съ ростомъ нищеты, и мы знаемъ также, что существуетъ все болѣе воплощающееся въ жизни стремленіе уменьшить продолжительность рабочаго времени, которое должно отчасти возстановить утраченное равновѣсіе. Экономическій прогрессъ и регрессъ являются, такимъ образомъ, вопросами объ организаціи, не только экономической, но и общей, и вдобавокъ не національной только, а международной.

Изъ кажущихся или дѣйствительныхъ случаевъ регресса соціальныхъ органовъ приведемъ регрессъ философіи. Льюисъ считаетъ первымъ кризисомъ, пережитымъ ею, тотъ кризисъ, который слѣдовалъ за двумя первыми періодами греческой философіи. Въ первомъ періодѣ философія пыталась дать физическое объясненіе міровыхъ явленій; во второмъ—объясненіе психическое. Оба оказались недостаточными для разрѣшенія загадки бытія и для установки критерія достовѣрности нашихъ знаній. Тогда возникли скептицизмъ и школа софистовъ. Философія вышла впрочемъ невредимой изъ этого кризиса, который поэтому долженъ быть причисленъ къ ряду кажущихся регрессивныхъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, школа софистовъ породила новыя теченія философской мысли, характеризующіяся новымъ методомъ—діалектикой. Несмотря на то, что послѣдняя имѣетъ только отрицательное значеніе въ качествѣ метода по преимуществу критическаго, возникновеніе ея было необходимо въ качествѣ пере-

ходной ступени къ методу индуктивному. Въ томъ періодѣ исторіи философіи, который ведетъ отъ Сократа къ Платону, а отъ послѣдняго къ Аристотелю, логика и методъ доказательства, носящіе вначалѣ чисто субъективный характеръ, совершенствуются все болѣе и болѣе, и въ лицѣ Аристотеля философія становится энциклопедической. Но преобладаніе субъективнаго метода приводитъ ко второму кризису и опять въ лицѣ Пиррона *воскресаетъ* скептицизмъ. Затѣмъ слѣдуютъ эпикурейцы, стоики, новая академія Аркезилая и Карнеада—все школы идеалистическія, раціоналистическія, субъективныя, возникновеніе которыхъ совпадаетъ съ общимъ регрессивнымъ движеніемъ греко-римской цивилизаціи. Вначалѣ въ лицѣ новоплатонизма разумъ вступаетъ въ компромиссъ съ вѣрою; союзъ этотъ осуществляется въ ученіи Александрійской школы и Филона. Послѣ долгихъ споровъ между христіанствомъ и новоплатонизмомъ по вопросу о Троицѣ и эманаціи, философія *возвращается* къ теологіи. Это уже—настоящій регрессъ одной частной цивилизаціи, сопровождаемый регрессомъ каждаго изъ другихъ ея органовъ. Остается еще только разсмотрѣть, не былъ ли этотъ регрессъ—съ всемірно-исторической точки зрѣнія условіемъ благопріятнымъ для дальнѣйшаго прогресса въ болѣе широкой сферѣ. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ тутъ третій кризисъ въ исторіи философіи—кризисъ по необходимости болѣе продолжительный и глубокій, чѣмъ предшествующіе, такъ какъ онъ совпадаетъ съ разложеніемъ всей прочей организаціи, въ которой возвысилось греко-римское общество.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ возникаетъ опять прогрессивное движеніе въ видѣ схоластики, ведущей къ возрожденію философіи. Благодаря вліянію арабовъ и итальянскаго возрожденія, чисто научная философія незамѣтно получаетъ перевѣсъ. Въ лицѣ Бэкона и Декарта она становится независимой отъ богословія. Съ этихъ поръ она развивается параллельно съ прогрессивнымъ развитіемъ отдѣльныхъ наукъ, претворяя въ себя ихъ завоеванія. Правда, происходили еще не разъ кризисы, аналогичные съ тѣмъ, который имѣлъ мѣсто при разложеніи греко-римскаго міра, но кризисы эти имѣли временный характеръ, отличались все меньшей и меньшей интенсивностью и продолжительностью. Эти поверхностные кризисы возникали всякій разъ, когда перевѣсъ субъективнаго метода и идеализма приводилъ общество къ скептицизму. Такъ, напр., было послѣ эпохи субъективнаго идеализма Дэкарта и пантеистическаго идеализма Спинозы. Подобныя же, болѣе слабыя явленія регресса наблюдались послѣ идеализма Беркли, когда возникъ скептицизмъ Юма, и послѣ идеализма Канта, Гегеля, Фихте и Шеллинга, когда пессимизмъ и скепти-

цизмъ Шопенгауэра, сопровождавшій глубокій общественный кризисъ въ другихъ сферахъ, на нѣкоторое время увлекли диллетантовъ искусства и литературы. Эти кризисы впрочемъ нисколько не отразились на прогрессѣ науки. Постановка на твердую почву біологіи и психологіи обезпечила торжество положительной филофіи, т. е. тѣхъ коллективныхъ научныхъ вѣрованій, къ которымъ постепенно будетъ примыкать все бо́льшая и бо́льшая часть человѣчества.

Паденіе греко-римской цивилизаціи совпадаетъ съ несомнѣннымъ регрессомъ искусства. Регрессъ этотъ послѣдовательно захватываетъ живопись, скульптуру и архитектуру. На послѣдней онъ отражается всего менѣе, равно какъ на нѣкоторыхъ промышленныхъ искусствахъ, стоящихъ въ тѣсной связи съ простѣйшими потребностями экономической жизни. Новый прогрессъ совершается въ обратномъ направленіи. Всякій разъ, впрочемъ, когда мы встрѣчаемся съ регрессомъ отдѣльныхъ обществъ, съ регрессомъ болѣе или менѣе частнаго характера, слѣдуетъ помнить, что гибнутъ главнымъ образомъ формы, но что рядомъ съ старыми, близящимися къ упадку органами возникаютъ другіе, способные къ дальнѣйшему развитію. Регрессъ отдѣльнаго органа или даже цѣлаго общества не предполагаетъ еще общаго попятнаго движенія соціальной эволюціи.

Если мы обратимся теперь къ руководящимъ, направляющимъ общественнымъ формамъ и органамъ, то замѣтимъ, что упадокъ ихъ совершается по тѣмъ же законамъ.

Галлія до завоеванія ея Цезаремъ дѣлилась на civitates, политически независимыя другъ отъ друга. Эти civitates представляли цѣльные организмы, съ относительно самостоятельной общественной жизнью. Говоримъ: «относительно»—такъ какъ полная независимость общественныхъ группъ другъ отъ друга существуетъ только въ абстракціи. Уже само отсутствіе сношеній между двумя общественными группами взаимно вліяетъ на ихъ организацію. Мы говорили объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, указывая въ видѣ примѣра на состояніе Европы и Америки до и послѣ открытія послѣдней. Отсутствіе сношеній между той и другой опредѣленнымъ образомъ вліяло на общественную организацію и жизнь обоихъ материковъ. Эти организація и жизнь, стоявшія въ извѣстномъ соотношеніи, были видоизмѣнены установившимися потомъ сначала неправильными, затѣмъ непрерывными и постоянными сношеніями.

И такъ передъ римскимъ завоеваніемъ галльскія государства имѣли самостоятельное государственное устройство. Послѣ завоеванія въ силу ассимиляціи стали возникать дифференціація и подчиненіе существующихъ органовъ другимъ. Августъ не раз-

рушилъ старыхъ организмовъ, онъ только подчинилъ ихъ центральной организаціи—и они стали органами административными и судебными. Та же организація сохранилась съ введеніемъ христіанства. Границы прежнихъ civitates стали границами епархій и въ такомъ видѣ сохранились вплоть до революціи. Въ то же время произошла дальнѣйшая дифференціація духовной функціи отъ свѣтской, повлекшая за собой дальнѣйшую координацію. Послѣдняя, совершаясь одновременно съ перемѣнами экономическаго характера, создала новыя формы, новое государство—«старую Францію», въ политическомъ отношеніи послѣ эпохи феодализма и среднихъ вѣковъ ставшую вполнѣ независимой, но менѣе самостоятельной въ религіозномъ отношеніи.

Мы наблюдаемъ здѣсь такимъ образомъ развитіе двухъ государствъ: римской имперіи, растущей путемъ подчиненія галльскихъ civitates, и французскаго королевства выростающаго благодаря дезорганизаціи римской имперіи. Какъ и въ какомъ порядкѣ совершался послѣдній процессъ?

Римская имперія сначала все болѣе и болѣе расчленяется на провинціи и діоцезы. Затѣмъ наступаетъ дѣленіе императорской власти, сначала при сохраненіи еще цѣлости имперіи. Потомъ дѣлится имперія. Наконецъ она совершенно расчленяется варварами и происходитъ возвратъ къ формамъ относительно первобытнымъ, болѣе или менѣе схожимъ съ прежними civitates, къ которымъ только присоединены нѣкоторые новые элементы, унаслѣдованные отъ прежнихъ общественныхъ комбинацій и продолжающіе существовать въ значительномъ числѣ.

Совершается несомнѣнно регрессъ политическихъ учрежденій и системы и этотъ регрессъ идетъ правильно, начинаясь съ дезорганизаціи самыхъ высшихъ формъ—имперской власти. Это—не былъ конечно регрессъ окончательный, неисцѣлимый. Онъ является исходной точкой новыхъ теченій и послѣднія въ своемъ развитіи возвысились надъ политическимъ режимомъ Рима именно благодаря невѣроятной сложности элементовъ, заключавшихся въ этой смѣси остатковъ древней цивилизаціи съ новыми расовыми, экономическими, нравственными, религіозными, юридическими и политическими факторами, принесенными новыми народами съ болѣе простой общественной организаціей, но настолько отличающейся отъ римской, что простое механическое соединеніе этихъ разнородныхъ элементовъ было невозможно. Пока во всякомъ случаѣ политическій регрессъ неизмѣненъ. Поверхностныя политическія формы исчезли первыми; основныя политическія формы, совпадающія съ старинными civitates сохранились всего долѣе, при условіяхъ болѣе или менѣе различныхъ.

Низшія политическія формы римской имперіи регрессировали слѣдующимъ образомъ. Снача у плебеевъ отнято было право избранія муниципальныхъ властей; право избранія активное и пассивное предоставлено однимъ декуріонамъ. Происходитъ такимъ образомъ возвратъ отъ режима демократическаго къ аристократическому, закрѣпляемый оффиціально эдиктами Марка Аврелія и Веруса. У народа такимъ образомъ подавляютъ всякій интересъ сначала къ общей политической жизни — когда утверждается императорская власть,— затѣмъ къ жизни мѣстной съ ея болѣе простыми и общими отношеніями, и послѣднее достигается устраненіемъ его отъ муниципальныхъ выборовъ. Точно также народъ пересталъ дорожить интересами поземельной собственности, сосредоточившейся въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Къ концѣ концовъ остается одна только власть—*съ виду* неограниченная—императорская. Но въ огромномъ римскомъ государствѣ сила эта оказывается недостаточной для упорядоченія политической жизни и защиты границъ отъ варваровъ. Впрочемъ внутри уже создалась поземельная феодальная аристократія, готовая вступить въ союзъ съ внѣшними завоевателями и превратиться вмѣстѣ съ ними въ политическую силу. Императорская власть естественно расчленяется, сначала какъ функція; затѣмъ это расчлененіе отражается и на учрежденіяхъ. Параллельная регрессивная эволюція собственности и правительственныхъ формъ приводитъ къ феодальному строю, къ аристократической и іерархической организаціи отношеній экономическихъ, семейныхъ, художественныхъ, религіозныхъ, нравственныхъ, юридическихъ и политическихъ—т. е. къ совершенно новой соціальной системѣ.

Представляетъ ли эта система абсолютный возвратъ къ тѣмъ аристократическимъ формамъ, которыя всюду въ древнемъ мірѣ предшествуютъ или слѣдуютъ за формами монархическими? Съ структурной точки зрѣнія—да. Но въ новомъ строѣ замѣчаются и нѣкоторыя особенныя черты. Такъ возникаетъ нравственная объединяющая связь, несравненно болѣе обширная, чѣмъ существовавшія раньше, въ лицѣ папства. Даже въ области свѣтскихъ отношеній римскій имперскій строй продолжаетъ еще отчасти существовать: формы носятъ менѣе мѣстный, нѣсколько всеобщій характеръ. Выступаетъ на сцену новая цивилизація, болѣе обширная по размѣрамъ, чѣмъ римская, различныя части которой связаны между собой иными узами, напр. феодальнымъ договоромъ. Ни одно изъ пріобрѣтеній прежней эпохи не погибло окончательно. Регрессируютъ и исчезаютъ старые обще-

ственные органы, но взамѣнъ вырабатываются и возникаютъ новые, которые при благопріятныхъ условіяхъ *могутъ* достигнуть высшаго развитія сравнительно со старыми. Какъ бы то ни было, въ данный моментъ регрессъ дѣйствительно существуетъ.

То же происходитъ и съ языческой религіей. Дольше всего продолжаетъ существовать то, съ чего она начала: обряды, жертвоприношенія, церемоніи. Вѣры уже не существуетъ, хотя всякій проступокъ противъ обрядовъ строго наказывается. Умирающее язычество съ бо̀льшей цѣпкостью держится за соблюденіе обрядовъ, чѣмъ за искренность вѣрованій. Наряду съ внѣшними религіозными обрядами, въ качествѣ дѣятельной общественной силы уже угасшими, продолжаютъ существовать еще грубѣйшія вѣрованія, ведущія начало отъ первобытныхъ временъ. Язычество погибло, когда перестаютъ исполнять его обряды, вѣрить въ его чудеса, предзнаменованія, въ идоловъ и фетишей,—когда погибаютъ тѣ грубыя суевѣрія, которыя нѣкогда, бывши искренними, содѣйствовали его возникновенію. Тотъ самый элементъ, который вдохнулъ нѣкогда жизнь въ язычество, теперь мѣшаетъ ему существовать.

Цицеронъ разсказываетъ, что въ Римѣ жрецы продолжали приносить жертвы даже тогда, когда перестали въ нихъ уже вѣрить. Вѣрованіе угасаетъ такимъ образомъ раньше исчезновенія органа этого вѣрованія; функція возникаетъ и исчезаетъ раньше учрежденія. Точно также воспоминаніе о человѣческихъ жертвахъ сохранилось во Франціи до послѣднихъ дней царствованія Наполеона III въ полу-оффиціальной формѣ: въ день Ивана Купалы тамъ бросали въ огонь корзины съ кошками, собаками, лисицами, волками. Въ XVIII вѣкѣ власти оффиціально присутствовали еще на этихъ церемоніяхъ, утратившихъ всякое значеніе въ глазахъ всѣхъ, кромѣ ученыхъ.

Точно такъ же совершается упадокъ экономическихъ учрежденій: форма всюду переживаетъ содержаніе, форма старая—новую.

Вандервельде въ своей статьѣ «Регрессивная эволюція корпорацій Зап. Фландріи» говоритъ: «Циклъ регрессивной эволюціи завершился. Корпорація кончаетъ тѣмъ же, съ чего начала. Дойдя до рудиментарнаго состоянія, она въ точности воспроизводитъ то, чѣмъ была вначалѣ. Структурные элементы, позднѣе другихъ возникшіе, вырождаются и исчезаютъ первыми». Такъ прежде всего исчезли ихъ военныя и политическія функціи; за ними уже слѣдовали другія. Авторъ задаетъ себѣ вопросъ, имѣетъ ли онъ здѣсь дѣло съ общимъ закономъ или нѣтъ.

Спенсеръ, говоря о возникновеніи въ Англіи при англо-саксахъ дѣленія на десятки, сотни и графства съ соотвѣтствующими судами, указываетъ, что десятки съ ихъ судами исчезли первыми, затѣмъ—сотни, изъ которыхъ нѣкоторыя сохранили еще свои суды; графства же съ ихъ судами продолжаютъ существовать до сихъ поръ. Если предлагаемый нами законъ справедливъ, то графства и суды графствъ должны представлять учрежденія болѣе древнія, чѣмъ, десятки и сотни, съ судами десятковъ и сотенъ. Уже до провѣрки историческими данными это предположеніе представляется вѣроятнымъ. Вѣдь даже и въ настоящее время суды болѣе частнаго характера, напр. фабричные мировые совѣты, совѣты экспертовъ, коммерческіе суды возникаютъ позднѣе общихъ. Прогрессъ совершается всегда въ сторону бо̀льшей спеціализаціи и координаціи, регрессъ—въ обратную сторону. Исторія дѣйствительно показываетъ, что въ Англіи графства и суды графствъ предшествовали сотнямъ, а послѣднія десяткамъ. Десятки и сотни были созданіемъ центральной власти и учреждены были въ интересахъ послѣдней. Въ королевскомъ указѣ говорится: «Мы повелѣваемъ, чтобы всякій свободный человѣкъ входилъ въ составъ сотни и десятка, буде онъ желаетъ имѣть право на пеню или виру въ случаѣ, ежели онъ будетъ убитъ по достиженіи возраста двѣнадцати лѣтъ. Иначе онъ не будетъ обладать никакими правами свободнаго человѣка, все равно—домохозяинъ ли онъ или слуга». А Эдуардъ-Исповѣдникъ говоритъ: «Во всѣхъ городахъ королевства, всѣ люди должны образовать десятки, такъ чтобы если одинъ изъ десяти совершитъ преступленіе, остальные девять могли принудить его понести возмездіе».

Возникновеніе этихъ подраздѣленій сдѣлалось необходимыхъ вслѣдствіе исчезновенія первобытныхъ однородныхъ общинъ, въ которыхъ они содержались въ зародышѣ. Мы встрѣчаемъ ихъ на соотвѣтствующей стадіи развитія у всѣхъ народовъ, столь разнородныхъ, какъ Индія, Китай, Персія, Египетъ, Перу и европейскіе.

Исчезновеніе судовъ десятковъ прежде судовъ сотенъ, а послѣднихъ—прежде судовъ графства представляетъ такимъ образомъ исторически доказанный фактъ, подтверждающій соціологическій законъ регресса соціальныхъ органовъ. Суды графствъ являются наиболѣе древними и общими органами, они должны были и исчезнуть послѣдними.

Мы уже видѣли, что съ возникновеніемъ христіанства и особенно въ средніе вѣка философія возвращается къ теологіи, живопись и скульптура становятся вспомогательными органами архи-

тектуры, обращаются къ иконописи и раскрашиванію рукописей и становятся въ служебное отношеніе къ интересамъ промышленности. Это одинъ изъ примѣровъ соотношенія и взаимной зависимости между регрессомъ нѣсколькихъ соціальныхъ органовъ. Въ общемъ соціальномъ строѣ послѣдовательно поражаются и подвергаются упадку система политическая, юридическая, мораль, наука, искусство, семейныя и экономическія отношенія. Въ каждой изъ этихъ отраслей регрессъ начинается съ высшихъ формъ, новѣйшихъ пріобрѣтеній, наименѣе закрѣпленныхъ въ соціальной организаціи. Когда поражены экономическія отношенія, быстро слѣдуетъ смерть, такъ какъ наступила полная дезорганизація. Послѣдовательно совершается переходъ отъ болѣе совершенныхъ формъ неустойчиваго равновѣсія, характеризующаго общественную жизнь, къ низшимъ и болѣе простымъ. Приспособленіе носитъ все менѣе и менѣе частный характеръ и становится все болѣе общимъ. Когда наконецъ рушится фундаментъ общественнаго зданія, рушится вся общественная организація. Когда регрессъ законченъ, остаются только элементарные факторы общественнаго строя—территорія и народонаселеніе, если только они не вошли въ другую организацію высшаго или низшаго порядка, но во всякомъ случаѣ послѣ ассимиляціи болѣе обширную, чѣмъ прежняя.

Въ отдѣльныхъ обществахъ можетъ регрессировать вся ихъ организація или же частные органы. Въ качествѣ примѣра полнаго регресса Тэйлоръ приводитъ исторіи королевствъ, существовавшихъ въ Африкѣ въ XVII в. (въ томъ числѣ Мономотана) и вернувшихся къ низшему общественному строю. Примѣромъ того же можетъ служить исторія Греціи вплоть до XIX в. Упадокъ римской или греко-латинской цивилизаціи представляетъ уже случай регресса цѣлой цивилизаціи, заключавшей въ себѣ большое число отдѣльныхъ великихъ обществъ. Въ самомъ дѣлѣ подъ именемъ «цивилизацій» слѣдовало бы понимать организаціи, обнимающія нѣсколько въ большей или меньшей степени автономныхъ обществъ, строй и жизнедѣятельность которыхъ носятъ почти одинаковый, однородный характеръ. Такъ греческая цивилизація распространилась за предѣлы Эллады собственно; греко-римская цивилизація обнимала районъ еще болѣе обширный и носила еще болѣе сложный характеръ. Въ извѣстный моментъ среднихъ вѣковъ феодальный строй и одинаковый общій уровень цивилизаціи существовалъ въ Европѣ, на востокѣ и въ части Африки. Такой же однородный характеръ носила европейская цивилизація въ періодъ развитія большихъ монархій. Другіе примѣры того же рода представляютъ западная цивилизація

въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ ее Ог. Контъ, и современная, стремящаяся все болѣе и болѣе подвести различныя общества различныхъ частей міра подъ одинъ общій типъ организаціи, подчиняющейся всемірнымъ регуляторнымъ центрамъ экономическимъ, художественнымъ, философскимъ, нравственнымъ, юридическимъ и отчасти даже—политическимъ. Лондонъ, наприм. является международнымъ денежнымъ рынкомъ, Бернъ—центромъ европейскаго желѣзнодорожнаго движенія; все чаще и чаще собираются конгрессы мира, состоящіе изъ представителей всѣхъ законодательныхъ собраній.

Непрерывность цивилизаціи во времени и пространствѣ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе органическій характеръ; случаи упадка и частнаго внезапнаго регресса становятся все менѣе и менѣе частыми. Измѣненія отдѣльнаго общества и отношеній между различными обществами представляютъ все меньше и меньше отклоненій въ сторону; средній уровень цивилизаціи будетъ представлять все меньше колебаній.

Все это находится въ соотвѣтствіи съ закономъ соціологическимъ и естественно-научнымъ, въ силу котораго чѣмъ законченнѣе и совершеннѣе данная организація, тѣмъ съ бо̀льшимъ трудомъ въ ней совершаются крупныя перегруппировки. Наслѣдственность стремится закрѣпить данный типъ, къ видоизмѣненію котораго напротивъ стремятся естественный подборъ, измѣнчивость и приспособленіе. Этимъ несомнѣнно обезпечивается прогрессъ порядка какъ статическаго, такъ и динамическаго и эволютивнаго, и это обстоятельство должно бы внушить намъ твердую рѣшимость не сходить съ новыхъ путей, указываемыхъ положительной соціологіей.

Не рѣшая окончательно вопроса, представляетъ ли собой эпоха упадка римской имперіи и первыхъ вѣковъ христіанства и католичества—періодъ абсолютнаго регресса, мы можемъ признать фактъ упадка греко-латинскаго общества и цивилизаціи, взятыхъ сами по себѣ. Экономическій упадокъ несомнѣненъ. Онъ характеризуется исчезновеніемъ мелкой собственности и возникновеніемъ колоната и крѣпостнаго состоянія. Семейныя отношенія были существенно потрясены, они нѣсколько оправились потомъ, но экономическое рабство такъ же вредно вліяло на нихъ, какъ вредно вліяетъ оно и теперь. Искусство подверглось упадку, свидѣтельства котораго у насъ передъ глазами. Наука и философія спустились до грубѣйшихъ суевѣрій. Не подлежитъ сомнѣнію, что наступило одичаніе, длившееся нѣсколько столѣтій. Христіанство, въ первые вѣка проникнутое нравственнымъ духомъ, духомъ братства и равенства, превращается въ Зап. Европѣ въ католичество

аристократическое, узкое, нетерпимое, въ крупнаго собственника и феодала, оправдывающаго рабство и вступающаго въ союзъ съ деспотизмомъ всякаго рода. Наступленіе упадка проявляется уже въ томъ, что католицизмъ пессимистиченъ, представляетъ религію отчаянія и отреченія. Право оправляется спустя много времени, а политическій регрессъ выражается въ возстановленіи варварскихъ королевствъ, сходство съ которыми представляютъ въ настоящее время только царства африканскаго материка.

Въ дальнѣйшемъ независимость и раздѣленіе духовной и свѣтской функціи, содержавшееся въ зародышѣ уже въ первобытномъ христіанствѣ, выродились въ длившуюся всѣ средніе вѣка жестокую борьбу между обѣими *властями*, одинаково стремившимися къ единодержавію. Эта борьба облегчила возможность возрожденія независимой философіи и морали. Что касается католической морали, то въ періодѣ своего расцвѣта она не стояла выше морали древней философіи — особенно стоической, а богословская окраска ея представляла несомнѣнный регрессъ, стоявшій въ связи съ регрессомъ во всѣхъ другихъ областяхъ.

Такимъ образомъ, эпоха паденія римской имперіи, возникновенія христіанства и первый періодъ среднихъ вѣковъ представляютъ намъ картину полнаго регресса одной великой цивилизаціи.

ГЛАВА VII.

Нѣкоторыя частныя явленія изъ области общественныхъ превращеній.

Изъ всего предшествующаго естественно было бы сдѣлать выводъ, что соціальная динамика сложнѣе, чѣмъ это принято думать. Міромъ управляютъ не чувства, не идеи и не мнѣнія, какъ думали Спенсеръ и Контъ. Новиковъ выражается не совсѣмъ точно, говоря: «Когда народъ обладаетъ меньшимъ количествомъ идей, чѣмъ его сосѣди, то онъ производитъ меньше богатствъ, и затѣмъ естественно уменьшается его рождаемость, такъ какъ рождаться и жить можно только тамъ, гдѣ можно питаться». Въ самомъ дѣлѣ, онъ не можетъ также и думать, обладать идеями, если онъ не можетъ питаться. Общественная жизнь находится въ соотношеніи, становящемся все болѣе и болѣе сложнымъ и частнымъ, съ физической и соціальной средой. Она — не продуктъ одного какого нибудь изъ факторовъ; но основнымъ ея факторомъ

является экономическая организація; такимъ образомъ другіе—высшіе факторы имѣютъ болѣе частный характеръ. Такимъ образомъ общественный подборъ не совершается, преимущественно, съ помощью идей и въ области идей; въ кругъ его дѣйствія входятъ *всѣ* общественные факторы.

Вслѣдствіе этого возникаетъ рядъ явленій, кажущихся на первый взглядъ странными, но вполнѣ объяснимыхъ и естественныхъ. Нѣсколько подобныхъ явленій мы уже встрѣтили. Такъ напримѣръ, регрессъ, по крайней мѣрѣ частный, при нѣкоторыхъ условіяхъ можетъ быть условіемъ прогресса: въ нѣкоторыхъ случаяхъ органъ или организмъ атрофируются, чтобы уступить мѣсто организму или органу болѣе совершенному. Такъ напр. регрессъ и исчезновеніе старинныхъ корпорацій и цеховъ содѣйствовали возникновенію новыхъ болѣе широкихъ промышленныхъ формъ, хотя переходъ отъ первыхъ ко вторымъ и сопровождался и сопровождается до сихъ поръ тяжелыми кризисами. Общества могутъ отступать на нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы получить возможность разбѣжаться и перепрыгнуть черезъ препятствія, безъ того непреодолимыя.

Мы указывали еще выше на явленія гетерохроніи,—на случаи, когда высшіе соціальные органы формируются раньше простыхъ. Въ видѣ примѣра Спенсеръ приводитъ образованіе въ нѣкоторыхъ территоріяхъ Сѣв.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ банковъ, церквей, почтовыхъ учрежденій, телеграфа и т. д. раньше даже чѣмъ тамъ составилось достаточное количество народонаселенія для образованія поселка. Это явленіе, странное только съ виду: перечисленныя учрежденія не функціонируютъ, пока второй соціальный элементъ—населеніе—не доставитъ имъ условій, необходимыхъ для ихъ дѣятельности. Болѣе интересны другіе случаи. Въ Спартѣ, Аѳинахъ, Римѣ совершаются однородныя политическія и соціальныя революціи, одновременно возникаютъ и смѣняются въ Греціи и Италіи патріархатъ, монархія, аристократія, демократія; въ результатѣ этихъ переворотовъ возникаютъ переселенія, образуются колоніи. И никогда колоніи не устанавливаютъ у себя первобытныхъ политическихъ формъ; напротивъ этого, онѣ сразу вводятъ у себя конечныя формы политической эволюціи метрополіи. Такъ Сиракузы, колонія Коринѳа, никогда не знали царской власти. То же мы замѣчаемъ въ Милетѣ и Самосѣ, во главѣ которыхъ стояла землевладѣльческая аристократія. Англійскіе и ирландскіе эмигранты осуществили бо̀льшее: быстро пройдя черезъ промежуточныя подготовительныя формы, они ввели въ Соединенныхъ Штатахъ республиканское устройство, котораго не могли установить у себя на

родинѣ. Это—повидимому, одно изъ проявленій естественнаго закона сокращеннаго повторенія въ онтогенезисѣ стадій филогенезиса.

Среди обществъ, аггрегатовъ обществъ или цивилизацій мы наблюдаемъ еще одно явленіе *регенераціи, возрожденія.* Въ этомъ отношеніи они сходны съ организмами. Сѣмена нѣкоторыхъ растеній сохраняютъ способность къ развитію втеченіе тысячелѣтій. Чѣмъ ниже животное, тѣмъ сильнѣе его способность къ воспроизведенію утраченныхъ органовъ. Такъ какъ у низшихъ животныхъ нѣтъ дифференціаціи органовъ, то всѣ гистологическіе элементы ихъ безъ различія исполняютъ основныя функціи питанія, роста и размноженія. Всякій сегментъ тѣла дождеваго червя можетъ превратиться въ полное животное.

Части тѣла, болѣе диффенцированныя у низшихъ животныхъ, воспроизводятъ остальные органы съ бо̀льшей легкостью, чѣмъ части тѣла менѣе дифференцированныя. Такъ напр. у дождеваго червя голова быстрѣе воспроизводитъ хвостъ, чѣмъ хвостъ—голову. При этомъ воспроизведеніи утраченныхъ частей вѣсъ воспроизводящей части не увеличивается, слѣдовательно воспроизведеніе совершается на счетъ ея, и если мы ее еще обезсиливаемъ, разрѣзая снова на куски, то часто дальнѣйшее воспроизведеніе прекращается.

Этотъ процессъ воспроизведенія утраченныхъ частей, какъ и процессъ воспроизведенія потомства стоитъ въ тѣсной связи съ процессомъ питанія. Поэтому энергичнѣе совершается онъ у молодыхъ особей. Въ общемъ этотъ фактъ можетъ быть поставленъ въ связь съ закономъ, въ силу котораго органическія перегруппировки становятся тѣмъ болѣе затруднительными, чѣмъ законченнѣе организація. Регенерація проявляется въ животномъ мірѣ съ бо́льшей энергіей, чѣмъ въ растительномъ, такъ какъ связь частей въ растительномъ мірѣ меньше. У высшихъ животныхъ, включая сюда человѣка, повидимому, всѣ ткани обладаютъ способностью къ регенераціи, но не бываетъ случая регенераціи цѣлаго, сложнаго, состоящаго изъ различныхъ тканей органа. Возрожденіе ткани тѣмъ затруднительнѣе, чѣмъ болѣе она дифференцирована, чѣмъ нѣжнѣе и выше ея функціи; нервная ткань представляетъ въ этомъ отношенін повидиму исключеніе, такъ какъ возстановленіе потери вещества совершается здѣсь легко. При возрожденіи ея наблюдается послѣдовательный переходъ черезъ тѣ же стадіи, черезъ которыя проходило ея развитіе въ зародышевой жизни.

Аналогичныя этимъ біологическимъ фактамъ явленія наблюдаются и въ соціальной жизни. Низшія общества, населеніе ко-

торыхъ низведено до десятой части голодомъ, войнами, эпидеміями, возрождаются быстро. Сколько городовъ въ средніе вѣка было по нѣскольку разъ уничтожаемо до основанія въ Бельгіи, и однакоже потомъ они опять оживали! Съ несравненно большей легкостью это совершается среди обществъ однородныхъ, остатки которыхъ могутъ перемѣщаться на новое мѣсто и тамъ возраждаться къ существованію.

Въ низшихъ обществахъ, жизнь которыхъ ограничивается функціями питанія и размноженія, явленіе это вполнѣ понятно; регенерація представляетъ здѣсь частный случай роста и развитія, а послѣдніе стоятъ въ тѣсной связи съ функціями питанія и воспроизведенія вида. Естественно также, что быстро возрождаются высшіе органы низшихъ обществъ, такъ какъ эти высшіе органы представляютъ въ сущности довольно низкіе координаціонные центры. То же наблюдается однакоже и въ высшихъ обществахъ: высшіе политическіе органы въ нихъ быстро возрождаются въ силу законовъ гетерохроничности и сокращеннаго прохожденія пережитыхъ уже формъ развитія,—законовъ, о которыхъ мы говорили выше. Это явленіе соотвѣтствуетъ сравнительной легкости вырожденія нервной ткани и нервныхъ центровъ въ біологической сферѣ.

Процессъ регенераціи кромѣ того воспроизводитъ цѣликомъ процессъ эволюціи. Подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто при болѣзняхъ памяти, воли, личности,—возрождаются первыми простѣйшія соціальныя функціи. Сначала возстановляются отношенія экономическія и половыя; съ прогрессомъ благосостоянія и ростомъ населенія расцвѣтаютъ искусства и науки, очищается мораль, право становится болѣе гуманнымъ, политика пріобрѣтаетъ болѣе общественный духъ. Этотъ законъ извращается только развѣ вторженіемъ закона гетерохроніи и сокращеннаго воспроизведенія пройденныхъ ранѣе фазъ. Возможность полнаго возрожденія для общества существуетъ только тогда, если раньше существовала полная солидарность соціальныхъ тканей и органовъ. Трудность такого возрожденія, столь ощутительная теперь въ Ирландіи и долгое время переживавшаяся Италіей, представляетъ естественный результатъ долгой общественной анархіи, раздѣлявшей различные общественные классы и лишавшей ихъ дѣятельность характера солидарности.

Что касается возможности возрожденія соціальныхъ фактовъ—даже если это вырожденіе носитъ регрессивный характеръ,—то она не подлежитъ сомнѣнію. Такъ напр. смертная казнь, исчезнувшая было въ Швейцаріи, возстановлена въ нѣкоторыхъ кантонахъ. Это—достойный сожалѣнія случай возрожденія соціаль-

ныхъ органовъ, которые можно было бы отнести къ числу безповоротно погибшихъ. Общепринятое въ исторической терминологіи наименованіе «Возрожденія» для извѣстной исторической эпохи, согласіе, съ которымъ изслѣдователи даютъ это наименованіе извѣстнымъ историческимъ періодамъ, указываютъ, что коллективное сознаніе по крайней мѣрѣ чувствомъ подмѣтило это явленіе и подобное свидѣтельство—хотя и недостаточно съ научной точки зрѣнія—не лишено однакоже нѣкотораго значенія.

Эпоха Возрожденія заслуженно носитъ это названіе. «Это не было только, замѣчаетъ знаменитый ученый Гёкели, возрожденіе изящной литературы; нѣсколько раскинутыхъ далеко другъ отъ друга естествоиспытателей подхватили нить, ведущую къ изслѣдованію тайнъ природы, выпавшую за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ изъ рукъ грековъ. Послѣдніе положили такія прочныя основы для математическихъ наукъ, что теперь еще наши дѣти изучаютъ начала геометріи по книгѣ, написанной для александрійскихъ школъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Новѣйшая астрономія представляетъ естественное продолженіе и развитіе трудовъ Птоломея и Гиппарха; современная физика—трудовъ Демокрита и Архимеда. Прошло много времени, пока новѣйшая біологія перешагнула за границы, очерченныя Аристотелемъ, Теофрастомъ и Галеномъ.

Раздѣленіе церквей на три вѣка прервало связь западной Европы съ философской традиціей. Перенесеніе греческой учености въ Италію совершилось только въ началѣ XV вѣка. Тогда только Помпонацій изъ Мантуи (1462—1525) могъ написать слѣдующія слова: «Законы религіозные, какъ все находящееся на землѣ, подвержены измѣненіямъ и уничтоженію». Съ этого времени наука рѣшительно отдѣлилась отъ богословія и тотъ же животворящій духъ проникъ во всѣ органы общественной жизни, начиная съ самыхъ глубокихъ и кончая наиболѣе поверхностными.

Такимъ образомъ въ соціальной жизни возможны случаи какъ частнаго, такъ и общаго возрожденія. Встрѣчаются также случаи *переживанія* нефункіонирующихъ органовъ. Такъ напр., королевское veto, вышедшее въ Англіи изъ употребленія втеченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ, но продолжающее номинально существовать, представляетъ подобное «переживаніе». Тоже можно сказать о почетныхъ функціяхъ и церемоніяхъ, связанныхъ со званіемъ Лондонскаго лорда-мэра, и о многочисленныхъ щедро оплачиваемыхъ должностяхъ, нѣкогда связанныхъ съ опредѣленными обязанностями, а теперь носящихъ только почетный характеръ и являющихся для Англіи почти смѣшнымъ анархонизмомъ.

Тэйлоръ такъ характеризуетъ эти переживанія: «Это остатки

низшей и умершей уже цивилизаціи, вогнанные клиномъ въ цивилизацію живую и высшаго порядка». Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что могутъ существовать въ качествѣ переживаній въ вырождающихся обществахъ остатки высшей культуры, подобно тому какъ въ организаціи нѣкоторыхъ регрессирующихъ животныхъ содержатся зачатки высшихъ органовъ, ставшихъ безполезными въ силу регрессивнаго приспособленія. Такъ демократическія формы въ Греціи и особенно въ Аѳинахъ пережили исчезновеніе демократическаго строя. Точно также въ аристократическихъ фамиліяхъ богатыя библіотеки переживаютъ упадокъ умственной культуры, и пріобрѣтеніе книгъ превращается въ страсть колекціонера.

Переживаніе дѣятельныхъ нѣкогда функцій и органовъ совершается иногда путемъ превращенія этихъ функцій въ игры: лукъ, стрѣлы, праща стали такимъ именно образомъ принадлежностью увеселительныхъ празднествъ и забавъ. Азартныя игры представляютъ одну изъ формъ переживанія древняго гаданія, на мѣсто котораго цивилизація поставила теорію вѣроятностей. Точно также предметомъ забавы стали пословицы и загадки, игравшія такую выдающуюся роль въ древности. Астрологія сохранила для себя мѣсто въ распространенныхъ народныхъ календаряхъ. Обычаи, не имѣющіе болѣе никакого смысла, представляютъ собой переживанія.

По Тэйлору переживанія, сохранившіяся въ народныхъ легендахъ и такъ называемыхъ «тайныхъ наукахъ», ведутъ свое происхожденіе изъ эпохи упадка и одичанія. По мѣрѣ того, какъ цивилизація прогрессируетъ, старые обычаи и взгляды увядаютъ въ новой атмосферѣ, неблагопріятной для ихъ развитія, или принимаютъ формы, болѣе соотвѣтствующія новымъ условіямъ, въ которыхъ имъ приходится жить. Въ колдовствѣ Тэйлоръ видитъ случай возрожденія давно пережитыхъ стадій развитія. «Какъ кошмаръ, колдовство тяготѣло надъ общественнымъ мнѣніемъ отъ XIII до XVII вв. Не будучи продуктомъ среднихъ вѣковъ, оно представляло собой возрожденіе вѣровавій первобытной исторической эпохи. Болѣзнь, вспыхнувшая въ Европѣ, носила хронической характеръ среди низшихъ расъ втеченіе времени, продолжительность котораго мы не имѣемъ возможности опредѣлить. Колдовство—существенный элементъ дикаго состоянія. Въ XI в. вліяніе церкви было направлено на борьбу съ суевѣрной вѣрой въ колдовство, но послѣ наступила реакція въ обратномъ смыслѣ... Въ XIII вѣкѣ когда духъ преслѣдованія овладѣлъ всей Европой въ качествѣ мрачнаго и кровожаднаго вмѣшательства, колдовство опять ожило въ той формѣ, какую оно носило въ варварскія времена». Тэйлоръ ссылается на Гримма, Лекки и Бурхарда

вормскаго, который, говоря о суевѣріяхъ своего времени, восклицаетъ: «in errore paganorum revolvitur»! (возвращается опять къ заблужденіямъ язычниковъ!).

Какъ примѣръ подобнаго возрожденія пережитыхъ формъ развитія Тэйлоръ приводитъ современный спиритизмъ: «Явленія возрожденія въ области культуры, говоритъ онъ,—не пустая педантическая фраза. Въ наше время возродился цѣлый рядъ вѣрованій и обрядовъ, имѣющихъ свои корни въ глубочайшихъ слояхъ первобытнаго міросозерцанія, гдѣ зародилось впервые колдовство. Эта совокупность вѣрованій и обрядовъ и составляетъ то, что̀ извѣстно подъ именемъ спиритизма».

Эти замѣчанія Тэйлора можно признать справедливыми для разсматриваемыхъ имъ частныхъ періодовъ и типовъ обществъ и цивилизацій. Приведенные имъ случаи съ такой оговоркой можно разсматривать какъ случаи *возрожденія;* въ дѣйствительности, это — случаи регресса, проявляющіеся при извѣстныхъ условіяхъ согласно съ вышеизложенными нами законами регресса. Но когда колдуній убиваютъ, какъ то имѣло мѣсто во Франціи, въ Россіи и Фландріи, или сожигаютъ, какъ случилось въ Камарго (въ Мексикѣ) въ 1860 г., когда эти случаи и вѣрованія не соотвѣтствуютъ общему уровню культуры данной страны, то они представляютъ собой факты переживанія въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ нами явленія «возрожденія», возникновеніе ихъ подчинено законамъ регресса соціальныхъ явленій; тамъ, гдѣ передъ нами «переживаніе», вѣрованіе и обрядъ носятъ мѣстный и исключительный характеръ, въ общемъ же пробладаетъ прогрессивная эволюція. Это различіе имѣетъ существенное значеніе и не должно быть упускаемо изъ виду.

Явленія общественнаго переживанія стоятъ въ тѣсной связи съ явленіями *атрофіи* нѣкоторыхъ соціальныхъ органовъ или даже цѣлыхъ обществъ вслѣдствіе *неупотребленія* или *бездѣятельности.* Въ силу такой атрофіи погибли старинныя ремесленныя корпораціи и цехи раньше еще, чѣмъ уничтоженіе ихъ было установлено закономъ. Общественная жизнь папскихъ владѣній передъ отмѣной свѣтской власти папъ представляли рядъ подобныхъ явленій атрофіи. Атрофія представляетъ несомнѣнно случай регресса пораженнаго ею органа, и теченіе ея подлежитъ поэтому законамъ, управляющимъ регрессомъ. Для иллюстраціи возьмемъ одинъ примѣръ изъ тысячи подобныхъ.

Моисей установилъ законъ объ отмѣнѣ всѣхъ долговыхъ обязательствъ въ юбилейный, седьмой годъ (Shemitah). Этотъ законъ пересталъ соотвѣтствовать усложнившимся житейскимъ отноше-

ніямъ уже во времена Гиллеля, задолго до редакціи Мишны. Что приходилось дѣлать? Установлена была формальность, состоявшая въ томъ, что или писался prosboul, или же должникъ отправлялся къ кредитору, чтобы уплатить долгъ. Послѣдній, выполняя законъ, заявлялъ, что не можетъ принять его по случаю *шемиты*. Должникъ настаивалъ и кредиторъ принималъ деньги. По отношенію къ язычникамъ этой формальности не существовало. Законъ былъ установленъ Моисеемъ только относительно должниковъ-евреевъ, не имѣвшихъ права собирать жатву въ юбилейный годъ, а не относительно язычниковъ, воздѣлывавшихъ свои поля въ годъ *шемиты*, какъ и въ прочіе годы, и не имѣвшихъ поэтому никакихъ правъ на льготу (Второзаконіе, XI, 3).

Точно также Моисей воспретилъ кредиторамъ-евреямъ брать какіе бы то ни было проценты съ должниковъ-евреевъ или язычниковъ. Законъ этотъ сохранялъ силу, пока евреи занимались главнымъ образомъ земледѣліемъ, т. е. даже въ талмудическую эпоху. И въ самомъ дѣлѣ, талмудъ повторяетъ это запрещеніе. Но въ средніе вѣка почти единственнымъ занятіемъ, предоставленнымъ евреямъ, стала торговля. Законъ сталъ невыполнимымъ; безпроцентный кредитъ не соотвѣтвовалъ общественной организаціи эпохи. Этотъ законъ—премущественно гражданскаго и экономическаго, а не религіознаго характера—вышелъ изъ употребленія; онъ атрофировался вслѣдствіе непримѣнимости его. Сначала евреи старались внѣшнимъ образомъ исполнять законъ; установлена была формальность извѣстная подъ именемъ hether zekoukim или hether iska: вмѣсто процента кредиторъ получалъ долю изъ барышей должника, причемъ въ свою очередь платилъ послѣднему небольшую сумму за трудъ по завѣдыванію его денежной долей въ дѣлѣ. Такъ какъ язычники не обязаны были исполнять формальности, предписанныя закономъ Моисеевымъ, то впослѣдствіи и эта формальность была оставлена.

Точно также представленія экономическія и общественныя искажаются и регрессируютъ вслѣдствіе несоотвѣтствія ихъ съ условіями въ той самой средѣ, которая нѣкогда благопріятствовала ихъ развитію, а впослѣдствіи тормозитъ примѣненіе ихъ къ жизни. Такъ напр. экономическія представленія первобытнаго христіанства превратились въ западной Европѣ въ феодальныя, а затѣмъ капиталистическія представленія католицизма.

Среди измѣненій, переживаемыхъ обществами, какъ и среди измѣненій, переживаемыхъ организмами, мы встрѣчаемъ рядъ частныхъ явленій регрессивнаго характера, стоящихъ въ болѣе или менѣе ясной связи съ явленіями, прежде описанными. Таковы явленія *остановки* развитія, характеризующіяся сохране-

ніемъ или присутствіемъ органовъ *зачаточныхъ* или *недоразвитыхъ*. Зачаточными органы въ большинствѣ случаевъ становятся вслѣдствіе бездѣятельности. Измѣненія строенія зависятъ отъ остановки развитія; такимъ путемъ получаются напр. уродства. Когда развитіе органа пріостанавливается въ зародышевой жизни, получается органъ зачаточный, иногда передающійся въ такомъ видѣ по наслѣдству. Когда у *прирученныхъ* животныхъ и *воздѣланныхъ* растеній извѣстный органъ исчезаетъ, превращаясь въ зачаточный, утрата его совершается внезапно: такъ напр. возникаютъ безрогія и безхвостыя породы. Случаи эти можно разсматривать какъ наслѣдственныя уродства. Иногда однакоже исчезновеніе совершается постепенно и представляетъ отчасти результатъ подбора,—такимъ образомъ возникаютъ рудиментарные гребешки у нѣкоторыхъ куриныхъ породъ. Вліяетъ также бездѣятельность органа, какъ это замѣчается у нѣкоторыхъ птицъ.

Эти явленія представляютъ въ дѣйствительности только частные случаи общей измѣнчивости. Повидимому, даже дифференціація половъ обязана своимъ происхожденіемъ простой остановкѣ развитія органовъ втеченіе зародышевой эволюціи, вслѣдствіе чего получаются женскіе половые признаки.

Рудиментарные органы часто встрѣчаются у видовъ, живущихъ въ дикомъ состояніи. Вслѣдствіе своей безполезности они очень измѣнчивы, такъ какъ строеніе ихъ не регулируется болѣе естественнымъ подборомъ; поэтому они также легко подвергаются регрессивному вырожденію. Переходъ къ рудиментарному состоянію повидимому совершается медленно; внезапное уничтоженіе органа никогда не могло быть полезнымъ, такъ какъ условія, къ которымъ приспособляется организмъ, обыкновенно не измѣняются внезапно. Вслѣдствіе измѣненій въ привычкахъ, органы начинаютъ все менѣе и менѣе функціонировать и становятся наконецъ безполезными или замѣщаются другимъ органомъ. Бездѣятельность органа, переданная по наслѣдству потомкамъ въ соотвѣтствующую эпоху жизни, продолжаетъ тогда дѣйствовать въ смыслѣ уменьшенія органа. Такъ какъ однакоже въ первые періоды зародышевой жизни большинство органовъ бездѣятельны, и отсутствіе дѣятельности не можетъ оказать вліянія въ эту пору жизни, то органы не спускаются обыкновенно ниже этой стадіи развитія и сохраняются въ зачаточномъ видѣ. Кромѣ бездѣятельности слѣдуетъ имѣть еще въ виду вліяніе принципа экономіи роста, въ силу котораго части тѣла излишнія уменьшаются въ объемѣ. При прирученіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ вновь развиваются органы, ставшіе было зачаточными.

Таково естественное и общее объясненіе явленій, о которыхъ

идетъ рѣчь; оно приложимо и къ соціологическимъ фактамъ того же рода.

Д-ръ Бордье въ своей «Vie des Sociétés» указалъ на постоянное присутствіе рудиментарныхъ органовъ въ общественныхъ организмахъ. Онъ справедливо полагаетъ, что этотъ фактъ является однимъ изъ доказательствъ измѣняемости обществъ. «Суевѣрія, говоритъ онъ, подобно уродствамъ зависятъ отъ остановки развитія общественнаго организма». Впрочемъ д-ръ Бордье разсматриваетъ соціальное тѣло какъ обыкновенный организмъ и уподобляетъ гражданъ—анатомическимъ элементамъ послѣдняго. Эти анатомическіе элементы обновляются въ соціальномъ тѣлѣ, подобно тому какъ клѣтки обновляются нѣсколько разъ втеченіе индивидуальной жизни, путемъ непрерывнаго рожденія, развитія, потребленія или вырожденія, смерти и выдѣленія тканевыхъ элементовъ. Онъ указываетъ также, что и въ обществѣ онтогенезисъ воспроизводитъ собой филогенезисъ. Индивидъ въ своемъ воспитаніи проходитъ черезъ стадіи эволюціи соціальной. Впрочемъ на томъ же принципѣ Кондильякъ основалъ свой методъ обученія, а Ог. Контъ также вѣрилъ въ необходимость подобнаго воспроизведенія соціальной эволюціи. Во всякомъ случаѣ это воспроизведеніе можетъ протекать въ сокращенномъ видѣ въ силу закона ускоренія прогресса, о которомъ мы говорили, точно также какъ оно можетъ быть не доведено до конца и пріостановлено, какъ мы видѣли выше.

Явленія остановки развитія стоятъ такимъ образомъ въ тѣсной связи съ явленіями переживанія съ тѣмъ различіемъ однакоже, что переживающіе органы, въ противоположность органамъ рудиментарнымъ, могутъ быть вполнѣ развиты. Такъ напр. современныя палаты лордовъ или господъ представляютъ переживанія. Напротивъ того нѣкоторыя современныя «гильдіи», представляющія собой общества, составленныя въ цѣляхъ развлеченія, представляютъ рудиментарные органы, развитіе которыхъ было пріостановлено условіями современной цивилизаціи.

Среди явленій, наблюдаемыхъ въ жизни организмовъ и обществъ, видную роль играютъ также явленія паразитизма. Вандервельде и Массаръ посвятили интересный этюдъ изученію этого спеціальнаго фактора.

Паразитизмъ вліяетъ одновременно и на самаго паразита и на тѣхъ, которые являются объектомъ паразитизма. У паразита онъ ведетъ къ атрофіи безполезныхъ органовъ; всѣ тѣ органы, при помощи которыхъ поддерживается сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ, уменьшаются въ размѣрахъ; нервная система стремится къ исчезновенію, и у многихъ видовъ тѣло превращается нако-

нецъ въ мѣшокъ съ яичниками или сѣмянными железами. Въ общественной жизни паразитизмъ ведетъ главнымъ образомъ къ ослабленію мозговыхъ функцій; этимъ подтверждается установленный нами законъ, что регрессъ прежде всего захватываетъ высшіе органы и функціи; затѣмъ онъ начинаетъ вліять на весь организмъ.

Паразитизмъ вырабатываетъ далѣе у паразита новыя черты организаціи; появляются вторичныя приспособленія къ средѣ: бывшій дѣятельный завоеватель превращается напр. въ праздnаго аристократа. Или же паразитъ пріобрѣтаетъ и совершенствуетъ новыя средства нападенія, приспособленныя къ новому образу жизни, возникаетъ спеціализація и дифференціація: въ области кредита возникаетъ ростовщичество, въ области торговли—мошенничество; во всякой изъ этихъ послѣднихъ формъ возникаютъ спеціальности съ особыми методами дѣйствія, такъ что полиція обыкновенно легко нападаетъ на слѣдъ не только группы, но даже лица, совершившаго данное преступленіе.

Затѣмъ паразитизмъ, какъ въ области біологической такъ и соціальной, вліяетъ видоизмѣняющимъ образомъ на способы размноженія вида. Опредѣляющимъ моментомъ для этихъ способовъ является въ меньшей мѣрѣ наслѣдственность, чѣмъ подражаніе и общественная среда. Преступленія, проступки и злоупотребленія въ общественной средѣ, вообще говоря, могутъ быть уменьшены только путемъ улучшенія соціальной организаціи, прогресса послѣдней.

Вліяніе паразитизма сказывается на его объектѣ во первыхъ въ ослабеніи послѣдняго вслѣдствіе необходимости оказывать услуги, не вознаграждаемыя или недостаточно вознаграждаемыя паразитомъ; затѣмъ,—въ развитіи орудій защиты отъ паразита.

Эти средства защиты могутъ носить репрессивный или предупредительный характеръ. Репрессивнымъ средствомъ защиты въ общественной сферѣ напр. является превращеніе паразитовъ путемъ нравственнаго или законодательнаго воздѣйствія въ непаразитовъ, отнятіе у нихъ возможности эксплоатаціи; наиболѣе успѣшной предупредительной мѣрой является усиленіе въ организмѣ или обществѣ способности къ сопротивленію.

Во всякомъ случаѣ паразитизмъ представляетъ явленіе регрессивное. Даже когда онъ побуждаетъ организмъ развивать у себя орудія обороны или нападенія, онъ ведетъ при этомъ къ затратѣ силъ, которыя выгоднѣе было бы употребить въ другихъ направленіяхъ.

ГЛАВА VIII.

Кажущійся возвратъ къ первобытнымъ формамъ.

«Полная исторія развитія любого существа, говоритъ Бальфуръ, представлястъ кругъ; поэтому изложеніе ея можно начинать съ любой точки этого круга». Мы видѣли, какое важное значеніе до послѣдняго времени имѣла круговая теорія въ области вѣрованій и ученій, посвященныхъ общественной эволюціи. Рядомъ съ представленіемъ о первобытномъ золотомъ вѣкѣ, утраченномъ раѣ и вѣрованіемъ въ необходимый, непрерывный и безграничный прогрессѣ она съ отдаленнѣйшихъ временъ господствовала надъ коллективнымъ сознаніемъ. Она давала одновременно синтезъ и схему явленій прогресса и регресса и въ дѣйствительности лучше всякой другой теоріи согласовалась съ великимъ закономъ непрерывности, лежащимъ въ основѣ соціологическаго детерминизма, и съ научными данными, касающимися эволюціи индивидуальныхъ организмовъ. Это было представленіе почерпнутое изъ наблюденій надъ индивидуальной жизнью и распространенное путемъ вывода на соціальную динамику.

Какъ мы видѣли, Гегель формулировалъ законъ прогресса въ смыслѣ сходства формъ грядущихъ и послѣднихъ съ формами первобытными. Въ силу прогресса діалектической эволюціи, идея, становясь сознательной, продѣлывала кругъ. Де-Роберти считаетъ этотъ законъ приложимымъ только къ заблужденіямъ человѣческаго ума, когда, замѣтивъ свою ошибку, онъ возвращается назадъ по пройденному имъ пути и доходитъ до исходной точки, откуда и направляется по настоящему пути.

Это остроумное объясненіе неудовлетворительно. Мы знаемъ далѣе, что чѣмъ сложнѣе общественная организація, тѣмъ затруднительнѣе становятся перегруппировки въ ней и попятныя движенія. Подобныя перегруппировки и движенія вспять — за исключеніемъ случаевъ дѣйствительнаго регресса—обыкновенно возможны только относительно позднѣйшихъ пріобрѣтеній жизни. Тутъ въ самомъ дѣлѣ, какъ это можно наблюдать въ области законодательства, ежедневно мы видимъ шаги впередъ и назадъ, попытку опытнымъ путемъ выяснить себѣ предстоящій образъ дѣйствій, причемъ эти перемѣны не оказываютъ глубокаго вліянія на общее направленіе движенія — прогрессивное или регрессивное.

Періодическій возвратъ тождественныхъ политическихъ формъ, такъ поражавшій теоретиковъ, занимавшихся политическими во-

просами, въ древнее и даже новѣйшее время, — въ сущности возвратъ кажущійся и поверхностный. Этотъ законъ не содержитъ въ себѣ синтеза прогрессивныхъ и регрессивныхъ явленій. Онъ относится только къ области послѣднихъ и притомъ можетъ прилагаться къ нимъ не въ абсолютномъ видѣ, не въ видѣ закона, требующаго, чтобы регрессивные типы въ точности воспроизводили типы первобытные, а только указываетъ, что они *стремятся* воспроизвести послѣдніе; онъ приложимъ также, какъ мы сейчасъ видѣли, къ наименѣе глубокимъ, наименѣе интегрированнымъ, наименѣе древнимъ явленіямъ соціальной жизни.

Законъ регресса въ общемъ совпадаетъ съ динамическимъ закономъ реакціи, самопроизвольной или сознательной и систематической, изложеннымъ нами выше. Философское или соціологическое представленіе о возвратѣ сознательномъ или безсознательномъ къ первобытнымъ формамъ возникаетъ обыкновенно въ извѣстныя историческія эпохи при опредѣленныхъ условіяхъ. Оно возрождается всякій разъ, когда существующія общественныя формы разрушены критикой и новыми условіями общественной среды. Такъ было въ Греціи въ эпоху скептицизма, Сократа и Платона. Идеализмъ, въ виду отсутствія положительной общественной науки, создалъ тогда планы общественной реформы, элементы которыхъ сознательно или безсознательно были заимствованы изъ старинныхъ типовъ общественной организаціи. Это совпадало съ представленіями о первобытномъ золотомъ вѣкѣ. Тоже было передъ возникновеніемъ христіанства и въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за нимъ. Спустя короткое время эти идеалистическія мечты, вродѣ «Республики» Платона и коммунистическаго братства первыхъ христіанъ должны были склониться передъ условіями дѣйствительной жизни.

Мысль о возвратѣ къ первобытнымъ формамъ возрождается затѣмъ, когда въ великихъ государствахъ, созданныхъ путемъ завоеванія или монархической централизаціи, вродѣ Франціи XVIII в., ожидается крушеніе унаслѣдованной организаціи. Тогда публицисты—или иностранцы по происхожденію или долго жившіе въ чужеземныхъ условіяхъ,—сравниваютъ эти централизованныя государственныя формы съ формами мирнаго типа, федеративными, въ которыхъ сохранились черты старинной общинной организаціи. Такъ, во Франціи Руссо и его школа проповѣдывали возвращеніе къ природѣ, къ всеобщему равенству, къ верховенству народныхъ собраній. Когда мыслители извѣстнаго общества обращаютъ свое вниманіе на первобытныя имущественныя формы и видятъ свой идеалъ въ прошломъ, какъ то мы замѣчаемъ у Лавелэ и представителей другихъ современныхъ

экономическихъ школъ, то діагнозъ несомнѣненъ: существующія формы уже не удовлетворяютъ, мы присутствуемъ уже при ихъ разложеніи и преобразованіи.

Этой фазѣ, какъ всегда, предшествуетъ періодъ утопій, соціалистическія идеалистическія построенія Т. Мора, Бэкона, Кампанеллы и др. въ XVI, XVII и XVIII вв.

Та же мысль возрождается наконецъ на болѣе высокихъ стадіяхъ общественной жизни, когда болѣе совершенное состояніе соціальной науки приводитъ къ убѣжденію, что этотъ возвратъ къ первобытнымъ формамъ есть и можетъ быть только возвратомъ кажущимся, такъ какъ общественныя условія стали отчасти иными и болѣе сложными. Въ XIX вѣкѣ вѣра въ возвратъ къ первобытнымъ формамъ возрождается у Эм. де-Лавелэ и въ соціалистическихъ школахъ; одновременно подверглись болѣе глубокому и точному изученію сами эти первобытныя формы и наступила реакція противъ существующихъ соціальныхъ и политическихъ формъ. Къ несчастію, на организаціи демократіи неблагопріятно отзываются переживанія старыхъ формъ и старыхъ идей о структурѣ и жизнедѣятельности общества.

Кажущійся по крайней мѣрѣ возвратъ къ первобытнымъ формамъ проявляется въ настоящее время какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ въ области различныхъ классовъ общественныхъ явленій, точнѣе говоря — и это придаетъ особенно серьезное значеніе переживаемому моменту—въ области всѣхъ основныхъ учрежденій и органовъ современнаго общества. Рѣчь идетъ уже не о преобразованіи одной какой-нибудь части или органа соціальнаго тѣла, но о стремленіи одновременно теоретическомъ и практическомъ—къ общему преобразованію, къ созданію общественнаго типа, который, исходя изъ современнаго государства и состоя въ тѣсной преемственной связи съ нимъ, въ то же время отличался-бы отъ него настолько существенно, что представлялъ бы собой новый типъ.

Глубокій интересъ, связанный съ совершающимся на нашихъ глазахъ процессомъ, заставляетъ насъ однако же отмѣтить ошибочность точки зрѣнія тѣхъ, которые полагаютъ, что общество можетъ вернуться къ первобытнымъ соціальнымъ формамъ. Что бы мы ни дѣлали, грядущій общественный строй всегда будетъ непосредственно опредѣляться настоящимъ строемъ и только косвенно—предшествующими стадіями развитія. Если исключить возможность упадка и регресса, то новый строй обязательно долженъ соотвѣтствовать новымъ спеціальнымъ условіямъ, т. е. представлять бóльшую сложность и дифференціацію, вслѣдствіе чего должна возникнуть потребность въ высшихъ формахъ координаціи, несуществовавшихъ и неизвѣстныхъ въ прежнее время.

Разсмотримъ теперь нѣсколько главныхъ случаевъ кажущагося возврата къ первобытнымъ формамъ въ важнѣйшихъ разрядахъ общественныхъ явленій.

Въ своей «Sociologie criminelle», Э. Ферри указываетъ на подобный возвратъ, съ нашей точки зрѣнія кажущійся—въ области различныхъ общественныхъ учрежденій, возвратъ, ведущій тѣмъ не менѣе къ несомнѣнному прогрессу. «Законъ кажущагося регресса, пишетъ онъ, которымъ я занимался въ Sociologie criminelle, указываетъ на тотъ постоянный фактъ, что прогрессъ представляетъ сознательный возвратъ къ первобытнымъ соціальнымъ учрежденіямъ, формамъ и чертамъ нравовъ». Въ видѣ примѣровъ Ферри указываетъ на разводъ, бракъ, на требованіе экономической равноправности женщинъ, на теоріи коллективной собственности, на возникновеніе взгляда на наказаніе исходящаго исключительно изъ потребностей общественной защиты и независимаго отъ какихъ-либо теологическихъ или метафизическихъ представленій. Въ области политики онъ отмѣчаетъ принципъ народнаго верховенства, прямого законодательства, referendum'a. Прогрессивная эволюція по его мнѣнію, какъ и по мнѣнію Гёте, можетъ быть изображена въ видѣ спирали, которая кажется возвращающейся къ исходной точкѣ и однако же на самомъ дѣлѣ подвигается впередъ и кверху.

Представленіе о прогрессѣ, какъ о сознательномъ разумномъ возвратѣ къ первобытнымъ формамъ, принадлежитъ гегелевской философіи. Оно не отличается существенно отъ воззрѣній Вико. Извѣстно, какое громадное вліяніе Гегель и Вико оказали на итальянскую философію и соціологію. Ферри подпалъ подъ это вліяніе, какъ большинство его современниковъ,—какъ Феррари въ области исторіи и политики, А. Вера и Р. Маріано въ области метафизики.

Мы должны признаться, что если бы сдѣлана была попытка представить въ видѣ спирали — хотя бы восходящей и подвигающейся впередъ—эволюцію неорганическаго міра и организмовъ, начиная съ простѣйшихъ и кончая человѣкомъ, то эта кривая дала бы крайне несовершенное представленіе объ этой эволюціи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы желали дать схематическое, хотя бы приблизительное изображеніе этого хода развитія, намъ понадобились бы описанія, рисунки, цѣлые атласы рисунковъ съ объяснительнымъ текстомъ и всего этого не могла бы замѣнить простая спираль, какъ бы высоко она ни поднималась. Отчего же умы рѣдкой силы придумывали и придумаютъ до сихъ поръ такія простыя схемы, какъ кругъ, спираль, улитка и т. д. для изображенія явленій неизмѣримо болѣе сложныхъ, чѣмъ тѣ,

съ которыми мы встрѣчаемся въ организмахъ? Подобныя схемы, будто бы упрощая, въ сущности ничего не объясняютъ и вмѣсто того, чтобы разъяснить вопросъ, только запутываютъ его. Если бы можно было представить образно общественную жизнь, то наиболѣе подходящимъ аналогомъ была бы ткань, состоящая изъ множества перепутанныхъ и сплетающихся петель разноцвѣтныхъ шерстинокъ и шелковинокъ, ткань, постоянно разрушающаяся, обновляющаяся, развивающаяся, сокращающаяся и обнаруживающаяся непрерывно рядъ новыхъ картинъ, сквозь которыя продолжаютъ быть видны старыя. Если бы мы пожелали быть еще болѣе точными, то уподобили бы общественную жизнь человѣческому организму, какъ то сдѣлали Спенсеръ, Шэффле и всѣ тѣ, которые признаютъ существованіе реальнаго или формальнаго сходства между соціальными организмами и индивидуальными.

Простой символъ не можетъ замѣнить положительнаго метода. Исходной точкой послѣдняго въ соціологіи будутъ точныя и многочисленныя статистическія данныя о состояніи и измѣненіяхъ различныхъ отраслей общественной жизни и общественнаго строя. Эти данныя общественной статики и динамики могутъ быть выражены графически. Полученныя кривыя въ состояніи дать представленіе даже о взаимномъ положеніи и соотносительномъ ходѣ развитія различныхъ разрядовъ общественныхъ явленій, поскольку они допускаютъ количественную оцѣнку и измѣреніе. Но кривыя эти не въ состояніи замѣнить описанія строенія и жизнедѣятельности общественныхъ учрежденій, т. е. частныхъ общественныхъ органовъ, тѣмъ болѣе—системъ органовъ и всей совокупности строенія и эволюціи человѣческихъ обществъ, взятыхъ въ отдѣльности или вмѣстѣ. Въ этой области втеченіи долгаго времени, а вѣроятно и всегда, описанія сохранятъ по необходимости качественный характеръ: общественныя учрежденія и состоянія, взятыя отдѣльно или въ совокупности, представляютъ формы, ограниченныя пространствомъ и временемъ, живыя образованія, форма и дѣятельность которыхъ не могутъ быть воспроизведены цѣликомъ исключительно съ помощью цифръ и кривыхъ линій. Подобно тому, какъ мѣриломъ прогресса является степень организаціи общества, такъ строеніе и жизнь послѣдняго могутъ быть воспроизведены только путемъ описанія его организаціи и жизнедѣятельности.

Разсмотримъ теперь подробнѣе, представляютъ ли явленія—приводимыя нѣкоторыми авторами въ качествѣ примѣровъ регресса (возврата къ первобытнымъ формамъ), ведущаго къ болѣе

совершенной организаціи—случаи дѣйствительнаго или кажущагося регресса, и если они представляютъ случаи дѣйствительнаго регресса, то ведутъ ли они къ болѣе совершенной организаціи?

Явленія кажущагося экономическаго регресса.

Одинъ изъ поразительнѣйшихъ примѣровъ кажущаго регресса въ экономической сферѣ мы находимъ въ области поземельной собственности. Въ Англіи мелкая поземельная собственность особенно среди сельскаго населенія почти совершенно исчезла. Землевладѣніе стало монополіей ничтожнаго меньшинства, и возвращеніе земли обществу или такъ называемая національзація земли (принципъ, что земля принадлежитъ государству, никогда въ сущности не исчезалъ изъ англійскаго государственнаго права) стоитъ въ программѣ не только крайнихъ партій, но и англійскихъ либераловъ: министръ внутреннихъ дѣлъ въ послѣднемъ кабинетѣ Гладстона, Асквайзсъ принадлежалъ къ числу сторонниковъ этой реформы. Въ самомъ дѣлѣ въ трехъ королевствахъ, входящихъ въ составъ Великобританіи, въ 1786 году было вдесятеро болѣе собственниковъ, чѣмъ теперь. Принципъ верховныхъ правъ государства по отношенію къ земельной собственности признается въ Англіи не только теоретически, онъ получилъ и практическое признаніе. Въ Ирландіи, гдѣ поземельный доходъ возросъ съ 1850 по 1880 годъ на 57 проц., законъ 1881 г. путемъ установленія таксы уменьшилъ арендную плату на 25 проц. и кромѣ того призналъ за фермерами право собственности на введенныя ими улучшенія.

То же стремленіе къ исчезновенію мелкой собственности и непосредственной обработки земли ея собственникомъ наблюдается во Франціи и Бельгіи; но попытки противодѣйствовать послѣдствіямъ этого явленія путемъ признанія верховныхъ правъ государства здѣсь менѣе энергичны, чѣмъ въ Англіи, благодаря бо̀льшему распространенію мелкой собственности. Во Франціи на 100 поземельныхъ собственниковъ:

75	владѣютъ	количествомъ земли . . .	въ 1—10 десят.
20	»	» » . . .	» 10—40 »
5	»	» » . . .	свыше 40 »

Около 4 мил. собственниковъ, изъ которыхъ на долю каждаго приходится менѣе 10 десят., владѣютъ только 34 проц. земледѣльческой площади страны, тогда какъ 500,000 болѣе крупныхъ собственниковъ имѣютъ въ своемъ владѣніи 64 проц. годнаго для обработки пространства страны.

Въ Бельгіи число земельныхъ участковъ, непосредственно обработываемыхъ собственниками, равнялось:

Въ 1846 году	. . . . .	338 тыс.
» 1866 »	. . . . .	321 »
» 1880 »	. . . . .	293 »

Въ то же время количество арендуемыхъ имѣній возрастало въ слѣдующей прогрессіи:

Въ 1846 году	. . . . .	235 тыс.
» 1866 »	. . . . .	423 »
» 1880 »	. . . . .	617 »

На 100 владѣній приходилось обработываемыхъ непосредственно собственниками:

Въ 1846 году	. . . . .	58 тыс.
» 1866 »	. . . . .	43 »
» 1880 »	. . . . .	32 »

Между тѣмъ въ періодъ времени съ 1846 по 1880 годъ населеніе возросло на 1,200,000 чел., тогда какъ число землевладѣльцевъ уменьшилось на 44,000.

Во Франціи положеніе мелкой земельной собственности нѣсколько лучше, хотя и здѣсь оно обнаруживаетъ стремленіе измѣняться въ томъ же направленіи. Земледѣльческое населеніе еще въ самое послѣднее время распредѣлялось по различнымъ категоріямъ слѣдующимъ образомъ:

Собственники, самостоятельно обработывающіе землю .	56 проц.
Фермеры, батраки, поденщики	30 »
Виноградари, дровосѣки, огородники	14 »

Въ то же время и во Франціи и въ Бельгіи прогрессивно возрастаетъ земельная задолженность, даже послѣ того какъ продажная стоимость земли значительно уменьшилась. Благодаря этому, поземельная собственность естественно и самопроизвольно стремится превратиться въ національную, происходитъ — не только въ области теоріи, но и на практикѣ — національзація земли, совершается *возвратъ* къ первобытнымъ формамъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ, этотъ возвратъ прогрессивенъ. Мы говоримъ, что дѣйствительнаго возврата къ первобытнымъ формамъ нѣтъ, и что подобный возвратъ никогда не будетъ имѣть мѣста; совершается возвратъ—кажущійся. У дикихъ племенъ, живущихъ охотой, рыбной ловлей и сборомъ плодовъ съ невоздѣланныхъ растеній, земля по необходимости составляетъ общую собственность и состоитъ въ общемъ, одинаковомъ пользованіи. Всякій

членъ данной группы пользуется всей территоріей для охоты и рыбной ловли, такъ какъ это — условіе, наиболѣе соотвѣтствующее данному состоянію труда и производства, наиболѣе обезпечивающее экономическую жизнь общества. Эксплоатація земли на этой стадіи цивилизаціи по существу дѣла имѣетъ однородный, нераздѣльный, поверхностный и экстенсивный характеръ. Она характеризуется почти полнымъ отсутствіемъ раздѣленія труда, за исключеніемъ развѣ той дифференціаціи, которая наблюдается почти всюду между функціями экономическими и соціальными съ одной стороны, военными — съ другой. Послѣднія выпадаютъ бо́льшею частью на долю мужчинъ; мирный же домашній трудъ за исключеніемъ охоты, имѣющей столько аналогій съ войной, незамѣтно превращается въ удѣлъ слабыхъ: женщинъ, дѣтей, стариковъ или плѣнниковъ. Этотъ первобытный строй, очевидно, несовмѣстимъ съ современными соціальными условіями, когда раздѣленіе труда все болѣе и болѣе усиливается, а въ то же время координаціонные органы, необходимые для охраны строенія и жизнедѣятельности общества, становятся все болѣе и болѣе могущественными. Прогрессъ не можетъ поэтому состоять въ простомъ возвратѣ къ первобытной экономической организаціи. Въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, золотаго вѣка слѣдуетъ искать не въ прошедшемъ; обѣтованная земля находится впереди, а не позади насъ. Обратное стало бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы мы вернулись ко всѣмъ условіямъ первобытной жизни, которыя и составили бы естественную и подходящую среду для подобнаго регресса; этого требуетъ соціологическій законъ соотносительности всѣхъ общественныхъ явленій.

На самомъ дѣлѣ предстоитъ не возвратъ къ первобытнымъ формамъ, а развитіе теперешней организаціи въ томъ направленіи, которое указывается всѣмъ предшествующимъ ходомъ развитія. Человѣческія общества станутъ все менѣе и менѣе замыкаться въ узкія и исключительныя рамки; раздѣленіе общественнаго труда будетъ все возрастать. Но тогда, какъ теперь, ростъ дѣленія труда сопровождался мучительными родовыми болями, тогда какъ теперь въ экономической области онъ все болѣе и болѣе углубляетъ пропасть между трудомъ и капиталомъ, въ будущемъ, если мы съумѣемъ обезпечить торжество за прогрессомъ, созданіе высшихъ регулирующихъ координаціонныхъ центровъ внесетъ умѣряющій и уравновѣшивающій элементъ въ этотъ болѣзненный процессъ. Функціи, теперь отдѣленныя одна отъ другой и даже враждебныя, будутъ органически согласованы. Земледѣліе, хотя и медленнѣе и въ меньшихъ

размѣрахъ, пройдетъ чрезъ тѣ же фазы развитія, что промышленная жизнь и организація. Благодаря приложенію къ земледѣлію машинъ и крупныхъ капиталовъ, хозяйства будутъ принимать все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры, причемъ рядомъ съ этимъ будетъ возрастать дѣленіе труда. Этотъ процессъ приведетъ къ созданію земледѣльческихъ ассоціацій съ отдѣльными центрами экономическаго управленія и политическаго представительства, причемъ эти центры будутъ приведены въ связь съ центрами другихъ экономическихъ и политическихъ функцій общества. При такихъ условіяхъ частная, индивидуальная собственность и обработка очевидно не будутъ соотвѣтствовать измѣнившемуся строю; но столь же мало общаго будетъ послѣдній имѣть съ однороднымъ, недифференцированнымъ первобытнымъ общественнымъ строемъ. Новый строй по необходимости будетъ и шире и сложнѣе. Если государство, провинція, община превратятся номинально въ собственниковъ земли, то ни съ точки зрѣнія методовъ обработки послѣдней, ни съ точки зрѣнія всей совокупности организаціи, новый строй не будетъ напоминать первобытное государство и первобытное землевладѣніе и землепользованіе.

Характерной чертой первобытнаго строя, какъ въ политической, такъ и въ экономической области является однородность, слитность общественныхъ функцій, простота строя. Напротивъ того, въ будущемъ мы должны ожидать совершенно обратнаго. И способы производства и способы потребленія будутъ иные. Могущественная и сложная организація должна будетъ возникнуть въ качествѣ противовѣса все возрастающей дифференціаціи общественнаго труда. Производители разныхъ областей и странъ и различныхъ спеціальностей будутъ все болѣе и болѣе нуждаться въ произведеніяхъ другъ друга и въ образованіи профессіональномъ, художественномъ и научномъ. Семейныя формы не могутъ при новыхъ условіяхъ носить того характера, который онѣ имѣли у первобытныхъ охотничьихъ, пастушескихъ, земледѣльческихъ или современныхъ промышленныхъ народовъ; точно также новыя экономическія условія отразятся и на политическомъ строѣ.

Потребительныя и производительныя товарищества, ярмарки, международные рынки, національныя и международныя выставки, международный кредитъ, стремленіе къ монетному единству — все это ведетъ къ установкѣ прямыхъ сношеній между производителями и потребителями; но весь этотъ процессъ—этого не слѣдуетъ забывать — совершается путемъ развитія существующей организаціи, а не путемъ возврата къ первобытнымъ формамъ.

Точно также какъ желѣзныя дороги, почты и телеграфы, облегчая непосредственныя сношенія между производителями и потребителями различныхъ точекъ земнаго шара, не составляютъ однако же возврата къ первобытнымъ формамъ, такъ и будущая организація собственности не будетъ представлять подобія первобытнаго типа, а усовершенствованную форму организаціи современной.

Въ чемъ эта эволюція представляетъ хотя бы подобіе возврата къ первобытнымъ формамъ, съ которыми будущій строй можетъ стоять только въ отдаленной связи? Въ томъ, что собственниками номинально будутъ община, государство, человѣчество? Но вѣдь и сама индивидуальная и капиталистическая собственность представляла собой только несовершенную, переходную форму коллективной организаціи. Всегда собственность составляла общественную функцію и никогда поэтому общество не отказывалось отъ своихъ верховныхъ правъ по отношенію къ ней.

Возвратъ, о которомъ идетъ рѣчь, — возвратъ кажущійся. Это — иллюзія, зависящая отъ того, что въ первобытныхъ обществахъ, благодаря ихъ однородности, солидарность и равенство могутъ быть абсолютными уже по одному тому, что дифференціація въ нихъ почти отсутствуетъ. Равенство здѣсь осуществляется въ очень простой формѣ, даже не путемъ подчиненія индивида группѣ, а путемъ сліянія перваго съ послѣдней; даже подчиненіе въ первобытной формѣ сводится къ совмѣстной, одинаковой дѣятельности. Напротивъ, въ нашихъ сложныхъ обществахъ подчиненіе стоитъ въ необходимомъ соотвѣтствіи съ прогрессивной дифференціаціей; оно принимаетъ болѣе свободныя формы, такъ какъ совмѣстная одинаковая дѣятельность не обезпечиваетъ уже равенства и единства. Вслѣдствіе этого и возникаютъ историческіе кризисы вродѣ того, который предшествовалъ и непосредственно слѣдовалъ за революціей 1789 года. Тогда получили въ экономической и политической сферѣ преобладаніе теоріи метафизическаго либерализма. Онѣ сослужили службу, уничтоживъ отжившую общественную организацію, но слишкомъ часто упускали изъ виду права и обязанности общества, интересы единства и солидарности человѣческаго рода. Въ настоящее время опять начинаетъ сознаваться необходимость подчиненія или вѣрнѣе согласованія интересовъ индивида съ интересами группы; и это сознаніе будетъ пріобрѣтать все бо́льшую прочность. Задача положительной соціологіи и состоитъ въ томъ, чтобы указать на необходимость возстановленія правъ общества и развитія условій, обезпечивающихъ ростъ индивидуальной энергіи. И въ теоретической и въ практической области прогрессъ

во всякомъ случаѣ можетъ быть достигнутъ только на почвѣ пріобрѣтеній либеральной эпохи. Новыя формы общественной жизни могутъ носить только либеральный и договорный характеръ, о которомъ не имѣли и не могли имѣть понятія первобытныя общества.

Эм. де-Лавелэ, въ значительной степени содѣйствовавшій возникновенію иллюзорнаго представленія о совершающемся будто бы возвратѣ къ первобытнымъ формамъ, въ своей прекрасной книгѣ «Собственность и ея первобытныя формы» указываетъ однако же, что прогрессъ ведетъ не къ простому возврату въ сторону первобытныхъ формъ, а къ нѣкоторымъ новымъ приложеніямъ общественнаго права къ современнымъ способамъ землевладѣнія и землепользованія. Онъ такъ ясно сознаетъ, что возвратъ къ первобытнымъ формамъ, даже преобразованнымъ на новый ладъ, трудно осуществимъ въ современныхъ сложныхъ условіяхъ, что совѣтуетъ вводить ихъ преимущественно въ новыхъ обществахъ, колоніяхъ и т. д. Онѣ сохранились отчасти въ Швейцаріи и другихъ странахъ и поэтому тамъ мыслимо дальнѣйшее ихъ развитіе. Кромѣ того, часто наблюдался самопроизвольный переходъ къ первобытнымъ общиннымъ порядкамъ у эмигрантовъ, колонизовавшихъ новыя страны, въ особенности если ихъ окружали дикіе народы. Такъ было напр. съ большинствомъ первыхъ европейскихъ колонистовъ, переселившихся въ теперешніе Соединенные Штаты. Условія новой физической и соціальной среды заставили ихъ перейти къ болѣе простымъ формамъ общественной жизни, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ они отдѣлились. При благопріятныхъ условіяхъ, какъ мы видимъ, переселенцы переходятъ напротивъ того къ формамъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ формы ихъ метрополіи. Въ послѣднемъ случаѣ передъ нами прогрессъ; въ первомъ — регрессъ, который въ силу закона сокращеннаго прохожденія онтогенезомъ стадій филогенеза можетъ стать факторомъ прогрессивнымъ. При другихъ однако же условіяхъ, если напр. низшая среда видоизмѣняетъ занесенные въ нее зародыши цивилизаціи, получается полный регрессъ, какъ это замѣчается у домашнихъ животныхъ, возвратившихся къ дикому состоянію. Въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ въ первое время колонизаціи мы имѣемъ передъ собой на самомъ дѣлѣ рождающіяся общества, хотя входящія въ ихъ составъ единицы, ихъ клѣточки происходятъ отъ старыхъ обществъ. Затѣмъ—передъ нами случай онтогенеза. Новое общество воспроизводитъ послѣдовательныя стадіи цивилизаціи—только съ бо̀льшей быстротой. Мы имѣемъ здѣсь стало быть сокращенную наслѣдственность, воспроизведенія филогенеза въ онтоге-

незѣ, кажущійся только возвратъ къ первобытнымъ формамъ. Явленіе усложняется еще закономъ гетерохроніи, о которомъ мы говорили выше.

Другой примѣръ кажущагося возврата мы имѣемъ въ эволюціи денежной системы.

По словамъ Стэнли Джевонса, «торговля начинается съ мѣны и въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что она возвращается къ мѣнѣ; но послѣдняя форма мѣны значительно отличается отъ первой. Большая часть торговыхъ платежей совершается въ настоящее время въ Англіи, *повидимому*, по крайней мѣрѣ, безъ помощи денежныхъ знаковъ. Но если эти операціи совершаются съ такой легкостью, то происходитъ это отъ того, что въ основѣ всѣхъ разсчетовъ лежитъ серебряная единица и оттого, что купля уравновѣшивается продажей». Далѣе Джевонсъ продолжаетъ: «Когда народъ испыталъ преимущества прочной монетной системы, онъ открываетъ, что можетъ обходиться безъ этого орудія обмѣна и *вернуться* къ методамъ, удивительно напоминающимъ мѣновую торговлю. Мѣновой торговлей начинается процессъ, мѣной же онъ оканчивается, но конечный процессъ сильно отличается отъ начальнаго. Покупки и продажи продолжаются оцѣниваться въ золотой и серебряной монетѣ, и по выясненіи того, что стоимость купленнаго равна стоимости проданнаго, платятъ однимъ за другое. Если золото и серебро участвуютъ иногда въ этихъ операціяхъ, то въ формѣ чековъ или другихъ бумагъ, съ помощью которыхъ, при желаніи, можно добыть золото, но имъ однако пользуются рѣдко».

Обмѣнъ не только не вернулся къ прежней мѣновой торговлѣ, а напротивъ того, сохранивъ всѣ усовершенствованія, пріобрѣтенныя и передававшіяся по наслѣдству втеченіи всей исторіи цивилизаціи, дополнилъ и усложнилъ свою организацію новой спеціальной функціей, органомъ которой является напр. Clearing-House (лондонская контора для ликвидаціи торговыхъ сдѣлокъ). Это — прогрессъ организаціи, прогрессъ, характеризующійся образованіемъ новаго регулятора, новаго спеціальнаго органическаго центра. Возникновеніе послѣдняго было обусловлено расширеніемъ объема и усиленіемъ дифференціаціи производства, потребленія и обмѣна. Они приняли такіе размѣры, что прежнія орудія — металлическая монета, банковые билеты и т. д.— должны были отказаться отъ части своихъ функцій въ пользу новаго центральнаго учрежденія, Clearing-House. Послѣднее— этого не слѣдуетъ забывать—не замѣняетъ цѣликомъ ни металлической, ни банковой монеты, оно только дѣлаетъ пользованіе ими болѣе экономнымъ и правильнымъ и отчасти замѣщаетъ ихъ,

позволяя имъ покоиться въ подвалахъ и портфеляхъ банковъ и избавляя отъ расходовъ по перемѣщенію ихъ. Точно такимъ же образомъ проселочныя дороги замѣщены были, въ качествѣ орудій обмѣна, желѣзными, а послѣднія—телефонами и телеграфами.

Мѣновой банкъ Прудона организовалъ въ сущности не непосредственный, а косвенный обмѣнъ услугами. Онъ создавалъ новый, спеціальный органъ обмѣна. Онъ не приближалъ насъ къ первобытной мѣновой торговлѣ, а напротивъ *удалялъ* отъ нея, точно также какъ въ области политики представительство интересовъ, покоящееся во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни, начиная съ наиболѣе общихъ и кончая наиболѣе частными, на демократическомъ самоуправленіи, удаляетъ насъ отъ однородныхъ народныхъ собраній первобытныхъ племенъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ передъ нами прогрессъ; возвратъ къ первобытнымъ формамъ здѣсь только кажущійся. Тутъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, слѣдуетъ считаться также съ законами гетерохроніи и сокращенной наслѣдственности.

Кажущійся возвратъ къ первобытнымъ формамъ въ области семейныйхъ отношеній.

Э. Ферри указываетъ на совершающійся возвратъ къ первобытнымъ формамъ въ области брака и развода.

На высшихъ стадіяхъ цивилизаціи оба учрежденія стремятся все болѣе и болѣе принять чисто-договорный характеръ, зависѣть только отъ обоюднаго соглашенія непосредственно заинтересованныхъ сторонъ. Преграды обрядовыя и легальныя все уменьшаются. Что общаго между подобнымъ семейнымъ строемъ и первобытной семьей, въ которой за немногими исключеніями женщины и дѣти разсматривались, какъ низшія существа? Вплоть до окончанія греко-римской эпохи они считались собственностью главы семьи. Договорныя формы, медленно развиваясь изъ первобытныхъ формъ, представляютъ явленіе производное и прогрессивное. Какъ въ области договора о продажѣ, такъ и въ области брачнаго договора имѣющаго столько общаго съ первымъ, только очень поздно становится достаточнымъ для дѣйствительности его простое соглашеніе сторонъ. Въ началѣ цивилизаціи мы на самомъ дѣлѣ встрѣчаемъ не свободу брака и свободу любви, а насиліе, уводъ, деспотизмъ мужчины надъ женщиной, сильнаго надъ слабымъ. Въ первобытныхъ и древнихъ обществахъ можно наблюдать только смѣшеніе половъ, а не тотъ договорный строй, при которомъ достоинство, права и обязанности личности пользуются такимъ же уваженіемъ, какъ достоин-

ство, права и обязанности общества, продолженіе котораго обезпечивается бракомъ.

Дѣйствительный, временный регрессъ имѣлъ мѣсто напр. во Франціи, когда разводъ, установленный уже Code civile, былъ отмѣненъ закономъ 8 мая 1816 года. Этотъ частный регрессъ совпалъ съ *реставраціей* или по крайней мѣрѣ съ попыткой реставраціи стараго порядка, т. е. съ общимъ регрессомъ французской общественной жизни. Регрессъ, согласно данному нами выше закону, сказался прежде всего на позднѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ общественной жизни, и въ области семейныхъ отношеній выразился въ отмѣнѣ развода—завоеванія непосредственно предшествовавшей революціонной эпохи. Реакція восторжествовала въ этой области, болѣе частной и менѣе устойчивой, чѣмъ экономическій строй, подготовка котораго совершалась вѣками. Противъ экономической эволюціи реакція оказалась безсильной и дальнѣйшій ходъ этой эволюціи привелъ сначала къ новому торжеству буржуазіи въ 1830 году и демократіи послѣ 1848 года. Демократія стала упрочивать свое положеніе не съ помощью частныхъ учрежденій, долженствующихъ наложить на общественный строй характерный для нея отпечатокъ, а при посредствѣ мѣръ общихъ, и разводъ—хотя и съ существенными ограниченіями—былъ возстановленъ. Во всякомъ случаѣ ни новыя брачныя отношенія, ни разводъ не представляютъ возврата къ первобытнымъ формамъ. Напротивъ того, послѣднія изсчезаютъ подъ все болѣе и болѣе толстымъ слоемъ новыхъ условій и обоюдныхъ гарантій, одновременно индивидуальнаго и общественнаго характера, накопляемыхъ прогрессомъ.

Кажущійся возвратъ къ первобытнымъ формамъ въ области искусства.

Современное искусство несомнѣнно обнаруживаетъ извѣстное стремленіе вернуться къ первобытнымъ формамъ. Это стремленіе стоитъ въ тѣсной связи съ аналогичными явленіями въ другихъ сферахъ общественной жизни. Романтики въ живописи, архитектурѣ и литературѣ, прерафаэлиты и «дикіе» въ живописи представляютъ примѣры подобнаго кажущагося возврата. Романтическая школа на самомъ дѣлѣ была регрессивнымъ явленіемъ только повидимому и въ томъ только смыслѣ, что она отрицала абсолютныя художественыя формулы классицизма. Въ сущности же ее слѣдуетъ считать положительнымъ и прогрессивнымъ явленіемъ, такъ какъ она вернула подобающее мѣсто среднимъ вѣкамъ и содѣйствовала установкѣ великаго закона непрерыв-

ности общественной жизни, отрицаніемъ котораго является классицизмъ. Въ результатѣ получился не возвратъ къ среднимъ вѣкамъ, а освобожденіе отъ устарѣвшихъ литературныхъ и художественныхъ формъ, давшее возможность новой жизни найти для себя выраженіе въ новыхъ художественныхъ формахъ. Рядомъ съ нѣкоторыми дѣйствительно-регрессивными явленіями, носящими однакоже только индивидуальный характеръ, въ современныхъ реформаторскихъ художественныхъ школахъ наблюдается стремленіе освободиться не только отъ старинныхъ, но и отъ современныхъ формъ. Это естественно сопровождается колебаніями и шатаніями изъ стороны въ сторону. Вытаскивая изъ стѣны гвоздь, мы шатаемъ его въ различныхъ направленіяхъ, чтобы расширить щель, въ которой онъ сидитъ. О дѣйствительномъ регрессѣ искусства можно было бы говорить только тогда, если бы музыка вернулась къ первобытной своей монотонной манерѣ, если бы литература вернулась къ чисто-символическимъ образамъ вродѣ іероглифовъ; если бы живопись превратилась въ исключительно декоративную и стала въ служебныя отношенія къ ваянію и архитектурѣ; если бы ваяніе въ свою очередь перестало быть дифференцированной и самостоятельной отраслью искусства и стало вспомогательнымъ орудіемъ архитектуры; если бы послѣдняя ограничилась удовлетвореніемъ потребности человѣка въ защитѣ отъ непогоды и недруговъ и отказалась отъ всѣхъ улучшеній и украшеній, обусловленныхъ прогрессомъ общественной жизни и культуры. Возможность упадка и исчезновенія эстетическаго чувства стоитъ въ противорѣчіи съ совершающейся эволюціей науки, и совершенно ошибочно нѣкоторыя новѣйшія теоріи устанавливаютъ причинную связь между развитіемъ науки и упадкомъ искусства. Эстетическій элементъ проще и общѣе элемента научнаго. Искусство, начиная съ грубѣйшихъ практическихъ его приложеній и кончая высшими художественными и литературными его проявленіями, необходимо предшествуетъ эволюціи научной, какъ практика предшествуетъ теоріи. Упадокъ искусства можетъ послѣдовать только за упадкомъ науки, философіи и другихъ, высшихъ и болѣе сложныхъ соціальныхъ функцій *). Исторія человѣчества знаетъ несомнѣнные періоды дѣйствительнаго регресса искусства. Такимъ періодомъ была напримѣръ эпоха паденія греко-римской цивилизаціи, но настоящая эпоха не имѣетъ съ послѣдней ничего общаго. Раз-

---

*) Сторонниками теоріи о прогрессивномъ упадкѣ искусства являются: Гюйо, Ренанъ, Нордау, Спенсеръ; противниками — Серджи, Вундтъ, Эспинасъ, Грантъ-Алленъ.

витію въ новомъ направленіи всегда предшествуютъ колебанія и шатанія. Это наблюдается какъ въ области искусства, такъ и въ области науки. Это—временные кризисы, въ концѣ концовъ благопріятные и даже необходимые,—кажущіеся возвраты, дающіе возможность разбѣжаться, прежде чѣмъ перескочить черезъ препятствіе. До тѣхъ поръ пока верхніе слои, защищающіе искусство—наука и научная философія—не будутъ представлять картины упадка, искусство можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ него.

Кажущійся возвратъ въ области философіи, науки и морали.

Развитіе массы знаній и ихъ дифференціація или спеціализація въ настоящую эпоху и значительнѣе, и интенсивнѣе, чѣмъ въ какую либо изъ предшествующихъ эпохъ. Это не оспаривается никѣмъ. Если возникаютъ сомнѣнія, то только по вопросу, достигла ли такой же высоты философская координація этихъ элементовъ. Въ томъ, что эта координація не совершается параллельно росту объема и дифференціаціи массы знаній, нѣтъ ничего страннаго. Координація всегда можетъ только слѣдовать за спеціализаціей, какъ послѣдняя всегда только слѣдуетъ за простымъ ростомъ массы. Не подлежитъ сомнѣнію, что на почвѣ совершающагося экономическаго преобразованія въ началѣ XIX вѣка и въ настоящее время наблюдались и наблюдаются регрессивныя явленія въ философіи, выражающіяся въ возвратѣ идеализма оптимистическаго или пессимистическаго, и эти частныя и мѣстныя явленія представляютъ несомнѣнный, а не кажущійся только регрессъ. Но ни въ положительной соціологіи, все болѣе и болѣе объединяющей въ послѣдніе полстолѣтія различныя общественныя науки, ни въ положительной философіи вообще, дающей въ своемъ синтезѣ все болѣе и болѣе цѣльное объясненіе явленій міра физическаго, интеллектуальнаго, нравственнаго и соціальнаго, мы не замѣчаемъ и слѣда возврата къ первобытнымъ представленіямъ, и ихъ эволюція представляетъ прямое опроверженіе гегелевскаго закона, въ силу котораго сознательный разумъ человѣчества въ концѣ концовъ возвращается къ исходной безсознательной точкѣ своего развитія.

Ог. Контъ и положительная философія—въ широкомъ смыслѣ слова, а не въ узкомъ смыслѣ школы, послѣдовавшей даже за ошибками учителя и выдвинувшей ихъ къ тому же на первое мѣсто—признаютъ существованіе общественнаго, нравственнаго и философскаго кризиса, тяготѣющаго надъ человѣчествомъ XIX вѣка; но пока будетъ продолжаться развитіе науки и особенно

экономической жизни, отчаяваться нѣтъ никакого основанія. Въ глубинѣ общественной жизни совершается переходъ отъ даннаго состоянія къ лучшему, къ болѣе совершенному обобществленію элементовъ, недостаточно или совсѣмъ еще не претворенныхъ въ составную часть коллективнаго организма. Много первобытныхъ представленій умираетъ или умерло, другія постепенно развиваются. Нѣкоторыя изъ нихъ станутъ органическими и войдутъ въ составъ общаго убѣжденія не разсудочнаго только, а безсознательнаго, когда они воплотятся въ строеніи и жизнедѣятельности общества. Происходитъ перемѣна и въ международныхъ отношеніяхъ; старыя перегородки разваливаются и рушатся въ тысячѣ мѣстъ и замѣняются новыми узами и взаимной связью. Вырабатывается нѣчто вродѣ международнаго строя. И это достигается не при помощи насильственнаго завоеванія, какъ бывало раньше. Пройдетъ конечно много времени, прежде чѣмъ эти отношенія примутъ правильный и постоянный характеръ, но они устанавливаются съ непреодолимой энергіей, проявляясь въ жизни экономической, въ смѣшеніи народностей, въ объединеніи эстетическихъ и аффективныхъ чувствованій и особенно въ области науки и научной философіи, для которыхъ не существуетъ границъ экономическихъ, расовыхъ, религіозныхъ и политическихъ. Эта эволюція принимаетъ такіе размѣры, что изъ нея неизбѣжно выйдетъ новая мораль, новое право, новыя политическія отношенія,—однимъ словомъ, новое общество. Пока же передъ нами—кризисъ, но не регрессъ, если не считать функцій и органовъ, ставшихъ или становящихся безполезными.

Это прогрессивное движеніе науки и философіи отмѣчено однимъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ историковъ философіи. «Въ исторіи метафизики, говоритъ Льюисъ, мы замѣчаемъ постоянно движеніе, но—движеніе круговое, и это явленіе становится особенно очевиднымъ, если противопоставить ему прямолинейное развитіе науки. Наука не возвращается послѣ періодовъ гигантскихъ усилій къ своей исходной точкѣ, а напротивъ того изъ года въ годъ, болѣе того—изо дня въ день она непрерывно подвигается впередъ. Всякое увеличеніе ея роста, всякій прогрессъ, подобно прогрессу въ органическомъ мірѣ, доставляетъ данной стадіи развитія новое функціональное преимущество передъ предшествующими стадіями и въ свою очередь становится факторомъ новаго, дальнѣйшаго развитія».

Но и въ исторіи метафизики этотъ круговой возвратъ былъ только кажущимся и внѣшнимъ. Сущность постоянно измѣнялась, и измѣненія эти вели къ полному исчезновенію метафизики,

точно также какъ метафизика содѣйствовала упадку первобытныхъ представленій, изъ которыхъ она выросла. Если стать на болѣе широкую точку зрѣнія, то метафизика представляетъ дальнѣйшую стадію развитія первобытныхъ представленій, а научная философія—дальнѣйшую стадію развитія метафизики.

Прогрессъ морали точно также не можетъ свестись на возвратъ къ первобытнымъ формамъ. Общаго между древней и будущей моралью только—общее ихъ начало и непрерывность ихъ послѣдовательныхъ и прогрессивныхъ формъ. Древняя мораль не въ состояніи дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросы, тревожащіе современную коллективную мысль; въ морали первобытныхъ обществъ мы можемъ найти только зачатки правилъ поведенія, соотвѣтствующихъ настоящему общественному строю. Научное изученіе древности выясняетъ намъ только положительныя условія возникновенія и развитія морали индивидуальной и общественной.

Тѣмъ не менѣе, наблюдается рядъ явленій дѣйствительнаго регресса нравственности. Такъ, войны внѣшнія и внутреннія оказываютъ роковымъ образомъ регрессивное вліяніе на высшія формы жизни, позднѣе другихъ пріобрѣтенныя цивилизаціей, а именно: на мораль, право и демократическія политическія формы; онѣ нарушаютъ экономическое равновѣсіе. Въ этихъ моментахъ лежитъ главная опасность для современной цивилизаціи.

При условіи мира и дальнѣйшаго научнаго развитія всѣ наши экономическія противоположности могутъ быть разрѣшены правильно и къ выгодѣ для всѣхъ общественныхъ элементовъ. При войнѣ равновѣсіе достигается только посредствомъ возврата къ низшимъ формамъ: нападеніе и регрессъ—это явленія, стоящія другъ къ другу въ зависимости взаимныхъ функцій.

Помимо этого общаго регрессивнаго момента отсутствіе экономическаго равновѣсія и особенно низкій уровень заработной платы оказываетъ вредное вліяніе на общественную нравственность. Статистика показываетъ, что наибольшее число дѣтоубійствъ приходится на наименѣе обезпеченные классы, напр. на домашнюю прислугу. Она показываетъ также, что число внѣбрачныхъ родовъ возрастаетъ по мѣрѣ уменьшенія заработной платы. Тоже наблюдается въ области уголовныхъ преступленій.

Существованіе экономическихъ кризисовъ представляетъ фактъ несомнѣнный. Они повторяются даже съ такой правильностью, что ихъ можно было бы признать строго-періодическими. А оптимисты въ области политической экономія считаютъ ихъ даже необходимыми, постоянными и вѣчными факторами общественной жизни. Въ силу закона взаимной зависимости всѣхъ функцій со-

ціальной жизни, эти кризисы естественно отражаются на всемъ коллективномъ организмѣ, на общественной нравственности и на нравственности индивидовъ, составляющихъ общество. Поэтому въ XIX вѣкѣ, какъ и въ предшествующихъ вѣкахъ, наблюдаются несомнѣнные критическіе періоды нравственнаго регресса, и регрессъ въ этихъ случаяхъ не кажущійся, а дѣйствительный.

Невѣрно, будто бы прогрессъ нравственности можетъ когда-либо привести къ возврату первобытныхъ формъ. Первобытная мораль имѣетъ характеръ суевѣрный и деспотическій, особенно когда она опирается на обычай; этотъ характеръ она имѣетъ даже въ мирныхъ первобытныхъ обществахъ, всѣ учрежденія которыхъ проникнуты духомъ равенства. Послѣднее сообщаетъ имъ обманчивый видъ простоты и даже чистоты, но во всякомъ случаѣ эта мораль недостаточна для того, чтобы регулировать наши современныя сложныя общественныя отношенія. Протестантство XVI вѣка, приводимое иногда въ качествѣ примѣра возврата къ ученію первоначальной христіанской церкви, въ дѣйствительности тотчасъ же примкнуло къ существовавшему общественному строю, стало преслѣдовать мысль и безжалостно подавлять тѣхъ несчастныхъ, которые, руководствуясь идеалами апостоловъ и отцовъ Церкви, возстали противъ господъ.

Кажущійся регрессъ въ юридической области.

Эволюція права въ прогрессивныхъ обществахъ проявляется въ громадномъ ростѣ массы юридическихъ правилъ. Напрасно это явленіе пугаетъ узкихъ доктринеровъ. Это—явленіе вполнѣ естественное и соотвѣтствующее росту всего общественнаго строя. Кромѣ того, рядомъ съ ростомъ юридическаго матеріала возрастаетъ и дифференціація, выражающаяся въ появленіи не только спеціальныхъ кодексовъ, но и спеціальныхъ правовыхъ учрежденій: коммерческихъ судовъ, экспертныхъ коммиссій, примирительныхъ и посредническихъ камеръ, фабричныхъ совѣтовъ и т. д. Наконецъ, всѣ юридическія постановленія утрачиваютъ прежній свой религіозный и деспотическій характеръ и становятся все болѣе и болѣе договорными. Съ одной стороны расширяется область договора, съ другой—сами законодательныя учрежденія, а также учрежденія, вліяющія на составъ судовъ, все лучше и лучше отражаютъ въ себѣ различные общественные интересы. Благодаря одному этому, разногласія и столкновенія могутъ быть улажены и правильно разрѣшены только путемъ соглашенія и непрерывныхъ обоюдныхъ уступокъ, т. е. договорнымъ путемъ. На этой основѣ покоится уже въ настоящее

время и будетъ принимать договорный характеръ все въ бо̀льшей и бо̀льшей степени,—при условіи нашего дѣльнѣйшаго прогрессированія — тоть центральный механизмъ, размѣры и гибкость котораго позволятъ ему координировать это развитіе и объединять все болѣе дифференцирующуюся и ростущую область юридическихъ отношеній. Напрасно было бы возмущаться ростомъ и дифференціаціей послѣдней, такъ какъ они естественно вытекаютъ изъ общихъ законовъ общественной эволюціи.

Эволюція договорнаго права ведетъ къ другому еще результату; все болѣе и болѣе падаетъ значеніе той условной лжи нашей цивилизаціи, въ силу которой, при кажущейся обоюдной свободѣ, договаривающіяся стороны въ дѣйствителъности ставятся въ неодинаковыя положенія. Законодательство все болѣе и болѣе вмѣшивается въ отношенія для того, чтобы обезпечить дѣйствительную свободу договаривающихся сторонъ постановкой ихъ въ равныя общественныя условія.

Нужно совершенно не считаться съ наблюдаемыми фактами и опытомъ, чтобы отождествлять или уподоблять эту прогрессивную эволюцію возврату къ первобытнымъ формамъ. Осуществленіе такой организаціи возможно только послѣ того какъ пройденъ рядъ предшествующихъ стадій развитія права, и различіе между новымъ юридическимъ строемъ и первобытнымъ правомъ столь же велико, какъ различіе между простѣйшимъ одноклѣточнымъ организмомъ и человѣкомъ. Въ первобытныхъ обществахъ, даже въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда они основаны на принципѣ равенства, — мы не находимъ большей частью осложненій частныхъ и общественныхъ интересовъ. Когда эти осложненія встрѣчаются, все общество является одновременно судьей, стороной и даже исполнителемъ принятаго рѣшенія. Тамъ преобладаетъ общее публичное право. Такъ какъ раздѣленіе соціальнаго труда тамъ отсутствуетъ, то мы не находимъ тутъ даже объекта договорнаго права. Въ тѣхъ первобытныхъ обществахъ, гдѣ наблюдается неравенство — а таковыхъ громадное большинство — право имѣетъ характеръ приказаній, и вождь одновременно соединяетъ въ себѣ функціи законодателя, судьи и исполнительной власти. Прогресъ цивилизаціи совершался путемъ удаленія отъ этого строя, а не приближенія къ нему. Указываемый возвратъ— только кажущійся.

Точно также криминалисты, кладущіе принципъ общественной защиты въ основу репрессивнаго права, совершенно ошибочно видятъ въ этомъ ученіи возвратъ къ первобытнымъ формамъ. Въ самомъ дѣлѣ, принципъ общественной защиты — это только первичный элементъ уголовнаго права, исходная точка его даль-

нѣйшей эволюціи, приведшей къ формамъ несравненно болѣе сложнымъ, чѣмъ естественный первобытный коллективный рефлексъ. Современное уголовное право требуетъ другихъ объясненій и оправданій, чѣмъ первобытная коллективная реакція на нападеніе индивидуальное или коллективное, а именно оно все болѣе и болѣе ищетъ своего обоснованія въ нравственныхъ факторахъ, представляетъ только частное приложеніе послѣднихъ къ опредѣленнымъ случаямъ, и главное свое обоснованіе находитъ въ самомъ высокомъ нравственномъ факторѣ — справедливости, обнимающей какъ долгъ общества относительно индивидовъ, такъ и долгъ индивида относительно общества.

То же наблюдается въ области международнаго права. «Съ введеніемъ международной юстиціи, пишетъ Новиковъ, мы войдемъ въ совершенно новую фазу — въ фазу соперничества на чисто умственной почвѣ. На первый планъ выступитъ борьба между идеями. А такъ какъ пропаганда идей можетъ достигнуть максимума интенсивности только при сочетаніи ихъ съ чувствомъ, то она приметъ религіозный характеръ. Религіозная борьба — вотъ, вѣроятно, послѣдняя фаза борьбы за существованіе. Законъ движенія человѣчества по винтовой линіи находитъ въ этомъ новое свое подтвержденіе. Это—линія, вначалѣ поднимающаяся, затѣмъ опускающаяся до первоначальнаго своего уровня, но удаляющаяся при этомъ въ горизонтальномъ напраленіи отъ исходной точки. Цѣлый рядъ общественныхъ явленій развивается, повидимому, въ направленіи, которое можно изобразить такой кривой. Такъ напр. первобытные языки были односложными; такими же односложными будутъ языки будущаго, но только отношенія будутъ выражаться въ нихъ болѣе совершеннымъ образомъ. Первыя фазы умственной борьбы имѣли форму религіозныхъ войнъ, послѣдней ея фазѣ быть можетъ суждено также происходить на религіозной почвѣ; но ей не предстоитъ сопровождаться войной, насиліемъ. Борьба эта будетъ вестись умственнымъ оружіемъ такого совершенства, что въ настоящее время мы съ трудомъ можемъ себѣ его даже представить».

Такимъ образомъ, война не будетъ сопровождаться войной. Но въ такомъ случаѣ это не возвратъ—даже по винтовой линіи и съ удаленіемъ въ горизонтальномъ направленіи—къ первобытному международному праву, а полное преобразованіе послѣдняго. Борьба сведется къ чисто умственной пропагандѣ идей. Въ сущности передъ нами будетъ миръ, исчезновеніе военнаго режима, непрерывный прогресъ науки и философіи. Въ чемъ же тутъ возвратъ? Когда и гдѣ въ прошломъ находимъ мы осуществленнымъ и организованнымъ тотъ идеалъ, который и въ настоящее

время многіе могутъ считать утопическимъ? Но получится возвратъ и — что́ того хуже — регрессъ, если борьба, какъ это думаетъ Новиковъ, приметъ въ будущемъ религіозный характеръ. Можно прибавить, что въ этомъ случаѣ она скоро утратила бы мирный характеръ, пріобрѣла бы тотъ же характеръ, который всегда имѣла религіозная борьба — нетерпимости и жестокости. Чувство не должно бытъ непремѣнно религіознымъ, чтобы стать живымъ и интенсивнымъ; наука точно также создаетъ благородные характеры и порождаетъ высокія страсти. Но она умѣряетъ нашу эмоціональность, давая намъ точное представленіе о вещахъ и ставя какъ въ области философіи, такъ и въ области политики *относительное* на мѣсто исключительнаго, деспотическаго и *безусловнаго*. Наиболѣе интенсивной и постоянной борьбой была впрочемъ всегда борьба экономическая; борьба религіозная представляла явленіе болѣе поздняго происхожденія и производное. Что касается до возврата лингвистики къ односложнымъ словамъ, то отвѣтственность за эту смѣлую гипотезу мы всецѣло слагаемъ на ея автора. Впрочемъ, онъ допускаетъ, что будущій односложный языкъ, будетъ точнѣе его первобытнаго прообраза выражать отношенія между явленіями. Это будетъ слѣдовательно языкъ болѣе простой и въ то же время болѣе сложный, т. е. иной. Не сведется ли онъ въ концѣ концовъ къ членораздѣльной рѣчи?

Кажущійся регрессъ въ политической области.

Прямое законодательство, Referendum (опросъ *всего* населенія страны), вооруженный народъ — все это приводятъ въ качествѣ примѣровъ возврата къ первобытнымъ формамъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ передъ нами только возвратъ кажущійся.

Законодательная функція въ обществѣ обширномъ и органически дифференцированномъ вслѣдствіе раздѣленія соціальнаго труда по необходимости отличается и по структурѣ и по отправленію своему отъ прямаго законодательства, совершающагося въ обществѣ однородномъ, небольшомъ и простомъ. Собственно говоря, въ послѣднемъ законодательной функціи не существуетъ, такъ какъ эта коллективная функція здѣсь не дифференцирована и сливается съ однообразной общей дѣятельностью. Въ высшихъ обществахъ, рядомъ съ общими функціями и интересами имѣются также частныя функціи и интересы. Въ первобытныхъ обществахъ интересы — преимущественно общіе. Сложныя общества являются въ то же время вообще болѣе обширными: функціи административныя, представительныя, совѣ-

щательныя и исполнительныя стремятся тамъ стать все болѣе правильными и постоянными несмотря на частую смѣну лицъ, ихъ исполняющихъ. Въ простыхъ обществахъ эти функціи имѣютъ неправильный и неустойчивый характеръ. Лица, исполняющія ихъ, являются большей частью несмѣняемыми и занимающими соотвѣтственное положеніе по праву наслѣдства. Впрочемъ, и оно уже представляетъ прогрессъ сравнительно съ первоначальной неурядицей, равно какъ прогрессомъ является періодичность судебныхъ засѣданій и политическихъ собраній. Въ первобытныхъ обществахъ собраніе на простой вопросъ можетъ отвѣтить: «да» или «нѣтъ». Въ сложныхъ обществахъ вопросы также отличаются сложностью, а многочисленность и разнообразіе рѣшеній соотвѣтствуетъ многочисленности и разнообразію связанныхъ съ ними интересовъ. Совершеннѣйшимъ типомъ непосредственнаго законодательства въ развитомъ обществѣ было бы представительство интересовъ: это—высшая и болѣе сложная форма прямого законодательства. Это—не возвратъ къ послѣднему, а нѣчто столь же отличное отъ него, какъ отлична современная напр. Англія отъ Англіи первыхъ вѣковъ нашей эры. Старинныя подраздѣленія населенія на десятки, сотни и тысячи столь же непримѣнимы къ современной Англіи, какъ предложенное Риттингаузеномъ механическое дѣленіе на группы въ 1,000 человѣкъ. Нѣкогда на почвѣ подобнаго механическаго дѣленія устанавливалась организація; теперь же это была бы дезорганизація, т. е. регрессъ, такъ какъ эта первобытно-простая классификація не считается съ общностью интересовъ, на почвѣ которой съ тѣхъ поръ создалась группировка болѣе сложная и болѣе совершенная. Кромѣ того, проектъ Риттингаузена приноситъ въ жертву интересы меньшинства, тогда какъ идеалъ представительной системы состоитъ въ соглашеніи и примиреніи, въ которомъ всѣ стороны находятъ не абсолютную и исключительную выгоду, а относительное удовлетвореніе, соотвѣтствующее интересамъ соціальнаго цѣлаго.

Referendum, съ правомъ народной иниціативы или безъ него, не представляетъ собой, какъ думалъ Риттингаузенъ, перехода къ его системѣ. Это—приспособленіе къ потребностямъ отдѣльныхъ случаевъ современнаго общественнаго строя. Это — усовершенствованіе прямаго законодательства, усовершенствованіе, уступающее представительству интересовъ. Его оказалось возможнымъ ввести въ Швейцаріи, но при условіи сохраненія всѣхъ частей существующихъ механизмовъ — представительныхъ и исполнительныхъ, общихъ и частныхъ, національныхъ и мѣстныхъ. Такимъ образомъ, это — только кажущійся возвратъ къ перво-

бытнымъ формамъ, такъ какъ онъ представляетъ только надстройку къ существующимъ формамъ, ихъ не уничтожающую.

Что касается «вооруженнаго народа», то принципъ этотъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ осуществимъ у цивилизованныхъ народовъ, рѣзко отличается отъ первобытнаго военнаго строя. Для послѣдняго характеристично, что всѣ мужчины способные носить оружіе принимаютъ участіе въ войнѣ втеченіе всего времени, когда они способны носить оружіе, иногда отъ этой обязанности не исключаются даже женщины и подростки. Напротивъ того, въ нашихъ сложныхъ обществахъ раздѣленіе общественнаго труда является необходимостью, и хотя защита общества представляетъ интересъ всеобщій и вся общественная жизнь сжимается въ видахъ сохраненія коллективнаго существованія, соціологическая дифференціація достигла такихъ размѣровъ, что сдѣланъ былъ рядъ попытокъ сообразоваться съ требованіями, которыя она ставитъ. Сдѣлано это было путемъ жеребьевки и рекрутчины, превращающей пролетаріатъ за извѣстное вознагражденіе въ пушечное мясо; а въ другихъ странахъ съ развитой промышленностью и торговлей организована была волонтерская армія, превращающая общество въ разоруженный народъ и предоставляющая свободу деспотизму одной какой-нибудь семьи, касты или класса. Въ настоящее время демократія старается примирить эти выгоды и недостатки, дѣлая воинскую повинность всеобщей, но ограничивая срокъ военной службы до крайнихъ предѣловъ, такъ чтобы необходимость въ общественной защитѣ не отражалась вреднымъ образомъ на прочихъ соціальныхъ функціяхъ. Кромѣ того, обнаруживается стремленіе перейти отъ системы «вооруженнаго народа» къ организаціи международной, которая сдѣлаетъ возможнымъ общее разоруженіе.

Въ этой прогрессивной эволюціи мы не встрѣчаемъ и слѣда возврата къ первобытнымъ формамъ. Война стала спеціальной функціей, играющей ограниченную роль въ жизнедѣятельности современнаго общества, и органы ея занимаютъ все болѣе и болѣе ничтожное мѣсто въ современномъ общественномъ строѣ. Въ первобытныхъ обществахъ она была главной и общей функціей; прочія играли второстепенную роль. Общій строй настоящаго время не имѣетъ такимъ образомъ ничего общаго съ первобытнымъ. Даже при системѣ вооруженнаго народа нѣкоторыя спеціальныя функціи, требующія особыхъ знаній и постояннаго руководительства, все болѣе и болѣе будутъ выдѣляться изъ общей организапіи — таковы: инженерное дѣло, артиллерія, администрація. Собственно-военная функція будетъ ограничиваться исключительно кадрами. Такимъ образомъ, уменьшаются по мѣрѣ

спеціализаціи самые размѣры органа. Въ настоящее время далѣе, благодаря отличительнымъ чертамъ современнаго строя, общественная жизнь продолжается, хотя и въ ослабленныхъ размѣрахъ, даже во время войны. Война перестала служить средствомъ къ обогащенію народа при помощи разбоя и грабежа. Она питается теперь сама на средства защищаемаго ею общества, она стала почти паразитомъ. Эта естественная эволюція не представляетъ собой даже кажущагося регресса, это — прогрессъ.

Въ другомъ мѣстѣ я указалъ, что суверенитетъ народа и прогрессивное превращеніе административныхъ органовъ въ факторы, состоящіе на службѣ общества, не имѣетъ ничего общаго съ первобытнымъ строемъ; если послѣдній иногда покоится на принципѣ равенства, то лишь потому, что въ первобытныхъ обществахъ не существуетъ дифференціаціи. Я отмѣчаю это обстоятельство только для того, чтобы указать, что и въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ передъ собой возврата къ первобытнымъ формамъ.

Итакъ, возвратъ къ первобытнымъ формамъ никогда не представляетъ собой прогресса. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительный регрессъ нѣкоторыхъ соціальныхъ органовъ или даже цѣлыхъ системъ органовъ можетъ—при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ особенности, когда одновременно возникаютъ высшіе органы и высшія функціи — создать благопріятныя условія для прогресса.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сдѣланный нами очеркъ съ одной стороны теорій и вѣрованій относительно измѣненій обществъ и въ частности ихъ прогресса и регресса, а съ другой—условій и законовъ ихъ прогрессивной и регрессивной эволюціи приводитъ насъ къ заключенію, что существуетъ соотвѣтствіе между коллективными вѣрованіями и всей совокупностью коллективной жизни. Этотъ выводъ читатель сдѣлаетъ уже на основаніи одного фактическаго изложенія обѣихъ сторонъ—субъективной и объективной—общественнаго процесса. Въ періоды дѣйствительнаго упадка или втеченіи временныхъ кризисовъ, неизбѣжныхъ спутниковъ всякаго органическаго превращенія, угнетенное состояніе различныхъ сферъ общественной жизни сопровождается пессимистическими теоріями и вѣрованіями. Въ эпохи прогрессивной эволюціи возникаютъ теоріи и вѣрованія оптимистическія. Послѣднія получаютъ преобладаніе все въ бо́льшей и большей степени по мѣрѣ того, какъ цивилизація распространяется на болѣе обширное пространство и достигаетъ высшей степени совершенства. Это соотвѣтствуетъ установленному нами выше закону, въ силу котораго полныя общественныя перегруппировки становятся тѣмъ болѣе затруднительными, чѣмъ выше и совершеннѣе общественный строй. Отсюда вытекаетъ, въ самомъ дѣлѣ, что для организаціи высокаго порядка регрессъ становится все болѣе утопическимъ и мало вѣроятнымъ. Всякій шагъ впередъ укрѣпляетъ сдѣланныя уже завоеванія и обезпечиваетъ новый прогрессъ въ будущемъ. Точно также всякій прогрессъ укрѣпляетъ и развиваетъ вѣру въ прогрессъ.

Никогда еще, ни въ одинъ моментъ человѣческой исторіи, цивилизація не распространялась на такое громадное пространство и не была такъ сложна, какъ теперь. Никогда еще ея координаціонные органы не были такъ совершенны. Прогрессивное развитіе общества такимъ образомъ обезпечено въ несравненно бо́льшей степени, чѣмъ въ предшествующія эпохи и

мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ сказать настоящему и грядущимъ поколѣніямъ: «вѣрьте и мужайтесь!» Въ особенности—мужайтесь, потому что предстоитъ еще сдѣлать многое, чтобы удалить изъ современныхъ обществъ тѣ факторы упадка, которые привели къ крушенію могущественнѣйшихъ и блестящихъ древнихъ цивилизацій. Страшнѣйшимъ изъ нихъ и наименѣе поддающимся обузданію является отсутствіе экономическаго равновѣсія, влекущее за собой роковымъ образомъ крушеніе всего общественнаго зданія.

Наша теорія не является такимъ образомъ, да и не можетъ быть ни пессимистической, ни оптимистической. Добро и зло, прогрессъ и регрессъ—не роковыя явленія и не продукты нашей свободной воли. Они зависятъ отъ ряда положительныхъ условій, выяснить, указать и затѣмъ преобразовать которыя должна общественная наука. Мы попытались здѣсь выяснить нѣкоторые законы общественныхъ превращеній. Соціологическій детерминизмъ не пессимистиченъ и не оптимистиченъ; онъ выясняетъ намъ только, при какихъ условіяхъ, въ силу естественныхъ законовъ, общества прогрессируютъ или регрессируютъ.

Общественное счастье, какъ и индивидуальное здоровье, состоитъ въ нормальномъ отправленіи всѣхъ функцій при соотвѣтствующихъ условіяхъ даннаго общественнаго строя. Оно никогда не бываетъ абсолютнымъ. По необходимости счастье бываетъ всегда относительнымъ и измѣнчивымъ. Самый прогрессъ и вѣра въ прогрессъ предполагаютъ неудовлетворенность потребностей, желаній, стремленій и неосуществленность идеала,—а слѣдовательно извѣстное страданіе. Чѣмъ выше общество, тѣмъ сильнѣе въ немъ чувствительность къ удовольствію истраданію, но это—благопріятное условіе для дальнѣйшаго прогресса, и само страданіе превращается такимъ образомъ въ радость.

Точно также индивидуальное счастье неотдѣлимо отъ общественнаго. Одно невозможно въ отсутствіи другого, и регрессъ ихъ совершается параллельно. Индивидъ и общество—не противоположности. Напротивъ того, и индивидъ и общество—одно въ большомъ, другой въ маломъ—являются синтезомъ и вѣрнымъ отраженіемъ другъ друга.

КОНЕЦЪ.

Популярно-научныя книги.

СОЦІОЛОГИЧЕСКІЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ. Лакомба. Перев. подъ редакц. Р. И. Сементковскаго. Ц. 1 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ХАРАКТЕРА. Ф. Полана. Перев. подъ редакц. Р. И. Сементковскаго. Ц. 75 к.

ЛИТЕРАТУРА РАЗЛИЧНЫХЪ ПЛЕМЕНЪ И НАРОДОВЪ. Ш. Летурно. Ц. 1 р. 50 к.

ДУШЕВНЫЯ ДВИЖЕНІЯ. Д-ра Ланге. Ц. 40 к.

ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Ш. Жида. Перев. съ 4 франц. изданія. Ц. 1 р. 25 к.

ПСИХОЛОГІЯ НАРОДОВЪ И МАССЪ. Г. Лебона. Ц. 1 руб.

ПРИ СВѢТѢ ЗВѢЗДЪ. Популярные очерки. К. Фламмаріона. Ц. 1 р

НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ. (Популярная геологія). В. К. Агафонова. Съ 237 рис. Ц. 2 р.

ДУХОВНЫЙ ПРОГРЕССЪ И СЧАСТЬЕ. П. Лоскутова. Ц. 1 р.

ОЧЕРКЪ ПРОИСХОЖДЕНІЯ И РАЗВИТІЯ СЕМЬИ И СОБСТВЕННОСТИ. Лекціи М. Ковалевскаго. Пер. съ франц. М. Iолшина. Ц. 60 к.

ФИЛОСОФІЯ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА въ сокращ. излож. Коллинса, Перев. съ англ. Ц. 2 р.

ВОСПИТАНІЕ ВОЛИ. Жюля Пэйо. Ц. 75 к.

ПО ВОЛНАМЪ БЕЗКОНЕЧНОСТИ. Астрономич. фантазія. К. Фламмаріона. 2-е изд. Ц. 80 к.

ЗЕМЛЯ И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ. (Пособіе для самообразованія). Сост. М. М. Соколова. Со мног. рисунками. Ц. 1 рубль.

СЕМЬ НОВѢЙШИХЪ ЧУДЕСЪ СВѢТА. Ч. Кента. Съ рис. Пер. съ англійск. Д. Головъ. Ц. 1 р.

НА ВСЯКІЙ СЛУЧАЙ! Совѣты сельскимъ хозяевамъ. А. Альмединген а. Двѣ части. Цѣна каждой 50 к.

ПРЕСТУПНАЯ ТОЛПА. Опытъ коллективной психологіи. С. Сигеле. 116 стр. Ц. 30 к.

РАЗСКАЗЫ О НЕБѢ. К. Фламмаріона. Съ 64 рис. Ц. 50 к.

ЗВѢЗДНЫЙ МІРЪ. Популярно-астрономическія бесѣды Е. Предтеченскаго. Съ рис. Ц. 30 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ПРИРОДѢ. Жоржа Дари. Съ франц. 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.

НАУКА О ЖИЗНИ. Попул. физіологія человѣка. В. Лункевича Съ 91 рис. Ц. 1 р.

ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ. Ж. Тарда. Ц. 1 р. 50 к.

АЗБУКА ДОМОВОДСТВА И ДОМАШНЕЙ ГИГІЕНЫ. *М. Клима.* Перев. *Н. Корфъ.* Ц. 75 к.

УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ ДѢТЬМИ. Д-ра Э. Перье. Пер. съ фр. Русаковой. Ц. 50 к.

ДОМАШНІЙ ОПРЕДѢЛИТЕЛЬ ПОДДѢЛОКЪ. А. Альмединген а. Ц. 60 к.

ГИГІЕНА СЕМЬИ. Гебера. Пер. съ нѣм. Ц. 50 к.

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКІЯ! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. 2-е изд. Ц. 75 к.

СОХРАНЕНІЕ ЗДОРОВЬЯ. Общая гигіена въ прим. къ обыденной жизни. Д-ра Эйдама. Ц. 40 к.

БАКТЕРІИ и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра Мигулы. Пер. съ нѣм. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

ПРЕДСКАЗАНІЕ ПОГОДЫ. Г. Далле. Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.

ДАРВИНИЗМЪ. Э. Ферьера. Перев. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

ЖИЗНЬ НА СѢВЕРѢ И ЮГѢ (отъ полюса до экватора). А. Брема. Со мног. рисунками. Ц. 2 р.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев. и дополн. М. Энгельгардтъ. Съ 84 рис. Ц. 1 р.

ФАБРИЧНАЯ ГИГІЕНА Д-ра В. Святловскаго. 720 стр. и 53 рис. Ц. 4 р.

РАБОЧІЙ ВОПРОСЪ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. А. Ланге. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

ОГОРОДНИЧЕСТВО. Ф. Шубелера. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

КОТОРЫЙ ЧАСЪ? И. Вавилова. Популярное руководство для повѣрки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнечн. часовъ. Съ 13 рис. 2-е изд. Ц. 30 к.

ЗАПИСКИ ЖЕЛУДКА. Съ англійскаго. Ц. 50 к.

МІРЪ ГРЁЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

ФИЗІОЛОГІЯ ДУШИ. А. Герцена. Проф. Лозанскаго универс. Перев. съ франц. 2 изд. Ц. 75 к.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графиньи. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. Съ 375 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ 2 р.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА. П. Мантегацца. Переводъ съ 5-го итальян. изданія. Ц. 1 р. 50 к.

ДѢТСКІЙ ДОКТОРЪ. Руководство для матерей и воспитателей. Д-ра Варіо. Переводъ подъ редакц. проф. Пономарева. Съ 40 рисунками Ц. 1 р.

СВѢТЪ БОЖІЙ. Популярн. очерки міровѣдѣнія 7-е изд. (иллюстр. 65 рис.). Ц. 30 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. К. Фламмаріона. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 80 к.

ГИГІЕНА ЖЕНЩИНЫ. Д-ра Е. Тило. Ц. 40 к.

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Мейера и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренье. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Съ 6-ю рис. Ц. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНЕТИЗМЪ. А. Гано и Ж. Маневрье. 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпиталье. Переводъ С. Степанова, со множ. рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Составилъ В. Чиколевъ. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ и уходъ за аккумуляторами. Селоменса. Практич. руковод. для любителей. 81 рис. и 2 діагр. разсчета діаметра проводовъ. Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПЕРЕДАЧА ЭНЕРГІИ Составилъ Каппъ. Съ 97 рис. въ текстѣ. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ. Ніоде. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпиталье. Со множ. рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ кратк. свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. 114 рис. въ текстѣ. Перев. съ англ. Д. Головъ. Ц. 1 р.

ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ. Проф. Жоли. Перев. съ франц. 3-е изд. Ц. 60 к.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Опытъ популярно-научной философіи. А. Секки. Перев. съ франц. Ф. Павленкова. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Ц. 40 к.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ. Д-ра А. Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМѢШАТЕЛЬСТВО. Ц. Ломброзо. Съ рисунками. 3-е изд. Ц. 1 р.

ВРЕДНЫЯ ПОЛЕВЫЯ НАСѢКОМЫЯ. Составилъ Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Г. Тисандье. Ц. 50 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа. Съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго. Съ 73 рис. Изд. 2-е. Ц. 60 к.

Для дѣтей и юношества.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей. 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна кажд. романа—40 к. Въ папкѣ 50 к. въ перепл. по 6 ром.—3 р. 25 к.

ВСЯКОМУ ГВОЗДЮ СВОЕ МѢСТО. А. Круглова. Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ВАЛЬТЕРЪ-СКОТТА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой. 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ. 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Пертская красавица, 12) Невериль Пикъ, 13) Пиратъ, 14) Монастырь, 15) Аббатъ, 16) Пресвитеріане, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Обрученные, 19) Ричардъ-Львиное Сердце, 20) Черный Карликъ. 21) Приключенія Нигеля. 22) Редгантлетъ, 23) Сенъ-Ронанскія воды, 24) Робертъ графъ Парижскій и 25) Опасный замокъ и Два пастуха Цѣна каждаго романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ вмѣстѣ Ц. 2 р. 80 к.

КЪ СВѢТУ. Дѣтскіе разсказы В. В. Огаркова. Съ 29 рис. Цѣна въ бумажкѣ 1 р., въ папкѣ—1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ. Бажиной. Сборникъ дѣтск. разсказовъ. Со многими рисун. Ц. 1 р. Въ папкѣ—1 р. 25 к. Въ переплетѣ—1 р. 60 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ 530 картинками. Переводъ Б. Порозовской. Цѣна каждаго тома 60 к., въ папкѣ 75 к., въ переплетѣ по 3 тома—2 р. 50 к.

ДВА ПРОКАЗНИКА. Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Буша. Перев. съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. 2-е изд. Ц. въ папкѣ 50 коп.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Брянчанинова. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ. Цѣна 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к. Въ переплетѣ 3 р.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. А. Лякидэ. Съ рисунками. Цѣна 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 к.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Конради. Со множеств. рисун. Ц. 2 р. Въ переплетѣ 2 р. 75 к.

ПОДРУЖКА. Книжка для маленькихъ дѣтей. Составила Бострома. Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ—1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. П. Засодимскаго. 2-е изд. Два тома съ 135 рис. Цѣна каждаго 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРІИ. А. Арсеньева. Съ рис. Въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

МАТЕРИ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ. Блока. Со многими рисунками. Ц. 60 к.

ДВАДЦАТЬ БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУССК. ПИСАТЕЛЕЙ. В. Острогорскаго. 4-е изд. Съ 20 портрет. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ перепл. 1 р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. Съ 45 рисунками. 3-е изд. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.

РОБИНЗОНЪ. Его жизнь и приключенія. Гейбнера. Перев. съ нѣмец. Съ 107 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к., въ переплетѣ 60 к.

ДОНЪ-КИХОТЪ. Сервантеса. Сокращ. перев. Съ 43 рис. Ц. 60 к., въ перепл.—90 коп.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 10 листовъ (на каждомъ по 20 рисунковъ). Цѣна 1 р. „Объясненіе“ къ нимъ 5 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Люкаса. Переводъ съ французскаго. В. Обреимова. Съ 55 фигурами и таблицами. Ц. 1 р.

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. Н. Азбелева Съ 16 рис. Цѣна 20 к.

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. Скитанья молодого бѣглеца. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. 2-е изд. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. А. Круглова. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл.—2 р.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисунк. и 39 кастетами. Цѣна 1 р.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. С. Ворисгофера. Съ 73 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ 2 р. 25 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. Путевыя приключенія двухъ юныхъ матросовъ. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Цѣна 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к. Въ переплетѣ 2 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. Ламе-Флери, Съ 52 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 40 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5, часть больше своего цѣлаго, и проч. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Цѣна 40 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисандье. Переводъ подъ редакціей Ф. Павленкова. Съ 55 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 25 к., въ перепл. 2 р.

НА ЗЕМЛѢ И ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ. Изъ воспоминаній всемірнаго путешественника. В. Галузѣева. Со многими рис., цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 руб.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Г. Тисандье. Пер. подъ редакціей Ф. Павленкова. 353 рисун. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ—2 р. 25 к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ—1 р. 50 к., въ переплетѣ—1 р. 75 к.

ДО ПОТОПА. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. Рони. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рисунками. Цѣна каждой книжки по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирнова. Сборникъ разсказовъ, съ 50 рис. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. А. Круглова. Съ 6 рис. Цѣна 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рисунками. Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ—1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.

НЕСЧАСТЛИВЦЫ. Повѣсть для дѣтей изъ жизни насѣкомыхъ. Э. Кандеза. Перев. съ франц. В. Писаревой, съ 65 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. Э. Кандеза. Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ пап.—2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.

Объявленія дозволены цензурою. С.-Петербургъ, 12 Апрѣля 1896 г.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕССЪ И РЕГРЕССЪ.